

ЭЖАА™

КУЛЛ И КЛИНКИ ЛЕМУРИИ

Северо-Запад®

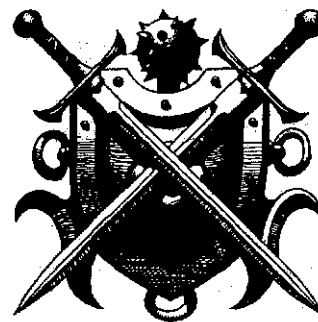
Острова ЗАКАТА

ТУРИЙСКАЯ
ЭРА

ЭКУМ

КУЛЛ
И
КЛИНКИ
ЛЕМУРИИ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 90

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

**В оформлении обложки использована работа Кен Келли.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К90 Кулл и клинки Лемурии.: Роман и рас-
сказы.— СПб.: Северо-Запад, 1999. — 480 с.

ISBN 5-7906-0094-8

Эта книга перенесет вас в удивительную Турийскую
эру, в то время, когда Кулл (предок знаменитого варва-
ра Конана) был пиратом и странствовал по морям древ-
него мира, грабил купеческие суда и пытался завоевать
любь самой прекрасной девушки в мире...

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1989
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1999

ISBN 5-7906-0094-8

Часть первая КРОВАВЫЙ ДУУР-ЖАД

Глава первая ПСЫ

Ногоня упорно наступала беглецам на пятки. Иногда пиратам улыбалась удача: ветер, сменив направление, становился попутным, и сердца людей наполнялись новой надеждой. Гребцы вытягивали из воды тяжелые весла и, падая от усталости, забывались блаженным сном, который дарил телам столь долгожданный отдых. Паруса раздувались, и корабль срывался с места, яростно рассекая упругую плоть океана. Кормчий уверенной рукой направлял судно к следующему порту, но и здесь их обычно ждало жестокое разочарование: судно отказывалось принять. Это, правда, было меньшим из зол.

Гораздо хуже приходилось, когда, завидев пиратский галеон, от пристани отчаливали тяжелые галеры береговой охраны и устремлялись к жертве. Отчаянные рубаки спешно рассаживались по скамьям и, проклиная капитана, море и валузийских (грондарских, фарсунских, верулийских) ублюдков, не дававших им покоя, налегали на весла.

Если бы не быстроходность судна и отчаянное желание команды жить, они давно уже попались бы в одну из приготовленных на всем побережье ловушек. Однако жажда свободы оказалась сильнее ненависти преследователей, и раз за разом беглецам удавалось ускользать буквально из-под носа охотников.

Лишь один раз пираты сумели оторваться от преследователей настолько, что паруса перестали маячить на горизонте за кормой. Они даже набрали воды и запаслись дичью, пристав к лесистому берегу в устье безымянной речушки. Если бы не эта остановка, они давно уже обессилели бы настолько, что им оставалось бы надеяться лишь на благоволение Морского Отца, который вдруг перестал посылать им попутный ветер.

Однако и остановка обошлась им дорого: потерявшая было след эскадра вновь повисла на хвосте у пиратов. Отдохнувшие головорезы рьяно взялись за весла, но, после того как в трех последних портах нарвались на излишне горячий прием, а из четвертого едва сумели вырваться, буквально проскочив между бортами двух огромных галеонов, капитан понял, что на этот раз им не позволят уйти.

Всю оставшуюся часть дня длилась сумасшедшая гонка. Стиснув зубы, гребцы сосредоточенно работали веслами, все дальше уходя вдоль поросшего лесом берега, давно оставив позади Западное море и миновав острова, где обитали дикие племена. Команда поняла не-

хитрую задумку главаря: не останавливаясь даже для того, чтобы пополнить припасы, как можно быстрее пройти самое опасное место — Сторожевой мыс, вырваться в Ласковое море, прокрасться вдоль западного побережья Верулии и уйти дальше, на юг, в Мутное море, где за пустыней Смерти, в Каа-у, у капитана оставалось немало друзей.

Однако едва ночь накрыла Ласковое море бархатным пологом и легкий бриз потянул с берега, капитан приказал выйти в открытое море. На что он надеялся? Этого никто не знал, но спрашивать не решался. Да и не все ли равно? Все понимали, что их ждет, попади они в руки валузийцев. Смерть от жажды или голода, равно как и вероятность пойти ко дну, наглотавшись морской воды, пугала их гораздо меньше.

Но от воды или топора палача — смерть все равно оставалась смертью, и когда первая радость по поводу затерявшейся таки где-то позади погони улеглась, а запасы воды и провизии начали подходить к концу, команда зароптала. Неизвестно, чем бы все кончилось, не прозвучи вовремя отчаянный возглас впересматривающего: «Земля!» — который заставил пиратов мгновенно позабыть о зарождавшейся ссоре.

Сами, без понуканий, люди бросились к веслам, а те, кому не нашлось места на гребной палубе, столпились на носу. Лихорадочно облизывая пересохшие губы, они судорожно сжима-

ли кулаки, в то время как взгляды жадно металась по крохотному, медленно увеличивавшемуся в размерах клочку суши, пока еще покрытому туманной дымкой, сквозь которую вскоре проступили горы с лесистыми склонами.

* * *

Много лет прошло с тех пор. Само имя Рилло давно стало легендой. Однако основанный им портовый город никому не отказывал в приюте, и уже то, что он существовал, подтверждало простую мысль: как бы глубоко в прошлое ни уходила корнями история о бравом корсаре, открывшем этот архипелаг, правдивость ее отрицать не приходится.

Полдюжины островов, и совсем маленьких, и таких огромных, как тот, на котором расположился Дуур-Жад, столица Кровавого Братства, всегда принадлежали пиратам, и каждый мог найти здесь стоянку по своему вкусу, либо встав на рейде в глубине архипелага, либо обосновавшись в одной из небольших бухт, которыми изобиловали острова. Большинство же предпочитало располагаться в обширной гавани Дуур-Жада, где спокойно размещались до полусотни валузийских галеонов.

По странной прихоти судьбы, оставаясь оплотом головорезов всего мира, Дуур-Жад славился самым безопасным городом Турии. Входя в него, всякий брал на себя обязательство забыть о вражде и ненависти, если, конечно, не искал крупных неприятностей. Нарушение неписаного закона

ставило человека вне сообщества морских разбойников, и тогда судьба его становилась незавидной. Пираты твердо соблюдали ими же установленные правила и преследовали нарушителей всегда и везде.

Если же кому-то удавалось избежать мести своих товарищей, то за него брались военные моряки прибрежных государств, что оказывалось ничуть не лучше. Именно поэтому никто не дерзал нарушать уклад жизни, установленный в Дуур-Жаде, и в тавернах города можно было видеть воистину удивительные сцены, когда те, кто был заклятыми врагами вне уютной гавани, спокойно попивали вино за мирно текущей беседой. Стоит ли удивляться, что сюда тянулись все, кто не мог найти пристанище на побережье.

Однако, какими бы крепкими ни казались законы, удерживавшие в узде крутой нрав многочисленных искателей приключений, размолвки неизбежно случались. Тогда враждующим сторонам оставалось только одно — искать удовлетворения в личном поединке, но не на улицах города, на которых категорически запрещалось любое кровопролитие, а в специально отведенном для этого месте.

Таким местом на Дуур-Жаде была Арена. Это ристалище находилось в жерле потухшего вулкана, на каменных склонах которого, в мягком камне высившихся вокруг скал, были вырублены сиденья амфитеатра, созданного самой природой, словно позаботившейся в своей безграничной прозорли-

ности даже о возможности сведения личных счетов. И все же такие поединки оставались редкостью, а когда они все-таки происходили, поглядеть на них стекались все горожане.

За пролетевшие со дня основания века город не слишком вырос, хотя и маленьким его назвать было тоже нельзя. Численность населения постоянно менялась, но его мощенные булыжником улочки никогда не пустели. Постоянно в Дуур-Жаде жили в основном рыбаки, содержатели бесчисленного количества таверн, многочисленные жрицы любви да рабочие порта — словом, те, кто обеспечивал сытую и беззаботную жизнь морским волкам, которые желали подлатать свою посудину, а заодно спустить часть добычи, не утруждая себя плаванием к материковым портам, где неизбежно возникали всевозможные трудности. А здесь, на Дуур-Жаде, постоянно ошивалась настоящая армия перекупщиков, которые не решались сами заниматься разбоем, но не прочь были погреть свои грязные лапы, присваивая часть добычи как плату за посреднические услуги. Перекупщиков не любили ни честные купцы, ни пираты, но первые ничего не могли поделать, а вторым просто некуда было деваться.

* * *

— Ты почему не на берегу? — Кулл вопросительно посмотрел на Зонгу, пятнадцатилетнего фарсунийца, взятого юнгой на «Богиню Морей» месяцев восемь назад.

— Не могу, — хмуро ответил тот, не вдаваясь в подробности.

— Что, переез на радостях, а теперь животом маешься? — участливо поинтересовался атлант.

Пираты взяли богатую добычу, но на обратном пути на хвост им сел Ридо. Запасы провизии уже подходили к концу, но из-за барона пришлось отказаться от остановки в валузийских портах, которую они намеревались сделать вначале, и иного места, кроме Дуур-Жада, где можно было укрыться и переждать опасность, атлант не знал. А потому к концу плавания ничего не оставалось, как потуже затянуть пояса и терпеть.

— Какой там!.. Сапоги пропали!

Парень исподлобья посмотрел на капитана, словно тот был виноват в случившемся.

— Слушай, Зонга, это ведь уже третья пара? — Кулл удивленно посмотрел на юнга, и тот хмуро кивнул. — Вроде по морю ходим, не посуху... Куда ты их деваешь?

— Утопли, собаки, — хмуро объяснил юнга. — Вечером были, утром проснулся — сапог нет, — кратко добавил он.

Парень набылчился и хмуро посмотрел на атланта. От отца-турийца Зонге достались темная кожа, смоляные волосы и статная фигура, от матери, уроженки Валузии, — правильные черты лица и крутой, но отходчивый нрав.

— Тебе нужно пореже разуваться, сынок. — Лионтина, или попросту Лию, наморщила хоро-

шенький носик и повернулась к Кулле:— Правда, милый?

Атлант сдержанно улыбнулся. Зонга ожег яростным взглядом прекрасную грондарку со странным для ее народа именем, но при Кулле огрызаться не посмел.

Девушка расхохоталась, но совсем не зло. Она была всего на три года старше Зонги, но именно поэтому время от времени позволяла себе покровительственный материнский тон. И всякий раз, если только капитана не было поблизости, юнга свирепел, но поделать ничего не мог: гибкая и ловкая, словно молодая львица, она ускользала, смеясь, оставляя парня пытеть от злости и огрызаться в ответ на насмешки товарищей.

Иногда же она вспоминала вдруг о том, что они почти ровесники, и начинала на глазах у всех, и Кулла в том числе, строить юноше глазки. Для него это превращалось в настоящую пытку, а для остальных — в неплохое развлечение. Одним словом, Зонга ненавидел Лионтину всей силой полудетской, наивной души.

— Ну возьми мои,— предложил атлант, и Лио залиvistо расхохоталась, глядя, как расплывается в улыбке лицо Зонги, но на этот раз юнга не обратил на нее внимания.

— Спасибо, хозяин!

Парень мгновенно исчез.

— Скоро, капитан, он оставит тебя босым,— ухмыльнулся Рико — грондарец, который нес в

тот день вахту.— У вас одинаковая нога, и мальчишка этим нагло пользуется.

— Пусть пользуется,— равнодушно отозвался пират, направляясь к сходням.— На берегу его ждет подружка. Не идти же парню на свидание босиком!

Они спустились на крытый дубовыми бревнами причал, заваленный товаром, для которого не нашлось места на складах, и пошли в город.

— А ведь он прав,— задумчиво заметила Лио, теребя рукоять висевшего на поясе кинжала.— Третья пара за два месяца.

— Ну так что ж? — пренебрежительно фыркнул Кулл.— Море оно и есть море.

— А сапоги-то пропадают в портах!

— Брось забивать голову ерундой! — Островитянин недовольно поморщился.— Не хватало мне еще ломать голову из-за паршивых сапог, пропади они пропадом! Завтра пойду и куплю десять пар.

— Когда ждать тебя, капитан? — крикнул им вслед вахтенный.

— Завтра к вечеру! — гаркнул Кулл уже с другого конца причала.

* * *

Почти пять лет прошло с тех пор, как погибла Лерия, возлюбленная Кулла, а боль в сердце все еще жила. Поначалу атлант пытался забыть ее или просто забыться, но головная боль проходила вместе с похмелем, а душа

по-прежнему кровоточила. Тогда он построил «Богиню Морей» — двухмачтовую могучую галеру, набрал команду и вышел в море, надеясь, что лихая, кровавая работа излечит его, но и это не помогло.

И тогда хитрец Шарга, его кривоногий кормчий, узнав, в чем дело, решил врачевать капитана по собственному рецепту. Таинственным образом к ним на борт стали проникать девицы. Сперва Кулл не обращал на это внимания — всякое бывает. Случалось, кто-то оказывался не в силах расстаться с подружкой, бывало, девицы и сами пробирались на пиратское судно, надеясь непонятно на что, однако все это было редкостью. Когда же гости зачастили, Кулл заинтересовался, что же все-таки происходит на его корабле, и тогда Шарга, не мудрствуя лукаво, заявил, что таким образом он лечит его, капитана, от сердечного недуга.

Собственно, атлант ожидал чего-то подобного, но после смерти Лерии он на женщин и смотреть не желал и прямо заявил об этом своему не в меру заботливому кормчему. Тот заметил в ответ, что клин клином вышибают и если он хоть пригубит лекарство, то есть приласкает одну из девушек, то, познав ее, быть может, и излечится!

Кулл, желая раз и навсегда отвязаться от назойливого лекаря, ответил старой мудростью: чтобы познать человека, нужно его полюбить. Но у Шарги и на это был готов ответ:

— А чтобы полюбить, нужно сначала познать!

Так или иначе, но Кулл углубился в процесс познания. Однако ни одна прелестница не задерживалась надолго в капитанской каюте. Длилось это до тех пор, пока на «Богине Морей» не появилась Лионтина — молодая грондарка, которую Шарга купил для атланта на невольничьем рынке в Каа-у, потратив на это все свои сбережения.

Осталось неизвестным, сыграла ли тут роль признательность Кулла, или ему просто надоела настойчивость Шарги, но Лио прижилась на судне. Таким образом капитан вновь обрел спокойствие, а на пиратской галере поселилась женщина — Лио, или львица, как иногда в шутку называл девушку кривоногий Шарга, или кош-ка, как больше нравилось Зонге.

И барон Ридо очутился тут как тут. На время он исчез из поля зрения пирата, и Кулл уже было порадовался, решив, что мстительный валузиец плюнул на свою клятву, но оказалось, что он поспешил с выводами. Потратив какое-то время на постройку собственного флота, барон возобновил охоту. Совершенно не связанный в средствах, обладающий огромными связями, Ридо, похоже, поставил целью своей жизни поймать или хотя бы уничтожить проклятого корсара. Он все-речь взялся за дело, снарядив эскадру из пяти кораблей, которая по всем морям гонялась за «Богиней Морей», но Кулл оставался неуловимым.

Со временем у барона вырос сын — точная копия своего дражайшего родителя, и хотя от-

прыск никогда прежде не видел врага своего папаши, однако, судя по всему, вместе с породистым носом унаследовал и ненависть к атланту. Так или иначе, но, едва вступив в пору юношества, молодой дворянчик отправился с отцом в море, желая лично поохотиться на легендарного Кулла.

* * *

Давно перевалило за полдень. Кулл в последний раз оглянулся на море. Небольшой одномачтовый кораблик только что показался из-за скал и направился к причалу. Кроме него и галеры Кулла, которая подошла накануне вечером, в бухте уже стояло с десятков кораблей. Дуур-Жад гудел от шумной гульбы вываливших на берег команд. Многочисленные таверны, где можно было хорошо выпить и подцепить красотку, ломились от наплыва желающих повеселиться, и в карманы кабатчиков полноводными ручейками потекло золото, купленное кровью.

По улицам, прожаренным горячими лучами, горланя разудалые песни, шатались в обнимку толпы весельчаков, которые, казалось, задались целью как можно скорее опустошить тяжелые кошельки. Девицы всех мастей и оттенков кожи, торговцы и кабатчики, объединившись в стайки хищников, с неправдоподобной ловкостью освождали пиратов от выручки за награбленное. Впрочем, поскольку интересы сторон совпадали, в этом не было ничего удивительного.

Однако, какими бы пьяными ни были встречавшиеся им на пути гуляки, все они узнавали Кулла и его спутницу, встречая их приветственными криками. Владельцы питейных заведений наперебой приглашали отведать накануне привезенного турийского (верулийского, валузийского, грондарского) красного (белого, розового), девицы в пестрых юбках шутовски заигрывали с атлантом, но при Лио всерьез приставать не решались, а лишь дарили могучему корсару призывные улыбки, скользя завистливыми взглядами по удачливой сопернице.

Наконец Кулл со спутницей подошли к большому двухэтажному каменному зданию, находившемуся почти на самой окраине Дуур-Жада, которая, впрочем, отличалась ухоженностью и чистотой улиц. Да и масляные лампы, подвешенные на специальных длинных крюках, которые крепились к стенам домов, встречались тут почти так же часто, как в самом центре пиратской столицы.

Атлант пнул ногой тяжелую дубовую дверь, и из-за нее грянул многоголосый приветственный хор. Большой зал оказался до отказа забит морскими разбойниками, торговцами, девицами легкого поведения и всевозможными жуликами, которые всегда вьются вокруг моряков, а особенно пиратов, памятуя о том, что с легко нажитым и расставаться не жаль.

Лионтина не любила людные места и недовольно поморщилась, но тут же просияла, когда Тито, толстый улыбчивый хозяин заведения,

подскочил к капитану, на ходу вытирая о передник сильные волосатые руки.

— Как дела, дорогой? Желаете столик? Сейчас велю освободить!

— Э, нет,— Кулл скривился,— душно у тебя здесь.

— Твоя правда,— тут же согласился толстяк.— Эй, Мачито! Быстро открой пару окон!

Шустрый мальчишка лет двенадцати бросился выполнять распоряжение отца, а кабатчик вновь повернулся к знатному посетителю:

— Быть может, все-таки останешься?

— Нет,— ответил он.— Ты лучше приготовь мне в корзине вина, фруктов, мяса — в общем, сам знаешь.

— Мачито! — не оборачиваясь, крикнул хозяин таверны.— Ты все слышал?!

Но парень уже скрылся с глаз. Атлант шагнул к длинному столу, за которым расположились его матросы. Шарга уже наливал вино из кувшина.

— Выпей с нами, капитан.

Кулл в несколько глотков осушил кубок.

— Смотрите, чтобы поутру головы не болели!

— Зачем обижаешь, дорогой? — тут же вмешался в разговор стоявший рядом Тито.— Ты же знаешь, после моей выпивки похмелья не бывает!

— Ладно, дружище,— Кулл подхватил корзину из рук парня,— не обижайся. Я ведь говорил не о твоём вине, а об их неумеренной жажде.

— Не беспокойся, капитан! — Шарга ухмыльнулся.— Парни свою норму знают.

В «Оке Бури» собралось почти полкоманды «Богини Морей»: таверна была излюбленным местом отдыха людей Кулла. Объяснялось все просто: вино здесь оказывалось непременно лучше, пиво свежее, еда приготовлена вкуснее. Кулл тоже предпочитал таверну Тито прочим, но изредка любил отдыхать в горах. Все-таки родился он в гористой Атлантиде, но, хотя и не испытывал тоски по дому, который даже помнил-то уже плохо, время от времени накатывалась на него необъяснимая грусть. И тогда он ловил себя на мысли, что соскучился не только по горам, но даже по снегу, брал с собой корзину с припасами и уходил из Дуур-Жада. Правда, где Кулл уединялся, не знал никто из команды.

Конечно, вершины окружавших пиратский город вулканов, давно потухших и стершихся, мало походили на горы, но это было хоть что-то.

Уже смеркалось, когда атлант с девушкой подошли к подножию естественного амфитеатра, где проводились поединки. В обычные дни сюда никто не приходил, но Кулл облюбовал одинокую скалу десяти локтей в высоту с плоской, словно срезанной, вершиной, стоявшую почти точно посередине. Рядом росло корявое дерево, позволявшее забраться наверх тому, кто совсем не умел этого делать. Правда, Куллу оно было ни к чему, зато Лио, хотя и была девушкой ловкой, вряд ли сумела бы подняться по отвесной, пусть и невысокой скале.

Здесь, на вершине, покрытой мягким изумрудным мхом, на роскошном ложе, устроенном самой природой, он иногда проводил ночи, когда останавливался на Дуур-Жаде.

Остальные члены его команды пребывали в это время кто где. Некоторые предпочитали более малочисленные компании, чем та, что собиралась в «Оке Бури», другие уединялись с подружками. Словом, каждый расслаблялся по-своему.

* * *

Едва спина атланта скрылась за ближайшим домом, слащавая улыбка сползла с грубого лица Кузоло, пару месяцев назад нанятого Куллом моряка. Он оглянулся на вход в гавань, где как раз находился пузатый одномачтовик под полосатым красно-белым парусом, и удовлетворенно хмыкнул: вовремя. Едва кораблик оказался в бухте, его парус обвис, и гребцам пришлось налечь на весла. Красный вымпел, непонятно что означавший, взвился над верхушкой мачты.

Кузоло поднял с палубы небольшой, аккуратно увязанный мешок и направился к сходням.

— Ты куда? — добродушно поинтересовался вахтенный Рико.

— Не твоё дело! — неожиданно зло огрызнулся новичок.

От неожиданности Рико слегка опешил и недоуменно посмотрел на него. Харт, корабельный плотник, невольно оставил работу и воззрился на них, пытаясь понять, чего это вдруг

они поцапались. Кузоло почувствовал, что привлёк к себе ненужное внимание, и закусил губу.

— Не злись, — примирительно произнес он и постарался улыбнуться, но вышло лишь нечто среднее между брезгливой гримасой и звериным оскалом. В глазах его не было и капли раскаяния. — Мне нужно встретиться с очень скверными людьми, но я должник одного из них.

Не сказав больше ни слова, он вскинул на плечо мешок, соскочил на пристань и быстро зашагал не оборачиваясь, словно боялся лишних вопросов и спешил уйти подальше. Он шел в сторону, обратную той, куда направились Кулл и Лио.

Рико невольно вздрогнул, когда бесшумно подошедший Харт положил ему руку на плечо.

— Не нравится мне наш новичок... Ох, не нравится... — сказал плотник, задумчиво глядя вслед Кузоло.

— Останься за меня. — Рико повернулся к нему. — Сдается мне, нехудо полюбопытствовать, что за скверные люди поджидают нашего доброго приятеля.

— Вахтенный не должен покидать корабль, — покачал головой Харт. — Увидев тебя, он сразу заподозрит неладное. Я пойду.

— Ладно. Только смотри, аккуратнее, — не стал спорить Рико. — Ты ведь все слышал, а глаза у него были... — Вахтенный брезгливо поморщился, снял пояс, на котором висели меч и кинжал, и протянул его Харту. — Возьми. Если он

тебя заметит, без крови вряд ли обойдется, а парень он здоровый.

Плотник пристегнул оружие, кивнул на прощание другу и бесшумно перебрался через борт. Он крался, прячась за горами нагроможденного товара, пока не увидел, что Кузоло подошел к краю пристани и остановился, внимательно наблюдая за приближавшимся парусником.

К удивлению Харта, суденышко не стало швартоваться к причалу, а бросило якорь в паре сотен локтей от пристани, и тотчас спустило на воду шлюпку. Едва она оказалась рядом с Кузоло, как тот, резко оглянувшись, так что добровольный согладатай едва успел спрятаться за порожними винными бочонками, прыгнул в шлюпку и лег на дно. Лодка отчалила и вскоре пристала к дальней стороне судна. Харту только и осталось, что почесать в затылке: ну и дела!

* * *

Ночная тьма пала на Дуур-Жад, однако жизнь в городе бурлила по-прежнему. Просто в темное время суток она плавно перетекала с улиц под крыши домов. Зонга припоздал в этот день, и, когда вошел в таверну, друзья оказались уже сильно навеселе. Быть может, именно поэтому его появление встретили бурными криками. Парню тут же налили штрафной кубок, но Шарга решительно пресек попытку спить юношу: Зонге предстояло свидание с подружкой. Выпить для храбрости — куда ни шло, но напиваться никак нельзя.

Себя Шарга тем не менее в хмельном не ограничивал, равно как и все прочие, и потому, наверное, никто из них не заметил двух незнакомцев, которые тихо беседовали за противоположным столом, равно как и не слышал, о чем они разговаривали. Впрочем, кто на Дуур-Жаде обращает внимание на незнакомцев? Восточный океан полон разбойниками — всех в лицо не упомнишь!

Но если бы кому-то из команды «Богини Морей» пришлось в голову понаблюдать за этими людьми, он смог бы увидеть и кое-что интересное. В частности то, что они явно интересовались веселившимися моряками, слишком уж часто поглядывая в их сторону. Однако еще более странным оказалось другое: едва Зонга уселся за стол, один из незнакомцев кивнул другому, оба неспешно встали, расплатились с хозяином и покинули заведение Тито.

Правда, Зонге, быть может, как наиболее трезвому невольно бросилось в глаза, что оба чужака почти не пьют, а разговаривают непривычно тихо, словно опасаются, как бы что-то из сказанного не услышали окружающие, и это настолько раживало... А главное — они все время пялились то на него, то на его друзей! Он уже собрался было подойти и спросить напрямик, чего им надобно, но в это мгновение Марло, темноволосая красавица, промышлявшая в заведении Тито, бесцеремонно уселась парню на колени, обняла его за шею, и он тут же позабыл обо всем.

— Что-то ты сегодня поздно, конек вороной,— промурлыкала она, ероша ему волосы,— а я ждала именно тебя.

— Отстань от парня, Марло,— вмешался Шарга.— Его подружка заждалась, да и тебе нужен кто-то поопытней.

— Уж не ты ли?

Она тотчас забыла о мальчишке и подсела к шкиперу Кулла. Зонга же, обрадовавшись, что его оставили в покое, не стал тратить понапрасну времени и поспешил на свежий воздух. Он-то думал, что вышел, полностью сохраняя достоинство, а на самом деле парень стрелой вылетел из таверны и, оказавшись за дверьми, замер, с наслаждением вдыхая ночной прохладный воздух.

Ему не в чем было упрекнуть себя. Он сохранил верность подружке и не потерял лица. По крайней мере он в этом не сомневался. Правда, смех, грянувший в таверне как только он очутился на улице, на миг поколебал его уверенность, но юнга тут же отогнал все сомнения: у них полно поводов погоготать и без него! Руки парня предательски тряслись, колени дрожали, наводя на мысль, что не все прошло так славно, как ему казалось, но Зонга предпочел не обращать внимания на такие мелочи.

Впрочем... Почему это, когда Зино касается его нежными ручками, он хоть и испытывает ни с чем не сравнимое блаженство, но разум не покидает его и тело не дрожит, как осиновый

лист на ветру? Она что, колдунья, эта Марло? Он задумался, но так ничего и не понял, а очнулся, лишь когда до его слуха донеслось неясное, но полное угрозы ворчание.

Парень мгновенно обернулся, безошибочно угадав направление, но ничего подозрительного не увидел. Если за домами и прятался кто-то, то густая ночная темнота полностью скрывала его. Настораживало лишь то, что рык донесся со стороны окраины. Оттуда, где почти не было строений, где за лугом и склоном, поросшим кустарником, высился почти стертый временем с лика земли вулкан с устроенным внутри амфитеатром.

Правда, дальше начинались дебри, в которые мало кто из местных рисковал заходить. Поговаривали, на вершинах гор остались разрушенные постройки неведомых народов, а незримые стражи до сих пор стерегли сокрытые в недрах гор сокровища от любого, кто осмелился бы посягнуть на них.

«Тьфу ты! Что за чушь! Зино небось уже заждалась»,— подумал он, отошел за угол, подальше от света, распустил пояс кожаных штанов, приспустил их и блаженно вздохнул...

* * *

— Отстань от него,— повторил Шарга.— До твоих ласк мальчишка созреет лет через десять.

— Через десять лет мне исполнится тридцать — он на меня и смотреть не захочет,— печально вздохнула Марло.

— Ба! — простодушно воскликнул шкипер. — через десять ему будет не нужна и Зино! — весело заявил он, словно эта простая мысль могла успокоить девушку.

— И ты еще хвастаешь, что сумел излечить Кулла от любовной тоски?! — с горькой иронией воскликнула она. — Ни за что не поверю! — Она окинула шкипера возмущенным взглядом. — Ты же не лекарь — ты коновал!

— Прах и пепел! Верно! — миролюбиво ухмыльнулся тот. — Но ведь и Кулл — не принц крови!

— Интересно, что это было?

Шарга пожал плечами, не зная, как объяснить, опрокинул в пасть кубок вина, и его осенило:

— Представь себе старого чревоугодника, который привык к турийскому розовому вековой выдержки, но вынужден отказаться от него. Представила?

— Ну ты же знаешь, — жеманно ответила красотка, — что я не пью турийского розового...

— Тысяча демонов! — оборвал ее шкипер, видя, что к их разговору начинают прислушиваться. Он слыл завзятым рассказчиком и не мог ударить в грязь лицом. — Не пьешь турийского, так представь что-нибудь другое!

— Пальмовое! — подсказал кто-то.

— Пусть будет пальмовое, — с готовностью кивнул Шарга и приготовился продолжить рассказ, но девица, причислявшая себя ко двору Кулла — некоронованного короля пиратов, вновь перебила его.

— Нет, пожалуй, пальмовое на жаре слишком сладко, — промурлыкала она на ухо все ближе придвигавшемуся к ней шкиперу.

— А-а! Якорь тебе в глотку! — теряя терпение, взревел тот, заставив окружающих затрястись от смеха, а жрицу любви негодуя отпрянуть.

— Мне?.. В глотку?.. Якорь?! — возмущенно повторила она. — Ну, знаешь!..

Она фыркнула и отвернулась. Шарга нахмурился, посмотрел на женщину, окинул взглядом ее соблазнительную фигурку и, вздохнув, тронул за плечо.

— Ну ладно, не сердись, — хмуро пробурчал он под насмешливыми взглядами, но она дернула плечиком, и шкипер горестно вздохнул.

— Да ладно тебе, шкип! Ты рассказывай, что было дальше, — заговорил молодой верулиец, сидевший напротив.

— А на чем я остановился? — рассеянно спросил тот.

— На розовом турийском, — с готовностью подсказал верулиец.

— Да не пью я розового турийского! — яростно выкрикнула Марло оборачиваясь.

— А-а-а! — взревел шкипер. — Якорь тебе в!..

— Куда?! Куда мне якорь?! — взвизгнула женщина. — Мне еще ночь работать, бандит!

Пираты загготали, рядом оглушительно заржала товарка Марло, а Шарга в досаде сплюнул на пол, но тут с улицы донесся леденящий

душу крик. Он невольно осекся, и смех дружков замер. Шкипер, ближе прочих сидевший к дверям, опрометью бросился наружу, на ходу выхватывая кинжал. Промедлив всего мгновение, его собутельники повалили следом.

Очутившись за дверями таверны, пьяная толпа осматривалась, не в силах сообразить, кто кричал и откуда донесся крик.

— Парень, ты что там делаешь?

Шарга стоял под крюком с масляной лампой и, задрав голову, смотрел на Зонгу, забравшегося на самый верх. Посеревшее лицо юнги исказилось от ужаса. В первый миг люди оцепенели.

— Никак девчонка отказала?! — Услышав эти слова, кто-то глупо хихикнул. — И ты решил повеситься?!

Пьяная компания загоготала с новой силой. Лишь Шарга не потерял рассудка:

— Что случилось, сынок?

— С-собаки, — выдавил из себя парень.

— Ну? — не понял шкипер. — Что собаки?

— Они напали на меня. — Зонга все еще сидел на крюке, обхватив его руками и ногами. — От-громные, — добавил он, заикаясь и клацая от страха зубами.

— Ну-ка, парень, — Шарга махнул рукой, — слезай да рассказывай.

— Да брось ты, шкип! — развязно бросил все тот же верулиец. — Откуда им здесь взяться, огромным-то? Просто выскочила из-за угла свора, вот он и перетрусил! — Он повернулся к сту-

чавшему зубами Зонге. — Говорил я тебе, не мочись против ветра!

Все снова грохнуло со смеху, не обращая внимания на качавшего головой Шаргу, когда ночную тишину разорвал истошный девичий крик.

— Где это?

Пьяные ухмылки еще не покинули лица, а испуганные глаза уже обшаривали окружающие дома и темные проулки между ними.

— Где-то рядом...

Крик повторился, заставив людей вздрогнуть, а следом раздалось и грозное рычание. Это мог быть только крупный и опасный зверь.

— А ну-ка, вперед!

Шарга бросился в узкую кривую улочку, и остальные помчались следом.

Поначалу истошные вопли подстегивали бегущих, но через пару ударов сердца крики стихли, и теперь слышалось только рычание. Предчувствие чего-то страшного и непоправимого закралось в душу каждого. Едва оказавшись на месте, они сразу поняли, что опоздали. Бездыханное тело посреди улицы и лужа крови вокруг — вот все, что им удалось увидеть. Погибшей была Зино — молоденькая девушка, подружка Зонги. Тяжело дыша, парень подошел к труп и вдруг бросился в сторону.

— За ним!

Толпа ринулась следом, но через сотню шагов, наткнувшись на тело парня, остановилась. На нем не было ран, но и признаков жизни он

не подавал. Шарга перевернул лежавшего на спину, и парень глухо застонал. Шкипер быстро ощупал тело:

— Похоже, ему башку проломили, но жить будет. Надо его отнести куда-нибудь. А-а! Акулий корм! До «Богини Морей» шагать и шагать!

— Несите его ко мне, — предложила Марло, и все вернулись к трупу девушки.

Раны Зино оказались ужасными. Собственно, все ее тело было сплошной раной. Давно не пугавшийся крови Шарга смотрел и старался не думать, что эти куски мяса совсем недавно были человеком. Больше того, миловидной девушкой, жизнерадостной и любимой.

Молчаливой толпой пираты обступили кровавое месиво. Мужчины хмурились, словно впервые вспомнив, что лик смерти ужасен и отвратителен. Женщины, только что безоглядно предававшиеся бессмысленному веселью, испуганно жались к своим случайным спутникам, ища у них защиты и спасения. Привыкшие без жалости убивать других вдруг сами почувствовали себя беззащитными жертвами. Хмель мгновенно выветрился из разгоряченных голов.

Шарга нагнулся и вынул из окровавленной руки кинжал, снял с пояса ножны. Видно было, что девушка пыталась защищаться, хоть спастись было невозможно. Прибежал Тито с парой слуг и куском холста, в который осторожно завернули останки.

— Пошли, — угрюмо пробасил кто-то, и толпа молча вернулась в таверну. Там все тут же

потребовали вина, не в силах иначе справиться с таким потрясением.

Некоторое время просто молча пили, и, лишь когда хмельное вновь начало действовать, а языки развязались, кто-то решился заговорить.

— Прах и пепел! — прохрипел говоривший. — Никогда бы не подумал, что эта бездомная шваль способна так озлобиться, чтобы разорвать человека!

— Да откуда они здесь вообще? — раздался второй голос.

— Откуда, откуда... — проворчал рыжебородый валузиец. — Все проклятые торгаши! Навезут собак и бросают здесь! И теперь их развелось столько, что вон! — Он указал на лежавшего на столе Зонгу, возле которого суежилась любвеобильная Марло. — Давно пора их всех в море сбросить, на корм акулам!

— Правильно! — поддержал друга рослый грондарец. — Нужно запретить выпускать собак на берег!

— Бросьте молоть чушь! — оборвал обоих Шарга, и все разом обернулись к нему. — Эти шавки способны только хвостами вилять да руки лизать, выпрашивая лишний кусок, а вы тут говорите, что они загрызли несчастную девчонку!

— Но если их собралось с полсотни... — неуверенно начал кто-то.

— Ты когда-нибудь видел в Дуур-Жаде стаю в полсотни собак?

— Я не видел, — запальчиво ответил рыжий, — а вот она, быть может, и повстречала!

— Ну ты!.. — восхищенно начал кто-то, но замолк, не найдя слов.

— Так ты хочешь сказать, что это они загнали Зонгу на стену? — ехидно поинтересовался шкипер.

— А что? — не унимался пират. — Быть может, если бы он этого не сделал, лежал бы сейчас, как она!

— А псы, значит, не уgomонились, — Шарга пренебрежительно хмыкнул, — и решили прикончить его со второй попытки.

— Ну... Крутились где-нибудь неподалеку, — неуверенно пробасил рыжий.

— Значит, — Марло неожиданно обернулась и зло посмотрела на говорившего, — по-твоему, дело было так. Псы решили зажрать Зонгу, но с ходу это не удалось, и они потеряли к парню интерес. Тогда они позабавились с его подружкой, а когда Зонга помчался следом, собаки треснули его камнем по затылку, чтобы не приставал. — Кто-то нервно хихикнул, рыжий детина облизнул пересохшие губы, чувствуя себя полным дураком, а Марло как ни в чем не бывало продолжила: — Если ты хочешь уверить меня в этом, то я скажу, что у тебя в голове верблюжье дерьмо вместо мозгов!

— Ах ты!

Под общий смех верзила двинулся к красотке, в руке его сверкнул кинжал. Марло смерила его презрительным взглядом.

— На Дуур-Жаде драки запрещены. Но если хочешь, можешь вызвать меня на поединок. Я уклоняться не стану!

— Остынь, Гуго! — Кормчий схватил приятеля за руку. — Она права! Напугали Зонгу, быть может, и псы, хотя сам он и говорил о чем-то необычайном, но его слова ничего не значат: у страха глаза велики, бывает, и не такое почудится. А вот голову ему пробили точно не собаки! Не веришь, посмотри на рану — споткнувшись, так не разобьешься.

— Да кто ж заимел зуб на парня? — уже спокойнее спросил рыжий. — Кому мог перейти дорогу юнга? Тем более юнга Кулла? Это ж все равно что заиметь зуб на самого капитана, а на Дуур-Жаде нет самоубийц!

— Ну, наконец-то до тебя дошло! — хмыкнул Шарга.

— Что дошло-то? — не понял тот.

— Да то, — терпеливо объяснил шкипер, — что дело в Кулле. Парень никому не нужен.

— Тогда за что же его?

— За что? Да за сапоги! — веско произнес Шарга, и все сразу поняли, что так оно и есть. — У парня появилась дурная привычка терять в порту сапоги. В последний раз это произошло прошлой ночью. Уже здесь, на Дуур-Жаде! — Он обвел присутствующих тяжелым взглядом, и каждый безоговорочно верил в правоту его доводов, хотя никто и не понимал, к чему он ведет. — А всего за два месяца уже трижды, и всякий раз наш капитан отдавал ему свои, потому что нога у них одинаковая!

— Вот дерьмо! — прошипел рыжий. — Ну а девчонка-то здесь при чем?

— Девчонка? — Шарга бросил на стол кинжал. — Узнаешь?

— Метательный нож Кулла, — побелевшими губами прошептал Гуго. — Но как он...

— Ну, это-то как раз просто, — усмехнулся дууржадец. — Капитан подарил его парню, а тот — своей девчонке.

— Ничего не понимаю. — Валузиец тряхнул головой, и длинные рыжие патлы взметнулись огненным вихрем. — Нож Кулла, сапоги парня — какая между ними связь?

— Сапоги Зонги никому не нужны. Их крадут по ошибке! Кому-то нужен запах нашего капитана или просто одна из его вещей, чтобы по ней найти хозяина! Смотрите сами! — Все обернулись к столу, на котором, по-прежнему не приходя в сознание, лежал юнга. Он был бос на одну ногу. — Теперь видите?

— Так что ж ты сразу-то не сказал?

— Подумать надо было, я ведь тоже не сразу разобрался, что к чему. К тому же, — кормчий бросил насмешливый взгляд на копошившуюся возле Зонги Марло, — мне не хотелось, чтобы какая-нибудь красotka прошлась по поводу и моих мозгов.

Девушка возмущенно фыркнула, пираты загоготали. Гуго попытался что-то сказать, но его опередил Барус, средних лет грондарец, капитан «Синей Акулы», которая стояла в доке на ремонте, старый друг Кулла.

— А дело-то нешуточное, — негромко заметил он, ставя кубок на стол, и все замолчали. — Нос

у меня не собачий, но я говорю, что вся эта история дурно пахнет. Нужно искать Кулла!

— Мы прочедем остров! — поддержал его Гуго.

— Насчет острова ты погорячился, друг. Для этого в Дуур-Жаде людей не хватит, — остудил его пыл Барус. Человек сорок — все, кто находился в таверне, повскакивали с мест. — Нужно поднимать людей, — жестко, словно отдавая приказ, высказался рассудительный грондарец. — Ходить не меньше чем по пять, с факелами. И вооружиться. Сдается мне, что те два монстра Зонге не пригрезились.

В считанные мгновения город превратился в растревоженный улей. Группы людей проносились по улочкам, обрыскивая все подряд. Вскоре не осталось дома, в который не заглянули хотя бы пяток раз, но все оказалось тщетно — атлант словно сквозь землю провалился. В первую очередь, конечно же, двинулись к «Богине Морей», но Рико ответил, что капитан отправился на прогулку с Лио и вернется завтра к вечеру. Это все и так знали, но когда иссякла последняя надежда отыскать Кулла в Дуур-Жаде, Шарга понял, что капитан с Лионтиной решили провести ночь за городом, где — он не мог даже предположить.

* * *

— Ну же! Бо! Мо! Ищите, собачки, ищите!

Два чудовищных мастафа, глухо порывая от едва сдерживаемого нетерпения, метались взад

и вперед, все дальше уводя людей от города, но и здесь ничего не находили.

— Проклятая девка! — зло выругался один из хозяев собак. — Она все здесь забрызгала кровью! Псам не взять следа!

— Ничего, ничего! — приободрил его второй, отстегивая от пояса объемистую флягу и обмывая псам морды. Те недовольно отфыркивались, отряхивая воду с отвислых брылей. — Сейчас они освоятся.

Собаки вновь ткнулись носами в землю, но опьяняющий запах свежей крови оказался настолько сильным, что звери чуяли только его. Один из псов беспомощно взглянул на хозяина, и в этот миг за домами, но совсем недалеко послышались крики бегущей толпы.

— Похоже, эти олухи очухались, — заметил верзила, повернувшись к рябому приятелю. — Пора сматываться.

— С чего это? — возразил тот.

— Проклятье — глухо воскликнул его напарник. — Да если нас застукают с твоими тварями, я за наши шкуры гнutoго медяка не дам!

— А мы скажем, что тоже ищем убийцу, как и они, — предложил рябой.

— Молодец! — криво усмехнулся его приятель. — Я уж думал, ты совсем дурак, а оказалось, что голова у тебя работает. Быть может, это даже спасет нас на какое-то время.

— На какое-то время?

— Да, придурок! — взревел громила, и теперь в голосе его звучала только злость. — Очень

скоро они сообразят, что никто прежде не видел здесь твоей рожи! Потом поймут, что если на девчонку и впрямь напали псы, то уж не те шавки, что с лаем бросаются под ноги каждому встречному, а кто-то покрупнее! Те два монстра, что напугали сопляка в кулловых сапогах! Затем они догадаются, что монстров должен был кто-то привести, и эти кто-то — мы с тобой! И тогда уже нам ничто не поможет!

— Ну, это еще надо доказать...

— Будь проклят тот день, когда я с тобой связался! — яростно зашипел громила, досадуя на непроходимую тупость напарника. — Ты что, забыл, где находишься?! Для начала нас вздернут на рее, а уж потом, быть может, кто-нибудь заметит, как смиренно мы висим, и засомневается в нашей вине... Только нам будет все равно! Слышишь, ты, акулий корм?!

— М-да...

— И даже если мы сумеем выкрутиться и уйдем из Дуур-Жада... Ты подумал о том, что мы скажем барону?

Возражать на это было нечего, и оба, свистнув собакам, скрылись в темноте.

* * *

Небольшой городок прочесали вдоль и поперек, причем не единожды, но ни Кулла, ни Лионтину не нашли. Наконец все вымотались до предела и, хотя жители города, взволнованные случившимся, не спали, поиски реши-

ли на время прекратить. Самые стойкие — а ими оказались команда «Богини Морей» почти в полном составе, Гуго, Барус и еще с десяток близких друзей Кулла — вновь собрались в «Оке Бури».

Теперь все были вооружены до зубов, голодны и возбуждены до крайности: Папаша Тито с сынишкой с ног сбились, разнося выпивку и закуску. Зал едва вместил всех пришедших, и люди словно вымещали дурное настроение, жадно набросившись на вино и еду. В таверне повисла тишина, которую нарушали только треск разгрызаемых костей и стук кружек о столы.

— Что будем делать? — не выдержал наконец Шарга.

— А что тут сделаешь? — Барус устало вздохнул. — В городе Кулла нет. Весь остров прочесть мы не в силах.

— И что? Так и сидеть сложа руки?! — Глаза Шарги яростно сверкнули.

— Конечно, нет, но, пока не рассветет, о поисках и думать нечего.

* * *

Кулл и Лио лежали на плоской вершине скалы и смотрели в небо. Ни шум взбудораженного города, ни необычно яркий свет факелов не проникали сюда.

Девушка, положив голову на плечо атланта и зачарованно слушая его, с восторгом разглядывала черный бархат небосвода. Никогда прежде

она даже представить себе не могла, сколько всего можно увидеть на небе. Если, конечно, знать, на что смотреть.

Если бы ее прежде попросили найти созвездие Дракона или, скажем, Единорога, она ни за что на свете не сумела бы сделать этого. Даже теперь, без труда отыскивая ставшие знакомыми фигуры, она не переставала дивиться безудержной фантазии безвестного, большое воображение которого дало имена случайным россыпям звезд, отыскав сходство их очертаний с обликами сказочных зверей.

— Скоро встанет солнце, — мечтательно заметила она, — а рассвет надо встречать на море.

— Ничего, еще успеем, — ответил он.

* * *

— Кажется, эти шакалы уgomонились! — Более сообразительный верзила обернулся к своему притихшему товарищу и кивнул на раскинувшиеся в паре сотен локтей окраинные кварталы Дуур-Жада, где действительно стихли крики и погасли беспорядочно метавшиеся факелы. — Теперь можно продолжать поиски. Как думаешь, твои псы возьмут след? — Он обернулся к напарнику. — Все-таки времени прошло немало!

— Если бы ты принес обувку атланта, а не этого сопляка, точно взяли бы, а так не знаю.

— На, держи! — усмехнулся второй, бросая сапог псарю. — Зачем, думаешь, я бил парня по затылку? Вчера Кулл отдал мальчишке свою обувь.

— Дело! — усмехнулся егерь, и его покрытое крупными оспинами лицо просветлело. — Нюхай, Бо! Нюхай, Мо! Нюхайте, собачки, и запоминайте запах! — Псы ткнулись тупыми мордами в сапог. — Ну! Вперед, мои дорогие!

Они вернулись к тому месту, где впервые встретили Зонгу, и псы закружились на месте, отыскивая нужный след. Они жадно втягивали пыль, фыркали и чихали, потихоньку разбираясь в хитросплетении невидимых глазу дорожек, и наконец рванулись в сторону от города, яростно рыча. Натасканные на человека, почуяв добычу, они рвались вперед, и псарь еле-еле сдерживал их.

— Ну наконец-то... — облегченно вздохнул верзила, поспешая за сообщником, которого едва ли не волочили за собой два здоровенных мастафа. Он прибавил шагу и вскоре догнал рябого.

— Куда они нас тащат? — поинтересовался тот.

— Не иначе как к Арене! — на бегу ответил верзила.

— Что еще за Арена?

— Увидишь!

— Далеко еще?!

— Уже пришли... Стой! — внезапно насторожился верзила, и в тот же миг псы глухо заворчали.

— Что такое? — Псарь вертел головой, пытаясь понять, что заставило его напарника насторожиться.

— Тихо, кретин!

— Ну, ты!..

— Молчать! — огрызнулся тот. — Вели псам заткнуться! — зашипел он, но те и сами, словно поняв, что от них требуется, ворчали все глуше. — Слышишь? — прошептал верзила, наклонившись к самому уху рябого. — Девчонка смеется! Это они! Вот только откуда идут, с Арены или... Ну-ка, пускай Бо по следу.

— Но почему только его?

— Да потому, что нам нельзя упускать атланта, болван! Мо останется с нами!

Сорвавшись с поводка, огромный пес почти бесшумно помчался по свежему следу, быстро исчезая из виду. Мо нервно переминался с лапы на лапу: ему тоже не терпелось ринуться следом за собратом, но, повинаясь команде хозяина, он лег и замер, терпеливо выжидая, когда настанет его черед.

Голоса все приближались, и не слышалось в них и тени тревоги или хотя бы озабоченности, лишь сдержанная радость мужчины да беззаботное веселье Лио. Они подошли уже совсем близко, когда верзила скомандовал:

— Пускай Мо и приготовь арбалет, но запомни: стрелять только по моему знаку!

Словно выпущенная из лука стрела, пес скрылся в темноте. Верзила, не обращая больше внимания на рябого, взвел рычаг и положил короткий тяжелый болт. Овернувшись, он увидел, что, в отличие от головы, руки его напарника работали ладно и он тоже приготовился стрелять.

— Идем! — кивнул громил, и сообщники осторожно двинулись вслед за собакой.

* * *

Кулл и Лио стояли на верхнем ряду амфитеатра, выше которого вздымалась только неровная, поросшая травой кромка кратера. Отсюда Арена казалась небольшим, почти правильной формы круглым блюдцем.

— Кулл,— взгляд девушки внезапно посерьезнел,— а ты видел хоть один настоящий смертельный бой?

— Конечно.

— Должно быть, это страшно — убивать другого человека на потеху толпе.

— Не говори глупостей,— отрезал атлант.— Здесь никто не дерется ради забавы.

Лио закусил губу, досадуя на себя: она ведь знала, что на Дуур-Жаде не проводятся гладиаторские бои.

— Но все-таки люди приходят сюда, чтобы убивать друг друга?

— Конечно! — Кулл равнодушно пожал плечами.— Кстати, посмотри отсюда на Арену: заросли кустарника, редкие деревца да одинокая скала посреди. Двое равных без труда найдут место, чтобы открыто выяснить отношения, а слабому есть где спрятаться и нанести удар из засады, что совсем не возбраняется.

— Но и сильный может затаиться!

— Ты так ничего и не поняла! — Пират покачал головой.— Сильному порой не достаёт ума и изворотливости, а умному — силы. На Арене их возможности становятся равными.

— А если и ума не слишком много? — ехидно поинтересовалась Лио.

— Такие на Дуур-Жаде долго не живут,— равнодушно ответил атлант.

Девушка задумалась:

— Но ведь кто-то из зрителей может подсказать одному из противников, где находится второй.

— Это запрещено.

— Но ведь всякое может случиться! — не унималась Лионтина.

Кулл удивленно посмотрел на подругу, но все же ответил:

— Умышленная подсказка карается смертью, а неумышленная делает человека рабом противника того, кому он подсказывал. Если, конечно, тот останется жив.

— А если нет?

— Тогда смерть.

— А кто решает, случайно он подсказал или нет?

— Совет капитанов стоящих в порту Дуур-Жада кораблей.

— А ты участвовал когда-нибудь в таком суде? — снова спросила Лио.

— Да,— нехотя ответил атлант.

— И чем кончилось дело?

— Девуцу признали виновной, и она пробыла месяц наложницей того, кого люто ненавидела, потом отцу разрешили выкупить ее... Ладно,— проворчал Кулл, не желая больше говорить об этом,— идем, а то провороним восход.

* * *

Бо вихрем проскочил узкое, но короткое ущелье, служившее одним из входов на Арену, и помчался дальше. Несколько мгновений он покрутился у полузасохшего дерева, пока снова не взял след, правда, уже на другой стороне скалы. Тут пес заметался, петляя, и в один миг взлетел на самый верх, но пробыл там недолго, а, спустившись, бросился к дальнему выходу, уже нигде не останавливаясь.

С дальней от Дуур-Жада стороны проход оказался еще короче, а стены ущелья — более пологими, поросшими травой. Запах становился все сильнее, и пес глухо рычал от нетерпения. Он уже слышал голоса и прибавил ходу, почувствовав, что где-то там впереди сорвался с места и устремился вперед Мо.

Двое людей спрятались на поросших кустами склонах и затаились, наблюдая за происходящим.

* * *

Лионтина весело тараторила, когда Кулл ни с того ни с сего зажал ей рот ладонью, прижал к себе и прислушался.

— Что? Что такое? — забеспокоилась она освобождаясь.

— Т-ш-ш! — едва слышно ответил он. — Кто-то бежит за нами, а у меня с собой только кинжал.

— Да чего нам опасаться? — удивилась девушка.

— Говорят, в этих горах есть особые обитатели, каких люди еще не видели, а те, кто видел, не возвращались.

Кулл говорил очень тихо, при этом быстро, но внимательно осматриваясь по сторонам.

— Что нам делать? — спросила девушка, которой невольно передалась тревога атланта.

— Притворись камнем, — яростно отмахнулся тот. — Кто бы там ни прятался, лучше будет, если первыми увидим его мы, а уже потом он нас.

Они прильнули к каменной стене, почти слившись с ней. Туча наплыла на луну, погасив ее серебряный свет, и тьма окончательно скрыла людей. Правда, и им теперь ничего не было видно. Кулл почувствовал серьезную угрозу и напрягся, словно дикий зверь, который приготавлился к прыжку.

Внезапно выглянувшая луна залила землю призрачным светом, ослепительным после почти полной темноты, и в этом свете они увидели...

Онемев от ужаса, девушка прижалась к Куллу, не в силах оторвать взгляда от приближавшегося к ним исполинского пса. Зверь остановился в десятке шагов и, опустив голову, глухо зарычал.

Атлант поднял с земли увесистый валун, швырнул его в голову собаки, выхватил кинжал и пошел вперед, когда Лио у него за спиной глухо охнула. Кулл замер на миг и боковым зрением увидел второе чудовище, которое подкрадывалось

с другой стороны. Камень точно попал в цель, но отскочил от головы животного, как от ствола сухого дерева, не причинив псу видимого вреда. Зверь мотнул башкой и пошел на человека, глухо рыча от ярости.

Лионтина зажмурилась, подумав, что это конец, но тут же встрепенулась и выхватила узкий стилет: если возлюбленному суждено умереть, они умрут вместе! Быть может, тогда и в Стране Теней их души окажутся рядом!

Девушка открыла глаза как раз в то мгновение, когда первый мастаф бросился на Кулла. Впрочем, быть может, все произошло наоборот, и Кулл сам бросился на мастафа? Этого она не знала. Она увидела в прыжке гигантского пса, который нацелился на грудь атланта. Но зверь промахнулся.

Кулл низко присел, двумя руками вогнал клинок в мягкое брюхо зверя, и рычание сменилось пронзительным жалобным визгом. Но праздновать победу было рано: второй пес уже находился рядом и теперь бросился на Кулла. Как ни хотела Лионтина помочь ему, ей пришлось позаботиться о себе. Раненая тварь, будучи не в силах бежать, медленно приближалась к девушке, оставляя за собой широкую кровавую полосу.

Не зная, как долго еще монстр может продержаться, Лио начала отступать к скалам, держа клинок в вытянутой вперед руке, не упуская из виду и атланта, который остался один на один со вторым, полным сил зверем. На-

конец спина ее коснулась скалы, и девушка замерла, приготовившись к битве, быть может, последней в ее жизни. Пес, не уступавший размерами пантере, приближался. Она уже видела слюну, стекавшую с брылей и капающую на землю, когда второй мастаф прыгнул на Кулла.

В тот же миг, словно боясь отстать от собрата, Бо рванулся к девушке, но лапы его предательски подогнулись, и он тяжело рухнул на землю, с ненавистью глядя на недосыгаемую жертву. Лио бросилась мимо него на помощь возлюбленному, который в невероятном прыжке умудрился оседлать кошмарного зверя.

Обхватив мускулистое тело ногами, он подсунул правую руку под шею животного и теперь пытался задушить отчаянно вырывавшегося зверя. Со стороны Дуур-Жада бежали люди с факелами в руках, но они были еще далеко. Видимо, почувствовав, что конец его близок, мастаф, изогнувшись, почти освободился, когда Лио с диким воплем вонзила ему в глаз стилет. Тварь отчаянно заскулила, и в тот же миг Кулл, напрягшись, рванул огромную башку в сторону. Раздался громкий хруст, и мастаф обмяк.

— Этот ублюдок убил их! — сдавленно воскликнул рябой, вскидывая к плечу арбалет.

— Ты что, идиот! — зашипел на него верзила. — Хочешь, чтобы вслед за ними прикончили и нас?!

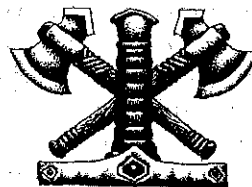
Тяжелый кулак опустился на голову псаря, позвонки тощей шеи не выдержали, и рябой мешком повалился на землю.

— Слизняк,— с отвращением пробормотал убийца и замер, пережидая толпу.— Впрочем, быть может, оно и к лучшему,— пробормотал он, покосившись на труп.— Наверняка поутру начнут искать хозяина собак.

Бесплотной тенью он скользнул прочь, обернувшись на мгновение и зло скрипнув зубыми, когда услышал, с какой радостью встречала восторженная толпа новую победу Кулла.

Глава вторая ПОЕДИНОК

Дерзила скорчился, укрывшись за скалами, и с ненавистью смотрел, как Кулла и Лио понесли на руках в город. Он старательно вжимался в камни и радовался про себя тому, что сохранились еще на свете такие чувства, как дружба и любовь, делавшие людей слепыми идиотами. Сам он первым делом велел бы прочесать округу... Впрочем, грех жаловаться. Благодаря их глупости он остался жив, а значит, да здравствует любовь!

Когда шумная толпа отдалилась на приличное расстояние, он позволил себе расслабиться и вздохнул с облегчением. Осторожно осмотрелся вокруг — никого. Тогда он взглянул последний раз на труп рябого псаря и пошел к городу, но не за маячившей впереди толпой, а круглым путем, более длинным, но зато безопасным.

* * *

И вновь «Око Бури», в третий уже раз за одну ночь, гостеприимно распахнуло двери пе-

ред горланящей бандой пиратов. Вновь папаша Тито засуетился, стараясь угодить всем и каждому, а юркий Мачито зашнырял взад-вперед, разнося заказы.

— Это просто чудо, Кулл! — высказал общее мнение Барус. — В жизни не слышал, чтобы один человек сумел справиться с парой мастафов, да еще таких огромных!

— Повидал я в свое время этих собачек, — заметил Шарга, — но таких вижу впервые. Это же не псы — тигры какие-то!

— Нас ведь тоже было двое! — усмехнулся атлант, обнимая девушку.

— Брось, милый, — проворковала Лио, теснее прижимаясь к возлюбленному, — все решил твой первый удар. Я же от страха и шевельнуться не могла, только видела перед собой разинутую пасть и ждала, когда эта дрянь бросится на меня. — Она вспомнила пережитое и невольно вздрогнула. — Шарга верно сказал, это были не просто собаки. Если бы у зверюги от потери крови не подломились лапы и он прыгнул на меня...

— Но откуда вообще они взялись на Дуур-Жаде? — спросил сам себя рассудительный Барус, однако все посмотрели на него, потому что он, даже не подозревая, сказал нечто очень важное.

— Это-то как раз просто, — ответил Кулл и невесело усмехнулся: — Недругов у всех нас достаточно, сами знаете... — Он обвел друзей взглядом. — Правда, таких, кто будет мстить втихаря, почти нет, но тут мне, можно сказать, повезло.

— Ты думаешь, это Ридо? — спросил Шарга.

— Кто ж еще? — Атланту это, как видно, было ясно. — У него хватило злости и денег снарядить пять галер для охоты на «Богиню Морей»! Что ему стоит натаскать двух псов? Впрочем, — атлант помрачнел, — не это главное.

— А что же?

— Как ни странно, до сих пор Дуур-Жад оставался самым безопасным местом в мире. Вы ведь знаете, сходя на берег, мы даже оружие не берем, как бы показывая этим, что не имеем дурных намерений. А теперь что получается?

— Брось, Кулл, тебе это не идет, — усмехнулся Шарга. — Я не помню, чтобы ты кого-то боялся.

— Да разве ж речь идет о страхе? — искренне удивился атлант. — Дуур-Жад должен оставаться Дуур-Жадам — местом, где любой может отдохнуть, отсидеться, поставить посудину в док, наконец! А если по улицам придется ходить со взведенным арбалетом, то кому нужно такое убежище?

— Кому это не нравится наш славный город?

Никто не заметил, как дверь бесшумно отворилась и в «Оке Бури» появился новый посетитель. Харм Хусс собственной персоной стоял на пороге и с усмешкой смотрел на спорщиков. Плотный сбитый, широкий в плечах, сильно сутулый, он производил впечатление необыкновенно сильного человека.

— Ты, как всегда, вовремя, старый пират. Присаживайся. — Кулл жестом пригласил камелийца к столу.

— Какой я теперь пират? — спросил он, кряхтя усаживаясь в кресло. — Старый моряк на покое.

Пираты заулыбались. Всем было известно, что после смерти Сурхана камелиец занял его пост и теперь заправляет всей жизнью на Дуур-Жаде.

— Тебе еще плавать да плавать,— заметил Кулл.— Не понимаю, отчего ты решил осесть?

— Отчего? После нашего с тобой братания — прости, что дергаю за больную струну,— у меня резко пропал вкус к бурной жизни пирата. Потянуло на покой. Впрочем, кто-то должен ведь присматривать и за Дуур-Жадам. Кстати, мне показалось или ты действительно поносил наш гостеприимный город?

Лио удивленно посмотрела на Кулла. Она, конечно, слышала невероятные рассказы о былом соперничестве атланта и камелийца, которое закончилось тем, что Харм Хусс ушел на покой, но никто не говорил о братании ее возлюбленного с некоронованным королем Дуур-Жада — столицы Кровавого Братства!

— Ну было дело,— отозвался Кулл, наливая в кубок Харма вина,— это, пожалуй, чересчур, но появились некоторые сложности.

— Я весь внимание,— посерьезнев, сказал камелиец и, отхлебнув вина, удовлетворенно кивнул.

— Собственно, неприятность одна — барон Ридо.

— Расскажи мне о нем, сынок,— мягко попросил Харм, снова прикладываясь к кубку.

— Давняя это история... — Кулл поморщился, начиная рассказ.— Лерия была его рабыней. Он купил ее на одном из невольничьих рынков Грон-

дара и вез домой. Она должна была стать украшением его гарема. Я тогда разбойничал со своими людьми на севере Турии на границе пустыни Обжигающих Песков. Горы давали мне и моим людям надежное убежище. Мы совершали молниеносные набеги на караванную тропу и возвращались в горы. Так вот, я отнял у него товар, а главное, забрал женщину. Он ползал передо мной на коленях, вымаливая жизнь. Он был настолько омерзителен, что я не стал убивать его, а отпустил поганца и еще троих его людей, и, как оказалось напрасно. Вернувшись в Валузию, он прилюдно поклялся отомстить мне. Долгие годы он охотился за мной, пытаясь выполнить клятву, но все, что ему удалось,— это убить Лерию.

— Мягкое у тебя сердце, сынок,— с усмешкой заметил Харм,— а излишняя доброта в нашем деле — непозволительная роскошь.

Пираты, сидевшие за соседними столами, встретили его шутку одобрительным гоготом, но почти сразу посерьезнели, не смея надолго прерывать его даже смехом. Чувствовалась в старом камелийце какая-то скрытая сила, от которой находившиеся рядом люди становились сильнее, отважнее и в чем-то даже благороднее, как это ни странно. Впрочем, и Кулл ни в чем не уступал ему, да и другие капитаны. В той или иной степени каждый обладал задатками главаря и мог сплотить вокруг себя людей. Однако находились люди, у которых этот дар оказывался особенным. Таким человеком был Харм Хусс, и боялись, хоть и искренне уважали, только его...

— Не люблю я бессмысленного кровопролития,— пожал плечами Кулл.— Убить врага в бою — это одно, а добить поверженного противника — совсем иное, и мне это не по нраву.

— Во всяком деле есть исключения,— настаивательно изрек камелиец,— и сдается мне, что эту пададь все-таки стоило прирезать.

— Наверное, ты прав,— согласился Кулл,— но сделанного не воротишь. Барон Ридо оказался мстительным мерзавцем, но до сих пор он старался настигнуть меня только на своей территории да на море, а теперь перебрался на Дуур-Жад. Нынешней ночью два пса подстерегли нас с Лео.

— Ну и что?

— Так ведь мастафов на Дуур-Жаде отродясь не бывало,— пояснил атлант.— Только мелкие шавки.

— Я так понимаю, что теперь их снова нет? — усмехнулся камелиец.— Значит, все вернулось на свои места?

— Не совсем так,— вмешался в разговор Барус.— Кулл этого еще не знает. Охотясь за ним, собаки загрызли Зино, подружку Зонги, а его самого кто-то треснул камнем по затылку.

— Девушка осталась жива?

— От нее вообще мало чего осталось,— хмуро ответил капитан.

— Что ж вы мне не сказали про юнгу? — Атлант вскочил.— Где он?

— Наверху, у Марло,— ответил Барус.— Не торопись. Парень до сих пор без памяти. Ему здорово досталось.

В это мгновение в таверну ввалилась орава пиратов. Шесть человек что-то с трудом тащили на трех наскоро сооруженных носилках. Они молча прошли на середину зала, положили свою ношу на пол и откинули пологи полотнищ. Кто-то присвистнул, кто-то ругнулся сквозь зубы, кто-то смотрел молча.

— Якорь мне в глотку,— прошептал Шарга,— там они выглядели малость поменьше.

Два огромных мертвых пса заняли все свободное пространство, а человек, лежавший между ними, казался просто жалким заморышем по сравнению с исполинскими собаками.

— Кто это? — спросил камелиец.

— Те самые мастафы,— ответил один из добровольных носильщиков.

— Меня не интересуют собаки.— Харм оставался спокойным, словно таких псов он видел по десятку на дню.— Я спрашиваю, кто этот человек?

— Не знаем,— ответил Гуго.— Мы нашли его в скалах, неподалеку от трупов собак.

— Неужели нельзя было взять его живьем? — Кулл укоризненно посмотрел на валузийца.

Барус досадливо крикнул.

— Да чтоб мне акула зад отгрызла! Клянусь, мы пальцем его не тронули, капитан! — принялся оправдываться здоровяк-валузец.— Кто-то успел раньше свернуть парню шею. Когда мы его нашли, он был еще теплым.

— Значит, он был не один,— уверенно подвел итог камелиец,— и напарник у него оказался совсем не дурак. Он совершенно правильно рас-

судил, что, поскольку есть трупы собак, непременно станут искать псаря. Он и предоставил нам его, а заодно позаботился о том, чтобы тот не проболтался. Но есть еще одно.— Харм оглядел присутствующих.— Кто-то должен был доставить псов на Дуур-Жад. А ну-ка, поройтесь у покойника в карманах! Быть может, он все-таки что-нибудь да расскажет?

Убитого быстро обыскали, и на стол перед Хармом и Куллом легли арбалетные болты, ничем не примечательный кинжал в потертых кожаных ножнах и кошель, выуженный из-за пояса. Камелиец протянул руку и, взяв кошель, распустил тесьму и высыпал его содержимое на стол.

— Я же говорил,— спокойно заметил Кулл, мельком глянув на кучку монет.

— Деньги! — ошарашенно и разочарованно воскликнул Гуго.

— Конечно, деньги, дурья твоя башка! — ухмыльнулся Шарга.— Что же еще?

— Ты хороший моряк, Гуго,— заметил Харм, с усмешкой глянув на рыжего,— но тебе никогда не стать капитаном. Ты смотришь и не видишь. Монеты-то валузийской чеканки, а это значит, что Кулл прав. Милые собачки от барона Ридо.

— Вчера, после твоего ухода, Кулл,— заговорил молчавший до сих пор Рико,— в гавань вошла одномачтовая лоханка под красным вымпелом.

— Так что же мы сидим? — взвился Гуго.— Нужно перетряхнуть посудину! Наверняка там сыщется что-то интересное.

— Сядь, сынок,— все так же спокойно проговорил Харм,— прежде чем сделать что-то, нужно подумать. Поэтому сядь и подумай, что будет, когда мы обыщем судно, допросим команду, но ничего не выясним.

— Да... — начал было рыжий, но камелиец прервал его:

— Не торопись, подумай.— Он повернулся к атланту.— Ладно, Кулл, с этим я разберусь. Мне потребуется время, но, надеюсь, не слишком много.

— Есть еще один путь,— напомнил Кулл,— я могу покинуть остров.

— Это делает честь твоему благородству, но не меняет дела,— медленно произнес Харм и снова усмехнулся:— Если Ридо решил, что может безнаказанно сунуться на Дуур-Жад, чтобы потешить свое самолюбие, то найдутся и другие охотники: у каждого из нас полно врагов на всем побережье от Грондара до Верулии! Дуур-Жад — оплот Кровавого Братства, а не охотничьи угодья дворянской швали! Это должны понять все!

— Что ты предлагаешь?

— Барон получит урок,— сказал камелиец, и глаза его недобро сверкнули.

Атлант хмыкнул:

— Старый хитрец! Ты всегда любил ловить рыбу на живца!

— Ты догадался,— удовлетворенно протянул камелиец, ласково шлепнул Кулла по щеке и ткнул кулаком в грудь,— и вижу, что согласен.

— Разве я когда-нибудь отказывался от хорошего развлечения?

— Отлично, сынок! — Харм одобительно кивнул. — Вот и повеселимся. Я на Дуур-Жаде, ты на море. Итак, задача номер один — очистить остров от мрази!

* * *

Кулл вышел из каюты. Предыдущая ночь оказалась слишком длинной и бурной. Любовные утехи всегда отбирали у него много сил, к тому же спать улеглись уже утром, а потому стоит ли удивляться, что и проснулся атлант, когда давно перевалило за полдень, хотя до вечера еще было далеко.

— Где Лию? — зевая, спросил он у вахтенного.

— Пошла в город, к подруге. — Он прищурился и посмотрел на солнце. — Скоро должна вернуться.

— Это хорошо, — бездумно кивнул капитан. — Глотку промочить есть чем?

Не говоря ни слова, вахтенный достал объемистую бутылку, которой, атлант готов был поклясться в этом, только что здесь не было, и два больших кубка. Это тоже было традицией.

Вино оказалось красным турийским, которое Кулл не слишком любил, но признавал, что в нем чувствовались и аромат, и крепость.

— Что теперь будет, капитан? — сделав парую глотков, моряк не удержался от вопроса.

— Что будет? — Атлант посмотрел на Стила, жилистого, но сильного тулейца, который сменил Рико на вахте. — А ничего не будет. Денег;

быть может, будет поменьше, зато веселья побольше. Как тебе такой обмен?

— В самый раз, — усмехнулся тулеец. — Чего спрашивать?

— А вдруг не все согласится сменить деньги на потеху? — ответил атлант. — Я хочу, чтобы со мной остались только добровольцы.

— Да ты что, капитан? — удивился Стил. — Парни за тебя Морского Отца акулам скормят!

— Это хорошо. — Кулл удовлетворенно кивнул. — Вот ты и скажи об этом каждому. Я хочу лично убедиться в их согласии.

— Хорошо, капитан, — бодро ответил тулеец и внезапно запнулся, — вот только...

— Что только? — насторожился Кулл.

— Кузоло... — с неприязнью произнес моряк.

— Что Кузоло?

— Как в первый день ушел, так больше и не появлялся. Мне это Рико передал, но ты лучше спроси у него сам.

— Что же, спрошу, — лениво ответил атлант, успокаиваясь: мало ли, кто и как проводит время на берегу. Впрочем, Кузоло не нравился и ему.

— Здравствуй, милый! — прервал размышления капитана нежный голосок.

Лио чмокнула Кулла в щеку и, прежде чем он успел схватить ее, со смехом отскочила в сторону.

— Ты проиграл!

Она, смеясь, погрозила ему тоненьким пальчиком и принялась потихоньку отступать. Кулл понял, что вот так, с бухты каната, на которой он расположился, ему Лионтину не достать.

— Ну хорошо, сдаюсь,— признался он, поставил кубок на бочку и поднял руки.

Девушка сразу уселась атланту на колени и что-то тихонько замурлыкала ему на ухо.

— Беда с этими женщинами! — рассмеялся атлант. — Ну хорошо, идем.

Кулл поднялся на ноги, и девушка тут же вновь приникла к нему, что-то негромко объясняя. Они успели подойти к сходням, когда резкий возглас остановил атланта.

— Капитан! Ты разве забыл, о чем мы вчера договорились? — Невесть откуда взявшийся Шарга подошел к нему. — Да мы не стесним вас.

Они отправились впятером: Кулл с Лио шагали впереди, а сзади следовали Шарга с двумя дюжими матросами.

— Ты думаешь, нам стоит чего-то опасаться?

За годы плавания с Куллом Лио не один десяток раз успела побывать на Дуур-Жаде. Здесь она давно обзавелась подружками, с которыми встречалась, когда «Богиня Морей» стояла в порту. Несмотря на то что девушка сумела стать достойной спутницей знаменитого пирата, она во многом оставалась девчонкой, которая нашла в столице Кровавого Братства свой дом, и теперь сама мысль о том, что здесь ее может подстеречь опасность, казалась ей невероятной.

— Опасаться ничего не надо,— спокойно ответил Кулл,— но походить теперь придется с охраной. Поверь, так будет лучше.

— Мой повелитель кого-то боится? — лукаво взглянула на него Лио.

— Я никого не боюсь,— твердо ответил Кулл,— но вспомни о вчерашнем.

— И долго это будет длиться? — спросила она, капризно надув губки.

— Долго? — Атлант говорил серьезно, не принимая ее шутливого тона: его что-то тревожило. — Не задавай глупых вопросов, это надо перетерпеть, как рану, как болезнь.

Поняв, что шутливой перепалки не получится, она предпочла перевести разговор на другую тему. Разговаривая о том о сем, они оставили позади причал и вышли в город, но успели сделать всего пару шагов, когда навстречу им попался исчезнувший Кузоло также в сопровождении трех приятелей, ни один из которых не принадлежал к команде «Богини Морей». Более того, Кулл готов был поклясться, что ни одного из них ни разу не видел на Дуур-Жаде.

— Ты куда запропастился? — спросил Кулл, твердо вознамерившись избавиться от новичка, который в короткий срок успел восстановить против себя половину команды.

Он отличался неукротимым нравом, мстительным характером и огромной силой, превосходил размерами даже Кулла. Кузоло постоянно противопоставлял себя остальным, словно был на «Богине Морей» не матросом, а скорее пассажиром. Холодно взглянув Кулла, он лишь усмехнулся.

— У меня тоже есть пара вопросов, мой капитан, но не к тебе.

Никто не успел опомниться, как могучая оплеуха отбросила девушку к стене.

— Так-то ты выполняешь обещания? — Лицо бандита исказила злобная усмешка. — Сказала, что сходишь попроситься, а сама решила нарушить клятву?

Не в силах вымолвить ни слова, девушка очумело трясла головой, словно не понимала, что здесь происходит. Кузоло же выглядел оскорбленным до глубины души.

— Извини, капитан, уговор наш действовал до Дуур-Жада. Теперь я ухожу. Я решил сам стать капитаном. Лионтина пообещала распрощаться с тобой и выйти за меня замуж. Она отправилась на «Богиню Морей» забрать свои вещи, но куда-то запропастилась. Так что я ее забираю.

Это была явная, неприкрытая ложь, но Лионтина, единственная, кто мог хотя бы попытаться опровергнуть ее, до сих пор не могла прийти в себя. Похоже, Кузоло все заранее продумал. Он сделал знак своим людям, и они подхватили под руки девушку, которая пребывала на грани обморока, явно намереваясь увести ее. Шарга с матросами недоуменно смотрели на капитана, не понимая, почему он медлит. Кулл с интересом наблюдал за происходящим, чем, похоже, немало удивил своего бывшего подчиненного.

— Погоди, Кузоло. — Кулл недобро усмехнулся. — Я вижу, ты хорошо понимаешь, что делаешь.

— Несомненно, — издевательски усмехнулся тот, прекрасно сознавая, что сейчас должно твориться в душе Кулла.

— И все-таки, на мой взгляд, ты кое-что забыл.

— Да? И что же?

Видя, как вокруг собирается толпа, Кузоло говорил нарочито громко, как бы призывая всех в свидетели.

— Мое согласие, — невозмутимо ответил Кулл.

— Твое согласие? — Пират почесал затылок. — Ты прав, капитан. Спросить о твоем согласии я действительно забыл, но сейчас, когда ты напомнил, я вдруг подумал: а зачем оно мне? — Он нахально посмотрел в глаза атланта и улыбнулся: — Что мне с ним делать? Эта женщина, — он ткнул пальцем в Лио, — при свидетелях отреклась от тебя и дала клятву следовать за мной всегда и повсюду. Все вы, — он обратился к окружившим их пиратам, — знаете, что это значит! Так что твое согласие, капитан, мне вроде как и ни к чему.

Говоря это, он отчаянно жестикулировал, и рука его как бы невзначай постоянно оказывалась в опасной близости от лица Кулла. Чего он добивался? Это было ясно всем. Кулл был при оружии, Кузоло — нет. Выведи он атланта из себя и схватись тот за меч или кинжал, болтаться бы Куллу на рее при любом исходе ссоры. Однако старания его оказались напрасны. Капитан оставался холоден, словно лед, что светилося в его глазах.

— И что ты теперь собираешься делать? — поинтересовался капитан.

Кузоло пожал могучими плечами:

— Ничего особенного. Возьму свою женщину и уберусь восвояси.

Он сделал знак своим людям, и Кулл подался вперед, но верзила мгновенно убрал руку. Он посмотрел в глаза соперника и едва не расхохотался, но, вспомнив о своем спектакле, сумел сдержать смех.

— Прощай, капитан. Мне очень неприятно, что все так получилось. — Он цинично усмехнулся. — Могу лишь успокоить тебя обещанием свернуть ей шею, если и со мной она попытается обойтись так же, как с тобой.

Он повернулся, собираясь уходить, и атлант шагнул было следом, но Шарга остановил его.

— Стой, Кузоло, — обратился шкипер к верзиле.

— Ну что еще? — Тот обернулся, всем своим видом выказывая недовольство.

— Несмотря на все, что ты только что рассказал нам, ты не можешь забрать девушку.

На миг верзила опешил:

— Интересно, кто же мне помешает?

— Я, — спокойно ответил шкипер.

— И как же?

Кузоло издевательски расхохотался, приглашая и остальных повеселиться вместе с ним.

— Рано радуешься, — спокойно заметил шкипер. — Дело в том, что Лио — моя рабыня. Ты должен был либо выкупить ее, либо попросить согласия на ваш брак. То, что ты собираешься сделать сейчас, будет называться кражей моего имущества — рабыни, грондарки по имени Ли-

онтина, восемнадцати лет от роду, купленной мною около четырех лет назад на невольничьем рынке за полторы тысячи империалов у туркийского купца Кирим Чанга.

Пока Шарга говорил, лицо Кузоло наливалось кровью. Весь его столь тщательно продуманный план рушился из-за какого-то пустяка! Но кто же мог знать?!

— А бумага у тебя есть? — процедил он сквозь зубы.

— На «Богине Морей».

— Неси бумагу, — неожиданно согласился пират, — а я пока позабочусь о девушке. Похоже, я немного перестарался.

— Нет, — раздался вдруг спокойный голос Харма, о присутствии которого никто и не подозревал. — Поскольку вопрос спорный, девушка останется у меня до выяснения обстоятельств. Ты совершенно прав, утверждая, что она странно долго не приходит в сознание. Я распоряжусь выяснить, в чем причина столь длительного беспамятства, и, если окажется, что причиной тому не пощечина, а какое-нибудь зелье, заготовленное тобой заранее, тебя ждут большие неприятности.

Желваки заиграли на скулах Кузоло. Он резко обернулся, но мощный удар в чело остановил его. Верзила схватился за лицо и зашипел от боли.

— Извини, друг. — Атлант улыбнулся. — Немного не рассчитал.

— Извинить? — Лицо его побагровело от ярости. — Ну нет! Ты оскорбил меня, а оскорбления принято смывать кровью!

— Так и быть, — с готовностью согласился Кулл, — умоюсь твоей кровью, если настаиваешь.

— И не мечтай! — Кузоло уже пришел в себя. — Оружие выбирать мне, а я предпочитаю бой без оружия! До встречи на Арене!

Он зашагал прочь, и трое верзил, развернувшись, угрюмо поплелись за ним.

— Жаль, что ты не сдержался, — задумчиво произнес камелиец. — Уверен, мы бы просто вздернули всю четверку. Он явно одурманил девушку, хоть и не пойму как. Теперь тебе надо драться насмерть, а силы этому мерзавцу не занимать.

* * *

Прошло совсем немного времени, а Арена уже гудела от наплыва желающих полюбоваться на поединок легендарного Кулла и Кузоло, который и на Дуур-Жаде, среди привыкших ко всему пиратов, успел уже снискать славу кровавого, безжалостного негодяя.

Каменные скамьи примыкали к невысокому парапету, который переходил в стену расположенного на дне Арены ристалища, что отделяла, а иногда и защищала зрителей от сражающихся. Просто так на стену высотой в полтора десятка локтей было не взобраться. Два же выхода с нее перекрывались тяжелыми бронзовыми решетками, потемневшими от времени и влажного морского воздуха.

Соблюдая правила проведения смертельных боев, Кулл и его противник вышли на Арену по противоположным проходам, и теперь каж-

дый из них готовился к предстоящему бою так, как считал нужным.

Трое пришедших с Кузоло о чем-то тихо переговаривались с ним. Двое оказались теми же верзилами, что сопровождали его на улицах Дуур-Жада, но говорили они мало, в основном слушали и кивали. Третий уступил свое место щуплому носастому юнцу, почти мальчишке. Впрочем, такое впечатление он производил лишь при первом взгляде. На самом деле определить истинный возраст этого человека было достаточно сложно. Он был худощавым и голенастым, что создавало впечатление юного возраста, но в глубоко посаженных глазах светились ум и опыт. В равной степени ему можно было дать и едва ли не четырнадцать, и почти двадцать лет. Разговаривали в основном он и Кузоло.

С того места, где они стояли, торчавшая посреди ристалища скала мешала увидеть Кулла с его товарищами, но злой взгляд мальчишки был устремлен на второй выход.

— Жаль, Кузоло, что ты не разузнал все вовремя. Было бы нам известно, что девушка — рабыня Шарги, мы все повернули бы иначе.

— Твоя правда, молодой господин, — зло процедил Кузоло. — Знай я об этом раньше, шкип давно уже кормил бы рыб на дне.

— Ладно, не кисни, — развязно ухмыльнулся юнец, — и не трать понапрасну злость, — уже деловым тоном посоветовал он, — теперь тебе придется убить не его, а атланта, и это будет посложнее.

— Мне бы только дотянуться до его глотки,— верзила бросил полный ненависти взгляд в сторону невидимого врага,— и тогда его ничто не спасет. Только смерть сможет разжать мои объятья.

— Надеюсь, что так, иначе отец...

— Вот что, мальчик,— оборвал его Кузоло и усмехнулся,— я это делаю не для твоего отца и не ради обещанной им платы. Тебе и барону нужен Кулл, а мне Лио. Давай меняться. Человека за человека, а деньги можешь оставить себе!

— Я не могу решать такие вопросы без отца.— Парень поджал губы.

— Смотри! — усмехнулся гигант.— Я иду туда,— он ткнул пальцем в сторону ристалища,— чтобы выполнить свою часть договора. Цена моей работы — Лио, и я желаю получить ее сегодня же. Завтра долг увеличится! Подумай об этом, молодой господин!

Каус, сын барона Ридо, отвел взгляд, словно бы осматривая место предстоящего поединка, но Кузоло видел, как заиграли желваки на его выступающих скулах, как напряглась цыплячья шея, и усмехнулся: пусть знает, что не все покупается за золото, а сила порой надежнее денег. Парень же кипел от ярости. Этот гнусный кабан, было, смеет навязывать ему, представителю одного из знатнейших дворянских родов Валузии, свои условия! Он невольно сжал костлявые кулачки и нервно сглотнул. Ну погоди! Сделай лишь свое дело, и тогда посмотрим, насколько ты сумеешь пережить проклятого атланта!

В тот же миг решетки поднялись. Верзила рванулся вперед. Кулл тоже не опоздал ни на мгновение. Однако, оказавшись там, где уже не мог надеяться на помощь сообщников, Кузоло проявил неожиданную осторожность: нырнул в кусты и оттуда принялся наблюдать, надеясь выбрать время для решающего удара.

Зрители у него над головой свистели и улюлюкали: им не нравилось, как разворачивается поединок. Они пришли сюда для того, чтобы увидеть смертельный бой двух равных по силе гигантов, а не смотреть на выслеживающих друг друга хитрецов. Кузоло окинул трибуны ненавидящим взглядом. Он увидел смеющиеся, довольные лица людей, для которых этот смертельный бой был всего лишь забавой. Ему показалось, что все смотрят именно на него, жаждут именно его смерти, что они потешаются над ним. Вот они начали скандировать. Что они там кричат?

— Кулл! Кулл! Кулл! Кулл! — проносилось над Ареной.

Скоты! От злости Кузоло едва не потерял самообладание. Ему захотелось немедленно убить проклятого дикаря. Стиснуть его шею могучим захватом и сдавить так, чтобы глаза полезли из орбит, но он подавил в себе эту ярость, прекрасно понимая, что, допустить он ошибку, и все его замыслы и надежды останутся в прошлом.

Нужно найти что-нибудь, камень или сук, что помогло бы ему одержать верх, но при этом не нарушило бы условий поединка. Он медлен-

но пополз сквозь заросли кустарника, но ничего подходящего так и не нашел.

Проклятье!

Кузоло осторожно выглянул из-за кустов и осмотрелся. Атланта нигде не было видно. Тогда он принялся разглядывать одинокую скалу, высившуюся почти в середине площадки, и засохшее дерево рядом с ней. Если незаметно добраться до него и отломать ветку потолще, он непременно победит! И тут Кузоло похолодел: из-за скалы появился атлант. Он шел спокойно, не скрываясь, внимательно глядя по сторонам. Остановился рядом с деревом. Похоже, ему в голову пришла та же мысль, но он успел первым! Да что там успел! Второй выход находился гораздо ближе от их общей цели! Проклятый атлант! Кузоло стиснул зубы и затаился.

Что же теперь делать? Что делать?!

Так и не заметив противника, спрятавшегося в густых зарослях, Кулл спокойно развернулся и ушел за выступ скалы. Уф, пронесло! Недоумок! От накатившего волнения Кузоло вспотел, но вздохнул с облегчением. Теперь нужно незаметно проползти сквозь заросли, почти примыкавшие к дереву, и тогда дело можно будет считать сделанным. Только бы раньше времени не попасться на глаза атланту!

* * *

Как только решетка поднялась, Кулл направился к тому месту на Арене, где, как он знал, сходятся противники, согласившиеся на откры-

тую схватку. Он не сомневался, что и Кузоло, который всегда хвастался своей огромной силой, поступит так же. Недаром же он выбрал бой без оружия. Однако, подождав своего бывшего матроса на открытом месте, атлант понял, что ошибся: Кузоло избрал иную тактику, а значит, легкого поединка не получится.

Кулл внимательно осмотрелся — никого. Поганец оказался умнее, чем он думал, и теперь придется соблюдать предельную осторожность. Арена и в самом деле позволяла любым противникам сойтись на равных. Кулл быстро повернулся, вышел на вторую половину Арены, но и там никого не увидел.

Одно из двух: то ли они оба начали ходить кругами, и Кузоло сейчас находится там, откуда он только что пришел, то ли негодяй затаился в кустах и выжидает удобного момента. Лезть в заросли Куллу совсем не хотелось. Вооружившись камнем или палкой, его противник сможет нанести удар исподтишка, а это почти верный проигрыш.

Придется действовать иначе. Раз Кузоло выбрал тактику выжидания, нужно сначала выследить его. Атлант кинул последний взгляд на доходявшие почти до плеч густые заросли, в глубине которых прятался его враг, и подумал, что, выслеживая Кузоло, нельзя забывать и о том, что скоро стемнеет, и, если он будет стоять и ждать, когда сопернику надоест прятаться, дело может принять совсем дурной оборот.

Зрители шумели, кто-то что-то кричал, одно-слово было не разобрать: отдельные возгласы сливались в шумный многоголосый хор. Но как только пират окинул взглядом расположившуюся на каменных скамьях пеструю толпу, он сразу понял, что за поединком следят. Зрители начали скандировать его имя. Большинству Кузоло с его хамством и болезненным самолюбием был неприятен, к тому же он не вышел открыто на бой, а пираты предпочитали наблюдать за бесхитростными, но кровавыми поединками.

Кулл скрылся за выступом скалы. Теперь он знал, что ему делать. Выманить Кузоло из кустов он не сможет, а значит, нечего об этом и мечтать. А вот выследить противника не так-то и трудно. Быстрыми отработанными движениями атлант взобрался по отвесной скале, и зрители разразились приветственными криками. Однако Кулл заставил себя не обращать на них внимания. Раз противник решил скрытно подобраться к нему, значит, и ему не зазорно поступать так же. Пусть Кузоло считает себя великим охотником — атлант тоже не промах.

Скала вытянулась на полсотни локтей от одних ворот к другим и в ширину была примерно вдвое уже, чем в длину. Кулл прополз к дальней стороне, где приподнимался на локоть зазубренный край, и осторожно осмотрелся.

Аккуратно, не производя ни малейшего шума, его враг неспешно пробирался среди густых зарослей, приближаясь к лишь ему ведомой цели. Некоторое время Кулл следил за ним, пока не

понял, что если и дальше Кузоло будет двигаться в том же направлении, то неизбежно выйдет из кустов рядом с засохшим деревом. Зачем оно ему? Кулл окинул взглядом не слишком толстый ствол с давно облесшей корой, гладкий и потемневший от дождей. Четыре сухие ветки с руку толщиной торчали в разные стороны — по ним даже одноногий калека легко сумеет забраться наверх. Неужели и Кузоло пришла в голову та же мысль — взобраться на скалу и с ее вершины выследить Кулла? Атлант усмехнулся. Ну что ж, милости просим!

Он встал и, старательно придерживаясь противоположного края плоской вершины, пошел вперед, держась в то же время чуть позади неприятеля. Отсюда, сверху, Кузоло был виден как на ладони, в то время как сам Кулл оставался вне поля зрения противника, которому и в голову не приходило, что за ним могут наблюдать сверху.

— Давай, Кулл! Сверни ему шею! — раздавалось то с одной, то с другой стороны, и всякий раз Кузоло вздрагивал и лихорадочно озирался, выискивая прятавшегося в кустах атланта, что вызывало среди зрителей приступы вполне понятного смеха. Смех же действовал на него, как красная тряпка на быка, но поделать он ничего не мог. Лицо бандита сделалось пунцовым от гнева, глаза налились кровью, но сейчас он мог только бессильно сжимать кулаки и скрипеть зубами от раздражавшей душу бешеной ярости, которая усиливалась с каждым новым приступом хохота на трибунах.

Сволочи! Они свято помнили о суровой каре за нарушение правил, и ни один не крикнул: «Сейчас он даст тебе по затылку!» — что можно было бы расценить как подсказку. Зато до Кузоло доносились другие слова:

— А я говорю, Кулл завалит борова!

— Принимаю ставки сто к одному в пользу атланта!

— Кузоло уже умер! Подох со страха! Если нет, почему он не шевелится?!

Бывший матрос понимал, что над ним откровенно издеваются. Издеваются потому, что ненавидят! Атлант ведь тоже не скачет зайцем! После того как попался на глаза всего раз, он пропал бесследно, словно его и не было! Значит, тоже где-то затаился. Ну ничего. Дерево уже совсем близко. Сейчас он выломает сук, тот, что пониже, самый толстый — правилами это не запрещено, — и вот тогда придет его черед посмеяться над всеми!

На миг мелькнула мысль, а не дожидаться ли темноты? Но он тут же отверг ее. Говорят, проклятый дикарь видит и ночью, как днем, а Кузоло был отнюдь не дурак и прекрасно понимал, что его сильные стороны — мощь и напор. Правда, и атланта его суровые боги не обделили силой, но тягаться на равных с ним, с Кузоло, он вряд ли способен. И все-таки кто его знает?

Верзила подобрался к самой кромке кустов. Дальше на двадцать локтей простиралось голое пространство, ограниченное каменной стеной. В

десяти локтях от него стояло дерево, к которому он так долго шел. Видимо, зеваки на каменных скамьях тоже почувствовали: сейчас что-то произойдет. Они увидели, что дальше Кузоло прятаться негде и он просто вынужден наконец-то принять бой.

Кулл видел, как затаился и начал напряженно осматриваться его противник. Судя по всему, он занял позицию, к которой стремился. атлант замер. Если сейчас Кузоло полезет наверх, то у Кулла останется за спиной свободное пространство, в то время как его неприятель потеряет свободу передвижения. Это хорошо, и менять ничего не следует.

Атлант приготовился. Он прекрасно видел своего врага, а тот его — нет. Наконец верзила решился и, настороженно озираясь, подошел к дереву. Кулл усмехнулся. Все правильно, сейчас ползет. Кузоло взялся за нижнюю, самую толстую ветвь, качнул ее, пробуя на прочность и... Принялся выламывать!

Э, нет! Так дальше не пойдет! Кулл выругался про себя: вот об этом он не подумал! Если Кузоло выломает сук, совладать с ним станет гораздо сложнее! Атлант бросился вперед. Он знал, что, усохнув, ветви дерева стали твердыми, как камень, и выломать их не так-то просто, но и медлить не стоило. Кузоло сиден, как зверь!

Кулл разбежался и не глядя прыгнул, прекрасно зная, что не промахнется, и его ладони охватили отполированную дождями ветвь. Тело развернулось под ней, набирая скорость, ноги

пошли вперед, нацеливаясь в грудь застывшего от неожиданности Кузоло. Ступни врезались в грудь мерзавца, опрокидывая его навзничь, и в это мгновение с оглушительным треском сук обломился, и Кулл, вместо того чтобы просто спрыгнуть на землю, полетел вперед.

Проклятая, предавшая его деревяшка выскользнула из рук. Не успев перевернуться, он неудачно упал на спину, ударился затылком о вросший в землю валун, и в глазах у него потемнело. Мир закружился, непроглядный мрак чуть не затопил сознание, и лишь настойчивая мысль: «Нельзя! Нельзя!» — болью запульсировавшая в разбитом затылке, не позволила ему отключиться.

Действуя скорее по привычке, чем осознанно, Кулл откатился в сторону, и не увидел, нет, но почувствовал, как суковатая ветвь обрушилась на землю в том месте, где только что находилась его голова. «Двигайся, двигайся!» — билась в голове навязчивая мысль, и, не видя ничего вокруг, Кулл крутился, нутром чуя, куда повернуться. Подобраный Кузоло и превратившийся в его руках в грозное оружие сук раз за разом вспарывал землю в опасной близости от цели, но все-таки не достигал ее.

Громила взревел от ярости, и тут Кулл впервые понял, что сплошной гул вновь разделился на отдельные звуки. Трибуны бушевали, кто-то подбадривал его, а совсем рядом заходился от бешеной злобы его враг. Кузоло уже ощущал вкус победы и не собирался упускать ее. Как

ни изворотлив проклятый атлант, но силы его не вечны! Еще один-два удара, и ему конец!

Он бил, нанося удар за ударом, зверея от ярости и предвкушения близкой победы, и, когда нога атланта вдруг выбила дубину из его рук, даже опешил, но замешательство его длилось лишь краткий миг, и он бросился на поднимавшегося с земли противника. «Мне бы только добраться до его глотки!» — вспомнил он свои хвастливые слова, сказанные перед началом боя сопляку Каусу.

Он прыгнул на атланта, и огромные волосатые руки сомкнулись на мускулистой шее Кулла. Но атлант уже поднялся и тоже успел шагнуть вперед. В то мгновение, когда навалившийся сверху Кузоло сомкнул пальцы на шее врага, тот схватил его за полы кожаной безрукавки на груди и, подняв на вытянутых руках, рванулся вперед. Он понимал, что не сможет разомкнуть смертельных объятий, и помчался к скале, надеясь силой удара оглушить противника.

Обжигающая боль пульсировала в затылке, но она лишь подстегивала Кулла. С диким ревом, ничего не видя перед собой, кроме ненавистного Кузоло, он несясь вперед, зная, что на вторую попытку времени у него не будет. Он уже задышался, а перед глазами поплыли огненные круги, когда почувствовал, что наскочил на препятствие.

Послышался страшный хруст, и в лицо атланта плеснула струя крови. Руки врага ослабли хватку, чудовищный рев вырвался из пронзенной обломанным сукон грудью. Из последних

сил Кулл оттолкнулся и упал навзничь, наспех отерев залитое кровью лицо. Нанизанный на сук Кузоло еще пытался опереться о него, снять себя с чудовищного вертела, и тут исполненный ненависти взгляд умирающего остановился на победителе. Правая рука его потянулась вперед, словно он и вправду надеялся дотянуться до врага и увести его с собой в мрачную Страну Теней.

Он попытался что-то сказать и не смог, лишь хриплое бульканье сорвалось с окровавленных губ. Взгляд его начал тускнеть. Жизнь стремительно покидала некогда могучее тело. Он так и умер с протянутой вперед рукой и искаженным ненавистью лицом.

* * *

Как только тяжелая бронзовая решетка опустилась за спиной Кузоло, щуплый юнец, которого последние слова пирата, похоже, подтолкнули к какому-то решению, обернулся к своим спутникам, похожим на двух мрачных горилл:

— Пора уходить. Нас ждет еще одно важное дело, так что расхаживаться некогда.

— Как же так, молодой господин? Ведь сейчас начнется бой!

— В котором нам все равно не доведется участвовать. Разве что, — насмешливо добавил Каус, — один из вас хочет поболтаться на рее. Я никого не держу, можете подняться на трибуны и помочь нашему другу советом.

Громилы переглянулись, но спорить не стали.

— Куда пойдем? — спросил один из них.

— Ты же слышал, что отважному Кузоло, — усмехнулся Каус, — нужна дама его сердца, а я не привык оставаться в должниках!

— Так ты собрался выкрасть девку?!

— Да, — кивнул юнец, — и думаю, лучше времени для этого не будет.

— А если Кузоло проиграет? — простодушно поинтересовался громила, но мальчишка лишь пренебрежительно сморщился, досадуя на непроеходимую тупость своих подручных.

— Тогда из платы за жизнь атланта она превратится в приманку, на которую мы поймаем доблестного Кулла! — не без самодовольства объяснил он.

Верзилы переглянулись, невольно проникаясь уважением к жалкому заморышу, который намеревался обмануть знаменитого пирата, грозу Ласкового, Мутного и прочих морей, насколько не сомневаясь в успехе.

— Лично я бы не рискнул связываться с Кулло, — совершенно серьезно признался один из них.

— Чем опаснее дичь, тем почетней трофей, — пожал костлявыми плечами, ответил юнец.

О том, что его отец, барон Ридо, снарядил пять галер, чтобы отомстить атланту, он скромно умолчал. Такое преимущество в силе превращало благородную охоту в пошлую бойню, и о доблести, которая невольно подразумевалась в любом открытом и честном противостоянии легендарному Кулло, не могло быть и речи.

— Воля твоя, хозяин,— покорно согласился верзила,— нам-то что? Мы люди маленькие.— И он посмотрел сверху вниз на господина.

— Вот и прекрасно. Тогда — быстро в город!

И, стараясь оставаться незамеченными, они поспешили в Дуур-Жад. Впрочем, предосторожность оказалась явно излишней: никто и не думал следить за ними, разве что кроме маленького вертлявого человечка с бегающим взглядом, который поджидал их на окраине.

— Ты все узнал? — с ходу спросил его юноша.

— Да, господин,— кивнул тот.— В доме пусто. Девка спит, при ней только сиделка, да двое охранников внизу режутся в кости. Если напасть внезапно, никто и опомниться не успеет.

— В соседних домах?

— Пусто,— кратко ответил человечек.

— Как видно, сама судьба стоит за нас! Эти кретины бросили все, чтобы поглазеть, как один человек убивает другого, словно сами не занимаются ежедневно именно этим! — скривился Каус.— Я всегда говорил, что кровожадность не доводит до добра.— Он повернулся к спутникам: — Уберите сиделку, но только тихо. Я совсем не хочу, чтобы на ее крики прибежал какой-нибудь проснувшийся после попойки бандит! Заберем девицу — и сразу на пристань. У причала нас будет ждать шлюпка. Отплываем немедленно, как только поднимемся на борт.

— А Кузоло? — ошарашенно посмотрел на него один из верзил.

— Если случится чудо и бравый Кузоло останется жив, в чем я сильно сомневаюсь,— парень усмехнулся,— мы всегда успеем вернуться за ним, а пока их поединок мне интересен только одним: чем больше он продлится, тем дальше мы успеем уйти от Дуур-Жада.— Он насмешливо посмотрел на оторопевших бандитов.— Так что не задерживайтесь, если, конечно, вам еще жить не надоело,— добавил он безразлично.

* * *

Шумная толпа хлынула на улицы Дуур-Жада и заполнила их задолго до того, как Кулл покинул Арену. Впрочем, люди быстро разошлись по тавернам, торопясь утолить накопившиеся за время поединка голод и жажду. И конечно, все обсуждали только что закончившийся бой. Собственно, споров не было: все сходились во мнении, что атлант победил честно.

Он не прятался, не уходил от столкновения, а когда выяснилось, что Кузоло решил не нападать сразу, проявил смекалку и здравомыслие, обставив противника по всем статьям, и лишь нелепая случайность на время поставила его победу под сомнение. Но, хоть атлант и поступил несколько опрометчиво, он сам же от этого и пострадал, однако сумел собраться и выиграть.

Кулл торопился к Лио, во-первых, желая узнать, что с ней, не очнулась ли, а во-вторых, конечно же, обрадовать ее тем, что наконец-то все неприятности остались позади. К сожалению,

нию, ему поневоле пришлось задержаться ненадолго, чтобы мало-мальски привести себя в порядок и промыть рану.

Когда Кулл с друзьями тронулся в обратный путь, он издали увидел спешившего к ним человека и, почувствовав недоброе, рванулся навстречу:

— Что случилось?!

— Ее украли, Кулл, — ответил Рико, с трудом переводя дыхание.

— Кто?

— Не знаю. — Пират покачал головой, дыхание его постепенно успокаивалось. — Они убили обоих людей Харма.

— Что? — Камелиец вздрогнул, как от удара, и гневно посмотрел на Рико, словно тот был повинен в случившемся. — Убийство в Дуур-Жаде?!

— Вряд ли арбалетный болт сам залетел в горло. Сиделку просто зарезали. Похоже, старуха вздремнула да так и осталась сидеть у кровати.

Кулл бросился вперед. От гнева и быстрого бега кровь его забурила и вновь запульсировала в разбитом затылке пронзительной, жгучей болью. Стиснув зубы, он несся по улочкам Дуур-Жада, и, завидя разъяренного атланта с развевающейся копной смоляных волос, люди шарахались в стороны, не понимая, что могло так разозлить того, кто только что одержал славную победу на Арене!

Его приветствовали криками, но он никого не видел и не слышал. Ворвавшись в дом камелийца, Кулл в несколько прыжков преодолел лестницу и остановился у пустой кровати, не в

силах справиться с волнением, хотя и знал, что увидит здесь.

Старуха сиделка все еще сидела в кресле, и на лице ее застыло умиротворенное выражение. Видно, перед самой смертью ей снилось что-то приятное, и она даже не почувствовала, как кинжал пронзил ее сердце. Улыбка не покинула изборозжденного морщинами лица, только вязание вывалилось из рук, и теперь валялось в луже крови на полу.

Ничто в комнате не было тронут. Все осталось на местах, лишь столик в изголовье кровати лежал на боку. Кувшин разбился, и янтарное вино разлилось по полу.

— Перед кроватью лежал ковер. — Неожиданно прозвучавший голос заставил Кулла вздрогнуть. Он обернулся и увидел Харма. — Похоже, они закатали в него девушку и так переправили ее на судно.

— Откуда ты знаешь?

— Они не могли открыто нести Лио по городу: хоть жители и отправились на Арену наблюдать за вашим поединком, но кто-то ведь мог и остаться, а твою подругу всякий знает в лицо. К тому же в порту стоит десяток галер, и уж они-то наверняка не оставались пустыми.

— Рико! Кто, несет вахту на «Богине Морей»?

— Харт. Сегодня его очередь!

— Ты его видел? Что он говорит?!

— Только одно судно покинуло гавань — тот самый одномачтовик, что пришел днем раньше. Перед отплытием к нему подошла шлюпка, в

которой сидели четверо мужчин. Двое верзил, по описанию те самые, что сопровождали Кузоло на Арену, юнец и еще какой-то вертлявый тип. Похоже, все это их рук дело.

— Харт видел Лио?

Атлант схватил матроса за руку, и в глазах его полыхнуло темное пламя ненависти.

— Нет! — Рико не отвел взгляда. — Он не видел, как люди садились в шлюпку, а к судну лодка подошла с дальней стороны, так что неизвестно, кто поднялся на борт. Однако Харту показалось, что какой-то большой сверток лежал на дне шлюпки, во всяком случае гребцам явно было неудобно сидеть.

— Можешь не объяснять. Они все продумали... — Кулл помолчал немного, потом в сердцах ударил кулаком в стену. — Прах и пепел! Да только одно то, что эта лоханка не пристала к пирсу, а встала на якорь посреди гавани, уже должно было насторожить! Надо было перетрясти ее, а то и пустить ко дну!

— Этого нельзя было делать! Пойми! — воскликнул Харм. — Если бы мы поступили так без достаточного на то повода, купцы...

— Шакалы!

— ...Пусть так, но они ушли бы из Дуур-Жада.

— Да пропади они пропадом! Зато Лио была бы со мной!

— Наверное, так, — нехотя согласился камелиец, — но ты восстановил бы против себя всех.

— Плевать! — огрызнулся Кулл. — Впрочем, что спорить? Сделанного все равно не воротишь!

— Ты прав, — кивнул Харм, — и все-таки позволь дать тебе совет. Избавляясь от неприятностей, не обретай новых, еще больших!

— Ладно, — Кулл усмехнулся, — спасибо за совет, а теперь — прощай! Мне, пожалуй, пора!

— Собрался в погоню? — спросил камелиец.

— Я никогда не бросаю друзей!

— Остынь и выгляни в окно — уже ночь! Небо тучами затянуло. Ты наверняка разминешься с беглецом.

Кулл резко обернулся:

— А-а! Проклятье!

— Я послал своих людей проследить за ними. Так или иначе, но к утру мы узнаем, куда они направились.

— Спасибо тебе, Харм. — Кулл посмотрел камелийцу в глаза и опустил тяжелую руку ему на плечо.

— Не стоит. Пойдем-ка лучше в «Око Бури» да за кувшином-другим вина прикинем, что делать дальше.

— Что ж, идет. Но погоди-ка. — Кулл оставившись. — Я хочу посмотреть на трупы твоих людей.

Осмотр не занял много времени. Едва увидев покойников, атлант кивнул, словно увидел нечто важное, и отдал несколько распоряжений. Вскоре они уже сидели в таверне папаши Тито за заботливо накрытым столом в окружении друзей.

Вбежал человек Харма и, согнувшись в почтительном поклоне, положил на стол перед атлантом пару арбалетных болтов, как две кап-

ли воды похожих друг на друга. Кулл взял их, повертел в руках, сравнивая.

— Так и есть,— наконец сказал он и посмотрел камелийцу в глаза, — это люди Ридо.

— Несомненно,— согласился тот,— что теперь собираешься делать?

Кулл задумался, медленно прожевал кусок баранины и запил его добрым глотком вина.

— Что собираюсь делать?.. — задумчиво повторил он.— Замок Ридо стоит неподалеку от Пурпурного города... Я думаю наведаться туда и посмотреть, что к чему. Быть может, удастся объяснить барону, что настоящий мужчина мстит врагу, а не его женщинам.

— Для этого понадобится слишком много людей,— заметил Шарга.

— Зачем? — удивился Кулл.— Я ведь не собираюсь штурмовать стены! Тихонько проникну внутрь, отомкну ворота, а там видно будет.

— Это очень опасно.

Кулл недобро усмехнулся:

— Ридо побывал у меня в гостях, и я просто обязан теперь навестить его! Иначе мне опять скажут, что я дикарь! У меня только одна просьба к тебе.— Он посмотрел камелийцу в глаза.

— Говори, я все исполню,— не задумываясь, ответил тот.

— Позаботься о Зонге.

Часть вторая ПОГОНЯ ЗА ТЕНЬЮ

Глава первая БЕГСТВО

Солнце вынырнуло из мрачной бездонной пучины. Его первые лучи любовно позолотили иссиня-черную гладь моря, когда «Богиня Морей» вышла из гавани Дуур-Жада и на всех парусах устремила к закату, где на стремительно синеющей водной равнине замерла темная точка сбежавшего на кануне одномачтовика.

Харм не бросал слов на ветер. На востоке еще не начал разгораться рассвет, а его люди уже вернулись с известием о том, что с наступлением ночи беглец лег в дрейф — благо на море стоял полный штиль — и, похоже, до утра не собирается трогаться с места.

Так оно и оказалось. Единственное, чего не мог понять Кулл, это почему люди Ридо — а в том, что это были именно они, атлант ни на миг не усомнился — не отправились напрямик к берегам Валузии, а повернули к закату. Но он не стал задумываться об этом, справедливо рассудив, что все должно идти своим чередом.

Сперва следовало нагнать посудину, взять ее на abordаж, освободить Лио, и лишь тогда наступит время задавать вопросы. Если, конечно, будет кому на них отвечать.

Утренний бриз, сменивший ночной штиль, не желал набирать силу, но все-таки лениво надул красные паруса «Богини Морей», и ходкая галера медленно двинулась вперед, сокращая расстояние до неподвижной точки. Кулл внимательно осмотрелся: ничто не предвещало изменения погоды, а при таком ветре они приблизятся к беглецу не раньше вечера. Это было слишком долго. Атлант совсем уже собрался усадить гребцов за весла, когда его зоркие глаза различили бело-красный полосатый парус, поднявшийся над одномастовиком. Кулл выругался сквозь зубы: в душе он не переставал надеяться, что они сумеют подойти поближе, прежде чем беглецы пустятся наутек.

— Пошевеливайтесь, ублюдки! — взревел за его спиной Шарга, который не менее внимательно, чем капитан, следил за тем, что происходит вокруг. — Это вам не Дуур-Жад! Кто успел обрасти жиром, пусть пеняет на себя! А ну, навалились на весла! Кирим! Задай им жару! Если к полудню нагоним баронову посудину, вечером снова будете жрать вино на Дуур-Жаде и лапать девок!

Не успел он договорить, как мерно загрохотал барабан Кирима, который задал гребцам невысказанный темп. Огромный лысый-туриец со свисавшими едва ли не до плеч усами усердно работал колотушками, и лучи утреннего солнца

играли на обнаженном до пояса бронзовом от загара могучем теле.

Кулл отправился на нос «Богини Морей» и, облокотившись о фальшборт, начал рассматривать парусник, который превратился из точки в пятно, понемногу принимавшее очертания небольшого кораблика. Ветер дул в спину, сзади доносился грохот барабана, гребцы подбадривали себя слаженным уханьем, весла с громким плеском падали в воду, подталкивая галеру вперед.

Тяжелый окованный таран «Богини Морей» торчал в локте под поверхностью Ласкового моря, и при каждом гребке, когда галера словно приподнималась над водой, лучи солнца отражались от смертоносного жала.

— Слишком медленно, — заметил Шарга. — У «Богини Морей», конечно, хороший ход, но эту пузатую посудину словно сами демоны ветра тащат за собой!

— Брось! — не оборачиваясь, огрызнулся Кулл. — Она легка и имеет прекрасно парусное снаряжение, так отчего ей не лететь, как на крыльях? Меня заботит другое... Что ее понесло на закат? — Кулл повернулся к шкиперу и посмотрел ему в глаза. — Там вообще кто-нибудь живет?

— Ты не хуже меня знаешь, что на западе нечего искать, кроме далекой земли, до которой плыть не один десяток дней, да и то если все это не досужие рассказы старых баб! Именно поэтому в закатные воды никто не стремится, а из тех, кто попадал туда волей случая, мало кто возвращался, но все рассказывали одно и то же.

— Знаю,— поморщился Кулл,— я о другом. До тех берегов много суток хода при хорошем ветре. Торговцы не рискуют уходить на запад, они вообще стараются не терять берега из виду! Пираты забираются дальше, но ненамного, именно потому, что, как ты верно заметил, там нечего искать, кроме воды. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Да вроде боги умом не обделили,— ухмыльнулся шкипер и тут же посерьезнел.— Можно, конечно, предположить, что, завидев «Богиню Морей», капитан одномачтовика просто сошел с ума от страха, но я бы не слишком рассчитывал на это. Правда, разумными его действия тоже не назовешь. Украд Лио, он выбрал странный, но верный способ переселиться в Страну Теней.

— Брось трепаться,— Кулл задумчиво потерев себя за губу,— клянусь бородой Морского Отца, там что-то есть. Нутром чую! Капитан этой лоханки вовсе не сошел с ума. Он знает, что делает! Постой-ка...

Кулл насторожился, пристально всматриваясь вдаль. Шарга прикрыл ладонью от солнца глаза и посмотрел туда же: еще две точки быстро увеличивались в размерах. Они явно двигались встречным курсом. Собственно, это были уже не точки. К паруснику стремительно приближались двухмачтовая галера и трехмачтовый галеон. Видно, долгое время они прятались за корпусом и парусами суденышка и оттого не были видны.

И ничего уже не изменить! Кулл в ярости скрипнул зубами. Даже если гребцы заработают

веслами вдвое быстрее, это ничего не даст, а люди лишь напрасно растратят силы. Атлант закрыл глаза и заставил себя глубоко вздохнуть. Он и сам не знал, с чего это вдруг уверовал, будто похитители не могут сбежать. Он ведь с самого начала чувствовал, что предстоит драка, и мог бы понять, что вовсе не с вертким парусником, который они способны потопить просто так, по ходу дела... Так стоит ли теперь удивляться? Видно, дело в том, что все его прикидки оказались неверны. Вместо того чтобы идти к берегам Валузии, они направились на запад, а вместо замка барона им предстоит брать галеру. Подумав об этом, он успокоился. Что ж, на все воля богов!

— Абордажную команду наверх! — приказал он, обернувшись.— И шевелитесь, потомки ленивых ослов! Дело предстоит нешуточное!

Отдав команду, Кулл вновь отвернулся и, не обращая внимания на топот ног и лязг оружия, продолжил наблюдения.

— Капитан! Он не один! Позади вторая галера! Двухмачтовая!

— Вижу,— проворчал Кулл.— Гуго! Рико! Несите арбалет! Некогда нам с ними возиться, будем топить!

Рыжий валузиец и поджарый Рико на мгновение возникли перед капитаном, словно просили сквозь палубу и, выслушав приказ, исчезли, как будто провалились сквозь нее обратно. Кулл что-то жестами показал Кириму, и в тот же миг частота ударов уменьшилась вдвое: «Богиня Морей» замедляла ход, готовясь к бою.

Двухмачтовая галера, словно птица, пронеслась мимо спешившего встречным курсом галеона и нацелилась на «Богиню Морей», явно стремясь взять ее на abordаж.

— Клянусь трезубцем Морского Отца,— усмехнулся Кулл,— на этой лохани резвые ребята. Так и рвутся в драку! Думаю, надо их испугать!

Сзади раздались тяжелые шаги и обернувшись, Кулл увидел валузийца, который прижимал к себе странное сооружение, с трудом удерживая его, хоть и отличался немалой силой.

— Кулл, куда?

— На левый борт.

Огромное, похожее на бревно ложе быстро укрепили в специальном гнезде в пяти локтях левее бушприта. Щелкнул зажим, и дуга исполинского лука встала на место. Тихонько заскрипела лебедка, подтягивая тетиву к затвору,— Гуго не стал дожидаться, когда принесут стрелы.

— Куда стрелять, капитан?

— Он идет на нас лоб в лоб, так что выбор невелик. Бей влево от форштевня.

Толстая, в руку толщиной, стрела с тупым стальным набалдашником величиной с голову улеглась в ложе.

— Не промажь,— угрюмо напутствовал его Кулл,— времени у нас в обрез.

Гуго ухмыльнулся в густую рыжую бороду:

— Не беспокойся, Кулл!

— И постарайся поближе к воде. Я не хочу, чтобы они быстро залатали пробойны и ударили нам в спину. Пусть лучше идут ко дну.

Валузиец потянул носом, по-собачьи пробуя ветер, прищурился, прикидывая расстояние, прицелился, и рука его легла на спусковую планку. Повинуясь команде Шарги, гребцы на мгновение замерли, хотя Кирилл продолжал отбивать ритм. «Богиня Морей» теперь шла вперед плавно, без рывков. Два долгих удара сердца Гуго ждал, наблюдая, как меняется взаиморасположение кораблей, потом нажал на спусковую планку.

Палуба под ногами чуть заметно дрогнула. По пологой дуге тяжелый снаряд полетел вперед. Все, кто стоял на палубе, словно зачарованные, следили за его полетом, а когда раздался треск ломающегося дерева и в корпусе противника образовалась безобразная дыра, без малого сотня глоток яростно взревела, и победный клич тут же подхватили на гребной палубе. Гуго начал крутить рукоятку лебедки, готовясь к следующему выстрелу.

— Молодец,— Кулл хлопнул валузийца по плечу,— угодил почти в ватерлинию.

На судне противника забежали и принялись грести в обратную сторону, спешно гася скорость: капитану было ясно, что с такой пробойной можно спешить только на встречу с Морским Отцом. Однако, налегая на весла, они совсем забыли о парусах, и встречный ветерок принялся разворачивать их, ставя левым бортом поперек хода «Богини Морей».

— А ну-ка, давай теперь в левый борт.

Гуго тщательно прицелился, и во втором борту валузийского судна возникла такая же

пробоина. Вновь заскрипела лебедка, заводя тетиву, но Кулл не обращал на это внимания. Он видел, что на вражеской галере убрали весла: похоже, все гребцы бросились устранять течь, в то время как остальная команда готовилась к бою.

— А теперь ударь по корме,— сказал он,— нечего им толпиться на носу.

Раздался шелчок, за ним удар, и еще одна неровная дыра украсила борт галеры.

— Вперед! — взревел Кулл. — Кирим! Удвоить темп! Шарга, смотри, чтобы бушприт не запутался в их оснастке!

Гребцы налегли на весла, и «Богиня Морей» рванулась на врага, нацелившись ему в середину левого борта. Там тоже забегали, видно, решили спешно развернуться, чтобы избежать удара, но время было уже упущено.

Абордажная команда выстроилась на носу «Богини Морей», загородившись щитами от посыпавшихся градом стрел. Борт противника нарастал с угрожающей скоростью, вставая на пути непреодолимой стеной. Кулл видел, что бушприт должен войти точно между мачтами валузийской галеры. Молодец, Шарга! В следующее мгновение он заметил, как дружно отпрянули к противоположному борту защитники обреченного судна. Еще немного... Команда приготовилась, ожидая неизбежного столкновения, но оно произошло раньше, чем рассчитывали люди.

Раздался треск. Кулл почти физически почувствовал, как вода хлынула в трюм вражес-

кой галеры. Бушприт «Богини Морей» с треском снес фальшборт и проломил борт.

— Табаны! — перекрывая треск ломаемой обшивки, заорал атлант.

Гребцы заработали веслами, отводя корабль назад, и хотя стоявшие на палубе помогали им, отталкиваясь шестами, «Богиня Морей» словно намертво впилась в жертву, не в силах оторваться от нее.

— Шевелитесь, потомки дохлых ослов,— орал Шарга,— если не хотите, чтобы акулы сожрали нас вместе с валузийскими ублюдками!

Гребцы удвоили усилия. «Богиня Морей» все сильнее раскачивалась, отчаянно пытаясь вырваться. Дерево скрипело, раздавался непрерывный треск, и было не понятно, разваливается валузийская галера или «Богиня Морей». Валузийцы сообразили наконец, что страшной атаки не будет и спастись они смогут, только если сами бросятся на судно атланта, ведь барон и пальцем не шевельнет, чтобы помочь своим людям.

— На абордаж! — срывающимся от волнения голосом взвизгнул капитан, но было уже поздно.

Крупная дрожь пробежала по корпусу галеры, и «Богиня Морей» съехала в воду, стремительно удаляясь. Вода хлынула в страшную пробоину.

— На весла, акулий корм! — истошно завопил капитан. — За ними! Иначе мы все — покойники!

Гребцы начали разворачивать израненную галеру носом к «Богине Морей». Кулл увидел,

что вода хлынула в трюм валузийца уже через все пробоины и несмотря на отчаянные усилия команды галера не ускоряет, а замедляет ход. К тому же она начала стремительно крениться на правый борт. Послышался оглушительный хлопок, и фонтан брызг взметнулся над палубой.

«Богиня Морей» устремилась вперед, мимо гибнущего судна. По иронии судьбы это произошло именно в тот миг, когда извивавшуюся Лио переносили с одномачтовика на борт могучего галеона. Кулл сжал кулаки, но Шарга положил ему руку на плечо:

— Мы достанем этих выродков!

— Держи курс на них! — Кулл обернулся к Гуго. — Готовь зажигательные стрелы! Зажарим мерзавцев!

— Но там же Лио!

— Я говорю не про галеон!

* * *

Каус первым ступил на борт «Лемурий» — флагмана барона Ридо.

— Наконец-то! — Он упал в объятия отца. — Ты представить себе не можешь, как мне опротивело общество этих скотов!

— Хвала богам, теперь уже все позади, — ободрил сына барон. — Тебе удалось добиться хоть чего-то?

— Конечно, отец. — Каус довольно улыбнулся. — Правда, Кулл жив, но ведь мы с тобой и не питали иллюзий насчет хвастливых обещаний этого болвана Кузоло. Зато теперь у нас

есть хорошая наживка, на которую мы сможем поймать дикаря.

— Что же это? — Лицо барона выражало неподдельный интерес.

— Его женщина!

— Хм, — недоверчиво нахмурился Ридо, — а ты уверен, что он станет ради нее...

— Станет, папа, станет, — успокоил отца сын. — Впрочем, если не веришь, убедись сам!

Двое дюжих молодцев, поднимавших Лио на борт галеона, едва справлялись с ней, хоть руки девушки и были связаны. Она отчаянно брыкалась и кусалась, и могучие головорезы выглядели так, словно их потрепала стая разъяренных кошек. Верзилы криво улыбались, но видно было, что, дай им волю, они с удовольствием оторвут пленнице голову. Громилы поставили девушку на палубу, но продолжали держать ее за руки, словно боялись, что и связанная она сумеет досадить им.

Ридо окинул пленницу оценивающим взглядом. Длинные стройные ноги, узкая талия, высокая грудь, пышные, слегка вьющиеся волосы, прекрасное в гневе лицо и испепеляющий взгляд бездонных, как омут, глаз.

— Что ж, наверное, ты прав! — усмехнулся он, пожирая девушку глазами.

— Мой повелитель! — Капитан согнулся в почтительном поклоне.

— Ну что еще?!

Барон с трудом оторвал взгляд от прекрасной гондарки, но капитан вместо ответа ука-

зал рукой за борт. Ридо повернулся и оторопел. В следующий миг его истошный вопль разорвал безмятежную тишину, до этого нарушаемую лишь мерным плеском волн за бортом.

— Поставить все паруса, висельники! Вперед, на Вазию! Скажите этим ублюдкам внизу, что, если нас догонят, они умрут!

— Эй, барон! — закричали с одномачтовика. — А где наши деньги?!

— Возьми!

Тяжелый кошелек полетел на палубу пузатой лоханки, но упасть не успел — его подхватили на лету. Парусник тут же отвалил в сторону и пошел на север. Барон в ужасе посмотрел на приближавшуюся «Богиню Морей», и ему стало холодно, а ладони миглом вспотели. Чуть дальше тонула развалившаяся надвое галера, которая просто обязана была если уж не потопить проклятого пирата, то, по крайней мере, задержать его. Тяжелые весла пиратского судна мерно падали в волны, и каждый гребок, казалось, способен был вознести корпус «Богини» над водой, и тогда что-то вспыхивало золотом перед самым форштевнем, словно зоркий глаз безжалостного хищника.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Лио. — Сейчас Кулл догонит твою посудину и всех вас пустит на дно, а тебя, жирный боров, зажарит живьем!

Ридо подскочил к ней.

— Зажарит, говоришь?! — Он окинул девушку разъяренным взглядом. — Моли всех богов, каких ты только знаешь, чтобы так и произо-

шло, иначе ты горько пожалеешь о своих словах! — Он посмотрел на верзил: — Если с ней что случится, головами ответите!

Оба надеялись на скорую расправу над пленницей, и теперь их лица вытянулись.

Матросы забегали по палубе «Лемурии», слышались гортанные отрывистые команды, заскрипели линии, заскрипели блоки, ловя ветер, захлопали паруса — галеон начал набирать ход.

* * *

«Богиня Морей» рвалась вперед. Расстояние между ней и «Лемурией» стремительно сокращалось. Кулл начал уже верить, что вскоре они достигнут цели, когда маленький парусник отошел от галеона и двинулся правым галсом, явно стремясь обогнуть корабль пиратов.

— Тысяча демонов тебе в глотку, Гуго! Что ты медлишь?!

Рико поджег огромный ком промасленной пакли на конце гигантской стрелы, и Гуго нажал на спусковую планку. Еще трижды огненный вихрь устремлялся в полет, и палуба вражеского суденышка превратилась в огромный факел. Команда давно покинула его, шлюпка уходила прочь, стараясь укрыться от стрел, которые летели с «Богини Морей», за стеной огня.

— Стоило тратить стрелы... — проворчал Шарга, пожимая плечами.

— Как знать, — ответил Кулл, не отрывая взгляда от «Лемурии», — не отправились ли они за подмогой.

Весь день продолжалась погоня. За это время Кулл сам дважды садился на весла, но все, чего они смогли добиться, так это сократить расстояние до беглецов на два, самое большое на три корпуса «Богини Морей». Однако «Лемурия» все еще оставалась вне досягаемости большого арбалета преследователей.

Опускалась ночь, а конца плавания по-прежнему не было видно. Совсем недавно Кулл считал, что понимает замысел барона, но теперь начал сомневаться в этом. Еще день, от силы два, и они вплотную подойдут к Островам Заката. Плавание в этих водах грозило валузийцам большими неприятностями, но Ридо шел вперед, словно не знал об этом.

Как назло, ветер начал спадать, и паруса «Богини Морей» обвисли, а это значило, что теперь пиратам придется еще труднее. К утру Кулл понял: хитрец барон, видно, всерьез рассчитывал, что ночная тьма поможет ему замести следы, и если бы не острый слух атланта, это бы ему удалось.

Весь день «Лемурия» забирала к востоку, и преследователи подумали, что она идет к Валузии, но ночью Ридо резко изменил курс и повел галеон на юго-запад. Спас положение Кулла еще, пожалуй, удача, одарившая атланта лучезарной улыбкой.

Кулл старался почаще менять гребцов, чтобы не выматывать их, и всякий раз внимательно прислушивался, стараясь уловить, откуда доносится плеск весел беглецов. Пиратам повезло:

барон, судя по всему, совсем недавно отдал приказ о смене курса, и Кулл с удивлением услышал, что звуки доносятся с правого борта, а не со стороны носа, как то было прежде.

«Богиня Морей» развернулась вслед за галеоном. Пару раз Кулл приказывал поднять из воды весла и немного подправлял курс, но все-таки не был уверен, что они идут правильно.

— Ну-ка, Гуго, — скомандовал он, — заряди арбалет. Попробуем подпалить их.

— Вряд ли достанем, — проворчал валузиец, работая лебедкой.

— Не подпалим, так подсветим, — сказал атлант. — Ты, главное, целься выше.

Рико поджег паклю, и факел взмыл в ночное небо. Быстро уменьшившись, на краткий миг он превратился в еще одну звезду, которых и без того в небе было предостаточно, потом резко пошел вниз, и мир вновь погрузился в темноту. Однако перед тем как погаснуть, факел успел высветить левый борт галеона.

— Ты видел?! — вскричал Кулл. — Попробуй-ка еще раз!

Гуго осклабился:

— Клянусь своими потрохами, сейчас я его уделаю!

Он сделал поправку и послал еще две стрелы, прежде чем Кулл остановил его. Обе они попали в цель, вызвав на борту «Лемурии» немалый переполох. Одна из них даже подожгла что-то на палубе, но пожар быстро потушили.

— Кулл, почему мы остановились? — недовольно спросил валузиец. По всему было видно, что он вошел во вкус. — Сейчас мы закидаем их стрелами и возьмем на abordаж!

— Не имеет смысла, — возразил Кулл. — Они уже очухались и не позволят заняться пожару. Все, что мне было нужно, это узнать, правильно ли мы идем... Ну и немного пощекотать им нервы. Мы не можем спалить ни мачты, ни такелаж: стрелы падают на палубу уже на излете. Так что придется тебе потерпеть.

Когда на востоке занялся рассвет, «Лемурия» по-прежнему маячила впереди, но расстояние между галеоном и «Богиней Морей» даже сократилось еще на пару корпусов.

Кулл ухмыльнулся. Дорого бы он дал за возможность посмотреть на лицо Ридо, когда барон узнает, что хитрость его не удалась! Зато теперь вдали виднелся остров, и атлант подумал, что все-таки оказался прав: вот она, та цель, к которой стремился беглец. Не зря барон путал след, не желая наводить преследователя на свое тайное логово.

Расстояние все сокращалось, но слишком медленно, и к полудню атлант понял, что догнать галеон им не суждено. Скалы, к которым они стремительно приближались, вырастали с каждым мгновением. Они словно поднимались из воды, мрачной, неприступной стеной вставая на пути двух корабликов, которые по сравнению с ними казались просто крошечными.

Ридо, однако, не сбавлял хода, и это ясно указывало на то, что он хорошо знает эти места. Расстояние сократилось до предела, но все еще оставалось слишком большим, чтобы успешно стрелять. Барабан гремел за спиной, заставляя гребцов делать последние и, как уже все понимали, бессмысленные усилия.

— Интересно, — ни к кому не обращаясь, прошептал Шарга, — он что, собирается проскочить сквозь эти скалы? Если тут какое-то колдовство, то дело плохо.

— Никакого колдовства, — буркнул Кулл. — Видишь, прямо по курсу небольшой выступ, на который они нацелились?

— Ну? — Шарга прищурился.

— Голову даю на отсечение, что за ним скрывается проход в уютную бухту, надежно укрытую не только от ветра, но и от любопытных глаз.

— Верю, — с готовностью согласился шкипер, — но это, в конце концов, не важно. Ты что собираешься делать?

— А что бы ты посоветовал? — вопросом на вопрос ответил атлант.

— Не знаю. — Шарга покачал головой и уставился на стремительно нарастающий берег. — Скажу одно: я бы остерегся лезть за ними следом.

— И все-таки придется, — сквозь зубы процедил атлант, — иначе все наши усилия псу под хвост!

— Твоя воля, капитан, — коротко ответил Шарга.

— Проклятье! Ты напрасно думаешь, что я потерял голову,— не оборачиваясь, сказал Кулл.— Ясное дело, что нас там ждут, и этот ночной маневр, скорее, выглядел как попытка заманить нас, нежели спастись бегством. Меня беспокоит другое: как бы ловушка не захлопнулась, когда мы сунемся внутрь.

— И что ты собираешься делать?

— Обойти вокруг острова. Если кто-то встал на якорь с той стороны скал, то ему будет достаточно войти за нами следом, и мы окажемся в ловушке, из которой уже не выберемся!

В это мгновение галеон развернулся и пошел на скалы не в лоб, а под углом, словно собирався пристать к ним левым бортом, но Кулл видел, что весел они не убрали, и вскоре тень начала поглощать корабль, явно указывая, что в гранитной стене есть проход.

— Лево на борт! Шлюпку на воду!

— Что ты собрался делать?

— Хочу обойти остров.— Кулл пожал плечами.— Человек шесть пусть останутся и последят за входом. Думаю, я скоро вернусь.

«Богиня Морей» пошла вдоль кромки скал не слишком быстро, но и не медленно. Шлюпка с шестью гребцами направилась к стене, чтобы укрыться за одним из выступов.

— В случае чего уходите на восток! — посоветовал на прощание Кулл, и Харт помахал рукой, давая понять, что все понял.

Шарга забирал влево. Они шли на северо-запад, когда скалы вдруг кончились, уступив

место тропическому лесу. Опасаясь наскочить на мель, шкипер направил «Богиню Морей» подальше от берега. Взгляды людей впились в непроходимые заросли. На миг у Кулла мелькнула мысль: а не попытать ли счастья именно здесь? Но он поспешил отказаться от нее. Ридо наверняка знал остров лучше него и понимал, что делает, когда повел за собой корабль врага. Это значит, что если здесь и можно пройти, то их будут ждать. Непременно.

Нет уж, лучше оставаться на судне. По крайней мере перед атакой он увидит противника, да и отступить, чтобы попробовать вернуться, можно, лишь оставаясь на «Богине». К тому же заросли казались слишком густыми, а подлесок подступал к самой воде. Все эти мысли мелькнули, как блики на воде, но когда Кулл посмотрел на берег, лес вновь сменился быстро набравшей высоту каменной стеной.

Атлант оглянулся, прикидывая пройденное расстояние. Судя по курсу, они прошли почти половину пути и вскоре повернут назад. Остров имел неправильную округлую форму, и тот участок леса выглядел достаточно большим, чтобы прокормить крупную колонию: судя по доносившимся с берега крикам, дичь там водилась в изобилии.

Впрочем, как только вся эта зелень исчезла из поля зрения, пропали и порожденные ею мысли: что бы там ни скрывалось, до этого ему пока нет дела.

Вскоре «Богиня Морей» совершила полный круг, но ничего интересного обнаружить так и

не удалось, а это значило, что путь, по которому прошел галеон Ридо, был единственным. Оставленная на страже шлюпка поспешила им навстречу, и вскоре гребцы поднялись на борт.

Пиратское судно словно оживо и, как смертельно опасное, но умное и ловкое животное, припав к водной поверхности, развернулось и медленно направилось внутрь прохода, в любое мгновение готовое отступить. Бесшумно опускаясь в воду, весла едва не касались стен, но Шарга уверенно вел галеру навстречу неведомой опасности.

Отвесные шершавые стены поднимались на невообразимую высоту, которая казалась еще больше из-за того, что проход был очень узким. Когда вход исчез за поворотом, стало темно, словно на водную гладь внезапно пали поздние сумерки: дневной свет, изливаясь сквозь узкую щель над головой, почти не достигал дна. Вскоре впереди показалась тонкая вертикальная полоска света.

— Сменить гребцов! Остальным приготовиться!

— Да ты что, Кулл! — не удержался Шарга. — В такое время менять гребцов!

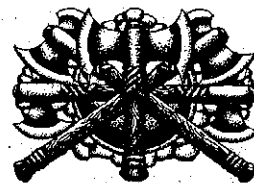
— Именно в такое! — отрезал атлант. — От них, быть может, будет зависеть наша жизнь! Гуго, к арбалету! И приготовьте побольше стрел.

Занимая привычные места, пираты забежали по палубе, готовясь к бою, и когда Кулл встретился взглядом с валузийцем, тот коротко ответил:

— У меня все готово, капитан!

Глава вторая ЛОВУШКА

Кулл быстро спустился в шлюпку, взяв с собой всего двух человек. Гребцы на «Богине Морей» подняли весла, и шлюпка беззвучно скользнула вдоль ее борта. Когда таран галеры остался позади, они поплыли очень медленно, осторожно выглядывая из-за скального выступа.

— О боги, — прошептал один из гребцов, — да это целая страна!

— Тихо! — шикнул на него капитан. — Смотрите молча и запоминайте!

Собственно, смотреть-то особенно было не на что. Поражали разве что размеры каменного мешка. Эта гавань хоть и уступала размерами гавани Дуур-Жада, но все равно производила сильное впечатление. В дальнем конце ее стояла на якоре «Лемурия». Справа виднелась узкая полоска зарослей. Ничего странного и подозрительного; но Кулл нутром чуял опасность, не зная, правда, откуда ее ждать. Она была, ее просто не могло не быть! Кулл готов был пове-

рить, что барон трус и дурак, но никому не удалось бы убедить его в том, что Ридо самоубийца.

— Назад! — Атлант махнул рукой в сторону галеры. — Нечего попусту тратить время, пора проверить их на прочность.

Не дожидаясь, пока шлюпку поднимут наверх, он ухватился за ближайшее весло галеры и через мгновение очутился на борту.

— Готовь арбалет, Гуго, — распорядился он. — Гавань почти как на Дуур-Жаде. «Лемурия» у дальнего берега. Вроде бы все спокойно, но расхолаживаться не стоит.

— Ох, не нравится мне это! — Рико покачал головой.

— Мне самому не нравится, — отозвался атлант, — поэтому будьте готовы в любое мгновение табанить правым бортом. А теперь вперед, но тихо.

«Богиня Морей» двинулась по темному проходу. Полоса света быстро приближалась, и наконец они оказались внутри. Бухта походила на огромное озеро, однако воды его выглядели неспокойно: угадывалось течение. Впрочем, об этом они знали, еще когда стояли в проходе. Тогда галеру словно засасывало внутрь, и приходилось все время подгребать одной парой весел, просто чтобы оставаться на месте.

Теперь же течение работало на них. Едва они выгребли на свободное пространство, как «Богиня Морей» пошла быстрее. Незащищенный борт «Лемурии» быстро приближался, но

мертвую тишину по-прежнему ничто не нарушало. Кулл отказывался верить собственным глазам! Еще немного, и они протаранят бок галеона, а на нем никакого движения, словно команды нет на борту! Это было просто невероятно!

* * *

Отец с сыном стояли за деревянной решеткой, в которую свежие ветви вплетались таким образом, что со стороны бухты выглядели как самый обычный кустарник. Раздвинув ветви, они поглядывали в образовавшиеся окошки, но уже перевалило за полдень, а «Богиня Морей» не показывалась. Видимо, проклятый атлант вовсе не собирался навестить к ним в гости.

Справа в качестве приманки стояла на якоре покинутая экипажем «Лемурия», которой барон великодушно решил пожертвовать, надеясь, что неугомонный пират с ходу ринется на абордаж.

Барон начал терять терпение. Неужели его тщательно продуманный замысел, на который потрачено столько сил и терпения, не осуществится? И тут ему в голову пришла ужасная мысль. Он сам привел этого ублюдка Кулла на остров, который назвал Вазией в честь своей родины, Валузии, и о существовании которого до сих пор не было известно никому.

Зачем только он позволил Каусу уговорить себя?! Как мог он поверить, что известный своей хитростью пират попадется на такую дешевую уловку?! Да он просто ушел на Дуур-Жад и

через пару дней вернется сюда со своими дружками на десятке галер и захватит остров!

— Он не придет! — в ярости выкрикнул барон и, сжав кулаки, топнул ногой. — Этот сукин сын не такой дурак, чтобы просто так совать голову в петлю!

— Он придет, отец, — спокойно возразил Каус. — Ты забываешь, что он сам гнал нас на закат, а потому вряд ли заподозрит ловушку! К тому же я был на Дуур-Жаде и много чего слышал о нем. Говорили разное, но все сходилось в одном: этот разбойник обладает своеобразным чувством долга, которое не позволяет ему бросать своих людей в беде. Тем более таких прелестных, как наша пленница.

Барон резко обернулся и посмотрел на Лионтину, которая ответила ему полным ненависти взглядом. Ее привязали к дереву, а рот стянули тугой повязкой, чтобы девушка не смогла закричать.

— Вот он, — понизив голос, сказал Каус. — Идет как миленький.

При этих словах пленница начала извиваться, отчаянно пытаясь вырваться на свободу.

— Зря стараешься, — усмехнулся барон, — от меня не убежишь! А твоего дружка я на медленном огне в масле сварю. Скоро увидишь.

Он отвернулся и припал к решетке, наблюдая, как пиратская галера медленно движется навстречу смерти. Нужно было выждать, пока она подойдет к «Лемурии», а еще лучше — возьмет ее на abordаж. Может быть, не стоило

снимать с галеона весь экипаж? Как бы это не насторожило проклятого атланта!

— Пора действовать! — нервно выкрикнул барон. — Он уже переступил черту!

— Еще не время, отец, — возразил Каус. — Пусть заберется поглубже!

— Да нельзя ждать! — настаивал Ридо. — Еще немного, и он увидит, что «Лемурия» пуста! Только идиот не сообразит, что это ловушка!

И тут Лионтина отчаянно завизжала. Ни отец, ни сын так и не поняли, чего она добивается, а девушка далека была от мысли предупредить любимого об опасности, но все-речь рассчитывала, что кто-нибудь из ее мучителей, а может быть, и оба, не сдержавшись, выдадут себя криками.

Барон кивнул одному из своих людей, и тот отвесил девушке звонкую оплеуху.

— А ну заткнись, шлюха, — зло гаркнул верзила, — если не хочешь, чтобы тебе поджарили пятки!

* * *

Они находились уже посредине свободного пространства, когда со стороны берега донеслись непонятные звуки, похожие на сдавленные выкрики.

— Табаны! — заорал Кулл, и гребцы правого борта подняли весла, а гребцы левого заработали быстрее.

Шарга как раз собрался стрелять, но его качнуло, выпущенная стрела ушла далеко в

сторону, ударились о скалу и, рассыпав снопы искр, упала в воду. В тот же миг мир вокруг словно взорвался. Стена зелени, оказавшаяся искусно выполненной декорацией, рухнула, и Кулл увидел...

— Гуго! — крикнул он. — Арбалет на корму! Живо!

* * *

— Что я говорил?! — взвизгнул Ридо. — Этот ублюдок обо всем догадался! Сейчас они уйдут! Стреляйте, идиоты! Стреляйте!

«Богиня Морей» разворачивалась.

— Да куда стрелять-то?! Она крутится, как волчок!

— Да куда угодно, болваны! Главное — попасть!

Установленный на берегу огромный самострел, по сравнению с которым осадный арбалет Кулла казался просто детской игрушкой, с глухим уханьем выплюнул стрелу, больше походившую на окованное сталью бревно, с широким зазубренным наконечником.

Началось нечто невообразимое. Шарга до хрипоты орал на гребцов, Ридо — на рабов, стоявших у ворот. Кулл, для которого короткие мгновения растянулись до бесконечности, прикидывал, чем все это может кончиться, и ничего хорошего ему в голову не приходило.

Пиратская галера наконец закончила разворачиваться, и Кирим ударил в барабан, задавая темп:

— А ну, навалились на весла, мерзавцы, если не хотите, чтобы вас выполоскали в этой луже и развесили сушиться на реях! — заорал Шарга, и в тот же миг мощный удар сотряс судно.

Стальной наконечник пробил левый борт у самой кормы, раненая «Богиня Морей» отчаянно рванулась на волю, но наконечник чудовищной стрелы намертво вцепился в шпангоут, расщепив его почти до киля.

— Шевелись быстрее, дохлые собаки! — кричал на рабов Ридо. — Если они уйдут, прикажу всех повесить!

Кулл слышал срывающийся от злости и волнения крик барона, но видел только огромный ворот, с помощью которого его враг рассчитывал подтянуть к берегу загарпуненную «Богиню Морей». Канат, закрепленный на оперении стрелы, натянулся, пресекая отчаянную попытку спастись бегством. Медленно, но верно, несмотря на отчаянные усилия гребцов, канат наматывался на барабан, и лишь три корпуса «Богини Морей» отделяли ее от кромки берега и неизбежной схватки с противником.

— Прах и пепел! — взревел Кулл и кинулся в каюту.

Через мгновение он выскочил обратно с огромным боевым топором в руках.

— Кулл, смотри! — крикнул Шарга.

Атлант обернулся и увидел то, что не вызвало у него ни малейшего удивления. Он почти ожидал появления еще одной галеры. Нет, «Лемурия» так и осталась стоять на месте. Похоже,

Ридо заранее снял с нее людей, решив пожертвовать флагманом, но как только из-за скалистого мыса, который издалика казался всего лишь дальней стеной бухты, показался бушприт, атлант сразу понял, что этот галеон не меньше, чем «Лемурия». К тому же на берегу засуетились лучники Ридо, но и люди Кулла знали свое дело и мгновенно выстроили вдоль борта стену из щитов.

— Сожги этого ублюдка! — крикнул атлант Гуго и бросился на нижнюю палубу.

— Паруса долой, дохлые крысы, если не хотите идти до Дуур-Жада на веслах!

Десятки ног затопали по палубе, матросы взлетели по такелажу, со скоростью молний работали руками. Стрелы летели, словно стая огненных пчел, но ни одна не причиняла ни малейшего вреда.

От посыпавшихся один за другим могучих ударов Кулла сотрясая корпус галеры, но атлант как будто обезумел. Словно одержимый наносил он удар за ударом, беспощадно калеча корпус своего судна. Он не видел происходившего за бортом, но почти физически чувствовал, как сокращается расстояние до берега, как подтягивают их к зловонной пасти Демона Смерти, готового пожрать «Богиню Морей» и полторы сотни пиратов.

Лезвие топора безжалостно впиновалась в расщепленный шпангоут: выше застрявшего наконецника, ниже и опять выше, и снова ниже — пока не перерубило его. Не останавливаясь,

Кулл обрушил удары на борт, но успел пробить лишь узкое отверстие, когда кусок обшивки с треском вырвало из корпуса и соленая вода хлынула в трюм.

— Проклятье! — взревел атлант. — Все на нос! Уносите все тяжелое, если не хотите кормить акул! — Он схватил мешок с мукой и, прикрывшись им, навалился на огромную рваную рану, чтобы хоть как-то перекрыть доступ воде, хлеставшей через нижний край пролома. — Харта мне! Живо! И скажите там, наверху, чтобы все убрались на нос, все, кроме Гуго, Рико и Шарги!

Кулл бросил взгляд на берег и увидел, что там уже натягивают огромную дугу самострела, готовясь к новому выстрелу, и услышал визг барона, который вовсе не собирался отпускать «Богиню Морей» на волю. Оставалось еще судно, выгребавшее из-за мыса, но его он не видел.

— А ну, навалитесь на весла, мерзавцы! Или вы ждете, когда нас вновь загарпунят?! Кирик! Ты что, на похоронах играешь?! Задай им жару!

Туриец заработал колотушками, и три пары весел удвоили темп. Берег понемногу удалялся, но Кулла по-прежнему казалось, что они движутся слишком медленно, когда он услышал зычный рев Шарги:

— Табань, сукины дети, если не хотите разбиться о скалы!

— Дозволь, капитан, — услышал он за спиной спокойный голос Харта, корабельного плотника, — и отпусти этот мешок. Думаю, он уже ни к чему.

Кулл бросил на залитые соленой водой доски нижней палубы намокший мешок, и он тяжело скатился к его ногам. Харт присвистнул, осматривая уродливый, в рост атланта, пролом.

— Ну, что скажешь? — мрачно поинтересовался Кулл, выждав, пока плотник закончит осмотр.

— Здорово нам досталось, — сдержанно ответил тот.

— Можно подумать, я не знаю! Ты скажи, «Богиня Морей» останется на плаву?

— Нужен серьезный ремонт в спокойных условиях. То, что я смогу сделать сейчас, до первого шторма.

— Ясно. Начинай. Все люди в твоём распоряжении.

Кулл кинулся наверх и очутился рядом с Шаргой как раз в то мгновение, когда «Богиня Морей» входила в скалистый проход, ведущий на волю. Он посмотрел на далекий берег и только теперь впервые увидел Ридо, стоявшего у самой кромки воды, а рядом с ним — щуплого парня, с которым тот разговаривал.

Чуть левее и дальше занимался огнём огромный галеон. Глядя на него, Гуго что-то злобно цедил сквозь зубы. Теперь главное — вырваться. Тогда они смогут посмеяться над бароном и подумать, как отомстить. Хуже было другое: Лео так и осталась в лапах этого мерзавца.

— Что с кораблем? — спросил шкипер.

— Харт сказал, что продержимся до первого шторма, — хмуро ответил атлант, — но, я думаю,

он сказал не все. Пробоина-то кончается ниже ватерлинии.

— Дрянь дело, — сплюнув в сердцах, согласился шкипер. — На таком корыте много не проплаваешь.

— Верно, — кивнул Кулл.

— Что думаешь делать? — Шарга вопросительно посмотрел на капитана.

— А что тут думать? — Кулл пожал плечами. — Нам теперь одна дорога — в док Дуур-Жада. Только бы погода не подвела. — Он посмотрел на небо, но увидел лишь узкую голубую полоску над головой. — Ничего, бывало и похуже!

* * *

Ридо рвал и метал. Словно обезумевший, бежал он по берегу, и его пинки и проклятья сыпались на каждого, кто попадался на пути, за исключением разве что Кауса. По его виду любой мог понять, что произошла страшная катастрофа, рухнули все планы барона, жизнь потеряла смысл, и поэтому люди старались убраться подальше.

Его сын, напротив, держался подчеркнуто спокойно, будто ничего страшного не случилось, все идет как задумано, а если и произошла досадная осечка, то не стоит обращать на нее слишком много внимания. Видя, что отец окончательно потерял голову, и понимая, что время дорого, он повернулся к управителю колонии Вазия.

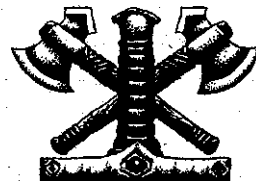
— Немедленно потушить пожар на «Миральде», вывести ее из пролива и заменить по-

врежденные огнем части такелажа. Сразу после ремонта — курс на Дуур-Жад. И пусть выходят как можно скорее, на веслах, закончат ремонт на ходу! Мы же уходим немедленно. — Он собрался было уйти, но тут взгляд его упал на привязанную к дереву Лио и он обернулся. — Девушку — на «Лемурию». Она отправляется с нами.

Глава третья БЕГСТВО

Варга ревел, как раненый слон, но рулевого весла не выпускал, не доверяя его даже капитану. Команды, перемежаемые сочными ругательствами, извергались из его пасти без перерыва, и почти каждая последующая противоречила предыдущей. Шкипер пошел на большой риск, приказав поставить паруса. В таком узком проходе, как этот, любой порыв ветра мог бросить галеру бортом на скалу, и сломанные весла оказались бы меньшей из бед, что подстерегали раненую «Богиню Морей» в этом случае. Однако никто не роптал. Все понимали, что спасут свои шкуры, лишь беспрекословно выполняя команды Шарги.

Впереди уже показалась узкая полоска света, сзади ничего не было ни видно, ни слышно, но никто не сомневался, что барон не оставит их в покое и ринется догонять. Почти десять лет назад Кулл впервые столкнулся с Ридо и за прошедшие годы успел изучить его. Барон не обладал ни хитростью, ни умом, ни военным

талантом, но, как известно, недостаток одних качеств боги всегда восполняют избытком других, и потому Ридо был зол, энергичен и упрям, как сотня ослов.

Не пострадай «Богиня Морей» так сильно, атланта несколько не беспокоила бы погоня, но пробоина превращала мощную и быструю галеру в неуклюжую посудину, а ее отчаянная команда вовсе не рвалась в бой, а мечтала лишь о том, как бы поскорее добраться до берега. Это понимал не только капитан. Это было ясно и Шарге, и всем остальным. Сейчас от верной смерти их могло спасти только расстояние. Чем дальше они уйдут от кораблей противника, тем больше надежда на благополучный исход дела. В ином случае их паруса просто сожгут, а судно возьмут на абордаж. Будучи трусом, Ридо никогда не рисковал понапрасну, а значит, если он решится на погоню, то у него в запасе есть не меньше пары галер, которые возьмут в тиски покалеченное пиратское судно и покончат с ним. О том, что сделает Ридо с его людьми, Кулл и думать не хотел. Жестокий, мстительный нрав барона знали все...

Сулившая спасение полоска света все приближалась. Харт ни на миг не покидал свисавшую по левому борту люльку, торопясь до выхода в открытое море заделать хотя бы нижний край пробоины. Он работал, как проклятый.

Огромные деревянные лопасти мерно опускались в черную воду, проталкивая галеру против течения ближе к свету, ближе к свободе. Чуть

впереди и справа от шкипера замер в напряжении Гуго, рядом застыл Рико с зажженным факелом в руке — в любое мгновение они готовы были закидать преследователей горящими стрелами.

Кулл спустился на гребную палубу. Люди столпились в носовой ее части, и лишь дюжина гребцов сосредоточенно работала веслами, подчиняясь ритму, заданному Киримом. Рваная рана уже была закрыта снаружи куском просмоленной парусины — Харт не зря слыл одним из лучших корабельных плотников. Он знал свое дело и умел работать быстро и хорошо. Это казалось невероятным, но он успел закрепить края заплата и теперь покрывал все слоем разогретой смолы. Волны с громким плеском разбивались о корпус судна, но Кулл слышал, как размеренно шуршит кисть Харта, слой за слоем нанося вязкую, дымящуюся массу. Внезапно галеру бросило на правый борт, и Кулл, выругавшись, помчался наверх.

— Ветер с севера, — коротко бросил Шарга, завидев Кулла, и тут же вновь заорал: — Харт! Ты что там — уснул?!

Окрепший ветер гнал по небу редкие белые облака. Атлант увидел яркий солнечный свет, почувствовал всем телом соленый свежий ветер и понял, что они вырвались.

— Все готово! — Донельзя довольное лицо корабельного плотника показалось над фальш-бортом. Через мгновение он спрыгнул на палубу, поставил горшок с остатками смолы и отер пот со лба. — Конечно, нужно еще закрепить все как следует, но вода в трюм не пойдет.

— Прах и, пепел! — взревел Шарга. — Вы слышали, мерзавцы?! Все на весла! Кирим! Довольно прохлаждаться!

Кулл посмотрел на север — туда, где лежал Дуур-Жад. Горизонт был чист. «Богиня Морей» шла правым галсом, заметно ускоряя ход по мере того, как все новые гребцы садились за весла.

— Стил! — гаркнул атлант. — Смени Шаргу!

Жилистый тулеец принял руль из рук шкипера, и Кулл обернулся, чтобы обменяться парой фраз с Гуго, когда из узкого прохода, который они только что покинули, показался бушприт преследователя. Кулл прикинул расстояние и посмотрел на валузийца:

— Достанешь?

Тот пренебрежительно хмыкнул и, направив арбалет, прицелился. Рико поднес факел, и конец стрелы вспыхнул.

— Рано ты высунулся, клянусь бородой моего деда, — проворчал он, пуская стрелу в полет. Через несколько мгновений едва заметная на ярком солнце вспышка возвестила о том, что цель достигнута.

— ..абань!!! — донесся до них далекий, заглушаемый плеском волн крик.

— Засуетились, выродки! — злорадно процедил сквозь зубы рыжий верзила и обернулся к Куллу: — Подбросить им еще огоньку, капитан?

— Зачем? — удивился Кулл. — Он ведь поворачивает! Свое получил, теперь будет осторожнее!

— Жаль! — огорчился арбалетчик. — Я бы пострелял.

— Еще успеешь, — усмехнулся атлант, — а этого уже не достать.

Гуго резко обернулся и увидел, что бушприт теперь едва виден. Получив в борт горящую стрелу, капитан сообразил, что, пока он будет выводить из теснины, его утыкают стрелами, как ежа, и предпочел не рисковать. Так что в ближайшее время никаких неожиданностей не предвиделось, и Кулл, Шарга и Харт направились вниз. На месте залатанной пробойны внутри трюма выпятился пузырь, грозя в любое мгновение лопнуть и вновь лишить «Богиню Морей» ходкости.

Атлант крикнул в сердцах, шкипер глухо выругался. Харт негромко кашлянул, привлекая к себе внимание.

— На самом деле все не так страшно, как кажется, — сдержанно заметил он.

— Да? — Шарга недоверчиво посмотрел на плотника.

— Если море останется таким же спокойным, — начал объяснять тот, — и ветер не переменится, мы запросто дойдем до Дуур-Жада. Заплата прочная.

— Ну нет! — вмешался Кулл. — Я не желаю зря рисковать!

— Вспомни ты об этом чуть раньше, и мы не полезли бы в эту треклятую гавань, — заметил Шарга, мрачно глядя на уродливый пузырь.

— Быть может, но я считал этот риск оправданным. И покончим с этим! Безопаснее всего — вообще не покидать Дуур-Жад! — Он помолчал, прежде чем заговорить снова. — Во вся-

ком случае, у меня было крепкое судно, полторы сотни головорезов на его борту, и я мог положиться и на то, и на другое!

— Пойду-ка я делом займусь,— сообщил Харт, поднимая с пола ящик с инструментами.

Он не любил долгих разговоров. Его дело — чинить то, что ломали другие.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовался Кулл.

— Закрою изнутри пребоину щитом, подоткну щит распоркой между бортами, закреплю распорку на киле и клином выдавлю пузырь наружу.

— Насколько это будет надежно?

— Приличное волнение мы, пожалуй, выдержим, но серьезный шторм нам не по зубам... — Харт поморщился. — Корпус начнет выгибать,— задумчиво говорил он, быть может, не столько объясняя, сколько думая вслух,— крепление неизбежно разболтается и ослабнет... Как быстро мы пойдем ко дну, будет зависеть только от силы шторма да от удачи.

— Понятно. Сколько тебе понадобится времени?

— Думаю, к вечеру управлюсь.

* * *

Ридо рвал и метал. Гнев душил его с того мгновения, когда проклятой галере атланта удалось вырваться из тщательно расставленных сетей. Он нисколько не сомневался в успехе и сорвавшиеся планы воспринял как личное ос-

корбление. Барон бушевал, и вся команда «Ле-мурии» заботилась не столько о погоне, сколько о том, чтобы не попасться на глаза обезумевшему хозяину.

Как он гордился придуманной им ловушкой! Ему она казалась верхом хитрости и коварства, и вдруг все рухнуло! Такого удара барон не смог перенести. Он винил рабов, медленно крутивших барабан, чуть ли не подозревая их в сговоре с ненавистным пиратом, он наорал на капитана «Миральды», который позволил поджечь его галеон. Ридо готов был винить всех и каждого, искренне уверенный в том, что, если уж он заманил Кулла в западню, тот неизбежно должен был погибнуть.

Но атлант ушел. Поэтому, когда барон, сгорая от нетерпения и уже видя долгожданный выход на морские просторы, услышал команду: «Табань!» — он чуть собственноручно не зарубил капитана и, не вмешайся вовремя Каус, сделал бы это.

— Успокойся, отец! Никуда он от нас не денется! — вскричал более рассудительный наследник. — Для нас сейчас главное — не догнать, а не потерять его из виду!

Ридо посмотрел на сына и на миг позавидовал его уверенности и спокойствию. Сам он не мог здраво рассуждать, когда речь шла о его давнем враге. Он мгновенно вспоминал пропитавшийся кровью песок, по которому ползал на коленях, вымаливая у Кулла жизнь, и от этого воспоминания у него темнело в глазах.

* * *

Берег удалялся так же стремительно, как вырастал утром, но настроение команды изменилось: надежды не оправдались, а сами они едва не угодили в искусно расставленный капкан. «Богиня Морей» получила серьезное повреждение и хотя осталась на плаву, но из грозного боевого корабля превратилась в жалкого калеку.

Правда, в том, что случилось, можно было отыскать и нечто хорошее. Кулл не сомневался, что Ридо бросится в погоню, собрав все свои силы. Таким образом, скоро станет известно, какие корабли остались в распоряжении барона и сколько их, а значит, можно будет решить, как действовать дальше. К тому же, вырываясь из западни, пираты подожгли одну из вражеских галер, а это не могло не разозлить барона до крайней степени, и Кулл не без оснований надеялся, что его противник, ослепленный яростью, начнет делать ошибки.

— А барон-то сваял дурака,— прерывая его размышления, неожиданно заявил Шарга.

— Что ты имеешь в виду? — Атлант вопросительно посмотрел на шкипера.

— Оставь он команду на «Лемурии», нам пришлось бы туго.

— Ты прав,— вмешался Гуго.— Барон — дурак, и пока его глупость нам на руку.

— Я бы не слишком рассчитывал на нее,— заметил Кулл.— В последнее время Ридо начал действовать по-другому... Дерзко, что ли... И

это меня тревожит.— Он усмехнулся.— Барон теперь не просто дурак. Он отважный дурак.

— Не понял... — Шкипер удивленно взглянул на Кулла.

— Барон труслив,— задумчиво сказал атлант.— С годами можно набраться ума, но не храбрости.

— К чему ты клонишь?

— Я уверен, что он никогда бы не осмелился сунуться на Дуур-Жад!

— Но его там и не было! — воскликнул шкипер.— Это Кузоло...

— А-а, брось! — отмахнулся Кулл.— Кузоло не умней барона. Он просто наглый, самоуверенный болван. Но ведь не он увез с Дуур-Жада Лио, хотя и пытался! Это было сделано по-умному. Кто-то просто использовал Кузоло, как считал нужным. Спокойно выждал, пока все отправились на Арену, и без лишнего шума сделал свое дело, оставив нам на память три трупа!

— В этом что-то есть... — пробормотал Шарга.— Кстати, и сегодняшняя ловушка могла быть его же рук делом.

— Могла,— согласился атлант,— хотя я и сомневаюсь в этом. На Дуур-Жаде неизвестный все рассчитал до мелочей. Судите сами,— Кулл перевел взгляд с Шарги на Гуго.— Если Кузоло убьет меня — цель достигнута, если нет, у них руках остается отличная приманка, на которую я не могу не клюнуть! Понимаете? Он выигрывал при любом исходе дела! Здесь же произошла осечка, хотя... — атлант задумался.— Вполне может статься, что это барон подправил чужой

замысел, и именно ему мы обязаны спасением... Быть может, это он оставил «Лемурию» без команды. Как бы там ни было, теперь мы должны быть вдвойне осторожными.

— Верно говоришь, капитан. — Гуго зло сплюнул за борт. — Хочу только добавить кое-что от себя. С бароном нужно кончать, и немедленно, иначе он покончит с нами.

— Что ж, — Кулл усмехнулся, — согласен. Что ты предлагаешь?

— Отправить к Морскому Отцу весь его дурацкий флот — вот что я предлагаю! — запальчиво воскликнул Гуго.

— Идея, конечно, хороша, — усмехнулся атлант, — только вот, к сожалению, флот у него отнюдь не дурацкий, а потому сделать это будет не так просто.

— Ничего, — убежденно проговорил валузиец, — одну его лоханку мы сегодня потопили, вторую подожгли. Доберемся и до остальных, коли будет на то воля богов, — закончил он уже гораздо спокойнее.

— В одном ты прав: другого выхода у нас, похоже, нет, — согласился Кулл. — Хотя, повторяю, сделать это будет непросто. Боюсь, что тот, кто думает за Ридо, не позволит ему больше делать глупости.

— Знать бы, кто этот умник, — злобно процебил Шарга.

— А что это даст? — Кулл вопросительно посмотрел на шкипера. — Я почти уверен, что видел его. Какой-то тщедушный мозгляк под-

нялся на борт «Лемурии» вместе с Лио и двумя верзилами, которые сопровождали Кузоло. И тот же недомерок вместе с бароном смотрел нам вслед, когда мы уже входили в протоку.

— Недомерок, говоришь? — задумчиво проворчал Гуго и запустил волосатую пятерню в нечесаную рыжую шевелюру. — Я сейчас подумал, а не сынок ли это баронов? А? Кулл! Подумай, молодая кровь, задор, свежие мысли?

— Папашины деньги и осторожность, внушенная трусостью? — задумчиво проворчал Кулл. — Похоже, мы вляпались по уши!

— Ну так пусть пеняет на себя! — не сдавался Гуго. — Вернемся на Дуур-Жад, узнаем последние новости. Поставим «Богиню Морей» в док, а сами тем временем наведаемся в Валузию. Барус наверняка еще не вышел в море и не откажется помочь нам. Это даже лучше. Его «Синяя Акула» не так приметна, как «Богиня Морей»! Надеюсь, в замке Ридо найдется что-нибудь, что барон согласится обменять на Лио. А вот когда Лионтина вернется, можно будет спокойно подумать над тем, как потопить его гнусный флот! — Он повернулся к Куллу. — Что скажешь, капитан?

Кулл молча смотрел в море, на удаляющийся берег, где на фоне серой скалы, словно из ее недр, медленно появлялась галера, в которой атлант без труда узнал «Лемурию». Показавшись полностью, она развернулась и начала быстро набирать ход, а из узкой, по-

прежнему невидимой щели, показался нос следующего судна.

— А барон-то, похоже, и впрямь дурак,— ни с того ни с сего заявил Шарга,— как-то глупо он пожертвовал своим флагманом. Не сними он с него команду, мы точно попались бы! — Мрачно глядя на два набиравших ход галеона, повторил он сказанное ранее, словно ему доставляла удовольствие сама мысль об опасности, которую удалось избежать.— Ведь где-то там еще остался погорелец! Против трех таких монстров нам бы точно не выстоять!

— Ты прав,— не стал спорить Кулл.— А что касается замка барона, — ответил он Гуго,— то, сказать по правде, не нравится мне эта затея.

— Но почему? — опешил валузиец.— Ты ведь сам предлагал это еще вчера!

— Все верно,— кивнул атлант,— но вчера я считал, что барон — дурак, а теперь сомневаюсь в этом... И знаешь, что мне пришло на ум? — Он перевел взгляд с арбалетчика на шкипера.— А не вынуждают ли нас сделать именно это? Не для того ли выкрали Лио из Дуур-Жада, который все мы считаем домом, чтобы навести нас на мысль о такой же мести?

— Ты это серьезно? — Рыжий стрелок улыбнулся, но тут же посерьезнел.— Ну да, конечно, у барона подрос неглупый сынок, но... Я согласен, Лио он выкрал, чтобы выманить тебя с Дуур-Жада, чтобы ты погнался за ним и угодил в ловушку на острове! Но не больше того!

— А если он подумал не только о том, как заманить нас на остров, — возразил атлант,— но и о том, что мы станем делать, если вырвемся?

— Ну нет! — воскликнул Гуго.— Извини, капитан, но послушать тебя, так наш барон из дурака превратился в демона коварства! Не бывает такого! Якорь мне в глотку! — Он яростно ударил себя кулаком в грудь.

— Всегда лучше переоценить противника, чем недооценить его.

— Ну не знаю.— Гуго пожал могучими плечами.— Не перехитри самого себя!

— Это вряд ли.— Кулл усмехнулся.— Я ведь не собираюсь отказываться от наших планов, просто предлагаю считать, что нас там поджидают, а лишняя осторожность еще никому не вредила.

* * *

Ветер постоянно дул с востока, однако, меняя галсы, «Богиня Морей» упрямо пробивалась к Дуур-Жаду. Огромная трехмачтовая «Лемурия» не проигрывала в скорости «Богине», хотя пиратская галера и слыла быстроходным судном. Второй гнавшийся за ними галеон уступал размерами своему флагману, но зато оказался еще более ходким. По крайней мере, хоть и не все паруса на нем были подняты, он шел ничуть не медленнее, чем «Лемурия».

— Давно мы не чистили днище,— мрачно заметил Шарга, и атлант кивнул, соглашаясь.

Кулл вновь оглянулся на преследователей. Словно следуя молчаливому соглашению, и бег-

лец, и волочившиеся следом галеоны шли под парусами, не прибегая к помощи весел. Сперва это порадовало Кулла: он не хотел понапрасну утомлять свои люди. Но вот почему барон пошел на это?

— По-моему, он просто трусит,— неожиданно заявил Шарга.— Барон видел, как мы потопили его галеон, когда он забирал на «Лемурию» Лео и своего сына, и теперь боится, что два к одному — слишком маленькое преимущество.

— Знаешь, что меня тревожит? — не оборачиваясь, заговорил атлант.— Мы идем под парусами, чтобы люди могли хоть немного передохнуть. А барон-то кого жалеет? У него ведь рабы на веслах! Или он тоже хочет дать отдых воинам перед боем?

— Это не похоже на Ридо,— уверенно возразил шкипер.— Никто никогда даже и не слышал, чтобы он заботился о своих людях.

— Разве я говорил о заботе? — удивился Кулл.— Сейчас барон мается морской болезнью на одной из этих посудин и прекрасно понимает: от того, как будут чувствовать себя его бойцы, зависит его драгоценная жизнь. Так что если он о ком-то и заботится, то только о себе, ну, еще, может быть, о своем сыне.

— Так что тебя волнует? — спросил Шарга.

— Почему он не сажает их на весла?

— Прах и пепел! Да ты только что сам все объяснил! — воскликнул шкипер.— Причем весьма убедительно,— добавил он уже спокойнее.

— Верно, объяснил,— согласился Кулл,— но когда я начинаю задумываться о том, что будет дальше, меня одолевают сомнения.

— А ты подумай вслух,— посоветовал Шарга.— Может, разберешься.

— Если барон жаждет боя, то почему не спешит догнать нас? А если представить, что он тянет время, то чего выжидает? Чем больше думаю об этом, тем меньше понимаю.

Кормчий внимательно слушал, и лицо его, поначалу беззаботное, постепенно мрачнело. Что задумал барон? Казалось бы, они сами выбрали путь и свободно следуют по нему, а барон плелся в хвосте, ничего не предпринимая, чтобы настигнуть беглеца. Но так ли свободен был выбор, как им думалось?

Одна из галер Ридо даже убрала часть парусов, чтобы не нарушать сложившегося порядка. Шарге вдруг пришло в голову, что, быть может, барон дожидается, когда подоженный пиратами корабль приведут в порядок и он тоже пустится в погоню? И хотя такой план по бессмысленности превосходил все, что Шарга мог припомнить, но он не казался столь сумасшедшим, когда речь шла о бароне, знаменитом своей трусостью.

Солнце коснулось моря нижним краем, и золотая дорожка пробежала по зеленой воде. Шарга обернулся и вскрикнул:

— Капитан!

— Что еще? — Атлант, недовольный тем, что его оторвали от рассуждений, обернулся.

— Смотри сам!

Остров был еще хорошо виден, и капитан ясно различил на фоне серой скалы яркие красно-белые, как у одномачтовика, который они сожгли, полосатые паруса.

— Ничего удивительного! — Кулл равнодушно пожал плечами. — Когда-то ведь его должны были починить.

— Я не об этом. — Шарга досадливо поморщился. — Просто я подумал а не его ли поджидает Ридо? — Шкипер прищурился, вглядываясь в далекий силуэт. — Сдается мне, что они-то идут под веслами. Не пора ли и нам прибавить ходу?

— Вижу две галеры прямо по курсу! — закричал впередсмотрящий.

— Оказывается, Ридо поджидал не только его, — ответил Кулл.

Он посмотрел на небо: шторма, хвала богам, пока не предвиделось. По небу плыли белые кучевые облака, весь день парило. Можно было надеяться, что ночь будет темной, беззвездной, и это хорошо.

— Шарга! — крикнул атлант. — Постарайся прикрыть галеры от барона. Если он не увидит их до захода, ночью попытаемся оторваться на веслах!

Кулл остановился у фальшборта и прикрыл глаза ладонью от солнца. «Богиня Морей» как раз пошла другим галсом, уклоняясь на восток, в сторону Дуур-Жада, и шедшие навстречу суда тотчас переложили руль, чтобы вновь направиться встречным курсом, явно отсекая пиратов от желанной гавани. Ветер понемногу

крепчал, а солнце лишь наполовину скрылось в воде. Как медленно тянется время, когда ждешь!

— Плохо дело, — проворчал Гуго, который неожиданно возник рядом.

Шарга закрепил руль и тоже направился к ним.

— При таком ветре до Дуур-Жада двое суток хода, — заметил он. — Похоже, драки не избежать.

— Значит, капитан оказался прав, — заявил валузиец. — Барон знал, что делал, когда решил потянуть время.

— Наверное, — мрачно согласился Шарга.

— Одного только не пойму, — задумчиво заговорил атлант, — откуда у него взялась уверенность, что мы непременно попадем в тиски? Можно подумать, они действовали согласованно.

— Как пить дать, не обошлось здесь без колдовства! — воскликнул Шарга.

— Ну не знаю... — Кулл пожал плечами. — В Валузии оно вроде как не в чести. Впрочем, они не все рассчитали. Солнце садится, а ночь нужнее нам, чем им!

— Ну и что? — вспыхнул Гуго. — Зажмут нас с двух сторон, подпалят, и будет тебе светло, как днем!

— Ты не кипятись, — примирительно похлопал его по плечу шкипер. — Ночью прятаться легче, тут капитан прав, а поджигать мы и сами мастера, но вот если здесь замешано колдовство...

— Далось тебе это колдовство,— огрызнулся валузиец.— Не пойму, чего ты его так боишься?

— Чего? Если они могут на таком расстоянии договариваться друг с другом, то и подслушивать наши разговоры им ничего не стоит.

— Не ломай голову,— улыбнулся Кулл,— к утру узнаем. Сейчас не это главное. Нужно решить, куда мы теперь пойдём, ведь ясно, что на Дуур-Жад нас не пропустят.

В это время к ним подошёл Харт — видимо, закончил работу. Не говоря ни слова, Кулл обернулся к нему.

— Сделал что мог,— скромно ответил тот на невысказанный вопрос.

— Прах и пепел! — воскликнул атлант.— В этом я не сомневаюсь. Ты мне скажи, на что мы теперь способны?

— Сильного шторма хотелось бы избежать... И драки,— добавил он, подумав.— Но особенно волноваться, на мой взгляд, не о чем.— И только тут плотник насторожился:— Что-нибудь случилось?

Он быстро взглянул на небо, потом на море. Солнце почти скрылось за горизонтом, лишь маленький краешек его торчал из почерневшей воды, окрашивая облака в грязно-красный цвет. Со стороны оставшегося за кормой острова за «Богиней Морей» следовали, будто на привязи, два корабля, а шедший на веслах и под парусами третий быстро нагонял их. Встречным курсом, стремительно увеличиваясь в размерах, приближались ещё два судна.

— А это кто такие? — только и смог прошептать Харт.

— Дружки, с которыми у меня нет ни малейшего желания встречаться, по крайней мере со всеми сразу,— объяснил Кулл.— Потому-то меня и волнует, на что способна сейчас «Богиня Морей».

— Делай с ней что пожелаешь! — твердо ответил плотник.— Хоть на таран иди, если иного выхода не останется! И небольшого шторма я не боюсь, но вот затяжная драка вполне может нас доконать. Но учти: все это лишь на крайний случай. Нам по-прежнему нужен док.

— Что ж, сезон штормов ещё не скоро. Хоть это хорошо. Давайте решать, что делать дальше.— Атлант окинул друзей внимательным взглядом.

— Ясно одно — в Валузии нам делать сейчас нечего,— заявил шкипер.

— Это очевидно,— согласился Кулл.— В Атлантиду мне тоже нельзя, но мы можем уйти на восток, в Грондар, хотя это слишком долгий и опасный для нас путь. Можно отправиться в Каа-у и дальше на юг или попробовать проскользнуть в Западное море.

— Нет,— возразил Шарга,— к Грондару я бы не пошел. Мало того, что по пути мы рискуем напороться на валузийцев или атлантов, но, даже пристав к берегу, не будем чувствовать себя в безопасности. Уж лучше двинуться в Западное море, поближе к границе с Верулией. Там много уютных маленьких заливчиков, где можно

тихо переждать, пока Харт не починит «Богиню Морей» более основательно.

— Харт? — Кулл запустил руку в смоляную шевелюру и посмотрел на плотника. — Мы можем своими силами привести «Богиню» в порядок, или стоит забыть об этом и искать док?

Тот пожал плечами:

— Почему нет? Место бы найти. Заодно и днище почистим. В крайнем случае просто приотопим нос, корма поднимется. Материал на борту есть, клей я сварю, — начал перечислять он. — Думаю, дня за три-четыре управлюсь, если, конечно, начну готовиться прямо сейчас... Но на эти три дня судну необходим полный покой! Никаких гонок и уж тем более драк! — Он выразительно посмотрел на Кулла. — Но если мы пойдем в Западное море, барон увяжется следом и непременно нас отыщет. Шарга не прав: там просто негде как следует спрятаться.

Кормчий хмыкнул недовольно, потом поморщился, но спорить не стал.

— В Каа-у надо идти! — решительно заявил Гуго. — На юг, поняли?! И думать тут нечего! — Он рубанул воздух ладонью. — Там у меня друзья! Там нас не то что барон, там нас сам Демон Смерти не достанет! Вытянем галеру на берег и починим, и почистим!

Глаза его блестели, он с надеждой смотрел на Кулла. Шарга прикинул: далеко, правда, ну да не беда! Раз Харт уверяет, что «Богиня Морей» не развалится... Он огляделся. Уже совсем стемнело. Стоит лишь переложить руль напра-

во, и они ускользнут от погони, а за ночь сумеют и вовсе оторваться от преследователей, оставив барона с носом!

— Ты разобрался с одноглазым Каримом? — спросил Кулл Гуго, и Шарга сразу понял, что в Каа-у они не пойдут.

— Да забудь ты об Кариме, капитан! — кипятился валузиец. — Он возвращается домой только на сезон штормов!

— Я не боюсь Карима, — спокойно возразил Кулл, — и ты это знаешь. Но я стараюсь не забывать о гнусных привычках старой клячи, которую зовут Беда. Эта ведьма не переносит одиночества, обожает теплую компанию. Если одноглазому Кариму взбредет в голову проведать домашних и мы повстречаемся с ним, то я буду вынужден либо выдать ему тебя, либо отправиться обратно в море, на свидание с Ридо.

— Я согласен! — выпалил Гуго. — Если повстречаемся с Каримом, отдай меня ему, и я сам улажу свои дела.

— Перестань! — Кулл недовольно поморщился. — Ты же прекрасно понимаешь, что, если Карим окажется на берегу, он будет сильнее, а у нас останется простой выбор: либо драться, либо уносить ноги.

Пока они спорили, ночь опустилась на море. Небо затянуло облаками, звезд не было видно вообще. Борта галеры темнели на пределе видимости, но то, что находилось дальше, полностью тонуло во мраке. Они сами не заметили,

как постепенно почти вся команда собралась вокруг, следя за их разговором.

— Самое время замечать следы,— сказал Кулл.— Шарга, пора двигаться на юго-запад. Там нам вроде бы делать нечего, значит, будет легче ускользнуть.

— Но куда мы пойдем, капитан? — спросил Шарга.

— К Озеру Блуждающих Звуков.

* * *

Ветер крепчал, и атлант горячо поблагодарил за это Морского Отца: судно стремительно несло по волнам, а гребцы отдыхали.

Ночь стояла жаркая, и если бы не потихоньку набравший силу ветер, спать оказалось бы просто невозможно, хотя люди и расположились прямо на палубе. Они шли уже полночи, но никаких признаков погони Кулл пока не обнаружил. Впрочем, это было и неудивительно: в пяти шагах уже все тонуло в кромешной тьме, а шум ветра и плеск волн о борт заглушали все звуки.

Прихватив бурдюк вина, атлант расположился рядом с Шаргой, и они коротали ночь, изредка переговариваясь. Время от времени атлант погружался в дрему, но тревожные мысли не позволяли сну овладеть им. Всякий раз он быстро просыпался, чтобы убедиться, что все в порядке и ничего не изменилось.

Что ж, утро решит все. На рассвете они узнают, сумели ли обмануть Ридо или хотя бы оторваться от него.

— Слушай, Кулл,— внезапно спросил шкипер,— а что это за место, куда мы идем?

— Озеро Блуждающих Звуков? — переспросил атлант, усаживаясь поудобнее.

— Ну да.

— Ну,— Кулл усмехнулся,— оно постоянно скрыто туманом, и если сказать слово или вообще издать какой-нибудь звук, то он начнет гулять над озером. Иногда это длится полдня, иногда день, а бывает и дольше.

— То есть как это звук гуляет? — не понял Шарга.— Эхо?

— Может быть,— равнодушно согласился Кулл.— Тебе какая разница? Главное то, что из-за тумана тебя не видно и по звуку определить направление невозможно, а это нам и нужно. Даже если барон последует за нами, в чем я сильно сомневаюсь, ему нас не найти.

— Что, озеро такое большое? — удивился шкипер.

— Не маленькое,— кивнул атлант.— Но не в этом дело. Плавать по нему опасно. Там полно острых скал. Причем не все выступают из воды.

— А как же мы? — Несмотря на духоту, Шарга зябко поежился: он терпеть не мог рисковать судном.— Этак мы не только не заделаем дыру, но и понасажаем новых!

— Не понасажаем,— ухмыльнулся Кулл и надолго припал к бурдюку. Наконец атлант напился и протянул его шкиперу.— Там есть вполне безопасные места, надо только знать, где они.

— А ты знаешь? — с надеждой спросил дууржадец.

— А я знаю.

* * *

Утро принесло и хорошие, и плохие новости. Хотя Ридо им обмануть не удалось, но зато корабли барона заметно отстали, и теперь сократить разделявшее их расстояние было уже не так просто. Плохая же новость состояла в том, что теперь их преследовали шесть судов.

К середине дня случилась еще одна неприятность. Одна из галер Ридо, видимо, самая быстрая, подняв все паруса, оторвалась от основной группы. Замысел противника был совершенно ясен: не упустить беглеца из виду. Теперь, когда Кулл вновь изменил направление и пошел на юг, галере скрыться будет нелегко. Верулийское побережье представляло собой то неприступные горы, то болотистые низины, а с другой стороны простиралась граница затянутаго водорослями моря.

Кулл усмехнулся, глядя, как вырвавшаяся вперед галера забирает на запад, чтобы не столкнуться с «Богиней Морей», но в то же время и не упустить ее из виду. Задумка барона выглядела настолько бесхитростной, что атлант невольно почувствовал себя оскорбленным: его, правда, еще опасались, но уже не принимали всерьез. Что ж, время все расставит по своим местам, а сейчас оно и к лучшему. Совсем скоро барона ожидает не самая приятная неожиданность.

Глава четвертая ОЗЕРО БЛУЖДАЮЩИХ ЗВУКОВ

Ногоня продолжалась несколько дней. Месяц начал расти, узким серебряным серпом появляясь по вечерам над морем, и ночи сделались светлее. Уйти от эскадры Ридо «Богине Морей» так и не удалось, но расстояние, что отделяло беглеца от преследователей после первой ночи, сохранялось неизменным.

Правда, первое время Шарга пытался доказать, что, сев ночью на весла, они смогут оторваться, но атлант убедил всех, что рисковать не стоит: создавшееся положение скорее выгодно им, чем Ридо, и не нужно нарушать его. Куллу возражали, что барон наверняка что-то задумал, однако атлант даже не стал спорить, а лишь равнодушно пожал плечами и ответил, что «Богиня» свернет с этого пути задолго до того, как достигнет края непроходимых водорослей и лишится маневра, а значит, они легко уйдут от врага.

Барон же был настроен достаточно решительно. На следующий день двухмачтовая га-

лера догнала «Богиню Морей». Некоторое время оба судна двигались параллельными курсами, но около полудня преследователь пошел на сближение. Кулл так и не понял, действовал капитан «Борхея», как называлось судно, по приказу барона или совершенно самостоятельно. Гуго прицелился, «понюхал» ветер, сделал необходимую поправку, прикинул скорость, с которой они шли, расстояние до противника и первым же выстрелом сжег маневровые паруса нападавшего.

На валузийской галере началась суета: люди забегали, закричали, гребцы налегли на весла, кормчий вражеского судна резко переложил руль вправо и направил судно в открытое море. Кулл двинулся следом, и два покалеченных корабля начали неспешно уходить на запад. На «Борхее» быстро сбили пламя и сменили сгоревшие паруса, но теперь его капитан предпочитал держаться подальше от «Богини Морей».

Заметив их маневр, и остальные суда барона Ридо потянулись следом, и вскоре лишь туманная полоска на пределе видимости напоминала об оставшейся далеко на востоке суше. Теперь успех дела во многом зависел от того, насколько точно «Богиня» сумеет проложить курс, но Кулл решился на это, чтобы увести корабли барона подальше от берега: пусть поволнуется, подумает, что и у пиратов есть в Мутном море тайное убежище. Конечно, путь их удлинился, но, если барон поверит в некий западный остров, не отмеченный на картах, они, воспользо-

вавшись ночной темнотой, смогут скрыться от валузийской эскадры.

К тому же была у Кулла и другая причина идти к цели обходным путем: он не желал, чтобы об Озере Блуждающих Звуков, к которому он вел «Богиню Морей», узнала почти тысяча человек. И хоть они вряд ли смогут впоследствии так просто отыскать его, но все равно считал, что осторожность не повредит.

Прошло полдня, и даже слабая неясная полоска на горизонте пропала. Теперь уже только звезды могли подсказать мореплавателям верное направление. Они давно миновали Ласковое море и углубились в воды, омывавшие западное побережье Верулии, а это означало, что первая часть плавания подходила к концу.

* * *

С самого утра барон находился в приподнятом настроении. Морская болезнь, из-за которой он столько дней выглядел чуть краше мертвеца, не мог ни пить, ни есть, потому что желудок отказывался принимать любую пищу, наконец отпустила его.

Собственно, произошло это радостное событие еще накануне вечером, но барон не сразу поверил в такое счастье, что было и не мудрено. Лишь первые дни плавания, когда на море стоял штиль, прошли для него нормально, но как только началась погоня за проклятым атлантом... Словно сами боги ополчились на него, хотя на берегу Вазии он принес им богатую жертву.

Первым делом барон наелся до отвала, вознаградив себя за столь длительную голодовку, утолил жажду и принялся ждать, но ничего страшного не произошло. На радостях он забыл всякую меру и надрался, как последний забулдыга. Проснулся он с ужасной головной болью, но даже это не испортило его настроения. Он подлечил себя красным грондарским и, когда грохот в черепной коробке прекратился, решил привести себя в порядок.

Из зеркала на него смотрела омерзительная личность. Тощие, кривые, волосатые ноги, впалая грудь, щуплые веснушчатые плечи, тонкие руки и огромный живот. Однако барон одобрительно кивнул, словно утешая свое отражение, и принялся облачаться, кутая увиденное безобразие в бархат и кружева роскошных одежд. Правда, на фоне белоснежных кружев воротника синюшная одутловатая физиономия Ридо сильно напоминала лицо утопленника, но и это можно было подправить. Вскоре дряблые щеки барона оказались чисто выбриты, лицо напудрено, волосы напояжены. Несмотря на то, что старания цирюльника больше напоминали искусство похоронных дел мастера, барон об этом как-то не думал. Он окинул себя довольным взглядом, подмигнул своему отражению и вышел из каюты.

Полной грудью вдохнул он налитанный солеными брызгами свежий морской воздух, почувствовал, как мерно раскачивается под ногами палуба и ощутил себя старым морским волком,

вышедшим на охоту. От таких мыслей его приподнятое настроение взлетело на недостижимую высоту. Он надменно кивнул шкиперу и направился к каюте, в которой держали пленницу. Два гвардейца, стоявших на страже у двери, отдали честь, и один из них молча отпер замок.

С первого взгляда на Лионтину еще там, по пути на Вазию, Ридо понял, что не отдаст ее проклятому пирату. Девушка останется с ним и только с ним. По-доброму или по-плохому, но будет так, как он решил. Впрочем, барон просто не думал о том, что рабыня, жизнь которой целиком и полностью зависит от его воли, может отказать ему и придется применять силу.

До сих пор он не заходил в эту каюту просто потому, что было ему, мягко говоря, не до любовных утех. Теперь же все изменилось: он снова в форме и готов к подвигам. Окрыленный радужными надеждами, Ридо вошел внутрь. Отведенное Лио помещение было самым просторным на «Лемурии». Два больших забранных решетками окна давали достаточно света, но в глубине каюты царил уютный полумрак.

Поджав под себя ноги, пленница сидела на огромном мягком, заваленном яркими подушками диване, и, насмешливо глядя на вошедшего, потихоньку потягивала вино из драгоценного кубка. Посмотрев на нее, барон едва не лишился рассудка: свежее личико, черные изогнутые брови, прекрасные глаза, сводящая с ума фигурка, застывшая в соблазнительной позе! Ридо шагнул навстречу и, восприняв ее улыбку как

знак одобрения, собрался было сесть рядом, но лицо девушки мгновенно стало удивленно-озадаченным.

Она приподняла бровь, словно спрашивая: «Разве я приглашала тебя садиться?» — и, к собственному удивлению, Ридо остался стоять. Девушка усмехнулась, пристально посмотрела ему в глаза, и он, не выдержав, отвел взгляд. Тогда она поменяла позу, совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы Ридо судорожно вздохнул и нервно облизнулся.

— Чем обязана столь раннему визиту? — проворковала пленница.

— Я хочу сделать тебе предложение, — без обиняков заявил барон.

Лио, и до этого постоянно ловившая на себе плотоядные взгляды барона (равно как и его сына), не сомневалась, что рано или поздно он перейдет к решительным действиям, но до сих пор боги хранили ее от домогательств тюремщика. И вот наконец он явился. Однако девушка решила не торопить события: раз барон решил, пусть внятно расскажет, что ему нужно.

— Я не привык ловчить, — продолжил Ридо, — а потому предпочитаю говорить прямо. — Он вопросительно взглянул на Лионтину.

— Как и подобает настоящему мужчине, — понимающе кивнула она.

Барон улыбнулся. Похоже, эта маленькая дикарка, подружка самого грозного пирата, знаменитого Кулла, совсем не глупа. Он-то опасался, что она вообще откажется разговаривать с ним.

— Именно так, — надменно подтвердил барон, гордо выпятив узкую грудь. — Предлагаю тебе забыть о Кулле и остаться со мной.

Ридо никогда не страдал от излишней скромности, но сейчас почувствовал себя настоящим героем. Он посмотрел на девушку, ничуть не сомневаясь в ее согласии, и ему показалось, что в ее глазах горит восторг. Однако сказала она совсем не то, что он ожидал услышать:

— В качестве кого?

Барон все еще победоносно улыбался, хотя уже понял: что-то не так.

— Что ты имеешь в виду? — в свою очередь спросил он.

— Когда я была подругой Кулла, — с улыбкой ответила девушка, — мое слово становилось законом для команды «Богини Морей» и отменить мой приказ мог только он, Кулл, некоронованный король пиратов. — Она подождала, пока смысл сказанного дойдет до барона. — Я же была его королевой. Из твоих слов я поняла, что ты предлагаешь мне отказаться от этого. Поэтому я спрашиваю, что получу взамен, если соглашусь на твоё предложение?

Барон поджал губы. Девушка-то явно умна... К тому же холодна и расчетлива!

— Ты станешь моей наложницей, и денег у тебя будет во сто крат больше, чем мог дать твой пират, — ответил он. — Ты будешь... — хотел было продолжить он, но Лио жестом остановила его.

— Мне это не подходит,— сказала она спокойно, но так твердо, что было ясно: решения своего она не изменит.

— Ты отвергаешь меня?! — воскликнул барон, делая ударение на последнем слове.

— Я отвергаю не тебя, а твоё предложение.— Она говорила ласково, словно с ребенком-недо-тепой.

Барон едва не вспылал, но старания Лио не пропали даром: в последний миг он одумался.

— Я могу спросить, почему?

— На мой взгляд, ответ очевиден,— ответила она, довольная тем, что пока все идет как надо.— Я была свободной женщиной, а ты предлагаешь мне стать рабыней. По-моему, тут даже говорить не о чем!

Барон нахмурился. Ему явно не нравился этот разговор. Если бы пленница встретила его бранью, неосуществимыми угрозами мести со стороны Кулла, он бы знал, как поступить. Он был готов к этому, но теперь растерялся. С самого начала все пошло не так, как он рассчитывал. Никакой враждебности ни во взгляде, ни в словах, но твердый отказ, и причина отказа вовсе не надуманная. Конечно, девчонка слишком много о себе возомнила, но он не мог на нее разозлиться. Было что-то во взгляде Лио, во всем ее облике, что притягивало, заставляя терять голову и в то же время удерживало на расстоянии, не допуская даже мысли о грубом насилии!

— Хорошо, не будем торопиться,— наконец заговорил он.— Подумаем оба.— Тут он спохватился: а вдруг дерзкая девчонка подумает, что ради нее он готов на все.— Но не забывай, что, кем бы ты ни была прежде, сейчас ты моя пленница, а значит, я всегда могу силой получить от тебя то, что мне нужно.

— Не спорю, но,— тут она улыбнулась,— хочу напомнить тебе простую истину: человек есть то, чем он сам себя считает. Не больше и не меньше! И даже если эти руки закут в цепи,— она выставила перед собой сжатые кулачки,— я все равно останусь свободной.

Ридо ничего не ответил, лишь пристально посмотрел на девушку и, кивнув, вышел вон. Как ни странно, настроение его ничуть не ухудшилось, и причина была проста: он не сомневался, что так или иначе все образуется. Единственное, что его волновало, это как удержать возле себя Лионтину, если она станет свободной?

Несмотря на непроходимую тупость, Ридо понимал, что, как только Лио обретет твердое положение в обществе, он ее неизбежно потеряет. У нее отбоя не будет от поклонников, способных дать ей не меньше, чем может позволить себе барон. Если, конечно, он что-то не придумает...

Ридо вспомнил, как она протянула к нему кулачки. Сама того не подозревая, пленница навела его на нужные мысли. Необходимы какие-то цепи... Узы, которые удержат ее рядом с ним, даже когда он даст ей свободу.

* * *

Едва барон покинул каюту пленницы и замок щелкнул, запирая дверь, Лио дала волю чувствам. Ее разобрал смех, и она долго не могла успокоиться, снова и снова прокручивая в памяти короткий разговор.

Напыщенный индюк! Самовлюбленный болван! Каким же ослом нужно быть, чтобы считать, что кто-то согласится променять Кулла на какого-то жалкого мозгляка! Впрочем, она тут же похвалила себя за находчивость. Сама судьба оказала ей неоценимую услугу, дав достаточно времени на размышления, и девушка потратила его не напрасно. Кто знает, на что решился бы барон, ответь она ему резким отказом, как собиралась поступить вначале? Гораздо лучше потянуть время. Лио ни на миг не сомневалась, что Кулл выручит ее. Нужно только прибрать к рукам барона, не подпуская к себе, удерживая на расстоянии и постоянно подогревая его страсть недвусмысленными намеками.

* * *

— Ты уверен что мы оторвемся от погони? — Шарга вопросительно посмотрел на атланта.

— Думаю, да. Мы уклонились достаточно далеко к западу, чтобы навести барона на мысль о некоем острове. Если повернем ночью к берегу, это немало удивит его, ведь мы приближаемся к самому сердцу верулийского побережья.

— Думаешь, он поверил в остров?

— Не имеет значения. Не подумать о нем он не мог.

— Все было хорошо, если б не проклятая галера по левому борту. Слишком ясные сейчас ночи, чтобы они обманулись!

— Это верно,— согласился Кулл,— но как раз она меня не тревожит. Главное — оторваться от тех, что сзади. А что касается «Борхея», то я не возражаю, чтобы он, держась в отдалении, наблюдал за нами. Пусть. Верулийское побережье мало изучено, и вряд ли они сумеют, подойдя к берегу, определиться на карте. Нам нужно только выиграть немного времени.

— А потом?

— А потом мы опять уведем их в открытое море. Они так и не поймут, где побывали.

— Ладно,— согласился Шарга.— Когда ты собираешься поворачивать?

— Пожалуй,— Кулл задумался, что-то прикидывая про себя,— завтра ночью будет в самый раз.

— Если не секрет, что это за место?

— Не секрет,— ухмыльнулся атлант.— Мыс Заблудших.

— Мыс Заблудших?

— Ну да. Я невнятно говорю?

— Да нет, почему же? Меня удивляет другое. Я плаваю не первый год, но никогда даже не слышал о таком месте, да и об Озере Блуждающих Звуков, кстати, тоже.

— Это естественно.— Кулл развел руками.— Верулию вообще мало кто хорошо знает, а уж

западное побережье и подавно! Разве что кое-кто из верулийцев.

— На верулийца ты что-то не слишком похож.

— Это верно, я атлант,— усмехнулся Кулл,— и тут уж ничего не поделаешь. Ну хорошо, взгляни на карту. Видишь, посреди побережья участок, напоминающий формой корону?

— Слушай, а ведь и верно! — воскликнул Шарга.— Почему же мне раньше это в голову не приходило? — Шкипер всмотрелся еще раз, уже внимательнее, и изумленно покрутил головой.—

Как будто кто-то специально подровнял берег. Правда, на моей карте это место выглядит не так красиво,— счел нужным добавить он.

— Верно,— согласился Кулл.— Я же сказал, что места эти плохо изучены. На самом деле береговая линия именно такова, как на моей карте. Я составил ее по верулийским записям.

— Вот уж не знал, что ты якшался с горцами.

— Да,— атлант кивнул,— с ними тяжело сойтись. Кстати, верулийские горцы уверены, что рисунок побережья в этом месте в точности соответствует одной из корон Джеббал Сага, а ведь ты знаешь, что почти все верулийцы чтят его.

— Ну и что?

— Как что? В этом месте уйма святилищ вроде того же Озера Блуждающих Звуков, но никто не знает, что скрывается в чащах прибрежных лесов и на вершинах гор. Даже верулийские колдуны не могут похвастаться, что изучили тут все.

— Там должно быть очень опасно,— заметил Шарга.

— Да,— согласился Кулл.— Но не так, как ты думаешь.

— То есть?

— Мне показалось, что ты побаиваешься горцев, а бояться нужно самого места.

Шарга покачал головой:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Не беспокойся.— Кулл рассмеялся.— Колдун, рассказавший мне о Короне, не желал мне зла. В свое время я спас его от смерти и ни разу не пожалел об этом. Думаю, ему можно верить.

— Но где река? — не унимался Шарга.— На карте ее нет.

— Конечно, нет. Нам понадобится проводник.

— Проводник? А где мы его найдем?

— На Мысе Заблудших,— уверенно ответил Кулл.— Это последний мыс перед Короной.

Шкипер покачал головой. Чем подробнее атлант объяснял ему суть предстоящего дела, тем непонятнее оно становилось, и это все меньше нравилось Шарге. Он не протестовал лишь потому, что уже давно плавал со своим капитаном и ни разу еще не было случая, чтобы тот потерпел неудачу. Всякое бывало, и в переделки они попадали почище той, в которую угодили сейчас, но и тогда Кулл умудрялся найти верное решение.

Убедив себя, что все в порядке, Шарга отправился спать. Следующей ночью предстояло сменить курс, причем скрытно, а потому шки-

пер предпочел заняться этим лично. Ночь прошла спокойно, а проснувшись утром, Шарга почувствовал, что на «Богине Морей» происходит что-то необычное. Плеснув в лицо воды, он вышел на палубу.

Скучно, но разнообразно одетая команда в полном составе столпилась на корме перед капитанской каютой. Пираты, никогда не упускавшие повода позубоскалить, гоготали и горланили, стараясь перекричать друг друга, и их голоса слились в сплошной гул. Шарга протолкался сквозь толпу, собравшуюся возле статуи Владычицы Вод — Секвены, которая уже не первый год спокойно стояла рядом с капитанской каютой.

Атлант застыл перед статуей. Время от времени он окунал руки в стоявший у его ног бочонок с оливковым маслом и затем принимался умащивать деревянное тело обнаженной богини. Обычно ее изображали сидящей на белом лебеде, но моряки предпочитали иной образ: прекрасная Секвена стояла в вольной позе, глядя вдаль, словно проверяя, спокойны ли воды на пути корабля, который находится под ее покровительством.

Именно так считали моряки, плававшие на галере. О чем же на самом деле думала богиня, не знал, пожалуй, никто. Наверняка многое тут зависело от того, как чтили ее взывавшие о помощи. Как иначе объяснить, почему из двух кораблей, попавших в шторм, один почти сразу шел ко дну, а второй счастливо избегал гибели, хотя и пребывал в худшем состоянии? А просто

его команда почитала Владычицу Вод и не скупилась на жертвы! Кулл знал об этом и сейчас приносил жертву. Он уже умастил волосы и прекрасный лик богини, ее плечи, и теперь его блестящие в лучах солнца намащенные руки нежно гладили полные груди.

— Кулл, ты не боишься, что всемогущая богиня истолкует твою просьбу неправильно? — спросил кто-то, и все захохотали.

— О, прекрасная, — не обращая внимания на грубые шутки команды, говорил Кулл, — прошу тебя, не обижайся на слова этих придурков! Клянусь жизнью, они не хотели обидеть тебя!

— Капитан, мы все готовы поучаствовать в таком жертвоприношении, — пробасил Гуго под восторженные возгласы.

— Они неплохие ребята, — продолжал капитан, — просто давно женщины не видели.

Продолжая умащивать статую, Кулл разговаривал исключительно с Секвеной, словно никого, кроме них двоих, и не было вокруг.

— Кулл, я думаю, кто-то должен сменить тебя. Зная, как относятся к тебе женщины, — цинично заметил Стил, — ручаюсь, прекрасная Секвена тебя уже просто не слышит.

— Прошу тебя, богиня, — как ни в чем не бывало продолжал атлант, — ниспошли нам спокойные воды и помощи выжить в Озере Блуждающих Звуков. Я редко о чем-то прошу тебя, но сейчас твоя помощь нужна мне. Надо спасти Лио, ты наверняка ее помнишь. — Говоря это, Кулл закончил умащивать талию и перешел к ягодицам.

— О, прекрасная Секвена! — заунывным голосом взмолился кто-то за спиной атланта. — Помоги Кулла устоять перед соблазном! Ты сама видишь, что сделала с ним разлука с любимой!

Рука Кулла прошла по животу статуи и скользнула ниже.

— Ну это уж слишком! — с прекрасно разыгранным возмущением протянул один из матросов, и толпа с готовностью грохнула, но атлант лишь покачал головой: всякий раз одно и то же.

Словно не замечая скабрзностей, Кулл закончил ритуал, выпрямился и вытер руки куском чистой парусины. После этого он взял кубок, зачерпнул вина из бочонка и тонкой струей вылил его за борт.

— Если вино тебе понравится, — говорил он при этом, — прими эту жертву и помоги мне! — Кулл внимательно взгляделся в глаза Секвены, словно и впрямь надеялся, что она ответит ему.

— Брось, Кулл! У Владычицы Вод таких поклонников не счесть! Что ей твоя просьба! — воскликнул валузиец.

Но Кулл невозмутимо смотрел в лицо богини, словно сказанные слова были обращены и не к нему вовсе. Гуго невольно перевел взгляд на лик прекрасной Секвены и вздрогнул.

— Что это? — только и смог прошептать он, и гул голосов мгновенно смолк.

Воцарилась мертвая тишина, и теперь уже все уставились на Владычицу Вод, сами не зная, что должны увидеть.

— Что? Что случилось? — раздавались вокруг голоса.

— Вы что, ослепли?! — закричал Гуго. — Она кивнула!

Кто-то хихикнул, собираясь, видимо, пошутить по этому поводу, но тут произошло такое, что смешок застрял в горле весельчака. Уста бездушной статуи разомкнулись, и все услышали голос:

— Твоя просьба услышана, Кулл. Пусть принесут пресной воды.

Капитан резко обернулся.

— Вы что, оглохли, акулий корм?! — взревел он. — Живо в трюм!

Несколько человек бросились вниз, туда, где хранились припасы, и через несколько мгновений вернулись с объемистым бочонком. Резким ударом кулака Кулл проломил его крышку, так что свежая родниковая вода выплеснулась наружу.

— Это то, что надо? — спросил Кулл.

— Молчи! — величественно ответила богиня.

Ее рука поднялась, и люди в изумлении отступили, почти сразу услышав, как кто-то живой плещется в только что откупоренном бочонке. Сначала ничего не происходило, только непонятные звуки не умолкали. Чуть позже, когда веселый девичий смех впервые вырвался на волю, толпа морских разбойников вздрогнула, но невольные улыбки тут же заиграли на грубых физиономиях.

Девичье личико, задорное и любопытное, показалось над краем бочонка, и лукавый взгляд

скользнул по замершим в изумлении мужчинам, которые привыкли, казалось, ко всему, но никогда не видали ничего подобного. Она состояла из воды — эта странная девушка. У нее было полупрозрачное голубое лицо, видимое пока лишь до переносицы. Пышная шапка белых волос, подобных морской пене, словно корона, венчала голову.

Рука Секвены поманила девушку. Тоненькие пальчики оперлись о край бочонка справа и слева от лица, и странная незнакомка начала подниматься. Точеный, чуть вздернутый носик, пухлые губки, сложившиеся в задорную усмешку... Длинная шея, хрупкие плечи... Она словно вырастала, лепя свое тело из воды, поднимаясь все выше, пока точеная фигурка полностью не предстала перед восхищенными взорами пиратов.

Дружный вздох пронесся над притихшей толпой. Легкая прозрачная туника не скрывала ничего, но, как ни странно, даже эти грубые люди испытали лишь благоговейный восторг.

— Смени платье, дочь, — проговорила Секвена, — эти люди слишком долго не видели женщины.

И тут они впервые услышали голосок странной девушки. Словно тихое журчание хрустального родничка, разнесся вокруг ее смех. Молодость и задор слышались в нем и еще какое-то бесшабашное, заразительное веселье, которое заставило всех невольно улыбнуться. Прозрачное голубоватое платье вдруг вспенилось, сделавшись

снежно-белым, как и ниспадавшие до пояса волосы девушки.

— Я оставляю с тобой Суали, свою любимую дочь, — молвила Секвена, перед тем как окончательно замолчать. — Она поможет тебе избежать многих бед и останется с тобой до тех пор, пока ты не направишься обратно, на север.

Сказав это, богиня застыла, но уже в иной позе, чуть опустив голову и призывно подняв руку. Ее дочь окинула онемевшую толпу насмешливым взглядом:

— Кто-нибудь поможет мне спуститься?

Атлант шагнул вперед. Суали с интересом взглянула на него, но на предложенную руку оперлась. Кулл почувствовал, как от ее тела повеяло свежестью и прохладой, а когда маленькая ручка коснулась его огромной ладони, странное ощущение заставило пирата вздрогнуть: рука девушки оказалась теплой, живой и в то же время прохладной, как он и ожидал. Суали звонко рассмеялась:

— Куда путь держишь, Просивший о Помощи?

— На Озеро Блуждающих Звуков, — ответил Кулл.

Услышав ответ, девушка, уже поднимавшаяся на край бочонка, на миг задержалась и удивленно посмотрела на капитана. Потом она легко спрыгнула на палубу, кокетливо поправила волосы, и атлант осознал вдруг, что уже относится к ней как к человеку, совершенно забыв о странной полупрозрачности и непривычной

голубизне тела. Более того, он был уверен, что и остальные чувствуют то же самое.

— Тебе надоела спокойная жизнь? — удивленно спросила девушка.

— Корабль, на котором мы плывем, необходимо отремонтировать, — объяснил атлант.

— Он что, может развалиться?

Кулл не понял, говорит она серьезно или просто шутит, но на всякий случай решил подыграть.

— А ты боишься утонуть? — усмехнулся он.

И вновь она рассмеялась, а потом сказала:

— Ты мне нравишься, морской разбойник! Но почему ты выбрал именно это место?

— Взгляни, — ответил Кулл, указывая на эскадру Ридо, — враги гонятся за нами. Нам нужно где-то укрыться на время.

Она внимательно посмотрела на суда, что шли сзади, на «Борхей» и произнесла:

— Я могу усмирять воды рек и озер, умею взъярять их, в моих силах даже заставить поток повернуть вспять, но знай, что провести тебя к озеру сумеет только Страж.

Атлант молча кивнул, и Суали удивленно посмотрела на него:

— Похоже, ты все продумал...

* * *

Остаток дня прошел спокойно: Ридо ничего не предпринимал, терпеливо ожидая, когда атлант сам себя загонит в угол, где он покончит наконец с проклятым пиратом.

Характером Суали напоминала маленького, любопытного зверька. Впрочем, это было и не удивительно, ведь дочь Секвены вряд ли часто общалась с людьми. В сопровождении атланта она ходила по кораблю, заглядывая во все щели, так что вскоре на «Богине Морей» не осталось ни одного уголка, который она не осмотрела. И повсюду, где бы ни появлялась ее хрупкая фигурка, слышался ее нежный смех, удивленные восклицания и вопросы. Лица пиратов озарялись улыбками, а воздух наполнялся свежестью, и это казалось тем более невероятным, что они находились в открытом море.

Когда девушка спустилась на гребную палубу и увидела огромные весла, втянутые внутрь корпуса, изумлению ее не было предела.

— За каждое весло садятся по три человека? — всплеснула она руками. — И все для того только, чтобы двигаться вперед?

— Что поделаешь? — Атлант пожал могучими плечами. Его это совсем не удивляло. — Когда ветер стихает, приходится ложиться в дрейф или грести — другого выхода нет.

— Но ведь все так просто! — воскликнула она. — Идем!

— Ты хочешь сказать, что можешь ускорить ход «Богини Морей»?

— Конечно! — Суали вновь рассмеялась. — Идем же! Я покажу тебе!

— Стой, подожди! — Атлант схватил ее за плечо и почувствовал, как рука погрузилась в

тихо струящийся поток. Он вздрогнул, а она вновь рассмеялась. — Не сейчас, — сказал Кулл уже спокойнее. — Нужно дождаться темноты, тогда мы обманем преследователей.

На миг девушка задумалась.

— Что ж, раз нужно — подождем, — согласилась она.

Остаток дня они простояли рядом с Шаргой, болтая о том о сем. Короткая южная ночь незаметно опустилась над миром, укрывая спасавшуюся бегством галеру пологом тьмы.

— Скоро будем поворачивать, капитан? — спросил шкипер, но Кулл, не отвечая, посмотрел на девушку.

— Уберите эту тряпку, — приказала Суали, — она будет мешать нам.

На миг Шарга онемел.

— Тряпку, говоришь, девочка?! — вскричал дууржадец, когда дар речи вернулся к нему. — А «Богиню Морей» кто вперед толкать станет?! Быть может, ты?!

— Успокойся, старина, — усмехнулся Кулл. — Именно это она и предлагает. Так что командуй и не бойся, что на «Борхее» нас кто-нибудь да и услышит.

Шарга окинул хрупкую фигурку недоверчивым взглядом, стиснул зубы, набрал полную грудь воздуха и приготовился разразиться руганью, но бранные слова сами застряли в горле. Суали непонимающе посмотрела на кривоногого островитянина, затем на Кулла, который с трудом подавил смех.

— Ты немного смущаешь его, — уклончиво объяснил он.

Пираты с готовностью заржали. Шарга покраснел, чего Кулл никогда за ним прежде не замечал, и тут же гаркнул:

— Вы что, не слышали, что сказала принцесса?! — Глаза его яростно сверкнули. — Живо убирать эти тряпки!

Люди забегали, закрипели блоки, паруса громко захлопали над головами — «Богиня Морей» плавно замедляла ход.

— И что теперь? — выдавил Шарга.

— А теперь правь, куда тебе надо! Вперед!

Суали взмахнула тоненькой ручкой и, повинаясь ее команде, талера рванулась с места. Глаза шкипера округлились, но он стиснул зубы и, не проронив ни звука, налег на рулевое весло, разворачивая судно.

— Полегче! Полегче, девонька! — закричал Шарга, заметно повеселев.

— Как ты это сделала? — поинтересовался Кулл, когда галера пошла чуть медленнее.

— Течения, — ответила Суали и повела хрупким плечиком. — Они подвластны матери. Я попросила Секвену приблизить одно из них к поверхности и слегка развернуть. Именно оно несет нас сейчас к берегу.

Всю ночь пиратская галера шла прямо, лишь перед самым рассветом взяв левее. Утренняя заря застала «Богиню Морей» неподалеку от берега. Кулл огляделся: ни одного корабля вокруг. Но время терять все равно не стоило. На-

верняка их уже хватились. Теперь преследователи разделятся и очень скоро, самое позднее — к исходу дня, обнаружат беглецов.

Древний лес стоял стеной сразу за кромкой широкого, усыпанного каменными обломками пляжа. Волны с шумом накатывались на него и тут же отступали назад, оставляя на кромке прибой шапки белоснежной пены. «Богиня Морей» продолжала двигаться вдоль берега, пока не подошла к мысу. Здесь Кулл приказал бросить якорь и спустить шлюпку.

Он первым спустился вниз, шесть гребцов налегли на весла, и шлюпка понеслась к берегу. Едва они отчалили, Суали подошла к шкиперу и тронула его за руку:

— Шарга!

Дууржадец вздрогнул от неожиданности и удивленно посмотрел на нее. Она тоже удивилась:

— Разве я неправильно произнесла твое имя?

— Все правильно, богиня, — спохватился шкипер, чувствуя непонятную робость перед этой полупрозрачной девчонкой. — Шаргой отец нарек, так до сих пор и зовусь.

В ответ она рассмеялась так весело, что потупившийся кормчий не выдержал и хрипло расхохотался, а за ним и все, кто находился рядом.

— Да не богиня я! Мать наша, Секвена, Владычица Вод — богиня, а мы, сильхи, всего лишь ее дети! Мы красивы и сильны! — Она гордо посмотрела на кривоногого островитянина. — Но только я одна умею желать и удивляться! И

радоваться жизни! Но, — добавила она, подболевшись, — быть может, я и стану богиней!

— Как так? — не понял Шарга.

— Людское племя разрослось, — иронично заметила Суали. — Матери стало тяжело присматривать за всем и попевать повсюду. Я могу вскоре стать богиней рек и озер! Но не для этого я потревожила тебя. Мне нужно спрятаться.

— От кого же? — удивился Шарга.

— Кулл приведет Стража, — объяснила Суали. — Мы не враждуем с богами верулийцев, но все-таки будет лучше, если он меня не увидит.

* * *

Кулл со спутниками вышел на опушку леса. Зеленая стена закончилась внезапно, словно кто-то ее обрезал. Древние великаны с покрытыми мхом стволами остались за спиной. Каменистая почва постепенно поднималась, а в трех полях стрелы виднелся невысокий холм с сухим кряжистым дубом, который гордо возвышался на плоской макушке пригорка. Одна длинная ветвь горизонтально отходила далеко вправо. На самой ее середине сидел огромный ворон.

Кулл поправил лежавшую на плечах тушу только что убитой лани и твердым шагом направился к дереву. Он шел один. Моряки, как и приказал им атлант, вернулись к шлюпке. Капитан шел быстро, но сидевший на суку ворон, казалось, не замечал его. Когда до дуба оставалось не более десятка шагов, из-за его

ствола, опираясь на длинный суковатый посох, вышел скрюченный седой старец в длинных белых одеждах.

— Остановись, чужак, — сказал он почти шепотом, но его предостережение прозвучало, как раскат грома. — Знаешь ли ты, куда попал?

— Да, — твердо ответил атлант. — Мне нужно на Озеро Блуждающих Звуков. Я знаю, что бог-ворон решает, кого проводить туда, а кого нет.

— Что ж, ты не ошибся, — после недолгого раздумья проговорил старец. — Я вижу, ты принес богатую жертву, а значит, и впрямь знал, куда идешь. Неси же ее сюда, пока кровь не остыла!

Пират скинул ношу с плеча, сдернул ремень, затянутый петлей на задних лапах лани, взмахнул мечом, и голова жертвы полетела в сторону, а кровь полилась в оказавшуюся прямо под тушей жертвенную чашу, выдолбленную в огромном камне. Когда она наполнилась до половины, сидевший на суку ворон проявил первые признаки жизни.

Он расправил широкие черные крылья, как бы разминая их после долгого бездействия, повернул голову и одним глазом посмотрел в чашу. Потом открыл огромный клюв и прочистил глотку, хрипло каркнув, и камнем упал вниз, но тут же взмахнул крыльями и мягко спланировал на край жертвенника.

Черный клюв окунулся в густую красную кровь, и ворон принялся пить, странно, не по-птичьи. Он не отрывался от чаши, пока не напился вдоволь. Тогда он поднял окро-

вавленный клюв и впервые посмотрел на пришельца.

— Он обратил на тебя свой взор! — воздев руки к небу, провозгласил старец торжественным шепотом. — Джил Беспощадный принял твою жертву, смертный! Он хочет знать, зачем тебе понадобилось попасть туда, куда ты просишь провести тебя?

— Моя галера стоит неподалеку от берега. — Атлант махнул рукой в сторону леса, из которого вышел. — Она повреждена, и за нами гонятся. Мне нужно место, где я смог бы починить судно. После этого я разберусь с врагами.

— А знаешь ли ты, что Джил Беспощадный помогает только сильным? — счел нужным спросить жрец. — Слабый же платит жизнью за свою дерзость!

— Это мне известно, — спокойно ответил Кулл.

— Хорошо. — Старик задумчиво посмотрел на него. — Возвращайся и жди. Тебе укажут путь.

* * *

Кулл стоял на баке «Богини Морей» и ждал. Давно перевалило за полдень, но ничего, что можно было бы принять за знамение, он не видел.

Почти полдня прошло с тех пор, как атлант вернулся с радостной вестью о том, что жертва принята и путь им укажут. Он выстроил команду и объявил, что все, кто сомневается, могут остаться на берегу, а на обратном пути их

заберут, но никто не изъявил такого желания. После этого оставалось только ждать. Однако время шло, солнце поднималось все выше, достигло верхней точки и вновь покатилося к горизонту.

— Напрасно мы ждем,— ворчал Шарга.— С самого начала не нравилась мне эта затея, а теперь разонравилась вовсе.

— Я ведь сказал, что любой может остаться на берегу,— заметил Кулл.

— Да не боюсь я этого озера,— досадливо поморщился Шарга,— хотя, быть может, и напрасно. Но время идет! — Он выразительно посмотрел в глаза атланту.— Время идет,— повторил он,— а мы стоим! Вот что плохо!

— Прах и пепел! — выругался Кулл.— Это и мне не нравится! Но мы выбрали путь и пойдем по нему до конца, а если начнем метаться, нам крышка! И ты это знаешь не хуже меня!

— Корабли! — положив конец их спору, рявкнул Гуго.

Кулл обернулся и посмотрел на запад. Эскадра Ридо, от которой они оторвались стараниями Суали, в полном составе появилась на горизонте. Ветер для них был попутным, значит, вскоре они будут здесь.

— Дождались,— процедил сквозь зубы Шарга.— Что теперь?

Он посмотрел на атланта, но ответить Кулл не успел. Хрипкое «Каур-р-р!» донеслось из-за борта. Атлант резко обернулся: Джил собственной персоной сидел на самом кончике бушпри-

та и глядел на Кулла и Шаргу, словно спрашивая, чего они ждут.

— Снимаемся с якоря! — крикнул капитан.— Ставьте паруса, да шевелитесь, бездельники! После отдыхать будете!

Шарга уже стоял на своем месте, и Кулл остановился рядом.

— Суали сказала, что ожидание будет длиться до тех пор, пока мы не потеряем обретенного с ее помощью преимущества,— шепотом объяснил он, словно опасался, что сидящий на бушприте ворон сможет услышать его, но тот даже не повернул головы.

— Это еще зачем? — так же шепотом поинтересовался Шарга.

— Не знаю,— атлант покачал головой,— но ты видишь, что именно так и произошло? Значит, есть тому причина.

Галера вновь пошла вдоль берега, огибая далеко выдающийся в море мыс. Идущие навстречу корабли увеличивались в размерах гораздо быстрее, чем того хотелось бы Куллу. «Богиня Морей» шла под сильным боковым ветром и значительно проигрывала галерам Ридо. Ворон неподвижно замер на бушприте, и пират подумал, что это может означать лишь то, что идут они верным курсом.

Достигнув оконечности полуострова, «Богиня» вновь пошла на юг и вскоре свернула в узкий залив. Сперва с обеих сторон от них высились голые скалы, которые затем постепенно перешли в пологие склоны поросших

лесом холмов. По мере того как галера продвигалась в глубь залива, берега выравнивались, холмы сменились плоской, плавно понижавшейся равниной.

Кулл оглянулся: преследователей не было видно. Как-то незаметно окружавшая их равнина превратилась в болото.

— Я был здесь,— уверенно заявил Гуго,— нет там никакого озера.

— Лучше бы ты ошибся,— проворчал Кулл,— потому что теперь уже ничего не исправишь.

Гуго обернулся и увидел, как «Борхей» входит в пролив, отрезая им путь к отступлению. Как бы ни решился исход дела, ясно одно: теперь «Богине Морей» не вырваться. В узком заливе им не удастся проскользнуть мимо без боя, а бой, даже если сложится удачно, наверняка потребует времени. Подоспеет Ридо со своей эскадрой, и теперь уже он вряд ли станет медлить, как прежде.

С другой стороны, если придется драться со всеми, то, пожалуй, лучше места не придумать: в такой тесноте их не смогут окружить. И тут только Гуго вспомнил, что узкий проход с понижаящимися берегами — это всего лишь горлышко бутылки, единственный выход из западни, в которую они угодили! В ярости валузиец стиснул зубы: почему он раньше не вспомнил, что бывал здесь прежде? Почему нужные воспоминания вернулись только сейчас, когда изменить ничего уже нельзя?!

Теперь главное — не допустить рукопашного боя, а если не повезет, нужно перебираться че-

рез горы или попытать счастья в пустыне Смерти, но такая прогулка — почти верная гибель. Валузиец обернулся к Куллу.

— Пойду готовить арбалет,— бросил он хмуро и зашагал прочь.

Атлант кивнул, не отрывая взгляда от узкого прохода. Вдалеке показалась затянутая туманом полоска суши. Внезапно берега, вдоль которых они плыли, раздвинулись, и «Богиня Морей» вышла в обширную бухту, похожую на огромное озеро с низкими болотистыми берегами.

Ворон, до сих пор спокойно сидевший, сорвался с места и полетел вперед. У самой кромки воды высились исполинские стволы двух громадных сосен. Голые, почти без ветвей, стволы вздымались на недостижимую высоту, и только почти на макушке зеленела крона, придавая деревьям странное сходство с пальмами.

Ворон уже превратился в крохотную точку, которая, все уменьшаясь, скользнула между гигантскими стволами и пропала.

— Ты видел? — Шарга вопросительно посмотрел на капитана.

Кулл пожал плечами.

— По крайней мере теперь ты знаешь, куда править. Или это будет последний бой «Богини Морей», или мы спасемся.

— Мы спасемся,— услышал Кулл нежный голосок,— Джил или помогает, или нет, но никогда не обманывает.

— Ты так защищаешь его... — Шарга в сомнении покачал головой.

— Вовсе нет,— серьезно ответила Суали.— Истина не зависит от чувств.

Шарга нахмурился, но спорить не стал. Он смотрел вперед, на раскинувшуюся перед ними болотистую низину, на два гигантских ствола, между которыми, если верить указаниям богаворона, они должны проплыть, чтобы попасть в Озеро Блуждающих Звуков. Но болото — не река. Там можно запросто утонуть, но вряд ли можно пройти на галере.

И все-таки они шли прямым курсом на берег, не обращая внимания на то, что плыть дальше некуда. «Словно слепцы, идущие по краю пропасти навстречу смерти!» — подумал Шарга, сжимая побелевшими от напряжения пальцами рулевое весло. Люди столпились на баке, облепили борта «Богини Морей» и замерли, позабыв обо всем. Далекий берег приближался. Уже можно было разглядеть низкую, тонкую равнину. Белый плотный туман стелился над болотом. Лишь кое-где самые высокие из кочек темнели под зыбкой белой поверхностью, и только некоторые высывались наружу.

И тут ветер стих. Паруса на «Богине Морей» обвисли. Некоторое время галера еще скользила сама по себе, быстро замедляя ход.

— Смерти дожидаетесь, мерзавцы?! — взревел Шарга, быть может, не столько опасаясь погони, сколько желая показать, что ничего необычного не происходит. — Живо на весла!

Люди забегали. Тяжелые лопасти с глухим всплеском опускались в воду. Кирим задал спо-

койный темп, и галера вновь двинулась вперед. Туман начал потихоньку отступать в глубь болота. До исполинских стволов оставалось не больше пяти корпусов, но пространство между ними оставалось по-прежнему недоступным взгляду.

Туман отходил все дальше, и лишь прямо по курсу оставался лежать плотным слоем.

— Что будем делать, капитан?

Кулл оглянулся. «Борхей» уже почти преодолел узкий пролив, а раз так, то остальные корабли эскадры наверняка неподалеку от входа. Он посмотрел на Суали, но она не заметила этого: взгляд девушки был устремлен вперед.

— Идем прежним курсом.

Шарга ничего не ответил, только крепче сжал руль. Теперь только три корпуса отделяли галеру от прохода, который должен был находиться между соснами. Суали сказала, что раз Джил указал на это место как на путь к озеру, значит, так оно и есть. У Кулла не было причин не верить ей, но сейчас первые сомнения закрались в его душу, быть может, от сознания того, что, если она ошиблась, их ждет верная смерть.

Лишь один корпус отделял их от гигантских сосен, а белая пелена впереди никак не рассеивалась. Теперь туман походил на молочную реку, которая не текла, а лишь слабо клубилась, резко обрываясь по краям болота.

Кулл посмотрел на сосны, высившиеся уже почти по бокам. Плотная пелена кончалась в

десятке локтей перед ними. Еще немного — и таран «Богини Морей» войдет в нее. Атлант поспешно отвел взгляд. Далеко раскинувшиеся во все стороны корни деревьев утопали в болотине. Их замшелые стволы даже он, пожалуй, не смог бы обхватить. Как они растут здесь, за что держатся, оставалось непонятным.

Когда пират вновь взглянул вперед, корпус «Богини Морей» уже до половины вошел в молочный занавес. Теперь весла галеры погружались в плотный туман, издавая странные гулкие всплески. При каждом гребке густая дымка начинала вихриться, и тогда под ней открывалась темная поверхность воды. Форштевень галеры достиг странных ворот, но ничего не произошло. Просто корабль несколько замедлил ход, словно преодолевал несильное течение.

Кулл в последний раз обернулся и увидел, что на «Борхее» убирают паруса, а огромные весла приходят в движение, но теперь это было не важно. «Богиня Морей» плыла по туманной реке, и, даже если преследователь отважится идти за ними, бояться нечего: для того они и явились сюда.

Они миновали указанные Джилом ворота и продолжали подниматься вверх по течению. Вскоре впереди показалась кромка невысоких скал, но прямо по курсу зияло черное пятно пробитого в них прохода. По всей видимости, именно там и брала начало эта странная река. Галера приближалась ко входу, и Кулл понял вдум,

что вокруг них уже не болото. Местность сильно повысилась, превратившись в бесплодную каменистую пустыню, начинавшуюся прямо от подножия гранитной стены.

Вскоре движение еще больше замедлилось, но, по приказу Шарги, Кирилл задал более живой темп. Они вновь пошли быстрее. Гранитная стена быстро приближалась, и наконец бушприт «Богини Морей» вошел в новые, последние ворота. Не удержавшись, Кулл обернулся еще раз и застыл от изумления: белая клубящаяся дорога уходила круто вниз, словно они поднялись только что по руслу горной реки. Отсюда, сверху, пройденное расстояние казалось гораздо большим, чем выглядело снизу. Где-то там, далеко внизу, раскинулась обширная бухта, в которую уже заходили первые корабли эскадры Ридо. «Борхей» бросил якорь чуть правее ворот.

— Мы внутри, Кулл! — услышал он голос Шарги.

— Мы внутри, Кулл... Кулл... Кулл... Внутри... Кулл... Мы внутри... Мы... Кулл... — заметалось эхо, смешавшись с плеском весел, который уносился прочь и, размножившись, возвращался мгновение спустя.

Атлант вздрогнул, тут же забыв о погоне. Что бы там ни придумал теперь барон, ему до этого нет дела. Впереди раскинулась казавшаяся бескрайней равнина, но у видел, что это не так. Они очутились в огромной гранитной чаше. Прямо по курсу хаотично громоздились выступавшие из воды

каменные клыки, а саму поверхность озера затянул густой сизый туман, идти по которому мог решиться только явный безумец.

— Держись стены,— приказал атлант, и эхо тут же с готовностью подхватило:

— Держись стены... Держись стены... Держись... Кулл... Мы внутри...

Произнесенные ранее слова складывались с только что сказанными во всевозможные сочетания и множились, неумолимо наплывая со всех сторон.

— Вот дерьмо! — не выдержал Шарга.

— Вот дерьмо... — обрадовано подхватило эхо.— Дерьмо... Дерьмо... Кулл... Дерьмо... Мы внутри...

Гуго покачал головой:

— Дрянь дело.

— Дрянь дело... — продолжало веселиться эхо.— Кулл... Дерьмо... Мы внутри стены...

Гребцы побросали весла и зашли в не удержимом идиотском хохоте, а эхо словно нарочно громче всего выкрикивало самые дурацкие фразы.

— А ну, заткнуться всем! — побагровев, взревел атлант, но лишь еще больше испортил дело.

— Заткнуться всем... Заткнуться всем... — испуганно зашептало эхо.— Плохо дело... — донеслось издали.— Кулл дерьмо, а мы внутри стены... Держись, Кулл,— мстительно прогундел кто-то совсем рядом.— Держись, дерьмо...

— Кулл дрянь... Кулл дрянь... — тотчас согласился с ним кто-то невидимый.

В сердцах пират сплюнул и ушел в каюту. Суали и Шарга направились следом, но едва дверь за кормчим закрылась, как в проеме возник Гуго. Мужчины выглядели хмуро, лишь девушка, наблюдая за ними, улыбалась.

— Неприятно слышать о себе такое, верно? — спросила она, но атлант в ответ лишь раздраженно хмыкнул.

— А чего ты ожидал? — удивилась девушка.— Ты же знал, куда идешь!

— Знал, знал,— проворчал капитан, понемногу успокаиваясь,— но не думал, что получится такой... Бардак.

— Что получится? — Она, улыбаясь, смотрела на атланта.

— Что из отдельных слов эхо начнет составлять глупые фразы.— Он задумался.— Глупые, но не лишённые смысла,— добавил он,— словно оно... Разумно.

Суали кивнула, явно удовлетворенная тем, что услышала:

— Конечно, эхо разумно, но не так, как это понимают люди.

— А как?

— Как? — На миг Суали задумалась.— Эхо, как кривое зеркало, отражает то, что видит, делая его смешным; или уродливым, или страшным, а слабого вполне может подтолкнуть к безумию. Ты не знал этого?

— Нет.— Кулл помотал головой.— Мне сказали лишь, что сказанное может возвращаться к тебе. Даже несколько дней.

— Значит, над тобой подшутили,— усмехнулась девушка.

— Я вот этому шутнику... — беззлобно проворчал атлант.

* * *

— Где этот проклятый ублюдок?! — заорал Ридо, как только капитан «Борхея» поднялся на борт флагмана.

— «Богиня Морей» поднялась вверх по реке,— вытянувшись, ответил тот.

— По какой реке, болван?! — не унимался барон.— Здесь нет никакой реки! Запомни это, кретин!

— Здесь есть река,— спокойно ответил капитан, изо всех сил стараясь сдерживаться,— просто она выглядит необычно.

— Выглядит необычно?! — взвился барон, теряя последние остатки разума.— Что же это за река, которая выглядит необычно?! Покажи мне ее, идиот!

— Вот она.— Капитан «Борхея» взмахнул рукой, указывая на уходившую вверх полосу непроливаемого тумана.

— Да какая это... — начал было барон, но вдруг осекся.— Ты что, действительно видел, как «Богиня Морей» поднималась по этому молочному киселю?

— Так же ясно, как вижу сейчас тебя, барон.

Ридо задумался, переваривая услышанное, и пришел к выводу, что ему не врут.

— Ну что ж, проверим,— процедил он, поджав губы.

— Как? — спросил капитан, предчувствуя недоброе.

— Отправляйся следом,— приказал Ридо и криво усмехнулся.— Немедленно.

* * *

Команда «Богини Морей» немного успокоилась, хотя еще долгое время то одного, то другого прорывало, и он заходил смехом, не в силах сдержаться. Однако галера двигалась вперед и вскоре достигла противоположного берега. Чуть впереди в озеро беззвучно вливался поток, за ним еще один, за ним еще и еще...

Не обращая внимания на невообразимую какофонию, Кулл приказал бросить якорь и ушел в каюту.

— Ну и что ты теперь собираешься делать? — спросил Шарга.

— Как что? — удивился Кулл.— Сейчас нагрузим нос, корма поднимется над водой, и Харт сможет заняться починкой.

— А если барон придет сюда? — удивился Шарга.— Ведь они видели, куда мы направились!

— Пусть приходит.— Капитан зевнул.— Хотя всей эскадрой. Ему не преодолеть озеро. Ты сам видел, сколько здесь скал, но это лишь те, что выходят на поверхность. Гораздо больше скрывается под водой, но разглядеть их из-за тумана невозможно. Он просто потеряет все корабли.

— А если он догадается идти вдоль стены?

— Ну и что? — все так же равнодушно оторвался атлант. — Он будет двигаться осторожно, и мы спалим его, прежде чем он пройдет хотя бы треть пути.

— Похоже, ты все продумал, доблестный Кулл! — восхитилась Суали.

— Все да не все, — проворчал Гуго.

— Что ты имеешь в виду?

— Что будет, если они двинутся вдоль обеих стен, а мы их потопим? Сами-то как отсюда выберемся?

— Ну, это вряд ли, — задумчиво протянул Кулл, но было видно, что мысль эта ему совсем не понравилась.

— Если хотите, я могу поднять над озером туман, — предложила Суали, — и опустить уровень воды. Тогда «Богиня Морей» ляжет на дно и чинить ее станет гораздо проще.

— Э-э! Нет, нет! — Кулл протестующе поднял руки. — Корпус завалится набок, и мы рискуем не только переломать реи, но и понаделать новых дыр в борту. Вот только если немного приспустить уровень, чтобы передвигаться по озеру стало еще труднее, — добавил он задумчиво, но тут же затряс головой, словно отменяя эту мысль. — А вот насчет тумана — это здорово! Пусть приходят сюда и пялятся друг на друга сквозь пелену!

* * *

«Борхей» поднимался вверх по течению. Чем ближе он подходил к цели, тем труднее становилось продвигаться вперед, но, задав быст-

рый ритм гребцам, капитан поддерживал прежнюю скорость.

— Что это?

Капитан изумленно смотрел на проход в скалах. Белесая пелена, изливавшаяся из нее поверх русла реки, становилась все плотнее, но очень скоро это впечатление пропало. Теперь стена белой непроницаемой ваты поднималась по проходу, по-прежнему всего лишь тонким слоем укрывая русло реки. Все выше и выше, быстрее и быстрее, пока не заполнила все пространство между скалами.

— Что будем делать, капитан? — спросил рулевой.

— Вперед, прежним курсом, — не оборачиваясь, процедил тот сквозь зубы.

Гребцы не видели, куда идет галера, но зато остальная часть команды облепила борта, мрачно взирая на приближавшуюся белую стену, которая закрыла вход. Наконец бушприт вонзился в туман, и его словно отрезало. Кто-то охнул, ожидая самого худшего, но ничего страшного не произошло. Весла все так же мерно падали в воду, продвигая галеру вперед, и она все больше исчезала за туманным пологом.

* * *

Суали вроде бы ничего и не сделала, но туман вдруг начал подниматься. Только что гладкая поверхность озера подернулась рябью, и по ней побежали волны. Время от времени маленький смерч возникал то здесь, то там и,

вращаясь, начинал носиться по воде, увлекая за собой все новые массы непроницаемого для взгляда тумана. Постепенно взбаламученная пелена дотянулась до кончиков мачт.

Замерев, пираты молча наблюдали за странным таинством, происходившим за бортом, и только эхо все никак не могло успокоиться, понося Кулла на чем свет стоит и грозя добраться до него в самое ближайшее время.

Все тяжелое перенесли на нос галеры, и Харт принялся наконец за дело. Он заранее вырезал две накладки на покалеченный шпангоут и подготовил из корабельных запасов доски, необходимые для ремонта обшивки. Пока плотник варил клей, вонь стояла нещадная. Она словно впитывалась в густой туман, упорно не желая покидать «Богиню Морей». Чтобы как-то спастись от нее, а заодно и скоротать вынужденное безделье, Кулл приказал достать из трюма несколько бочонков вина. Команда не заставила себя упрашивать и резво принялась их опустошать.

Вскоре выпитое ударило в головы, и, поскольку петь в таких условиях оказалось просто невозможно, захмелевшие матросы нашли себе новое развлечение: не слишком скромные словечки наполнили воздух, и эхо охотно включилось в игру, складывая из них новые, с каждым разом все более вычурные и цветистые ругательства, одно похабнее другого.

Кулл молча покачал головой и увел Суали в каюту, справедливо рассудив, что не годится ей это слушать.

На следующее утро капитан по одному поговорил в своей каюте со всей командой и посоветовал каждому из моряков объясняться в основном знаками, а если уж совсем приспичит, то уходить на нижнюю палубу и разговаривать шепотом. Никто не заставил себя упрашивать. Всем уже до тошноты опротивели не дававшие всю ночь спать выкрики полоумного эха.

Теперь команда молчала, однако весь следующий день они вынуждены были слушать, как кто-то кому-то втолковывал, что «Кулл — славный капитан!» После этого следовал взрыв идиотского хохота, который подтверждал, что неизвестный совершенно согласен с таким утверждением и даже, более того, считает, что «барон Ридо — плешивый болван». Ему отвечали радостным смехом и с готовностью сообщали, что «баронов сын — жалкий сморчок». Дальше следовала бесконечная вереница откровений примерно того же смысла, но совершенно непристойных.

В полдень, когда эта какофония уже грозила всех свести с ума, в нестройный хор пьяных голосов ворвался визг пилы, заглушая слова, дробя их на отдельные звуки, словно Харт пилил не доски, а висевшие в густом тумане фразы. Потом к визгу добавился стук молотка, и ближе к вечеру не стало слышно ни одного слова.

Впервые в жизни Кулл поймал себя на мысли, что ему опротивела человеческая речь. Вскоре атлант убедился, что Суали права: обитающее в озере волшебное эхо обладает своеобразным разумом. После того как, следуя его совету, моря-

ки замолчали, эхо некоторое время пыталось поиграть с визгом пилы и стуком молотка, но получившиеся мелодии отличались редкостным однообразием. Побившись некоторое время впустую, эхо умолкло окончательно.

Когда Кулл осознал это, он вопросительно посмотрел на Суали:

— Я же тебе говорила, что эхо разумно, хотя и не так, как человек. Можешь считать, что у него слабая память. Оно недолго помнит услышанное, а из сказанного лучше запоминает то, что произносится многократно. Я не удивлюсь, если оно обиделось на то, что с ним не желают разговаривать, и умолкло вовсе.

— Обиделось, ты сказала? — переспросил Кулл. — Что это значит?

— Оно может попытаться отомстить.

Кулл изумленно посмотрел на девушку. В какое-то мгновение ему показалось, что она просто шутит. Но нет. Ее лицо оставалось серьезным.

— Как? — поинтересовался пират.

— Не знаю, — она пожала худенькими плечиками, — но озеро населено. Не забывай об этом.

— Что-то я до сих пор никого не видел.

— Да, — согласилась она, — так было, пока с ним играли, но теперь все может измениться.

* * *

Минул день с того времени, когда проклятый дикарь ушел вверх по реке, а от посланного вдогонку «Борхея» по-прежнему не было

ни слуху ни духу. Пять кораблей встали на якорь в безымянной бухте, поджидая «Богиню Морей»: по два справа и слева от места, ограниченного гигантскими соснами, и еще один загородил вход в пролив, соединяющий бухту с Мутным морем. К тому же капитан «Борхея» обещал, что вернется следом за пиратской галерой, а значит, атланту так или иначе придет конец. Однако что-то тревожило барона, лишало душевного равновесия, а радость, испытанная им, когда понял, что наконец-то загнал врага в ловушку, покинула его слишком быстро.

Хуже всего было то, что барон и сам не понимал, что его тревожит. Он копался в себе, придумывая совершенно немыслимые причины, хотя на самом деле все было значительно проще. Где-то в глубине его душонки жила уверенность: атлант умнее его, храбрее и сильнее... Скажи Ридо об этом кто-нибудь другой, он приказал бы повесить наглеца, но ведь собственную-то голову не станешь рубить за мысли, отравляющие существование.

Каус пришел в каюту к отцу, когда тот сидел, погруженный в мрачные думы. Молодой барон молча сел напротив, и лишь когда Ридо обратил наконец на него внимание, заговорил.

— Отец, я вот что подумал... — начал он издавека и замолчал, словно до сих пор не решил окончательно, о чем собирается говорить. — Этот мерзавец может все-таки вырваться. — Собираясь с мыслями, он вновь умолк ненадолго. — Если он

дождется темной ночи и осторожно спустится в бухту, то сумеет скрытно проскользнуть мимо, и тогда «Миральда», которую мы поставили в заслон, не удержит его.—И, упреждая возражения отца, он заговорил быстрее: — Ты же знаешь, как это бывает в бою, когда недостает свободного пространства: один помешал другому, неудачно встав у него на пути, идущий следом не ожидал этого и протаранил своему же борт и так далее. А наш дикарь, как я слышал, мастер создавать неразбериху.

Барон, поначалу вяло слушавший сына, к середине разговора воспрял духом: оказывается, не только он думал об этом.

— Ты прав,— согласился он, когда сын замолчал.— Я прикажу удвоить караулы.

— Это, безусловно, не помешает,— кивнул Каус,— но и не спасет. Я кое-что придумал...

Он выразительно посмотрел на отца, и тот не выдержал:

— Ну говори же! Не тяни!

— Ты помнишь о цепи в трюме «Лемурии», которую мы везли на Вазию, чтобы перегородить протоку, да так и не успели выгрузить?

Глаза Кауса блестели. Он поймал взгляд отца.

— Ну? — выдохнул Ридо, чувствуя, что сыну пришла в голову хорошая мысль, хотя и не понимал еще до конца, о чем идет речь.

— Нужно перегородить ею устье реки, натянув между соснами. Тогда ему некуда будет деться. Его «Богиня Морей» либо развалится и затонет, либо, если Кулл не полный кретин, он

поставит свою галеру поперек русла, и тогда «Борхей» вонзится ему в борт и возьмет на абордаж. В этих случаях нам останется только выловить из воды новых рабов.

— А в другом? — ошеломленно промямлил барон, которого буквально оглушила великолепная идея сына.

— Просто подпалим их,— равнодушно пожал плечами Каус,— и, уверяю тебя, итог будет тем же.

— А если он сам подожжет нас? — спросил барон, когда к нему вернулась наконец способность рассуждать здраво.

— Когда «Богиню Морей» возьмут на абордаж,— снисходительно объяснил Каус,— им будет не до стрельбы.

— Он очень ловок и успеет доставить нам немало неприятностей,— задумчиво произнес барон.

— Уверяю тебя, отец, чем бы дело ни кончилось, все произойдет очень быстро. Однако ты, конечно же, прав,— счел нужным согласиться Каус,— лишняя предосторожность не мешает. Вели отвести галеры подальше от берега.

* * *

Харт работал как проклятый. Первым делом он заменил недостающую часть перерубленного капитаном шпангоута двумя накладками, и сразу принялся чинить обшивку. Дело это хлопотное: прежде чем восстанавливать ее, нужно было еще аккуратно удалить обломанные доски.

Свободные от забот пираты начали замечать странные явления. Повисшая над озером мертвая тишина исчезла. Озеро начало издавать неприятные звуки, которые невозможно было связать с чем-то слышанным раньше. То тяжелый вздох доносился издалека, то натужный стон, а иногда и нечто похожее на грозное рычание, от которого волосы вставали дыбом.

Всем тут же припомнилось, что Джил Беспощадный помогает только сильным, а у слабого отбирает жизнь. Казалось бы, все просто: не показывай страха, и все будет в порядке, но лишь человек десять на «Богине Морей»; в том числе и капитан, могли вести себя так. Остальные же, хотя среди них и не было трусов, лишь подтвердили старую истину о том, что самый сильный страх — это боязнь неизвестного.

Сперва дурацкие стоны невидимки забавляли, но когда в них зазвучала угроза, стало не до смеха. Люди старались реже подходить к бортам, а большинство и вовсе предпочитало отсиживаться на гребной палубе, спрятавшись от неведомой опасности, но на всех места внизу не хватало, и часть команды вынуждена была оставаться наверху.

Очень скоро многие стали замечать прятавшихся в тумане неведомых тварей. Неясные тени неожиданно возникали за бортом, заставляя вздрагивать даже таких смельчаков, как матросы «Богини Морей», ведь, в конце концов, ничего не боятся только идиоты. Однако по-настоящему все испугались после того, как чья-то

плоская голова на длинной шее вынырнула из-за борта и, схватив одного из моряков, рухнула вниз. Раздался глухой всплеск, и над озером вновь повисла мертвая тишина.

С побелевшим от ужаса лицом Харт вскарабкался на борт, до полусмерти перепугав Рико, который не мигая смотрел в густую белую пелену. Ни жив ни мертв ворвался плотник в каюту Кулла.

— Капитан! Ханара змей утянул! Нужно уходить! — закричал он, дико таращась на атланта.

При этих словах Кулл вздрогнул: он сразу понял, что начали сбываться самые мрачные из предсказаний.

— Что ты успел сделать? — глухо спросил он.

— Почти все, — выпалил Харт, понемногу приходя в себя. — Я уже заканчивал покраску, когда эта тварь вынырнула прямо из-под днища. Я подумал, что мне конец, но успел выхватить кинжал, чтобы на прощание попортить ей шкуру, однако она даже не заметила меня. Ее шея все вытягивалась и вытягивалась вверх. Казалось, ей не будет конца!

Тут руки его вновь затряслись, пот мелкими капельками выступил на лбу. Кулл налил вина в кубок и протянул плотнику. Тот жадно схватил его и осушил залпом, потом вздохнул вроде как с облегчением и лишь тогда вновь посмотрел на Кулла.

— Это был огромный змей, — вновь заговорил он зловещим шепотом. — Он держал Ханара во рту, схватив поперек туловища, как утка

мелкую рыбешку. Похоже, парень был уже мертв. Уходить надо, капитан,— повторил он.

Пират кивнул и тихонько позвал:

— Суали!

Харт растерянно оглянулся, на миг позабыв о страхе, и вдруг увидел рядом с собой уже знакомую голубую фигурку с белоснежными волосами и в таком же белоснежном платье.

— Прощу тебя, богиня, убери туман. Мы уходим.

* * *

Капитан Гарсиа стоял на баке «Борхея» и напряженно вглядывался в непроглядную пелену тумана. Пошли уже третьи сутки, как они вошли в это... Он и сам не знал, как назвать место, куда они попали.

Когда он понял, в какую опасную передрыгу его угораздило вляпаться, хотя и не слышал никогда ни о чем подобном, у него хватило ума направить галеру вдоль скалистой стены, сразу же повернув направо. Некоторое время они придерживались выбранного направления, но вскоре благоразумие нашептало Гарсиа еще одну дельную мысль: дальше соваться нельзя, если, конечно, он не желает угробить корабль вместе со всей командой.

Он вспомнил, как был ошарашен идиотским эхом, на все лады поносившим Кулла, из-за которого они очутились здесь, как, словно обезумев, гоготали его матросы и с каким трудом удалось ему пресечь это безобразие, а через двое

суток воцарилась тишина, более страшная, чем все, что довелось ему испытать прежде.

Правда, позже он услышал визг пилы и стук молотка, ясно говорившие о том, что и «Богиня Морей» где-то рядом, но определить, где именно, из-за проклятого тумана и идиотского эха не сумел. Тогда-то Гарсиа приказал спустить на воду шлюпку и отправил четверых добровольцев с донесением к барону. Исполнив поручение, они должны были вернуться. Шлюпка исчезла в тумане. Чуть позже издали донесся всплеск, но что он означал, капитан так и не понял. Так или иначе, но шлюпка не вернулась, и Гарсиа предпочитал гнать мысли о худшем.

И вот теперь он стоял на носу «Борхея» и, облокотившись о фальшборт, всматривался в непроницаемый туман. Третьи сутки ожидания близились к концу, но что делать дальше, оставалось неясным. День назад прекратила визжать пила и смолкли молотки, и это могло значить только одно: на «Богине Морей» закончили ремонт. Но если он прав, то, оставаясь здесь, он лишь понапрасну тратит время! Проклятый дикарь давно ушел! Гарсиа представил, что скажет ему барон, когда он доложит о своих действиях или, вернее, о своем бездействии, и ему стало не по себе. Какой демон дернул его связаться с Ридо? Однако сделанного не воротить, но он дал себе слово, как только выберется отсюда, разорвать договор с бароном.

Теперь же следовало подумать о том, как приблизить этот момент. Решив, что больше ждать

не имеет смысла, Гарсиа направил «Борхей» вперед. Он понимал, что, прикажи он табанить, и добравшись до выхода галеру понесет вперед кормой, а это значит, что судну придет конец. Они наверняка врежутся в болотистый берег, течением их поставит поперек русла, и тогда никто уже не сможет им помочь. Капитан помнил, что выглядевший спокойным речной поток на самом деле оказался гораздо сильнее, чем думалось.

Галера неспешно двигалась вперед, и никто так и не заметил, когда это началось, но вскоре туман опустился до уровня роста, и у всех невольно вырвался вздох облегчения. Туман продолжал быстро спадать, словно пелену разводили руки волшебника, и, впервые по-настоящему оглядевшись, капитан покачал головой и тут же похвалил себя за осторожность. Обширное озеро оказалось сплошь утыкано гранитными зубами, и, не сверни «Борхей» направо, через десяток-другой локтей он неизбежно напоролся бы на первый же из них.

И еще одно отметил Гарсиа: «Богиня Морей» стояла здесь же, по другую сторону озера, а это означало, что он все сделал правильно. Он приказал ускорить ход. Теперь, когда пропал проклятый туман, стало видно, что единственный проход лежит вдоль гранитной стены, которая окружала водоем. В тот же миг и «Богиня Морей» пришла в движение, и хотя расстояние понемногу сокращалось, Гарсиа ясно видел, что не успеет догнать пиратскую галеру. Однако это нимало не тревожило его. Барой хотел, чтобы

он преследовал Кулла? Пожалуйста! Он выполнит приказ барона!

«Борхей» прошел уже больше половины пути, оставив позади вливавшиеся в озеро потоки, когда огромная волна поднялась у него за кормой. На «Богине Морей», похоже, решили пропустить ее и начали быстро грести в обратную сторону разворачиваясь. «Борхей» почти вплотную подошел к пиратской галере. Их уже разделяло меньше корпуса, когда случилось что-то непонятное. Вода, достигнув наивысшего уровня, вдруг выплеснулась наружу бурным потоком. Только теперь Гарсиа с ужасом и удивлением понял, что до сих пор вода лишь прибывала и накапливалась в озере, а сейчас кто-то словно открыл несуществующую плотину, и бешеный поток ринулся вниз, увлекая за собой обе галеры, как будто это были невосомые щепки.

* * *

Лионтину оставили в покое. Уже несколько дней к ней не навевались ни барон, ни его сынок, чему девушка была только рада. Она не испытывала недостатка ни в чем. Ее угнетало лишь то, что она по-прежнему оставалась пленницей. Однако девушка не роптала: Кулл непременно придет за ней, в этом она нисколько не сомневалась.

Пока все складывалось удачно. Барон дал ей время на размышление и не досаждал своим присутствием, честно выполняя условия договора. Правда, выходя на прогулки (трижды в

день под бдительной охраной двух дюжих молодцев ей разрешалось покидать каюту), она стала замечать, что Каус слишком пристально смотрит на нее. Когда отца не оказывалось рядом, он тут же подходил к Лио и начинал болтать ни о чем, но липкие взгляды этого мальчишки вызывали желание немедленно умыться и ясно говорили о том, что все, мягко говоря, не так хорошо просто, как ей думалось вначале.

Сначала она старалась не придавать этому значения, но с каждым разом юнец заходил все дальше и однажды попытался отослать ее охранников под предлогом, что хочет сказать ей что-то важное. Свелось же все к банальному приставанию, и неизвестно, чем бы все закончилось, не появившись вовремя барон. Лионтина никогда бы не поверила, что будет так счастлива увидеть Ридо. Она так и не узнала, заметил или нет он поползновения своего сына, но на всякий случай прекратила прогулки, сославшись на морскую болезнь.

Барон, когда известие об этом дошло до него, воспринял это как должное: уж если он сам с трудом переносит качку, то уж пленница и подавно должна страдать из-за нее. Ему даже в голову не пришло, что такое недомогание выглядит несколько странно для подруги Кулла, которая плавала с ним вместе не первый год. На время ее вновь оставили в покое, но только на время.

В то утро, когда Каус появился на пороге ее каюты, девушка лишь досадливо поморщилась, решив, что он повторит неудавшуюся попытку, и приготовилась дать ему отпор, но то, что ус-

лышала, настолько изумило ее, что, быть может, только поэтому она не расхохоталась ему в лицо.

Заперев за собой дверь, Каус шагнул внутрь каюты:

— Я пришел извиниться перед тобой за последнюю нашу встречу и прошу быть моей женой.

Он выпалил это, глядя мимо нее, багровый от смущения, взъерошенный и жалкий, а она не находила слов просто потому, что никак не ожидала такого поворота.

Леонина еще раз окинула взглядом молодого барона. Тщедушный юнец, аккуратный и чистенький — такой, каких она ненавидела с детства... Вот он стоит перед ней, обильно потея и стыдливо пряча глаза — ни дать ни взять впервые влюбившийся мальчик, добрый и скромный. Сколько ему? Она посмотрела на бледное, скуластое личико, на верхнюю губу, чуть подернутую пушком. Он мог быть моложе ее, но вполне мог оказаться и ровесником. Зато взгляд, не тот, что он прятал сейчас, а тот, что вселял страх в матросов галеры, холодный и жесткий, говорил о том, что этот мальчик вполне может оказаться намного старше. Впрочем, все это не так уж и важно. Главное заключалось в том, что, несмотря на молодость, он вызывал еще большее отвращение, чем его отец.

Лио усмехнулась. Она вовсе не собиралась церемониться с этим мальчишкой.

— Ты видел Кулла? — спросила она прямо.

— Конечно, — ответил он, по-прежнему глядя мимо нее.

— А в зеркало ты давно смотрелся? — ехидно продолжала она.

— Что ты имеешь в виду? — прошипел Каус, покраснев еще больше, хотя дальше, казалось бы, уже некуда, но все еще не смея поднять на девушку глаза.

— Вовсе не то, что ты подумал, — поспешила заверить его Лио, решив, что несколько переборщила. — Я просто хотела, чтобы ты понял: когда он придет за мной, то тебя он попросту утопит!

— Я его не боюсь! — гордо заявил молодой барон, на что Лио ответила, постаравшись придать голосу побольше искренности:

— Зато я боюсь!

— Я сумею защитить тебя! — воскликнул он, впервые осмелившись посмотреть ей в глаза.

Лио пришлось собрать все силы, чтобы не расхохотаться: парень либо полный кретин, либо... Ну просто настоящий герой! Нет, на героя он явно не тянул, но и идиотом не казался.

— Как? — наконец спросила она.

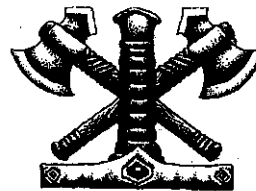
— Я убью его! — гордо заявил продолжатель славного валузийского рода.

Лио невольно задержала дыхание и закрыла глаза, чтобы их блеск не выдал ее. «Парень-то, похоже, все-таки придурковат», — подумала она, прежде чем ответить, но сказала совершенно иное:

— Ну вот когда это случится, тогда и поговорим.

Глава пятая ПРОРЫВ

С уали стояла на форштевне, держась за вант, и, улыбаясь, смотрела лишь на Кулла, хотя вся команда обступила ее.

— Прощай, Кулл, — ласково и в то же время грустно молвила она. — Мне было интересно побывать среди людей.

— Никто не мешает тебе покинуть нас позже, когда мы выйдем в море.

— Знаю, — кивнула она, — и рада, что ты сказал об этом. Вы мне симпатичны, и на прощание я хочу в последний раз помочь вам. Именно поэтому мне придется покинуть «Богиню Морей» немного раньше, чем хотелось бы.

Девушка легко взмахнула рукой, шагнула в сторону и исчезла в молочной пелене. Мгновение спустя люди услышали тихий всплеск, и маленькая богиня навсегда ушла из их жизни.

— Туман-то редет, — заметил кто-то за спиной капитана.

— Снимаемся с якоря, — коротко бросил Кулл и быстрым шагом направился на корму.

Шарга уже стоял у руля, а гребцы потихоньку заработали веслами. Не дожидаясь приказа, часть команды собралась на корме, окружив шкипера непроницаемой стеной щитов: сзади быстро приближался «Борхей», и моряки приготовились к бою.

— Как думаешь, почему они не стреляют? — спросил Шарга, недобро косясь на преследователя.

«Борхей» подкрался к ним в тумане, и теперь расстояние до галеры Ридо оказалось таким, что мощный арбалет пиратов уже не давал им преимущества: при желании они могли посыпать друг друга стрелами из обычных луков, а стрелять по корпусу мешали торчавшие из воды скалы.

— Уж не собираются ли они взять нас на абордаж?! — Шкипер недобро прищурился.

— Не думаю, — ответил Кулл. — Барона здесь нет... Зачем им рисковать?

— Наверное, ты прав.

Шкипер успокоился и посмотрел вперед. Густой туман стелился теперь низко над водой. «Как странно! — подумал Кулл. — Тогда нас встретило дурацкое эхо, а теперь его нет вовсе!»

Острые зубы скал угрожающе вздымались над белой пеленой, и Шарга поежился: если одна из них, всего чуть-чуть не доходя до поверхности озера, поджидает их на пути — им конец. Нет, об этом лучше не думать!

— И все-таки он приближается, — заметил вдруг дууржадец, обернувшись.

— Пусть приближается, — спокойно пожал плечами капитан, — мы уже почти у выхода. Он

будет полным кретином, если атакует нас сейчас. Меня больше волнует другое — вода прибывает.

— Пусть прибывает, — в тон капитану ответил Шарга. — Почему это тебя тревожит?

— Она должна вытекать, но почему-то не делает этого!

Не успел он сказать это, как оглушительный водопад низверг свои воды где-то далеко за кормой. Все, кто находился на палубе, невольно обернулись. Бешеный поток падал в озеро там, где все эти дни струились лишь несколько скромных ручейков. Откуда взялось столько воды, никто не понимал, но самым удивительным казалось то, что вода постоянно прибывала, накапливаясь в озере, словно лишившемся стока, хотя зев прохода, через который «Богиня Морей» попала внутрь, зиял уже в паре десятков локтей перед ними.

Создавалось впечатление, что воздвигнутая кем-то невидимая плотина перегородила проход. Однако это было не все. Кулл заметил вдруг, что их странным образом несет вперед, хотя в стоячей сейчас воде озера не должно быть никаких течений. Он представил, что будет с кораблем, если вода устремится вниз, когда они окажутся напротив выхода, до которого оставалось меньше корпуса. Галеру подхватит течением, и, словно щепку, понесет вниз, навстречу эскадре Ридо. Только вряд ли они доберутся до нее. Наверняка воткнутся тараном в берег где-нибудь на полпути. О дальнейшем лучше не

думать. Их поставит поперек потока, опрокинет или, если повезет, вынесет на берег живыми... Ну нет! Они должны во что бы то ни стало не допустить этого!

— Табань! — прорычал атлант. Гребцы удвоили усилия, но «Богиня Морей» лишь замедлила ход, явно не желая останавливаться. — Навалитесь на весла, дохлые ослы! А ты выруливай! — заорал он, обернувшись к Шарге.

— Ты что задумал, капитан?! — Глаза кормчего пылали, но, привыкший подчиняться, он налег на рулевое весло. — Нас просто вышвырнет на берег! Ты этого хочешь?!

— Нам так и так не удержаться в этой луже! — гаркнул Кулл, заглушая рев воды. — Посмотри! Галеру несет к проходу!

Шарга лихорадочно осмотрелся: так оно и было на самом деле. Он мгновенно уверовал в правоту капитана и, стиснув зубы, навалился на руль. Медленно и неспешно «Богиня Морей» продвигалась вперед, одновременно разворачиваясь носом к выходу.

Увидев, что дело пошло на лад, Кулл огляделся. Вода поднялась настолько, что торчавшие из воды острые вершины скал скрылись под пленкой тумана, сделав судоходной едва ли не всю поверхность озера, а далеко за кормой продолжали с ревом низвергаться потоки воды. На «Борхее» тоже табанили, изо всех сил пытаясь удержаться у стены, но их захватило течением и понесло вперед, хотя и не так быстро, как пиратов. Правда, валу-

зийцев разворачивало ближе к середине озера, словно кто-то заботился о том, чтобы суда не наскочили друг на друга.

Наконец «Богиня Морей» встала точно перед серединой прохода в скалистой стене и параллельно руслу убегавшей вниз туманной реки, и тут невидимый шлюз прорвало, словно некто управлявший событиями дожидался именно этого мига. Суали! Ну конечно, она! Кулл яростно тряхнул головой: ничего не скажешь, хорош подарок! Нос галеры находился уже в выходных воротах, когда вода под ее днищем вздыбилась, приподняв корпус судна еще выше. Словно спущенный с цепи зверь, огромная волна устремилась вперед, но вырвалась она откуда-то снизу, будто из глубины.

Кулл посмотрел вниз. Время, казалось, замедлило свой бег. Отсюда, с высоты, безымянная бухта была видна как на ладони. Атлант увидел зеркальную гладь, ровную и спокойную, и пять галер Ридо. Две пары бросили якоря почти на середине бухты, по бокам от впадавшей в нее реки. Пятая закрывала собой выход в узкий пролив, ведущий к Мутному морю.

Пират мгновенно понял, что мимо незадачливых сторожей промчится прежде, чем те сумеют хоть что-то понять, и угрозу для них будет представлять только пятая галера, своим корпусом перегородившая путь к свободе.

— Гуго! — неожиданно рывкнул Кулл, заставив Шаргу и окружавшую их абордажную команду вздрогнуть. — Арбалет на нос! Живо!! Заб-

росай его огнем! — Он указал на судно. — Стреляй так быстро, как только сможешь!

Тот кивнул, и вдвоем со Стилом они подхватили тяжелое оружие. Валузиец на миг обернулся.

— Они слишком далеко, — заметил он, — мне не достать!

— Заткнись и стреляй! — отрезал Кулл. — Тебе надо привлечь его внимание, а он должен увидеть нас, испугаться и освободить дорогу! И пусть Ридо потом снимет с него за это шкуру! Для нас важно одно: он должен убраться с дороги хоть к Демону Смерти в пасть!

Гуго кивнул Стилу, двинул плечом, устраивая ношу поудобнее, и они потащили самострел на нос галеры. Мгновение спустя «Богиня Морей» рванулась вперед и, подхваченная течением, устремилась к свободе, отставая от гребня первой волны всего на корпус. Кулл посмотрел вниз и от ярости заскрежетал зубами. Устье молочной реки перегораживала толстая цепь, натянутая между стволами гигантских сосен. Только этого им не хватало!

— Морской Отец, спаси и сохрани... — прошептал Шарга побелевшими губами.

Гуго наложил стрелу, Стил поджег ее. Прицел оказался верным, но их разделяло слишком большое расстояние. Вырвавшийся из огромного лука снап огня резко взмыл в затянутое тучами небо и упал в добрых пяти корпусах от перегораживавшей проход галеры. Гуго обернулся, чтобы встретиться с Куллом взглядом. Тот яростно мах-

нул рукой, мол, давай! Валузиец кивнул и задержался только на миг, пораженный открывшейся взгляду картиной.

Мгновение назад «Богиня Морей» вырвалась из каменных ворот, от которых ее теперь отделяло не больше корпуса, а вдалеке, между гранитными стенами уже маячил корпус преследователя.

— Кулл!!! — взревел рыжий арбалетчик, указывая рукой вверх и назад.

Атлант с Шаргой одновременно обернулись и замерли. «Борхей» продолжал медленно выползать наружу. Добрая четверть корпуса валузийца, не считая бушприта, угрожающе нависла над кормой пиратской галеры. Казалось, еще немного, и он рухнет вниз, прямо к ним на палубу! Погибнет сам, но потопит «Богиню Морей» вместе со всей командой!

— Все на весла! — гаркнул Кулл. — Кирим! У тебя что, руки отсохли?! Предельный темп! — Он повернулся к шкиперу и уже спокойнее сказал: — Мы должны во что бы то ни стало вскарабкаться на вал, чтобы захватить цепь основанием тарана. — И тут же покачал головой — ему самому этот план совсем не нравился, а потому он добавил со злостью: — Прах и пепел! Лучше бы нам проскочить над ней!

Шарга кивнул. На гребной палубе Кирим в совершенно немыслимом темпе колотил по барабану. Влекомая бурным потоком, «Богиня Морей» неслась вниз и одновременно приближалась к гребню волны.

Огненные стрелы Гуго продолжали сыпаться теперь уже недалеко от корпуса заграждавшей выход галеры, и их наконец заметили. Капитан галеры что-то кричал, и, хотя слов слышно не было, Кулл понимал, какие приказы он отдает. Половина команды бросилась вниз, по всей вероятности, на гребную палубу, весла упали в воду, и корабль пошел в сторону, освобождая проход. Никому не хотелось сгореть заживо, а тем более быть протараненным несущимся на них с немыслимой скоростью судном.

* * *

— Что делает этот болван?! — визжал Ридо.

Рассерженный непонятными криками, он прервал обед и выскочил на палубу. Люди бегали взад-вперед, и он ни от кого не мог ничего узнать, пока один из моряков не указал в сторону проклятого озера, где укрылся атлант. Прямо на них неслась огромная волна, на гребень которой медленно, но верно взбиралась «Богиня Морей», осыпая огненными стрелами загораживавшее им путь судно. И тут волосы на голове барона встали дыбом: идиот капитан решил убраться с дороги!

— Что делает этот болван?! — визжал Ридо, не в силах поверить в случившееся.

* * *

«Богиня Морей» вознеслась на самый гребень огромной волны. До устья молочной реки оставалась всего пара корпусов, которые они пролетят

за считанные мгновения, а на таком же расстоянии сзади мчался преследовавший их «Борхей».

— Убрать весла! — гаркнул Шарга. — И держитесь, если есть за что!

Гигантские стволы стремительно надвигались. Закрепленная между ними цепь провисала так, что середина ее болталась над верхней кромкой тумана, иногда касаясь ее. Бронзовый таран пиратской галеры вспорол воду между стволами, и Кулл невольно стиснул зубы, а Шарга схватился за вант. В следующий миг все, кто стоял на ногах, попадали на палубу. Все, кроме Кулла и Шарги. Что-то ломалось и трещало, и нельзя было понять, что это: киль, шпангоуты или обшивка разваливающейся на куски «Богини Морей»...

* * *

— Что делает этот болван?! — не умолкал Ридо, в то время как некто сидевший внутри настойчиво нашептывал ему: «Обернись, обернись!»

Он обернулся и в ужасе замер: медленно, будто все происходило не наяву, а в бредовом ночном кошмаре, пиратская галера вползала на гребень гигантской волны, которая вот-вот должна была выплеснуться на них. Чудовищный бронзовый клюв тарана, который венчал носовую часть «Богини», ослепительно сверкал в лучах пробивавшегося сквозь тучи солнца, и острие его нацелилось прямо в лоб барона. Так, по крайней мере, ему показалось. Кровь отхлынула от лица Ридо. Он понял: это смерть. Ужас овладел им. Он открыл рот, чтобы закри-

чать, быть может, последний раз в жизни, да так и застыл.

Однако в следующее мгновение он увидел, толстая цепь, натянутая между стволами исполинских сосен, повисла на бронзовом клыке «Богини Морей»! Сейчас! Еще немного, и она разворотит корпус галеры от носа до кормы! Ридо бросило в жар. Он уже видел, как, разлетаясь деревянными осколками, ломаются доски обшивки, как растет разлом, как ломаются мачты, а команда в панике мечется по палубе... Сейчас! Еще немного!

Оглушительный треск, от которого заложило уши, заставил его вздрогнуть. Все так же медленно, будто во сне, сосны накренились, все больше заваливаясь почти голыми вершинами в сторону озера. Исполинские корни, словно щупальца гигантского головонога, какие, говорят, водятся в южных морях, вырвались из болотной трясины, и Ридо почудилось, что они извиваются от боли. В тот же миг цепь не выдержала и распалась на две части, но лишившиеся опоры сосны продолжали падать.

Уподобившись огромным копьям, они нацелились в несшийся следом «Борхей». В это мгновение чудовищный водяной вал докатился до эскадры, и, хотя он успел уже несколько осесть, разлившись в стороны, «Богиня Морей», которую он нес на своем гребне, приковала к себе общее внимание. Оцепенев, люди смотрели, как, словно выпущенный из катапульты снаряд, она пронеслась мимо четырех галер барона, наце-

лившись точно к середине пролива, туда, где должна была стоять на страже галера заслона, но которой уже не было на нужном месте!

И вновь некто сидевший внутри шепнул: «Обернись!» Голова барона сама собой повернулась, чтобы увидеть развязку погони. «Борхей» летел на втором гребне, но, в отличие от «Богини Морей», не успел взобраться на него целиком, увязнув носом в пенном буруне, а следующий уже маячил в десятке локтей за кормой.

В первый миг Ридо даже не понял, что произошло, отрешенно глядя, как задирается в небо нос его галеры, и, только когда корпус «Борхея» встал почти вертикально, он наконец осознал, что две сосны, почти выдернутые из болота цепью, пробили его галеру и, уперевшись корнями в землю, заставили нос задраться в небо. Набежавшая сзади волна навалилась на корму и толкнула судно вперед, несмотря на то что нос оказался намертво загарпуненным.

Как будто раскачиваясь на гигантских качелях, полностью выхваченный из воды корпус «Борхея» пронесся между опорами и, возносясь все выше, начал переворачиваться мачтами вниз. Люди, бочки, бухты каната — все, что находилось на палубе, полетело в воду. Верхушки мачт пронесли над водой, едва не задев ее, а когда киль принял горизонтальное положение, огромные опоры накренились, но теперь уже в другую сторону — к бухте.

Перевернутый корпус начал падать, грозя накрыть собой вспененную поверхность, которая

превратилась в невообразимое месиво из орущих от ужаса тонущих людей, корабельного снаряжения и обломков. Уцелевшие пытались спастись вплавь, но Ридо не видел этого. Взгляд его словно прилип к кораблю, падавшему в залив. Сперва медленно, потом быстрее... Еще быстрее... Верхушки мачт давно скрылись под водой, и вдруг оглушительный треск возвестил о том, что они достигли дна. Их основания в двух местах пробили днище галеры и двумя столбами гордо взмыли в небо. Взметнув фонтаны воды, корпус тяжело рухнул, накрыв собой несчастных моряков.

* * *

— А-а-а, ослиное дерьмо! — взревел атлант, подхватывая выпущенное Шаргой рулевое весло.

Какое-то время «Богиня Морей» неслась в воздухе, словно и впрямь обрела способность летать.

— Держитесь! — заорал Кулл, и крик его на считанные мгновения опередил второй удар, заставивший вновь попадать тех, кто сумел уже подняться на ноги.

Успевшей-таки убраться с дороги галере Ридо они едва не снесли корму, плюхнувшись в воду меньше чем в десятке локтей от нее. Зато огромная, вставшая стеной волна перехлестнула через борт валузийского судна и прошла по нему, смывая все на своем пути.

— Все на весла! — гаркнул Кулл.

Кто-то закопошился, оглашая воздух проклятиями, и затопал на гребной палубе; кто-то бе-

гал по трапам. Одно за другим весла выпрыгивали из бортов. Одна за другой раздавались отрывочные команды Кирима. Наконец ударил его барабан, и первые две пары весел заработали в заданном темпе. По мере того как люди занимали места на скамьях, к ним присоединялись следующие. Еще и еще...

— Харт! — крикнул Кулл озираясь.

— Здесь, капитан! — донеслось откуда-то снизу.

— Проверь киль, и вообще... — неопределенно приказал он.

— Уже, — тотчас отзывались снизу.

Кулл так и не увидел плотника, но теперь не сомневался, что если «Богиня Морей» не развалится в ближайшее время, то до Дуур-Жада они доберутся. Шарга встал рядом с атлантом.

— Обернись, капитан! — Он кивком указал на что-то за кормой.

Кулл передал шкиперу весло и, отойдя назад, облокотился о фальшборт. Представшая перед его глазами картина оказалась настолько невероятной, что он даже не сразу сообразил, на что смотрит. Сначала ему показалось, что исполинский морской зверь всплыл из океанских глубин, и только когда пират увидел две мачты, проломившие днище, до него дошло, что никакое это не чудище, а перевернувшаяся галера. И только заметив торчавшую из борта сосну, он понял, как это произошло.

Море вокруг было усеяно обломками «Борхея» и человеческими телами, а в устье молочной реки стояла тоненькая, странно голубова-

тая девичья фигурка в коротеньком белоснежном платьице и с такими же белыми как снег волосами. И хотя их разделяло большое расстояние, атлант готов был покаяться, что она смотрит на «Богиню Морей».

Кулл сложил ладони рупором.

— Су-а-ли!!! — разнесся над бухтой его крик.

Она подняла руку и помахала в ответ как раз в тот миг, когда Шарга обернулся, привлеченный криком капитана. Маленькая богиня уходила... Нет, она оставалась на месте, но только что ноги ее лишь по щиколотку утопали в тумане, теперь же она стояла по колено в белой пелене. Вскоре белоснежное платье слилось с молочно-белой поверхностью. Суали махнула в последний раз и через мгновение исчезла без следа.

— Так вот, значит, какой оказалась ее последняя помощь... — задумчиво произнес Шарга.

— А ты только сейчас понял? — усмехнулся атлант.

— Я рад, что все уже позади. Еще немного — и ее прощальный подарок мог стоять нам жизни.

— Может быть, — согласился Кулл, — хотя я так не думаю: Вот увидишь, скоро явится Харт и скажет, что все в порядке.

Шарга не стал возражать, но покачал головой, а капитан хмыкнул.

— Признаться, старина, ты почти каждый день рискуешь гораздо сильнее.

— Что верно, то верно, — подумав, согласился Шарга.

Атлант кивнул:

— Главное, что мы вырвались.

* * *

Не находя себе места, Лио металась по каюте. Что происходит? Она ничего не понимала. За стенами каюты раздавались громкий плеск, крики людей, хорошо знакомые звуки ломавшейся обшивки, отчаянные вопли и стоны — все это смешалось в один многоголосый хор. Но что его породило? Забранные решетками окна ее темницы выходили на сторону, обращенную к берегу бухты, а там все оставалось спокойно, как на кладбище, но от этого становилось еще страшнее.

Пленница барабанила кулаками в дверь, но на судне или не слышали, или не обращали внимания. Сердце девушки бешено колотилось, когда внезапно все стихло, — остались только крики людей, моливших о помощи. Да что же это такое?! И тут...

— Су-а-ли!!! — донесся до нее голос, который она не могла не узнать.

Кулл! Ее лицо вспыхнуло от волнения. Так, значит, он здесь! Он пришел за ней! Но кто такой Суали? Среди экипажа «Богини Морей» нет никого с таким именем. Впрочем... Имя это скорее принадлежит женщине... Неужели, потеряв ее, Кулл так быстро обзавелся новой подругой?.. Страшное подозрение закралось ей в душу. Конечно, она никогда не надеялась, что атлант останется с ней навсегда, но думала, что это произойдет еще очень и очень не скоро.

И вдруг! Нет... Слишком уж это не похоже на Кулла. К тому же, если он нашел другую, так зачем он здесь?! Нет! Она тряхнула головой и задумалась. Или все-таки — да?!

* * *

Словно огромная крышка, корпус «Борхея» накрыл отчаянно барахтавшихся в воде людей, и поднявшаяся от удара стена воды окатила стоявших на палубе «Лемурии» матросов и барона. Прохладная вода привела его в чувство, и время вновь ускорило свой бег. Ощущение реальности вернулось, и Ридо понял, что все происходящее — не нелепый сон. Он только что лишился прекрасной двухмачтовой галеры, а проклятый атлант снова уходит. Скоро он минует узкий проход между скалами, поставит красные паруса, и тогда ищи-свищи!

— Живо на весла, ублюдки! — завизжал он.

— Но барон... — попытался было возразить капитан, однако Ридо и слушать его не стал.

— Ты что не слышал?! — брызгая слюной, орал он. — Немедленно снимаемся с якоря, и в погоню!

— Остановись, отец! — вскричал Каус. — За бортом люди! Мы не можем бросить их!

— Молчать! — огрызнулся барон. — Это была твоя идея с цепью! Именно из-за нее мы потеряли «Борхея»! И не попадайся мне на глаза, если не желаешь угодить под арест!

— Хорошо. — Каус побледнел. — Я умолкну, но прежде послушай. — Он склонился к самому уху отца: — За происходящим наблюдают без малого

полторы тысячи человек. Если мы бросим команду «Борхея» на произвол судьбы, по возвращении в Валузию тебя ждет королевский суд! Ты же не хочешь этого?!

— О боги! — простонал барон, и Каус подивился, как быстро отец понял, что к чему. — Неужели ты мог подумать, что я брошу своих людей?! Разве ж разговор шел о том, чтобы уйти всем? Капитан! Немедленно отправь «Миральду» в погоню!

— Одну? — переспросил тот.

— Нет! — убежденно выпалил барон. — Выбери ей в пару галеру побыстрее, и пусть немедленно уходят! Остальным прикажи спустить шлюпки на воду — спасти людей! Ну и... Что смогут из имущества. Я тоже не намерен понапрасну задерживаться здесь!

Полко, плотный, немолодой уже валузиец, капитан «Лемурии», всякого повидавший на своем веку, с трудом сдержал усмешку, хотя радоваться было нечему. Он уже сто раз пожалел, что позволил барону уговорить себя командовать флагманом, соблазнившись на приличный куш, обещанный Ридо. Он никогда прежде не сталкивался с бароном лично. Хотя до него и доходили слухи, что Ридо ни во что не ставит человеческую жизнь, ему и в голову не могло прийти, что он вот так, запросто, может, повинувшись капризу, утопить полторы сотни своих людей, причем не рабов, а верноподданных его величества, короля Валузии! И только страх перед неизбежной расплатой заставил его поспешно изменить решение.

— Успокойся, отец,— примирительно произнес Каус.— Ничто еще не потеряно, а то, что произошло, никто не мог предвидеть.

— Никто,— спокойно согласился Ридо.— Кроме проклятого дикаря! — с яростью закончил он.

— Нет... — покачав головой, задумчиво протянул Каус.

— Опять ты споришь! — Барон досадливо поморщился.

— Вовсе нет! — простодушно ответил Каус.— Просто Кулл, похоже, хорошо знал, куда идет, знал, что мы преследуем его, и спокойно привел нас за собой, а следовательно, был уверен, что сумеет вырваться.

— У тебя есть отвратительное свойство, сынок.— Ридо наконец счел возможным удостоить сына взглядом.— Ты говоришь так убедительно, что тебе поневоле хочется верить...

— Это потому что я прав,— ответил Каус.

— ...Даже если на поверку сказанное тобой оказывается обычным бредом,— не обращая внимания на слова сына, закончил свою мысль Ридо.— Хотя,— подумав, добавил он,— в одном ты все-таки оказался прав. Все произошло очень быстро!

Барон с удовольствием увидел, как лицо сына свела болезненная судорога. Он удовлетворенно хмыкнул, и на душе у него полегчало.

— Ладно, не расстраивайся,— благодушно разрешил он.— Одного я только не пойму: почему его галера не развалилась на куски, когда напоролась на цепь...

Часть третья ВОЗМЕЗДИЕ

Глава первая И СНОВА ДУУР-ЖАД

Наконец-то вырвались! Кулл стоял на корме и не отрываясь смотрел на узкий проход между скалами. «Богиня Морей» только что прошла этим путем, миновав протоку, соединявшую Мутное море с безымянной бухтой, которая едва не превратилась для них в смертельную западню.

— Даже не верится, что все это было с нами на самом деле.

— Спроси у Ханара,— коротко бросил атлант,— ему это не показалось шуткой.

Шарга молча покачал головой. Атлант, глядя на него, болезненно поморщился:

— Брось! Ты же и не в таких переделках бывал!

— В таких, как эта, никогда! — возразил Шарга. Капитан стиснул зубы. Похоже, дууржадец вот-вот может сорваться. Такое случается и со смелыми людьми. Это вовсе не малодушие, просто смерть прошла настолько близко, что шкипера

ожгло ее дыхание. Что творится в душе Шарги, понятно, только вот очень уж это не вовремя.

— А что, собственно, произошло? — спросил Кулл совершенно спокойно. — Ну побегали то за бароном, то от него, повеселились немного, починили корабль, потом слегка испугались... — Его взгляд стал насмешливым, и лишь где-то в самой глубине глаз не угасало настороженное внимание. — Прах и пепел! Даже не прорались! К тому же все это теперь в прошлом!

— Это меня успокаивает, — ответил шкипер, и Кулл с облегчением подумал, что либо ошибся, либо дууржадец уже взял себя в руки.

Хвала богам, Шарга не новичок в таких делах!

— А-а! Брось! — Кулл припал к бурдюку и, напившись, передал его шкиперу. — Зато мы сделали что хотели. «Богиня Морей» в полном порядке, и мы можем спокойно поразмыслить над тем, как быть дальше.

— Что ж, быть может, ты и прав, — согласился Шарга, принимая из рук Кулла изрядно похудевший бурдюк. — Только одно хочу сказать: всему, что с нами случилось, я бы предпочел хорошую потасовку.

Из трюма выбрался Харт и остановился рядом с говорившими.

— Все в порядке, капитан, — сообщил он, принимая из рук шкипера совсем уж вялый бурдюк. — Киль цел, — сказал он, сделав пару хороших глотков, — таран даже не помяло, обшивка не пострадала. Только в одном месте на левом борту ободрало цепью краску.

— Ну? — Кулл обернулся к шкиперу. — Что я тебе говорил?

Атлант весело посмотрел на друга, но тот лишь сокрушенно качал головой, словно плотник только что известил их о скорой и неизбежной ее кончине. Глядя на него, атлант рассмеялся:

— Не понимаю, чем ты не доволен?

— Да доволен я, доволен! — проворчал Шарга.

— Ну так в чем же дело?!

— Не понимаю я, как все это произошло! Не понимаю, якорь мне в глотку, и все! — Он с вызовом посмотрел на Кулла. — «Богиня Морей» цела, и это здорово! Поверь, я радуюсь вместе с тобой! Но почему она цела?! Кто мне может ответить?! Да галера должна была развалиться на тысячу маленьких разбитых шлюпок! И пусть меня акула сожрет, если я не прав!

Он умолк и вопросительно взглянул на Харта. Повисла тишина, и некоторое время только ритмичный бой барабана да плеск волн за бортом нарушали ее.

— Все верно, — ответил плотник, — я и сам ничего не понимаю. Конечно, «Богиня Морей» построена на совесть, у нее невероятно прочный киль, специально рассчитанный на мощные таранные удары, но все-таки не на такие. — И он вновь припал к бурдюку.

— Послушай, Кулл, — заговорил дууржадец, едва Харт умолк, — быть может, ты не все нам рассказал? — Он вопросительно посмотрел на капитана. — Если так, то скажи сейчас, ведь все уже позади!

— Что ты хочешь услышать? — удивился атлант.

— Быть может, маленькая Суали тайком шепнула тебе что-то, чего мы не знаем? — выпалил Шарга. — Но тогда это жестоко по отношению к нам. Думаю, не один я мысленно распрощался с жизнью, когда мы помчались вниз по молочной реке!

— Да нет же! Нет! — Кулл наконец понял. — Проклятье! Я не способен на столь дурные шутки.

— Верю, — мгновенно согласился дууржадец. — Но почему ты не попытался удержаться в озере? Ведь это была наша последняя надежда!

— В том-то и дело, — спокойно объяснил атлант, — что не было ее у нас. — Шарга недоверчиво покачал головой, но капитан жестом остановил его. — Вспомни лучше, как все происходило. Мы табанили, но галеру все равно несло к спуску!

— Неважно! — отмахнулся шкипер. — Ребята нажали бы еще, если надо.

— Нажали бы... — Кулл поморщился, потом криво усмехнулся. — Жить-то всем хочется... Но надолго их все равно не хватило бы! И ты забываешь о «Борхее». Он в любое мгновение мог врезаться в нас, или мы напоролись бы на одну из подводных скал, а это конец! Но даже если бы все обошлось, что б мы делали дальше? Как прорваться через заслон Ридо? И тут я понял, что этот убийственный поток и есть наш единственный путь к спасению!

— Но цепь! — воскликнул Шарга.

— Верно, была еще цепь, — кивнул атлант, — но цепи я тогда не видел. Только галеры, одна из которых перегородила корпусом выход! И тогда я подумал, что, если нам удастся привлечь к себе внимание ее капитана огненными стрелами и если ему жизнь дороже денег, он уйдет с дороги! Правда, оставалась опасность, что они перетрусят слишком сильно и попрыгают за борт...

Шарга обалдело покачал головой. Харт предпочитал не вмешиваться в разговор.

— И ты успел обо всем этом подумать?

— Успел.

— А когда увидел цепь, понял, что нам конец? — Шкипер вопросительно посмотрел на капитана.

Атлант нехотя кивнул.

— Верно, — подтвердил он, — в первый миг так оно и было... Самым страшным для меня оказалось то, что изменить ничего уже нельзя, но я тут же спросил себя: а действительно ли нельзя?

— Ну и?

— Мне пришлось в голову, что несмотря на внушительные размеры дерева, растущие в таком месте, не могут быть здоровыми. Наверняка сердцевина изъедена гнилью, а корням не за что как следует держаться. Если ударить сильнее, то, быть может, еще не все потеряно! Так оно и вышло.

Шарга недоверчиво смотрел на своего капитана: все, что тот рассказывал, слишком уж походило на сказку, на бред, который попросту не может воплотиться наяву! Не мог человек,

который столько раз сознательно сворачивал на путь, напрямик ведущий к смерти, не погибнуть. С такой байкой в любой портовой таверне рассказчика подняли бы на смех... Но ведь они живы! И от этого никуда не деться... Равно как и от того, что все происходило именно так, как рассказал Кулл. Шарга подумал вдруг, что просто растерялся. Он не верил в слова капитана, хотя и знал, что тот не солгал, потому что сам видел, как все было. Более того — исполнял сумасшедшие приказы! И именно поэтому они живы сейчас!..

— Да очнись ты! — Кулл с усмешкой хлопнул Шаргу по плечу. — Признаться, я и сам не ожидал, что самая обыкновенная, хоть и не слишком простая починка выльется в такое...

Атлант немного помолчал и вдруг расхохотался. Шарга вздрогнул и сначала посмотрел на него с недоверием, потом с пониманием: он был уверен, что человек не может пройти через такое и не повредиться умом. Он и сам чувствовал, что какое-то время стоял на грани срыва, и теперь, когда все прошло, не мог избавиться от этого неприятного ощущения... Ощущения подкрадывающегося на мягких лапах безумия. Шкипер перевел взгляд на Харта. Лицо плотника ничего не выражало, он внимательно смотрел на капитана. Кулл наконец успокоился. Он глубоко вздохнул и обвел встревоженные лица друзей веселым взглядом.

— О боги! Бросьте! — Он вновь хохотнул. — Я вовсе не лишился рассудка. Просто я только

сейчас подумал... Вместо того чтобы идти к озеру, мы тем утром могли просто повернуть назад, к Дуур-Жаду, и спокойно отремонтировать в его доках! И не было бы всего этого! Но ведь никому это даже в голову не пришло! Ни до, ни после!

— А ведь и-верно, — удивленно согласился Шарга. — Мы думали о чем угодно, только не об этом... Да что теперь! — Он махнул рукой. — Видно, такова была воля высших богов!

— А-а, перестань! — Кулл скривился. — Воля богов! — передразнил он. — Делать им, что ли, больше нечего, кроме как испытывать нас?! Простое недомыслие, и не больше того!

— Ну не знаю! — Шарга развел руками. — Быть может, ты и прав. Лучше скажи, что нам теперь делать?

— Как что? — удивился атлант. — Вернемся в Дуур-Жад — нужно узнать последние новости, а там видно будет! — легкомысленно закончил он.

* * *

Бароном овладело какое-то странное оцепенение. Он стоял, держась за вант, и отчужденно смотрел перед собой, словно не живые люди барахтались в воде у самого борта «Аемурии», и не реальные события разворачивались перед ним, а некое шутовское действо разыгрывалось на потеху знати.

Каус, видя, что от отца толку мало, взял командование в свои руки. Как и папашу, сына не любили за жестокий и надменный нрав,

хотя и признавали за ним несомненное преимущество: все-таки отдаваемые молодым бароном приказы отличались разумностью. Не то что взбалмошные выходки барона-отца!

Ридо смотрел на плававший в воде мусор, на мертвые тела, на хватавшихся за деревянные обломки раненых и изводил себя вопросом: что он сделал не так? Казалось бы, все тщательно продумал — придраться не к чему! Он загнал пирата в ловушку, не им, правда, устроенную, но все-таки ловушку, из которой не было выхода! В ярости Ридо сжал кулаки. А он ушел...

Барон вовсе не считал себя тупицей, как думали о нем окружающие, но жизнь постоянно играла с ним злые шутки. Такие черты характера, как капризность, взбалмошность и нетерпеливость, которыми наградили его боги, сводили на нет даже удачные замыслы, не позволяли воплотить в жизнь хорошие идеи. И ему, в свою очередь, казалось, что окружают его одни глупцы, которые чуть ли не умышленно рушат его гениальные планы. Быть может, именно поэтому, когда сын подрос и неожиданно стал разумным и серьезным советчиком, дела, казалось, пошли на лад. Обладая барон способностью здраво рассуждать, он, вероятно, понял бы: идеи сына были новы и оригинальны только для него, Ридо, и размышления над ними просто-напросто отвлекали его, а потому он не обращал внимания на исполнителей, которые, когда им никто не мешал, действовали вполне сносно.

Но что случилось теперь? Ридо задумался. Да, он проиграл на Вазии. Проклятому пирату повезло, и от этого никуда не деться. Началась погоня. Он сознательно не вступал в бой, понимая, что рано или поздно пригонит атланта к кромке непроходимого моря водорослей, тем самым свяжет его по рукам и ногам и обеспечит себе несомненное преимущество, которым не следует пренебрегать. Он верно рассчитал, что пират не пойдет к грондарскому побережью, путь до которого неблизок и опасен. Тем более не подходили ему Валузия и граничившая с ней Верулия. В Валузии, конечно, его с радостью готов принять любой порт, но шпионы Ридо отыскиали бы Кулла, даже если бы пират попытался укрыться где-то на пустынном побережье. Море там открытое, а на побережье нет укромных бухт.

Оставался один путь — на юг, в Каа-у, где у дикаря немало нор, в которых можно отсидеться и куда барон не осмелится сунуться. Именно на это Ридо и рассчитывал, понимая, что навечно Кулл там не останется и что никто из сподвижников морского разбойника, какими бы крепкими узами ни был он связан с атлантом, не рискнет напасть на корабли валузийского барона. Нужно было только переждать, когда пираты залатают пробоину в корпусе своей галеры и выйдут в море...

Но атлант обманул его. Он не пошел в Каа-у, а предпочел укрыться в верулийских землях, что, на взгляд Ридо, было еще опаснее, чем идти к далекому Грондару. Барон с сыном дол-

го спорили, пытаюсь понять, что же задумал их хитроумный враг, и в конце концов сошлись на том, что вряд ли у него тут есть тайное убежище, ведь, прозная верулийцы о нем, и Куллу несдобровать, несмотря на всю его хваленую отвагу. Скорее всего, пират пошел к укрытой от любопытных глаз бухте...

И все-таки нехорошие предчувствия не покидали барона на всем пути по длинному, узкому проходу, берега которого странно меняли рельеф от скалистых гор до топких, непроходимых болот, хоть в этом и не было ничего необычного, даже в молочной реке с покрытыми вечным туманом берегами.

Казалось бы, все учтено до мелочей. Во всех серьезных стычках барон в основном полагался на грубую силу, считая, что численный перевес непременно обеспечивает в конечном счете победу. Нужно только держаться вместе, не давая противнику возможности разбить суда по одному. Он свято помнил это правило, и казалось, все складывается именно так, как задумано: две трехмачтовые галеры и две двухмачтовые зажимают «Богиню Морей» в тиски, одна преграждает путь на волю, «Борхей» наваливается сзади. Да будь он проклят, если атлант сумеет вырваться!

Ко всему еще цепь! Кто мог подумать, что вековые сосны так слабо держатся за землю корнями? Впрочем, болото — оно и есть болото. Три дня они простояли на якоре, уповая на эти деревья и такую непреодолимую преграду — цепь, натянутую между стволами. Никому и в

голову не пришло, что в болотной жиге просто нельзя надежно укорениться. Всех обманули поражающие воображение размеры сосен-великанов. Всех, кроме Кулла...

Похоже, он обо всем подумал! И о том, что эта преграда — вовсе не преграда, и о естественном человеческом стремлении выжить, которое заставило капитана галеры заслона спешно убираться с дороги пиратов. Почему же он сам, барон Ридо, вовремя не подумал о том же?! Почему?! Ему захотелось закричать от охватившего его бешенства, но он сдержался, и только рдуловатое лицо налилось кровью, сделавшись страшным. Неужели он глупее какого-то дикаря?! Он, валузийский дворянин, родословная которого так длинна, что он уже и сам не помнил, сколько поколений предков ошивалось у трона, неизменно пребывая в фаворе!

Ну нет! Барон в ярости скрипнул зубами и посмотрел на корму удалявшейся «Миральды», которая отправилась в погоню вместе с одномачтовой галерой, не пожелавшей пожертвовать собой и остаться в заслоне. Она была более быстрой, но менее мощной, чем... Барон перевел взгляд на «Борхей». Этого судна ему было действительно жаль. Только что спущенное на воду, оно оказалось и быстрым, и сильным, но пользы принести не успело, затонув нелепо и до обидного быстро.

— Отец! — Голос Кауса, прозвучавший за спиной, отвлек его от невеселых мыслей. — Всех и все, что было можно спасти, мы спасли.

— Уходим! — крикнул барон, и в голосе его послышались стальные нотки. — Я еще покажу этому мерзавцу, как связываться со мной! — Каус с удивлением смотрел на отца, никак не ожидая такой перемены в его настроении. — Он нашу встречу надолго запомнит! — пригрозил барон напоследок.

— Надолго?

— Ты прав, — усмехнулся барон, — надолго не получится, но я позабочусь, чтобы перед смертью он успел о многом пожалеть. Знать бы только, куда он направится...

— Ну, это-то как раз просто, — усмехнулся Каус. — На Дуур-Жад, куда же еще? Наверняка пожелает узнать последние новости!

— Курс на Дуур-Жад! — не раздумывая, рявкнул барон, обращаясь к Полку.

* * *

Кулл не стал тратить времени, мороча голову барону, и не пошел на запад, как собирался вначале. Атлант верно рассудил, что, если отнюдь не глухой сынок барона правильно оценит положение, Ридо не кинется в бессмысленную погоню, но, конечно же, возьмет курс на север, чтобы попытаться снова загнать пиратов в угол.

Едва миновав пролив, Кулл скомандовал:

— Право руля!

Свежий ветер наполнил красные паруса «Богини Морей», и галера понеслась к родной гавани. Атлант не отрываясь смотрел на выход из пролива, гадая про себя, сколько времени понадобится

барону, чтобы спасти оставшихся в живых моряков с «Борхей». Вскоре из узкого прохода между скалами появился бушприт первого из преследователей, и Кулл подумал, что бы это значило: сумел Ридо толково организовать дело или же бросил своих людей? Зная нрав своего давнего врага, Кулл склонен был верить во второе.

— Попробуй кто-то из наших капитанов оставить людей в беде, свои же выбросили бы его за борт, — высказал ту же мысль Шарга.

— Ты прав, — согласился Кулл, — в это трудно поверить. Но погоди, — тут же перебил он сам себя, — быть может, Ридо решил разделить эскадру?

Пока они разговаривали, одномачтовая галера успела полностью показаться из прохода и теперь разворачивалась. За ней шло второе судно, и теперь Кулл не сомневался, что прав. Барон не желает упускать врага из виду и вряд ли осмелится бросить матросов на глазах у всех. Удайся даже ему захватить Кулла живьем и доставить в Валузию, это не спасло бы его от тяжелых обвинений. Не смог бы он и откупиться. За гибель по его вине полутора сотен верноподданных валузийского трона Ридо мог заплатить только собственной головой.

Интересно, сколько судов отправит барон в погоню? Собственно, его флагман способен без труда принять на борт всех спасенных, но... Ридо настолько труслив, что никогда не согласится оставить свою драгоценную персону без охраны, даже если ему ничто не угрожает.

«Миральда» вышла в открытое море и теперь спешно ставила паруса. «Силья» шла вперед, часто меняя направление, хотя ветер был попутным: очевидно, опасалась в одиночку приближаться к «Богине Морей». Наконец «Миральда» поймала ветер, и обе галеры двинулись на север. Теперь преследователей от беглецов отделяло около трех десятков корпусов. Если они не станут сокращать это расстояние, то Кулл ничего не имеет против такой компании.

— Быть может, забрать чуть-чуть к западу? — задумчиво произнес Шарга. — Им наверняка приказано держаться у нас на хвосте. Уведем их в открытое море, а ночью сбежим! — Дууржадец вопросительно посмотрел на капитана.

— Нет, — ответил тот. — Мы рискуем утром оказаться меж двух огней, если Ридо сообразит пойти вдоль берега и за ночь сумеет обогнать «Богиню Морей». Нет уж, давай-ка вернемся на Дуур-Жад, а там посмотрим, что делать дальше.

— А что мы забыли на Дуур-Жаде? — пожал плечами шкипер. — Нам ведь нужна Лио!

— Верно, — кивнул атлант, — и все-таки мы должны побывать дома.

— Но ведь ее нет там!

— Верно, — снова согласился Кулл, ничего не объясняя. — Кстати, а где она?

— Думаю, на «Лемурии».

— Я тоже так думаю. Но что, если она осталась на острове барона?

— Может, и так, — не стал спорить Шарга.

— Совсем недавно мы побывали там, — с усмешкой заметил Кулл. — Вспомни-ка, чем это кончилось! Что же нам делать теперь?

— Что ты задумал? — спросил Шарга, но капитан молчал, и шкипер недовольно поджал губы.

Он не понимал, что затевает атлант, а потому и возразить ничего не мог. Быть может, он тоже растерялся и не желает признаваться в этом? Шарга посмотрел на задумчивое лицо Кулла и вдруг поймал себя на мысли, что не удивится, если узнает, что тот просто не хочет об этом говорить. Более того, похоже, капитан знает, что делать, но еще не продумал все до конца.

— Мне надо просто подумать, — заявил Кулл. — К тому же, прежде чем идти к острову, не мешает и остальным рассказать о нем... Хотя бы ради того, чтобы знали, где нас искать.

— Ты не собираешься попросить помощи у Харма?

— Проклятье! Нет! — огрызнулся Кулл и сплюнул в сторону болтавшихся за кормой «Миральды» и «Сильи».

Все-таки барон оказался еще трусливее, чем он думал: оставил при «Лемурии» два галеона, отправив в погоню меньше половины эскадры.

— Но почему?! — недоумевал шкипер. — Он не откажет, да и другие капитаны тоже. Все понимают, что, если Ридо удастся всерьез зацепить нас, ему это развлечение может понравиться, и он начнет охоту за остальными.

Шарга привел, на его взгляд, очень серьезные доводы, но, к его разочарованию, Кулл и теперь отрицательно покачал головой.

— Потому что это наше с ним дело! — Атлант ткнул себя пальцем в грудь с такой яростью, словно хотел продырявить ее. — Он хочет отомстить за подаренную ему жизнь и, надо признать, изрядно поумнел в последнее время. Но он действует с позиции силы, а сила — это еще далеко не все!

— Ты что-то задумал?

— Да, — подтвердил догадку Шарги Кулл, — но говорить об этом пока рано. Я должен все хорошенько взвесить. — Он с улыбкой посмотрел на расстроенное лицо верного шкипера: — Мне ведь тоже вовсе не хочется помирать, доказывая барону, что я умнее!

— Хвала богам, — ухмыльнулся Шарга. — Я уж подумал, что тебя оса в зад укусила.

— Укусила, — серьезно ответил атлант, — но ведь укус ее не смертелен.

— Зато болезнен.

— Ты прав, — согласился Кулл, — и потому я намерен вырвать у нее жало.

* * *

Гребцы опустили весла в воду, и «Лемурия» двинулась к выходу из гавани вдогонку за двумя ушедшими вперед галерами. Ридо стоял на носу флагмана, задумчиво глядя перед собой.

Кулл вырвался, барон потерял совершенно новое судно, и потому его грызла смертельная

тоска. Он тупо смотрел на воду, и мысли его, беспорядочные и недолговечные, проносились, не оставляя в сознании и следа.

Каус, в отличие от отца, думал совсем об ином. В его смелых фантазиях неизменно находилось место для Лио. Он помнил слова прекрасной грондарки о том, что их разговор может быть продолжен лишь после смерти Кулла. Он не знал, была ли девушка искренней или просто старалась выиграть время, но в одном ничуть не сомневался: пока она лично не удостоверится в гибели атланта, никакие слова, что с Куллом покончено, не помогут.

И еще одно его тревожило: Лио любит атланта, а это значит, что Каус сам поставил себя в весьма сложное положение. С одной стороны, чтобы заполучить Лио, он должен убить Кулла. С другой же — он ни в коем случае не должен делать этого, опасаясь, что девушка рано или поздно отомстит ему за смерть возлюбленного.

Проклятье! Будь Лио, скажем, валузийкой, все оказалось бы намного проще, но грондарка!.. Он сокрушенно покачал головой, но тут же попытался успокоить себя. Что толку понапрасну предаваться гневу или унынию? От этого только путаются мысли, ему же сейчас, как никогда, нужна ясная голова, чтобы и соперника погубить, и самому при этом остаться в стороне. Это была поистине нелёгкая задача. Каус понимал: чтобы перехитрить пирата, он должен полагаться только на себя, на отца надежды мало.

* * *

Обратный путь занял гораздо меньше времени: ветер оказался попутным, а кроме того, Кулл не стремился запутать следы, ничуть не скрывая своего намерения вернуться на Дуур-Жад. За кормой по-прежнему шли «Миральда» с «Сильей», не отставая, но и не приближаясь к «Богине Морей». Остальные три галеры Ридо, пустившиеся в погоню значительно позже, маячили где-то на пределе видимости, почти у самой линии горизонта.

Перед вечерней зарей прямо по курсу на горизонте показались острова.

В гавань Дуур-Жада «Богиня Морей» вошла незадолго до полудня. Доставивший их до места ветер исчез, наткнувшись на скалы, паруса опали, но гребцы сели на весла, и Кирил задал неспешный темп, с которого они постоянно сбивались, так как невольно гребли быстрее. Каждому не терпелось поскорее ступить на берег, обойти бесчисленные кабаки и поделиться со старыми друзьями пережитым — рассказов у всех накопилось не на один вечер.

«Богиню Морей» заметили, как только она вошла в бухту Дуур-Жада, а может, даже и раньше. Как бы там ни было, а когда галера приблизилась к причалу, ее уже ждала восторженная толпа. Это было настолько необычно, что Кулл сразу понял: в пиратской столице произошли важные события.

Не дожидаясь, когда перекинут сходни, капитан спрыгнул, и его сразу подхватили на руки.

— Кулл! Кулл вернулся!! — слышались отовсюду крики.

Его подняли над толпой и понесли. Он слышал, как заохал оставшийся сзади Шарга, как закричали остальные моряки, которые следом за ним высыпали на палубу. Атлант не противился, ничуть не сомневаясь, что его доставят в одну из таверн Дуур-Жада, и оказался прав. В «Оке бури» его наконец поставили на пол. Толстяк Тито, как всегда, согнулся в почтительном, но не подобострастном поклоне. Старый камелиец встал из-за стола и шагнул навстречу.

— Ну наконец-то! — Загрубелая ладонь опустилась атланту на плечо. — А мы уж не знали, что и думать: жив ты или мертв?

— Жив, жив... — Кулл хмыкнул. — Что мне сделается? А вот ты рановато ушел на покой. Рука твоя все еще крепка.

— В самый раз, — с усмешкой ответил Харм. — Король может быть только один. Кто-то из двоих должен был уступить...

— ...Без боя.

— Да, ты прав, — заметил камелиец, вновь усмехнувшись, — но таков уж порядок вещей: сила видна сразу, смекалка чуть погодя, но дальновидную мудрость поступка порой можно оценить лишь через годы. Вот сейчас я просто не знал бы, как мне поступить, а так есть ты. — Он рассмеялся, увидев, как удивленно взлетела бровь Кулла.

— Разве что-то произошло?

— Произошло, — ответил Харм. — Одному из наших удалось выловить валузийского моряка

далеко к югу отсюда. Тебе это ни о чем не говорит? — спросил он, с интересом глядя на Кулла. Тот молча кивнул. — Так я и думал. Впрочем, и так было ясно, что он не врет. Так вот, по его словам, ты потопил двухмачтовую галеру, на которую он нанялся матросом. И еще он сказал, что теперь флот барона сократился до четырех судов, но из Валузии должны подоспеть еще два. Это так?

— Все верно.

— Скажу тебе откровенно: я не знаю, что делать. Единственное, что мне приходит на ум, это собрать на Дуур-Жаде судов десять, отыскать эскадру Ридо и потопить! — Он гневно сверкнул глазами из-под насупленных бровей. — Боюсь только, столкновение таких крупных сил переполнит чашу и та болтовня о рейде на Дуур-Жад, что возникала до сих пор то в Валузии, то в Верулии, воплотится в решительные действия. — Он вздохнул. — Вся затея принесет больше вреда, чем пользы. Но если не сделать этого, барон не успокоится, а значит, шесть его галер надо уничтожить.

— Пять, — поправил его Кулл.

Пираты одобрительно загалдели, а Харм посмотрел на Кулла с невольным уважением:

— Так ты отправил к Морскому Отцу еще одного?

— Не совсем так. — Кулл поморщился, вспоминая о «Борхее». — Мы спрятались для ремонта в укромном месте, на выходе из которого барон устроил нам ловушку. Я считаю, нам просто

повезло. Мы прорвались, а преследовавший нас «Борхей» попал в западню Ридо.

— С каких пор этот тупица начал придумывать что-то дельное? — иронично спросил Харм. — Клянусь зубами акулы, ты что-то скрываешь.

— Ты прав, старина. В последнее время произошло много нового. У барона подрос отнюдь не глупый сынок, и болван Ридо стал гораздо на выдумки!

Пираты грохнули со смеху.

— Расскажи мне об этом подробнее, — попросил камелиец.

— Это долгая история, — предупредил Кулл.

— А куда нам торопиться? — Харм Хусс обернулся к Тито: — А ну-ка, дорогой, принеси вина да жаркого! Побольше и получше!

Человек восемьдесят расселись в зале. Кулл залпом осушил огромный кубок любимого красного фарсунийского и начал рассказывать...

* * *

Каус видел, как вошла в гавань Дуур-Жада «Богиня Морей», как замерли, захваченные штилем, в полусотне корпусов от острова «Миральда» и «Силья». Все. Скоро начнут разворачиваться решающие события.

Всю дорогу сюда юноша ломал голову над тем, как же все-таки убить Кулла и остаться при этом в стороне. И только нынче утром его осенило: это должен сделать отец. По крайней мере надо, чтобы все думали именно так. А для этого нужно совсем немного: оставаться от все-

го в стороне, а если и давать отцу какие-то советы, то тайком, с глазу на глаз. В том, что отец не проболтается, Каус не сомневался. Он помнил, как болезненно воспринимал барон каждую удачную мысль, родившуюся не в его голове, а поскольку это в последнее время стало правилом, не удивительно, что обстановка постоянно накалялась.

Теперь все изменится. Отныне барон Ридо вновь станет единолично вершить свою волю — волю мудрого господина! А когда Кулл погибнет — а в том, что такое случится рано или поздно, сын, в отличие от отца, ни на миг не усомнился, — руки Кауса останутся чисты! Конечно, Лио попытается отомстить, но, поскольку гнев ее будет направлен не на него, а на отца, он сумеет придумать, как защитить родителя. Не вечно же она станет лелеять эту мысль! Да и отец не вечен...

Теперь следовало подумать, как быть с Куллом, укрывшимся на Дуур-Жаде. Вполне правда, возможно, что он никогда не покинет острова, и тогда все решится сами собой, но, если этого не случится, нужно знать, куда он пойдет, а в хитросплетении узких проливов, разделявших острова архипелага, так легко затеряться. Что ж, и это в его, Кауса, силах. Свой человек на пиратском острове должен своевременно сообщить обо всех замыслах атланта, так что пока лучше убраться подальше, чтобы не попасться ненароком кому-нибудь на глаза.

И вдруг в голову ему пришла неожиданная и очень неприятная мысль. Он вскочил с кресла, где только что меланхолично потягивал вино, и побежал в каюту к отцу.

* * *

— Вот так! — закончил Кулл рассказ, допил вино и веселыми глазами посмотрел на камелийца. — Что скажешь?

В зале повисла напряженная тишина. Люди недоверчиво переглядывались, и веря, и не веря в удивительную историю. Поведай им все это кто-нибудь другой, рассказ наверняка сочли бы складной байкой и нашелся бы не один шутник, мигом отозвавшийся на нее, но сейчас никто не смеялся. Кулл слыл среди друзей хорошим рассказчиком и никогда не питал тяги к гау-пым розыгрышам. К тому же начал он говорить, когда едва перевалило за полдень, а теперь уже стусились сумерки, и за все время ни у кого не возникло желания прервать его. На полу у ног атланта выстроился длинный ряд кувшинов, на столе выросла огромная груда обглоданных костей в большом круглом блюде: история Кулла, слишком складная и длинная для байки, попеременно то будила жажду, то возбуждала аппетит.

— Интересно, сынок. — Харм задумчиво поскреб в затылке. — Если бы услышал не от тебя, ни за что бы не поверил.

Пираты одобрительно загалдели: каждый думал о том же.

— Все так и было,— подтвердил атлант, и все разом замолчали.

— Да верю, верю,— отмахнулся камелиец, в то время как остальные молчали, переваривая услышанное.

— Вообще-то все, что я рассказал, не имеет никакого значения,— заявил вдруг Кулл.— Если вдуматься, мы вернулись к похищению Лио, только теперь Ридо лишился двух галер, а мы узнали о его тайном логове.

— Да плюнь ты на него,— посоветовал Харм.

— Э, нет! — Кулл покачал головой.— Всю обратную дорогу меня не покидала одна мысль: откуда у барона столько денег?

— Ну ты даешь! — восхитился Шарга, и его бородатая физиономия расплылась в восторженной ухмылке.— Да у него же под Пурпурным городом замок, подвалы которого, говорят, под завязку набиты золотом!

— Да знаю я! — нетерпеливо прервал его атлант.— Меня интересует другое: откуда оно взялось в подвалах?

Шарга недоуменно пожал плечами, словно спрашивая: мне-то откуда знать?

— Что ты, собственно, хочешь сказать? — не удержался от вопроса Харм.

— Кто богат в Валузии? — вопросом на вопрос ответил Кулл, внимательно глядя на камелийца.

— Хм-м! — Харм осклабился.— Даже не знаю, что тебе и ответить. Валузия — вообще богатая страна, там много состоятельных людей!

Подвыпившие пираты загостились.

— Верно,— согласился Кулл, не обращая внимания на смех,— но кто они? Знать? Вовсе нет! Эти лишь ведут роскошную жизнь. Их замки и имения по большей части заложены-перезаложены. Лишь немногие из знати поступают действительно разумно.

— Но все-таки они есть! — воскликнул Шарга.

— Есть, но ни одному из них не по карману за пару лет построить семь галер,— возразил Кулл.— Ты хоть задумывался, сколько это стоит?!

Атлант смотрел в лицо Харма и видел, как улыбка медленно сползает с его лица, уступая место озабоченному выражению. Старый камелиец стремительно трезвел.

— Пожалуй, ты прав,— сказал наконец он,— мне почему-то никогда не приходило в голову взглянуть на дело с этой стороны. Но может быть...

— Нет,— ответил Кулл, угадывая мысли друга,— я проверял: суда принадлежат именно ему, и ни у кого из ростовщиков, способных выделить значительную сумму, он не брал займы. Это я тоже проверил.

— Быть может, он клад нашел? — высказал кто-то предположение и пьяно расхохотался.

— Вот именно! — согласился Кулл.— Клад или какой-то иной источник дохода, который дает ему возможность позволять себе такие траты, и источник этот на острове, где мы побывали!

— С чего ты взял? — изумленно прошептал Харм, чувствуя, что уже верит атланту.

— Не знаю.— Кулл пожал могучими плечами.— Нутром чую! Что барону делать на этом острове? Он не купец, да и пиратов, которые грабили бы суда, а отсиживались не на Дуур-Жаде, мы не знаем. Никто даже не слышал об этом острове, и вдруг барон заманивает нас в ловушку на неизвестной земле далеко на юге, где у него логово, где он действительно силен...

— Ну а сам-то ты что думаешь обо всем этом?

— Он либо моет там золото, либо добывает серебро.

— Или в самом деле отыскал клад,— подсказал Шарга.— Говорят, Рилло обладал несметными сокровищами. Говорят, огромные клады были зарыты в потаенных местах. Быть может, Ридо...

— Нет.— Кулл поморщился.— Он забрал бы добро и смылся. Что ему делать на острове?

— Ну не знаю... — Харм отхлебнул вина.— Тебе виднее, ты ведь побывал там.— Камелиец помолчал.— Слушай! Быть может, возьмешь два-три судна да захватишь остров?

— Непременно,— кивнул атлант,— но только не с помощью грубой силы.

— А чем это тебе не подходит?

— Если Ридо узнает о пиратской эскадре, захватившей его владения, он, быть может, станет локти кусать, но ни о каком освободительном рейде даже не помыслит. Просто побоится. Я же считаю, что он должен лишиться своего флота. Пять галер — слишком много для одного мстительного дурака, который к тому же неожидан-

но поумнел, а значит, стал опаснее.— Он задумался, а потом продолжил: — Завтра вечером «Богиня Морей» уйдет с Дуур-Жада и возьмет курс на юг.

— Ты не справишься! — Харм покачал головой.— Пять галер... Полторы тысячи человек против ста пятидесяти на «Богине Морей»! Это самоубийство!

— Не совсем так,— усмехнулся Кулл.— Поверь, я знаю, что делаю, но мне понадобится кое-что.

— Говори!

— Во-первых, до вечера я должен набрать две сотни добровольцев.

— Это несложно,— ответил Харм и сразу помрачнел.— Через день после твоего ухода из рейда вернулся одноглазый Карим. Он взял богатую добычу, но словно демоны вселились в него. Он отказался вернуть Барусу долг! Дело неслыханное, но ты же знаешь бешеный нрав турийца! Однако на Дуур-Жаде такое не проходит. Короче, ему пришлось уступить. Он вернул долг и той же ночью убрался из города.— Камелиец в упор посмотрел на атланта.— Как ты думаешь, что сделал этот ослиный хвост перед уходом? — Кулл бросил быстрый взгляд на сидевшего рядом Баруса: тот молчал, только лицо его на миг исказила болезненная судорога.— Он сжег «Синюю Акулу»! — выкрикнул камелиец, и в зале повисла гнетущая тишина.

Кулл изумленно присвистнул, потом покачал головой: что ни говори, а такие новости нелегко переварить.

— И никто не погнался за ним? — недоверчиво спросил он.

Барус отрицательно покачал головой.

— Стояла глубокая ночь, — заговорил он. — Пламя охватило «Акулу» сразу. Всю. Мы пытались бороться с огнем, но началось все слишком внезапно, а закончилось чересчур быстро. Было не до погони. К тому же выяснилось, что он бежал, значительно позже, уже после того, как разобрались с пожаром. «Акула» сгорела дотла. Хорошо хоть из команды никто не пострадал. Мы собрались здесь же, у Тито. Все сходились на том, что это явный поджог: очень уж быстро распространялось пламя. О Кариме, однако, тогда никто не подумал. Ты сам знаешь, на Дуур-Жаде все передряги забываются на время, но кто-то вспомнил сказанные им слова о том, что я пожалею. Мы бросились в порт, но его двухмачтовика и след простыл.

— Теперь «Эрик» объявлен изгоем, и любой из наших постарается потопить его или сообщить остальным о его местонахождении, — добавил к рассказу Баруса Харм. — Я бы на его месте вернулся в Турию и осел на суше.

— Значит, одноглазый Карим теперь вне закона, — задумчиво проговорил Кулл. — Жаль... Когда-то он был верным товарищем, хотя слишком легко терял рассудок. Так ты теперь сидишь на берегу?

Кулл повернулся к Барусу, и тот невесело усмехнулся:

— Что делать?

— А твои люди? — не унимался Кулл.

— Понемногу расплзаются, — пожал плечами капитан. — Уходят на другие суда. Я не возражаю. Люди должны чем-то жить.

— Обидно, — заметил Кулл, — у тебя была хорошая команда.

— Да команда-то осталась, но у меня был сильный абордажный отряд, а на хороших бойцов, сам знаешь, всегда спрос.

— Но кто-нибудь еще остался?

— Конечно. — Барус горько усмехнулся. — Прошло ведь совсем немного времени, да только что толку? У меня нет ни малейшей надежды обрести судно.

— А если бы такая надежда появилась, ты согласился бы рискнуть?

— Даже жизнью! — Глаза сухопутного капитана сверкнули.

— Сколько у тебя на Дуур-Жаде людей?

— Человек двести еще осталось, — с волнением ответил он.

— Как раз то, что нужно, — заметил атлант. — Больше «Богиня Морей» не потянет, а с меньшими силами нечего и соваться на остров.

— Тогда не ищи других людей.

— Договорились.

— Что ты задумал? — забеспокоился Харм.

— Тито! — крикнул Кулл, не обращая внимания на вопрос камелийца. — Еще вина и жаркого! Разговор продолжается!

Толстый кабатчик мгновенно испарился, а атлант продолжил:

— Я же сказал, что завтра вечером уйду из Дуур-Жада и возьму с собой Баруса и его людей. Мы захватим остров!

— Кулл, не дури! — Харм не на шутку встревожился, особенно потому, что знал, насколько упрям атлант. — Ты же не новичок, и тебе должно быть известно, что при наступательном бое нужно иметь самое малое трехкратное превосходство в силах, а у тебя даже с людьми Баруса их вдвое меньше, чем у барона! И неизвестно еще, сколько людей у него на острове!

— Проклятье! Да с чего ты взял, что барон вернулся на остров? — Кулл весело посмотрел на Харма. — Он тащился за нами по пятам до самого Дуур-Жада не для того, чтобы у входа в гавань развернуть эскадру и отправиться восвояси! Не-ет! — Атлант покачал головой. — Поверь мне, он где-то неподалеку. Затаился и ждет!

— Ты знаешь, где?

— Вот! — Кулл поднял указательный палец. — Именно в этом и состоит моя вторая задача. — Он отхлебнул вина из кубка и продолжил: — Я незаметно уйду ночью из Дуур-Жада и сразу возьму курс на остров барона. Я захвачу его, и мне нужен хотя бы один день, чтобы подготовиться к встрече его эскадры. Впрочем, если удастся сохранить тайну, время у меня будет. Сложность в ином: как сообщить Ридо, что меня уже нет на Дуур-Жаде?

— Ну, сынок, положим, с этим я как-нибудь справлюсь. — Харм хитро прищурился.

— Это как же? — поинтересовался атлант.

— Ты ведь еще ничего, кроме пожара на «Синей Акуле», не знаешь о том, что произошло на Дуур-Жаде, пока тебя болтало невесть где!

Кулл хотел что-то сказать, но его прервали.

— Жаркое! — обрадовался Шарга, словно и не высилась на столе гора обглоданных костей.

Тито вошел в зал, неся корзины, наполненные кувшинами с вином. За ним челядь тащила целиком зажаренные на вертеле туши. Для тавернщика это была удачная ночь. Кладовая почти опустела, но толстяка это только радовало, и он уже послал людей за провизией. Изредка такие кутежи случались в любом кабаке, но в «Оке Бури» чаще прочих, и среди своих Тито слыл богачом.

Кулл выбрал себе каплуна, жирного, покрытого хрустящей корочкой, и впился в него зубами.

— Ну рассказывай! — проворчал он, утирая с губ жир.

— После того как «Богиня Морей» ушла с Дуур-Жада, — начал Харм, — я долго думал, как могло случиться то, что произошло? Та галоша, на которой увезли Лио, ничего не объясняла. Не только я, но и другие припомнили: громилы вроде тех, что сопровождали в тот день Кузоло, появлялись в городе и раньше. И в последнее время все чаще. Потом кто-то сказал, что один из них сидит сейчас в таверне Губоро.

— И вы выследили его, — с набитым ртом пробубнил атлант.

— Не просто выследили, — подтвердил камеилиц, — но и выяснили, с кем из торгашей, осев

ших в Дуур-Жаде, эти люди поддерживают отношения. Нашелся среди них один владелец небольшого склада. Ты знаешь, мы обычно не интересуемся делами тех, кто сбывает наши товары, но тут я решил кое-что разузнать. У меня есть хорошие знакомые среди купцов. Оказалось, что этот парень, Родого его зовут, и среди них пользуется дурной славой.

— Интересно, из-за чего?

— Большинству из наших нет ни до чего дела, но ты же знаешь, в любом деле всегда найдется два-три любопытных, которые любят всюду совать свой нос! Так вот, оказалось, что его небольшой складик время от времени наполняется товаром, в основном оружием и продовольствием, а потом вдруг пустеет. Но интересно не это. Когда и как куплен товар, узнать нетрудно: все приобретается на Дуур-Жаде. Но вот куда потом уходит? Вот этого-то не знает никто.

— Не знал, ты хочешь сказать,— поправил его Кулл, на мгновение оторвавшись от каплуна.

— Да,— кивнул Харм.— Этот червь, как выяснилось, снабжал всем необходимым людей Ридо, которые окопались тут, на острове, под самым нашим носом! Представляешь?! Две сотни ублюдков расположились лагерем на другой стороне острова и выжидали... Лишь демоны знают чего!

— Что же вы сделали, когда нашли их?

— Они выбрали хорошее место,— вновь заговорил Харм,— что-то похожее на Арену. Пройти туда трудно. Лагерь обнесли частеколом... Короче — укрепились на совесть. Я предложил

выставить охрану и уморить их голодом, но после похищения Лио, после того как сожгли «Синюю Акулу» все жаждали крови. Я понял: мне людей не удержать. На счастье, в порту стояли полтора десятка галер, так что бойцов хватало. Правда, дрались эти ублюдки как проклятые, но мы их раздавили, а лагерь сожгли. Трупы свалили в кучу и забросали камнями.

— Это хорошо,— заметил Кулл.

— Да уж,— невесело усмехнулся Барус.— Как представляю, что в один прекрасный день, а скорее ночь, две сотни этих подонков явились бы в город да перерезали нас спящих...

— Ну не так-то это просто,— возразил атлант, запивая жаркое фарсунийским.

— Верно,— согласился Харм.— Видимо, потому они и выжидали. Копили силы.

— Ну хорошо. А что же случилось с Родого?

— Его мы не тронули,— ответил камелиец.— Просто следим за ним потихоньку. Через пару дней после стычки он отправился вдруг в горы. Прихватил провизии — вроде как на прогулку собрался, собака, а сам напрямик к лагерю. Как увидел пепелище, так и сел. Руки у него затряслись, корзину выронил. Парни даже испугались, как бы он с ума не сошел со страха. Но ничего, отдышался, а когда пришел в себя — бегом в город и три дня не вылезал со склада. Наверное, боялся, что и его прихлопнут. Потом осмелел. Решил, видно, что о нем мы ничего не знаем.

— Если так, хорошо,— сказал Кулл.— У него есть здесь какое-нибудь судно?

— Нет.

— Прах и пепел! Как же он сообщит Ридо о нашем уходе?!

— Ну, по-моему, это несложно. Барон ведь не знает, что лишился своих людей на Дуур-Жаде. По твоим словам, он затаился где-то рядом и ждет, когда ты выйдешь в море. Значит, должен прислать кого-нибудь к Родого, чтобы тот сообщил ему, куда ты отправишься.

— А ты сумеешь задержать его хотя бы до полудня?

— Запросто,— кивнул Харм.— Мы ведь сейчас вроде как на военном положении. Я временно стал комендантом порта, и без моего разрешения никто не смеет покинуть остров.

* * *

Весь следующий день прошел в заботах. «Богиня Морей» готовилась к походу. Вместо погибшего на Озере Блуждающих Звуков Ханара продовольствием теперь ведал Стил. Тулеец сбился с ног. С утра на борт нескончаемым потоком потянулись носильщики, набивая трюмы галеры водой и едой, а Стил должен был все попробовать, чтобы на судно не попали подпорченные продукты. Оружейные запасы также пополнили основательно: так как воевать они собирались против серьезного противника, на борт взяли огромный запас стрел, луков и арбалетов, чтобы поражать врагов издалека.

Днем атлант навестил Зонгу. От Харма он узнал, что Марло, давно мечтавшая о своем деле,

купила таверну неподалеку от порта у грондарца, который решил перебраться на родину. Парня она забрала с собой, тот быстро поправился и теперь был весьма доволен своим положением. Куллу он искренне обрадовался, но на шутливое предложение вернуться на «Богиню Морей» ответил твердым отказом. Атлант припомнил тот давний разговор в «Оке Бүри» и покачал головой. Вот уж не думал он никогда, что так странно может повернуться судьба молодого парня, который решил стать пиратом! Что ж, все, что ни делается, все к лучшему.

Утром в гавань Дуур-Жада пришла одномачтовая пузатая лоханка, родная сестра той, на которой увезли Лио. С якоря тут же снялись две галеры и вышли в море. Кулл знал, что к вечеру они вернутся и перекроют выход вновь прибывшему судну. Еще он знал, что следующим утром Харм пропадет на время и капитан одномачтовика не сможет получить разрешение прокинуть порт раньше полудня. После этого начнут искать капитанов галер, так неудачно вставших на якорь. Все это должно оттянуть погоню не меньше чем на половину суток, то есть на время, необходимое Куллу, чтобы захватить остров и подготовить его к обороне.

Что он замыслил? Об этом Кулл наотрез отказался говорить с кем-либо. Не потому, что не доверял, просто ему нужно было осмотреться на месте. Принимать на борт людей Баруса атлант не спешил. Одно дело — продукты, совсем иное — люди. Если Родого увидит, как на «Бо-

гиню Морей» поднимаются две сотни человек, он забьет тревогу раньше времени. Тогда, даже если Харму удастся продержать его на Дуур-Жаде оговоренный срок, такая задержка только усилит тревогу барона, а это совсем ни к чему. Пусть все идет своим чередом.

Совсем недавно он вынужден был торопиться, опасаясь всего, начиная от встречных галер и заканчивая плохой погодой. Тогда Ридо считал время своим союзником и просчитался. Теперь они поменялись местами. По крайней мере так думал Кулл, и очень скоро они узнают, прав ли он. Люди попадут на борт не раньше чем наступит полная темнота. После этого «Богиня Морей» скрытно покинет гавань, и человек барона обнаружит ее отсутствие только на рассвете, а если повезет, то гораздо позже. Харм позаботится, чтобы Родого узнал о том, что Кулл направился на юго-запад. Это все, что нужно.

Наконец наступила ночь. Тихо, один за другим, три с половиной сотни пиратов гуськом поднялись на борт. Никогда еще «Богиня Морей» не была так основательно нагружена. Три ряда весел одновременно опустились в воду. Галера двигалась совершенно бесшумно. Окружающие гавань скалы отбрасывали такую густую тень, что даже в лунную ночь у их подножья не было видно ни зги. За кормой «Богини Морей» на веревках различной длины тянулась дюжина вместительных шлюпок. Кулл надеялся, что шторма не будет и их не придется бросить на полпути.

Ветер оказался попутным. Всю ночь он крепчал, и к утру «Богиня Морей» успела уйти так далеко, что на рассвете они не увидели ни одного из островов пиратского архипелага, который остался далеко на севере. Шлюпки по-прежнему тащились на привязи, ни одна не потерялась и не утонула. Ветреная и ясная погода сохранилась и днем, а к вечеру, когда солнце нижним краем коснулось кромки воды, впередсмотрящий закричал, что на горизонте появилась земля. Кулл порадовался про себя, что к острову они подходят на редкость удачно: даже если на восточной кромке скал есть сторожевой пост, «Богиню» вряд ли успеют заметить до захода солнца. На всякий случай он скомандовал: «Лево руля», — и вернулся к прерванным размышлениям, намереваясь, когда наступит ночь, пойти прежним курсом.

— Как ты думаешь их одолеть? — спросил неожиданно появившийся Барус, который встал рядом с атлантом и облокотился о фальшборт.

— Бей врагов по одиночке — это не мной придумано.

— И барон на это согласится?

— А кто его спрашивает? — усмехнулся Кулл.

— Что ты задумал? — настаивал Барус.

— Не спрашивай. — Кулл посмотрел в глаза другу. — Все равно не смогу тебе ответить, потому что сам еще не все продумал. — И тут же пояснил: — Слишком многое будет зависеть от того, что нас ждет на острове. Если у барона хватило ума вернуться в свое логово, дело может оказаться трудным, но терять надежду все равно не стоит.

— Похоже, тебе стоило самому напрямик отправиться туда, — заметил Барус.

— Прах и пепел! Верно! Вот только людей у меня было маловато, да Ридо сидел на хвосте. Даже успею я высадить abordажную команду на берег, «Богиню Морей» заперли бы в гавани и вряд ли мне повезло бы во второй раз так же, как у Озера Блуждающих Звуков!

— А что изменилось сейчас? — удивился капитан «Акулы». — Ридо все равно придет! И ты сам говорил, что не знаешь, ждут ли нас на острове. Может, он пуст, а может, его охраняет сильный гарнизон. Особенно если оттуда барон черпает свои богатства.

— Если так, то он еще глупее, чем я думал! Ни одному здравомыслящему человеку и в голову бы не пришло так рисковать щедрой кормушкой. Впрочем, это его дело, — заметил атлант. — Однако есть у острова один изъян, который, как ни исправляй, все равно останется.

— Что за изъян?

— Как я уже говорил, этот остров — сплошная скала... За исключением западной части, полого уходящей в море.

— Ее должны охранять, — задумчиво проговорил Барус.

— Правильно, — согласился Кулл. — Именно поэтому я и не стал высаживаться там. Нас наверняка ждали.

— Барон мог и вернуться, — снова напомнил грондарец.

— Верно, мог, — кивнул Кулл. — Но если Ридо на острове, он не знает, когда я появлюсь да и появлюсь ли вообще. Для него люди — грязь, ничто. Он вполне мог решить, что я плюнул на Лио и занялся своими делами. Именно поэтому я думаю, что его нет на острове. Он наверняка затаился неподалеку от архипелага и ждет весточки от своего человека из Дуур-Жада.

Барус обернулся и посмотрел на огромный оранжевый диск солнца, больше чем до половины погрузившийся в беспокойную темную воду. Небо нахмурилось. Скоро ночная мгла опустится на Ласковое море, и они снова двинутся на восток. Затем он взглянул на остров, который за это время почти не увеличился в размерах.

— Поэтому мы и тащим за собой лодки?

— Поэтому.

— Ну а остров-то ты как собираешься брать? Или это тоже секрет?

— Никаких секретов! — Кулл усмехнулся. — Ночью мы зайдем с запада, и половина твоих моряков высадится на берег. Нужно сделать это очень тихо, и учти: я не знаю, что за зверье обитает в том лесу, не говоря уже о людях! Тебе понадобится хороший следопыт.

— Пусть это тебя не беспокоит.

— Хорошо. Я же вернусь обратно и постараюсь до восхода скрытно войти в бухту и высадить людей.

— Кулл, пусть это тоже будут мои люди. Мне нужен корабль, и я хочу честно заработать его.

— Пусть будет по-твоему,— не стал возражать атлант.— Но тогда объясни им, что все теперь зависит от них. И еще: если сможешь прямо ночью сделать свое дело, быстро и без шума, отлично. Если возникнет хоть малейшая опасность, подожди до утра. Не лезь на рожон. Быстрота, конечно, для нас важна, но все-таки главное — внезапность. Помни об этом.

— Не беспокойся,— заверил друга Барус.— Что сможем, сделаем, но понапрасну рисковать не станем.

— Отлично,— кивнул Кулл.— Я почему-то думаю, что захватить остров будет нетрудно. Вряд ли у барона там много людей. А вот потом... — Он задумался ненадолго.— И лучше бы Харм подольше задержал Родого.

* * *

Камелиец все сделал как надо. С утра он отправился по тавернам выслушивать просьбы, жалобы и предложения. Родого, узнав, что «Богиня Морей» ночью покинула гавань, ринулся следом, но везде оказывалось, что Харм «только что был здесь» или «совсем недавно ушел». Вздорженный и багровый от злости Родого носился по городу. Так продолжалось почти полдня, пока ему наконец не повезло: хозяин одного из припортовых кабачков сказал, что ожидает Харма с минуты на минуту. Родого сел и вздохнул с облегчением. Однако после второй бутылки турийского он понял, что может просидеть здесь вечно. Он вскочил и, не слушая уверений

хозяина, что почтенный Харм должен вот-вот появиться, вышел на улицу. Тут ему и в самом деле повезло. Камелиец в окружении своих людей шел навстречу, и кабатчик с обиженным видом попенял Родого на его недоверчивость.

Разрешение на выход в море Харм подписал тут же, на улице, посетовав на то, что люди покидают Дуур-Жад: то «Богиня Морей» направилась куда-то на юг или запад, а теперь вот и почтенный Родого. Это бьет по карману содержателей таверн. Схватив бумагу, купец кинулся в порт, где его поджидал пузатый одномачтовик Ридо. И тут его ждало новое разочарование. Два пришедших поутру идиота перегородили своими галерами выход в море и отправились пьянствовать. Он проклял себя за то, что не наказал с утра капитану самому позаботиться об этом, и снова помчался по городским притонам. Правда, сначала он попытался договориться с вахтенными мешавших ему галер, но первый заявил, что на судне нет ни одного гребца, а второй и вовсе послал его к морскому демону под хвост.

— Тем не менее рано или поздно все подходит к концу. Закончились и мытарства Родого. Злой на весь свет, он стоял на палубе кораблика, выгребавшего из гавани. День подошел к концу, на море опускалась ночь. Сколько времени пропало впустую! Впрочем, плевать на все! Хорошо еще, что вообще удалось выбраться живым из Дуур-Жада! С него хватит, больше он сюда не вернется! Он вспомнил пиратский рейд в горы и последовавшую за этим ночь, когда

по всему городу вылавливали людей Ридо. Каким-то чудом он единственный сумел спастись, да и то лишь потому, что ему повезло: его мало кто знал, а из знавших Родого в лицо ни одному не удалось пережить страшной ночи. Но теперь все! Что бы ни говорил Ридо, как бы ни упрашивал, ни угрожал, нога его не ступит в этот треклятый городишко.

Почти сутки назад с Дуур-Жада унеслась стремительная и смертельно опасная «Богиня Морей», а теперь на юг, на встречу с эскадрой Ридо, уходило неуклюжее суденышко с десятком моряков на борту. Они двигались навстречу ветру, часто меняя галсы, стремясь быстрее доставить барону радостную и тревожную новость: его давний враг покинул пиратский остров.

В сгущавшихся сумерках одномачтовик решительно продвигался к цели, но ни капитан его, ни почтенный Родого не знали, что на всех островах архипелага еще утром подняли тревогу и теперь за ними наблюдают десятки глаз, выясняя, где еще успел укорениться ненавистный барон.

Глава вторая ОСТРОВ

Ридо не желаю даже слышать об этом! Словно загнанный в клетку зверь, барон метался по каюте. Время от времени он бросал на сына гневные взгляды, и негодование его только усиливалось от сознания того, что сын не уступает ему в упрямстве. Наконец Ридо остановился у обтянутой голубым шелком стены каюты и попытался взять себя в руки. Взгляд его скользнул мимо сына и побежал дальше, лаская любовно собранные тут вещицы. На огромном турийском ковре, который украшал стену напротив входа, была развешана безвкусная, но зато богатая коллекция дорогого оружия. Кривые турийские сабли и камелийские мечи ни на что не годились в бою, но зато рукояти и ножны были щедро усыпаны драгоценными камнями. Оружие располагалось по обе стороны от висевшего в середине продолговатого щита с золотым гербом барона.

Обычно созерцание милых сердцу безделиц успокаивало Ридо, но на сей раз этого не слу-

чилось. Барон чувствовал, что гнев его ничуть не остыл, приятная расслабленность никак не наступает. Он сделал шаг, и его ноги по щиколотку утонули в мохнатых шкурах, расстеленных поверх ковров тулейской работы. Резной золоченый диван, заваленный шелковыми подушками, стоял почти посередине просторной каюты, сразу за овальным столом, выполненным в том же стиле. Четыре кресла, что были раскиданы вдоль стен, резной шкаф, маленький письменный стол и горка для посуды — так выглядел кабинет Ридо. Свет давала дюжина масляных светильников, расставленных по углам и развешанных над столом.

Взгляд отца вернулся к Каусу, виновнику его скверного настроения, и барон направился к сыну. Ярость душила его, и одна мысль не шла из головы: «Ну что задумал этот мальчишка!»

— Ты хоть соображаешь, о чем просишь?! — выкрикнул барон, остановившись перед отпрыском. — У тебя есть невеста, с которой ты помолвлен! Она умна, красива и богата! — Ридо прожег Кауса яростным взглядом. — Знатна, наконец! — привел он решающий довод. — А ты говоришь о браке с бывшей рабыней!

Каус старался не смотреть на отца. Он и без того едва сдерживал ироничную ухмылку, понимая, что отец на пределе и в любое мгновение готов взорваться. Он не боялся, но не хотел этого, по опыту зная, что барон станет и вовсе неуправляемым. Это значило, что спорить с ним нельзя, а тем более смеяться. Одна-

ко и отступать Каус не собирался, но пока считал возможным выражать свой протест высокотонным молчанием. Наконец до Ридо дошло, что он разговаривает с пустотой. Он посмотрел сыну в глаза и постарался успокоиться.

— Я, наверное, много лишнего наговорил, — сказал он, нарушая молчание. — Если обидел, извини, но только не делай вид, что не слушаешь меня. В конце концов, мы ведь с тобой одна семья, и я хочу, чтобы мы понимали друг друга.

— Я тоже, — ответил Каус. Он здорово удивился, хотя никак не показал этого. По правде говоря, он и не ожидал, что отец сумеет говорить спокойно. Вот только об истинной причине подобной сдержанности он даже не догадывался. — Но если под взаимопониманием ты подразумеваешь, что я должен отказаться от этой женщины, то мы не договоримся.

Ридо возмущенно вздохнул, но вновь подавил готовый вырваться поток брани. Это уже было. Только что он потратил уйму времени и ничего не добился. Он продолжал молчать. Он хотел было напомнить о матери, о том, что станет с ней, когда она обо всем узнает, но что-то во взгляде сына подсказало ему: это ничего не даст. К тому же он вовремя вспомнил о собственных замыслах и подумал о том, что станет делать, когда... Нет, не стоит в его положении говорить о морали, и напрасно он упомянул о достоинстве вадузийского дворянина.

— Что ж... — Барон устало вздохнул и плюхнулся в кресло. — Конечно же, ты прав, — лениво согласился он. — Лионтина умна, смела, красива, не избалована — в свете таких нет. — Каус смотрел на отца во все глаза, ничего не соображая. — Но ты не понимаешь одного. Ты просто не можешь на ней жениться! С этим не поспоришь!

— А я и спорить не буду. Я просто женюсь, — с достоинством возразил Каус. — Она согласна. Единственное условие — смерть Кулла!

Сколько Ридо ни вспоминал потом тот разговор, он так и не смог понять, откуда у него взялись силы выслушать ответ сына с каменным выражением лица. Он-то, старый дурак, размышлял! А сынок его в это время обхаживал девчонку, которая, как теперь выяснилось, крутит мозги им обоим! Впрочем, чего же он ожидал? А ведь и верно... Ему она пообещала подумать, а Каусу, оказывается, пообещала свою руку... После смерти Кулла! Ловко! Он едва не расхохотался. Однако ее можно понять. Когда проклятый пират подохнет, девчонке поневоле придется подумать о своем будущем. Похоже, она раньше всех поняла, что происходит, коли раздаёт обещания всем желающим. Ай да умница!

— Я все знаю! — вдруг выпалил Ридо, сам немало удивившись внезапному порыву. — Она мне рассказала! — Барон с удовлетворением посмотрел в округлившиеся от изумления глаза сына и успокаивающе кивнул ему, мысленно

поздравив себя с удачным ходом. — Я знаю, что ты тайком виделся с ней. — Отец продолжал лгать, ничем, в сущности, не рискуя. О своей замаранной враньем дворянской чести он даже не задумывался. — Однако она еще до вашего разговора просила меня оградить ее от твоих домогательств.

— Домогательств?! — вспыхнул Каус, возмущенный до глубины души. — Да о чем ты говоришь, отец?! Я ни разу не позволил себе...

Ридо жестом прервал сына:

— Я и не говорю, что ты вел себя непристойно. Я вообще не знаю, в чем дело. Она мне не сказала. Может, ты во время прогулки посмотрел на нее не так? — Барон вопросительно взглянул на сына, неопределенно пожал плечами, но по покрасневшему от стыда лицу Кауса понял, что попал в самую точку. — Просто попросила меня оградить... — Он неопределенно покрутил рукой в воздухе. — Сказала, что ты ей неприятен. Поверь, — торопливо затараторил он, словно оправдываясь, — я не хотел говорить тебе этого! Наоборот! Меня бесило, что какая-то рабыня смеет так относиться к моему сыну! — Он помолчал. — Потому-то я и пытался заставить тебя отказаться от нее, приводя привычные доводы, но ведь ты и слушать не хотел! А я не мог позволить этому продолжаться, ведь чем дольше длилось бы все это, тем большее стало бы прозрение!

— Все, отец, хватит! — выкрикнул Каус. Он был красен, как вареный рак. — Перестань унижать меня! Я ведь все-таки тоже барон!

Он сделал несколько неверных шагов и без сил рухнул в кресло.

— Я рад, что ты вовремя вспомнил об этом,— коротко бросил отец. — Посиди, успокойся,— ласково посоветовал он, видя, что Каус собирается уходить. — Ты не можешь в таком виде появиться на палубе.

— Проклятая девка! — прошипел юноша и, поняв, что отец прав, вновь повалился в кресло, с которого только что вскочил. — Ненавижу! — процедил он сквозь зубы чуть позже и посмотрел на отца.

— Ничего,— успокоил его барон. — Хотя бы раз в жизни с каждым мужчиной нечто подобное случается... Рано или поздно.

— Именно такое? — Каус недоверчиво посмотрел на отца.

— Ну да,— ответил Ридо, не понимая, к чему тот клонит. — Чего уж греха таить, даже со мной такое бывало! — признался он, особый упор сделав на слове «даже».

— И кто же была она? — ядовито поинтересовался Каус.

— Маркиза Скар...

— М-м-м... — словно от невыносимой боли, замычал он.

Стиснув зубы и закатив глаза, Каус качнулся в кресле. Ему хотелось закричать от стыда и злости. Его выводила из себя тупость отца, который не понимал разницы между чувством, отвергнутым маркизой, и отказом рабыни, да еще столь оскорбительным! Но для

Ридо вся эта буря чувств так и осталась тайной, равно как и то, что хотел сказать младший барон, потому что в это время в дверь каюты постучали.

— Прошу прощения, господин барон,— вахтенный вытянулся в дверях, изо всех сил стараясь не встречаться с Ридо взглядом,— но только что прибыл гонец с Дуур-Жада. Говорит, что дело необычайной важности.

— Веди его!

* * *

Как только Родого ступил на борт «Лемурии» и сообщил Ридо свою новость, эскадра спешно двинулась на юг, к Вазии. Воспользовавшись начавшейся суматохой, Каус ушел в свою каюту и без сил повалился на кровать. Злые слезы душили его, тщедушное тело тряслось от рыданий, беспорядочные мысли роились в голове. Какой же он дурак! Позволил так провести себя! Поначалу он думал, что отец обманывает его, но почти сразу понял: это не так.

Он припомнил слова проклятой потаскухи, которая, явно издеваясь, сравнивала его с проклятым дикарем. Нет, отец не солгал! Каус не хотел себе признаваться в этом, но понимал, что девка не могла не замечать его вожацких взглядов. Просто, когда он пришел, побоялась отказать. И правильно побоялась! Тварь! Он бы не простил ей отказа! Но ничего! Она еще пожалеет об этом! Жаль только, что отец

почему-то взял мерзавку под свою опеку. Впрочем, это-то понятно: пока Кулл на свободе, она нужна ему как приманка.

Но как только пират подохнет, она за все заплатит сполна! Каус даже реветь перестал, представив, как все произойдет. Он сжал веснушчатый кулак и яростно вытер нос, потом встал, подошел к зеркалу и посмотрел на отражение. На него глядел костлявый и угловатый юнец. Уже не мальчик, но еще не мужчина, ни дать ни взять — щенок-переросток. Самым странным было то, что он нравился себе, и ему даже не приходило в голову сравнивать себя с Куллом. Он — это он, и его посмели отвергнуть! Очень скоро она пожалеет об этом! Его месть будет ужасна! Каус даже удивился, как быстро его любовь, которую он считал вечной, переросла в жгучую ненависть. «Вот и хорошо,— решил он и подмигнул своему отражению,— когда атлант сгинет, она вспомнит о своем обмане!»

* * *

На «Богине Морей» убрали паруса, и она, почти вплотную подойдя к гранитной стене, закачалась на волнах в пяти-шести корпусах от шумевших невдалеке густых зарослей. Лодки по одной подтягивали к борту галеры, люди Баруса неслышно скользили вниз, гребцы садились на весла, и очередная шлюпка отправлялась к берегу. Вскоре сотня с небольшим пиратов скрылась в густых зарослях, втащив

предварительно лодки из воды. На «Богине Морей» вновь подняли паруса: настала пора трогаться в обратный путь.

Кулл в последний раз оглянулся. Деревья, обвивавшие их стволы лианы, густой кустарник — в неверном лунном свете все слилось в темное пятно, где таилась невидимая и оттого еще более страшная угроза. И в этой тьме шли навстречу опасности верные друзья, но никто из оставшихся на борту теперь не в силах был им помочь.

Пока галера дрейфовала вдоль берега, ветер переменялся с северного на южный, словно кто-то решил подыграть пиратам в смертельном единоборстве.

— Как думаешь, что их ждет?

Барус напряженно вглядывался в темноту, поглотившую их товарищей, и отчего-то она казалась ему живым злобным существом. Он вслушивался в звуки, которые доносились с берега, но если что-то и происходило там, то шум ветра и плеск волн заглушали все.

— Трудно сказать... — Кулл пожал широкими плечами, и Шарга с завистью подумал, что капитану, похоже, подобные глупости в голову не приходят. — Наверняка вдоль берега расставлены посты, но думаю, они не доставят особых хлопот.

— Не знаю, не знаю,— задумчиво протянул Барус, понемногу избавляясь от наваждения. — На Дуур-Жаде стычка с людьми барона превратилась в бойню...

— Ну, так то на Дуур-Жаде,— резонно возразил Кулл.— Они знали, на что идут. Те, кто живет здесь, наверняка размякли от скуки и безделья.

— Надеюсь, что ты прав,— подумав, согласился Барус.

Они продолжали обмениваться ленивыми фразами, а «Богиня Морей» медленно шла к восточной оконечности острова, пока не обогнула его и не остановилась у прохода, настолько узкого, что, не зная о нем Кулл заранее, вряд ли он отыскал бы его даже при удивительно остром зрении. Темные волны шумно вылизывали гранит скал. Барус восхищенно присвистнул, когда увидел, в какую щель им предстоит протиснуться. Три пары весел опустились в воду, и галера плавно двинулась вперед.

* * *

Ночь близилась к концу, когда ветер вдруг резко сменился на противоположный. Только что он дул с севера, старательно наполняя паруса галер, и вдруг начал тормозить их, разворачивая носом к Дуур-Жаду. Полко заорал на матросов, и те заметались по судну, выполняя приказания. Эскадра вновь пошла на запад, но теперь уже не по ветру, а постоянно меняя галсы, чтобы поймать ветер, и преодолевая сопротивление рассекаемых форштевнем волн.

Лицо барона медленно наливалось кровью. В последнее время характер его начал меняться, и

не в лучшую сторону. Правда, он перестал вопить без конца, но все заметили, что теперь Ридо словно раскаляется изнутри, и это превращение никого не радовало: в такие мгновения взгляд барона становился столь страшным, что его боялись даже больше, чем прежде.

Барону же было отчего приходиться в неистовство. Иногда он не мог отделаться от мысли, что не иначе как боги помогают его заклятому врагу. Он надеялся, что не позже чем через сутки «Лемурия» войдет в уютную бухту Вазии и он расправится с пиратом, но сама стихия будто не хотела этого. Он плюнул и отправился в каюту. Пропади все, пропадом! Раз дело поворачивается таким образом, нужно по крайней мере как следует выспаться!

* * *

Отряд медленно двигался вдоль кромки скал. Поначалу заросли оказались невероятно густыми, и идти пришлось предельно осторожно, чтобы не наделать лишнего шума и не нарваться раньше времени на сторожевые посты. Хвала богам, так продолжалось недолго. Через пару сотен локтей подлесок пропал: здесь для него было слишком мало света. Впереди пираты увидели огни костров. До ближайшего оказалось локтей сто. Отряд остановился, и от него отделились три человека. Бесшумно, но быстро они поползли на свет и вскоре скрылись из виду. Оставшиеся в зарослях напряженно вглядывались в темноту, прислушива-

лись, но вокруг было тихо, ничего не происходило, и люди начали беспокоиться.

Тем временем небо просветлело, а от земли начал подниматься туман. Беспокойство пиратов достигло предела, когда в десяти шагах впереди появилось темное пятно. Человек, стоявший в зарослях, поднял руку, и почти полторы сотни воинов за его спиной замерли, но мгновение спустя предводитель расслабился. Трое подошли к нему и почти беззвучным шепотом сообщили:

— Все в порядке. Кулл был прав: здесь не Дуур-Жад.

* * *

Гребцы начали табанить, и «Богиня Морей» остановилась у самого выхода из щели. Несильное течение стремилось вытолкнуть ее внутрь бухты, но три пары весел, слаженно работая, заставляли галеру стоять на месте.

— Пора, — сказал Кулл.

Барус кивнул ему на прощание, легко перемахнул через фальшборт и встал на опущенное в воду огромное весло.

— Осторожнее там, — напутствовал друга атлант.

— За нас не беспокойся.

Барус аккуратно опустил в воду обломок бревна с тщательно примотанным к нему свертком, в котором находились лук, стрелы, меч и кинжал, увязанные в промасленную парусину, чтобы во время недолгого плавания вода не пробра-

лась внутрь. Без малейшего всплеска он соскользнул с весла и погрузился в воду, уступив место следующему моряку.

Рассвет набирал силу. На востоке, за скалами, всходило солнце, возвещая рождение нового дня. Дня, когда должно решиться очень многое, если не все... Здесь же, в узкой расщелине между скалами, еще царила крошечная ночная тьма, ведь даже свет луны проникал сюда исключительно редко. Кулл смотрел на черную воду, наполненную обломками потерпевшего крушение судна. По крайней мере, атлант надеялся, что именно так должен подумать возможный наблюдатель, когда увидит разнообразный мусор, плывущий к берегу.

* * *

Барон проснулся только после полудня, как всегда в последнее время, в отвратительном расползении духа. Сейчас оно усиливалось тем, что на путь к Вазии эскадра потратила почти на день больше, чем он рассчитывал. Быть может, поэтому все вокруг выглядело скверно: вино казалось кислым, мясо — пресным, зелень — увядшей, а фрукты — высохшими. Он с отвращением заставил себя проглотить жаркое и, чтобы перебить отвратительный привкус горелого жира, запил его бутылкой своего любимого терпкого красного, но желаемого облегчения не почувствовал: благородный напиток, по его мнению, прокис и приобрел отчетливый уксусный при-

вкус. Это было уже слишком! Он с отвращением вытер губы и встал из-за стола.

Да, жизнь — дерьмо! Барон остановился у своей коллекции оружия, разглядывая ее невидящим взглядом. Одно только приносило облегчение — мысли о Лио. Впрочем, и тут не обошлось без сложностей. Как удержать девчонку рядом с собой? К тому же постоянно возвращалось неприятное воспоминание о вчерашнем споре с Каусом. Никогда прежде он и предположить бы не смог, что настанет время, когда они едва не станут врагами из-за бабской юбки! Жениться задумал, сопляк! Да на ком! Он сокрушенно покачал головой. Хорошо еще, что вовремя пришла в голову удачная идея, позволившая отговорить мальчишку от его затеи. Мысли застряли, словно норовистые кони, не желавшие двигаться с места. Некоторое время барон тупо рассматривал замысловатый узор ковра. Он словно одеревенел.

Обрывки какой-то мысли носились в мозгу, дразня, но не даваясь. Он чувствовал, что она необыкновенно важна, но не мог уловить ее, сосредоточиться.... Он уже чувствовал, что без этого знания ему не жить, и все больше злился, и вдруг...

Он вздохнул с облегчением, встряхнулся и выбежал из каюты.

* * *

На Вазии, или острове барона, как называл его Кулл, все произошло именно так, как и

предполагал атлант. Правда, форт, расположенный на берегу гавани, оказался неожиданно хорошо укрепленным. Частокол мощных бревен выглядел весьма внушительно. Если бы не предусмотрительность атланта, который сделал ставку на внезапность да на выучку людей Баруса, осада лагеря могла затянуться надолго.

На деле же все получилось неожиданно просто. Часовые мирно дремали на посту. Их головы, будто напоказ, торчали между заостренными верхушками бревен. Десять веревочных петель ухватились за острия, и пираты бесшумно и ловко, словно обезьяны, отряд за отрядом принялись подниматься на стену. Сама крепость, тоже бревенчатая, была сработана честно и добротно, однако попасть внутрь нее оказалось совсем не сложно.

Правда, здесь впервые вышла заминка. Кто-то успел поднять тревогу, и дальше пиратам пришлось прокладывать себе путь оружием, но полусонные защитники крепости не смогли оказать им достойного сопротивления. Все кончилось слишком быстро для того, чтобы назвать эту мелкую стычку настоящим боем. Из пиратов не пострадал никто, а у защитников погибло человек десять, остальные предпочли просто сдаться.

Когда все кончилось, Кулл с сотней своих людей сошел на берег, и «Богиня Морей» встала на якорь у дальней от входа в гавань стены. Туда, где в прошлый раз стояла оставленная бароном в качестве приманки «Лемурия».

Атлант вошел в просторную комнату, где собрали всех пленных, которые поглядывали на пиратов кто затравленно, а кто просто хмуро. Их оказалось примерно три десятка, то есть именно столько, сколько нужно для защиты форта. Правда, недолгой. Даже если за его стенами собрались бы все пленные и те, кого люди Баруса убрали на стенах, а также на постах и в двух сторожках у берега, их набралось бы без малого сто человек. Кулл скептически покачал головой. Пожалуй, даже месяца они бы не продержались. Неделю, другую... А дальше что?

— На острове есть еще кто-нибудь? — Пират обвел пленников суровым взглядом.

— Два сторожевых поста у дальнего берега, — нехотя ответил один из них.

— Это мы знаем, — сказал атлант, — а кроме них?

— Что ты имеешь в виду? — Пленник поежился и мельком бросил взгляд на стоявшего слева жилистого валузийца.

Кулл пожал плечами, досадуя на непонятливость собеседника:

— Зачем нужен этот форт?

— Чтобы удержать остров, — быстро ответил тот.

— А зачем барону этот остров? — просто душно поинтересовался атлант. — Он, пожалуй, пригодился бы пиратам как место, где можно отсидеться и зализать раны, а барон, хоть и порядочный бандит, — тут морские разбойники

одобрительно загоготали, — но пиратом его никак не назовешь. Так зачем же ему остров? — повторил он вопрос. — Да и гарнизон ваш слабоват. Даже если бы вы загодя узнали о предстоящей осаде и все укрылись в форте, то продержались бы не больше недели.

Он вопросительно посмотрел на пленника, но тот замер, словно бы и мог что-то сказать, да не решался.

— Если тебе есть что сказать — говори, — посоветовал ему атлант. — Барон не сможет отомстить вам, а защищать и не будет.

Похоже, этот довод оказался решающим, потому что пленник посмотрел Куллу в глаза и неожиданно твердым голосом проговорил:

— Хорошо, я скажу.

И в тот же миг стоявший за его спиной валузиец злобно прошипел:

— Ничего ты этому ублюдку не скажешь!

В его руке сверкнул клинок, но, прежде чем он успел нанести удар, кинжал атланта, до сих пор мирно висевший в ножнах на поясе, распорол валузийцу плечо, заставив выронить оружие.

— Если хочешь кого-то убить, делай это быстро, — наставительно заметил Кулл, глядя в округлившиеся от изумления глаза раненого. — И уж тем более глупо оповещать будущую жертву о своих намерениях. Взять его!

Валузийца скрутили и отвели в сторону. Лишь после этого разговорчивый пленник вздохнул свободнее.

— Спасибо, господин... — Он покачал головой. — Здорово это у тебя получилось... Я все скажу. В горах есть серебряный рудник. Ради него барон держится за остров, а людей в форте мало, потому что защитникам обещана поддержка. Ты верно заметил: неделя, самое большое две — дольше нам не продержаться, но только это и не нужно. У нас есть голубиная почта. Успей мы отослать с птицей письмо, и барон примчался бы на помощь вместе со всей эскадрой.

— Хорошо. — Кулл словно бы поставил точку в разговоре. — Где рудник? Ты знаешь дорогу?

— Знаю!

Кивнув, Кулл вышел. Его совершенно не интересовала судьба пленных, какой бы она ни оказалась: каждый из них получит то, что заслужил. Пардо направился следом. У ворот форта, теперь открытых настежь, пират столкнулся с Барусом.

— Ты не против того, чтобы покомандовать здесь, хотя бы на первых порах?

— А ты? — вопросом на вопрос ответил тот.

— Прах и пепел! Конечно, против! — Атлант мотнул спутанной копной смоляных волос. — Ты забыл, что захват острова — лишь часть нашего плана. Для меня главное — Лио! Я в любое мгновение могу уйти, и тогда кто-то должен будет остаться. К тому же, если с галерой не выгорит, ты наковыряешь в горе серебра на покупку нового судна. Ну так как?

— Идет! — рассмеялся грондарец. — Ты умеешь уговаривать. Кстати, куда это ты собрался? — спросил он уже серьезно.

— Куда?.. — Кулл обернулся к своему спутнику. — Есть с восточной стороны острова наблюдательный пункт?

— Есть, — кивнул тот. — Вернее, был, — тут же поправил он себя, — но Рудро счел, что люди на вершине скалы могут выдать колонию.

— Умница! — воскликнул Кулл, а Барус прыснул со смеху. — Похоже, барон в помощники себе подбирает таких же мудрецов, как сам! Хорошо, где он?

— Недалеко от передней кромки скал, — ответил Пардо, — рядом с проходом.

— Хорошо. Мы туда. — Атлант обернулся к подошедшему Шарге. — Отведи «Богиню Морей» за остров, встань на якорь и жди меня.

— А те, кто сошел?

— Пусть остаются здесь. Лодки ведь на берегу? — спросил он грондарца. Тот кивнул. — Значит, мы всегда успеем подняться на борт. Уходи немедленно. Барон может появиться когда угодно. И не поднимай парусов: они слишком заметны! Ты, Барус, займи оба сторожевых поста, чтобы нас не застали врасплох, а мне дай человек десять твоих ребят. Я должен оставить кого-то наверху смотреть за восточным краем горизонта.

* * *

Двенадцать человек, считая и самого Кулла, нагруженные припасами, шли по узкой

тропе, огибая бухту. Скалистый мыс, почти такой же высокий, как и внешние скалы, делил ее на две неравные части, но задняя, где прятались галеры Ридо, сидевшие в засаде, могла бы вместить не меньше пяти судов. Правда, тогда в ней стало бы тесновато. Сперва тропа, едва заметно поднимаясь вверх, обогнула меньшую часть бухты, после чего полого потянулась вокруг большей. Кулл посмотрел вниз: «Богиня Морей» уже ушла. Он прикинул оставшийся путь. Если где-то впереди тропа не изогнется круто вверх, значит, она выведет к внутренней стороне прохода.

У атланта мелькнула мысль, что на будущее нужно будет что-то придумать: такой путь слишком долог и неудобен. Каменная полка не превышала трех локтей в ширину, хотя почти везде была уже. словно специально созданная природой для подъема на самый верх, она полого тянулась к вершине скалы.

Пират шагал, не думая о том, сколько еще осталось идти, когда неожиданно понял, что стоит наверху. Он огляделся. Окружающие скалы казались плоским столом с едва заметными неровностями. На огромной поверхности в беспорядке громоздились непонятно откуда взявшиеся валуны всевозможных форм и размеров, и здесь дул устойчивый южный ветер. Тропа, по которой они поднялись, и дальше вилась по краю исполинской скалы. Только теперь она бежала вдоль края узкой щели, служившей проходом в гавань.

Кулл направился по ней, и остальные поспешили следом. Он прошел между двумя валунами, один из которых напоминал формой поставленное на острый конец яйцо, а второй казался почти идеально круглым. Пройдя в эти своеобразные ворота, Кулл приблизился к краю щели и прикинул ее ширину. Здесь, наверху, она была явно уже. Не мудрено, что внизу даже днем царил полумрак.

Внешняя кромка скалы почти отвесно обрывалась у самых ног. В полусотне локтей от нее бывшие колонисты соорудили нечто вроде хижины. Без всякого раствора сложенная из камня полукруглая стена в десяток локтей диаметром, видно, никогда не имела дверей, но, по словам Пардо, у нее когда-то была крыша, от которой, однако, ничего уже не осталось.

Кулл внимательно осмотрелся: горизонт был чист. Ни малейшего намека на приближающееся воинство барона. Что ж, это хорошо, будет время как следует подготовиться к встрече.

— Рассказывай, — ни с того ни с сего заявил вдруг Кулл, и стоявший за его спиной Пардо вздрогнул от неожиданности: он-то был уверен, что подошел бесшумно!

— Да что же рассказывать-то? — Валузиец невесело вздохнул.

— Там, внизу, я задал два вопроса. Ответом на второй я удовлетворен, остается еще один.

— Там, за мысом, — бывший надсмотрщик махнул рукой в сторону западной оконечности

острова, — есть шахта, в которой добывают руду. Здесь же, на Вазии...

— Что ты сказал?

— Вазия, — повторил Пардо усмехаясь. — Так барон назвал остров в честь страны, откуда он родом. Так вот, здесь же руду переплавляют, получая из нее чистое серебро. Четыре раза в год из Валузии приходит галера, привозит продукты и забирает слитки.

— И много?

— Тысяч на двадцать полновесных золотых монет в год.

Кулл изумленно присвистнул и уставился на говорившего, словно спрашивая, не шутит ли тот. Пираты загалдели, восторженно переглядываясь.

— Да это же целое состояние, — возбужденно прошептал кто-то.

— Для тебя, — спокойно заметил Кулл, — но не для барона. Ты хоть знаешь, сколько стоит «Лемурия»? Больше ста тысяч! А теперь прикинь, на сколько потянет весь его флот!

— Пресветлые боги!

Парень молитвенно сложил руки. По лицу его видно было, что он пытается считать, но не в силах представить получившуюся сумму, которая далеко выходила за рамки его понимания.

— И все равно странно, что барон рискнул этой жилой, — задумчиво проговорил Кулл.

— Вовсе нет, — возразил Пардо, — в последнее время добыча стремительно пошла на убыль. Еще год-два, и шахта превратится в бесполезную дыру в горе.

— Ага! Тогда понятно. — Кулл задумался. — Ладно. Расскажи о людях.

— С людьми проще. Здесь все — рабы, — не задумываясь, ответил валузиец. — Все, кроме дона Рудро. Он какой-то дальний родственник Ридо. Невольники же делятся на две группы. Такие, как я, надсмотрщики-валузийцы, бывшие рабы, выкупленные из неволи бароном. Всем нам обещана в будущем свобода. И прочие — те, кто ковыряется в горе или добывает из руды серебро, готовит еду, ну и все остальное. Этим не на что надеяться. Если какой-нибудь надсмотрщик убьет любого из них, его даже не накажут.

— И ты единственный, кто относился к ним по-человечески...

— Да нет. — Пардо пожал плечами. — Просто мне единственному посчастливилось выжить... Были и еще люди, которые никогда не забывали, какова она — шкура раба.

Кулл в последний раз окинул взглядом чистый горизонт. Время есть, но все равно терять его не следует. Оставив Пардо с людьми Баруса, он отправился обратно. Пираты остались наверху с твердым наказом подать сигнал, как только на горизонте появится парус. Обратный путь показался значительно короче, быть может, просто потому, что идти приходилось под гору. Кулл опять подумал, что в будущем с этим придется что-то сделать. Впрочем, это уже забота Баруса. Ясно одно: оставлять море без наблюдения нельзя.

Когда атлант обогнул деливший бухту надвое скалистый мыс, в меньшей ее части он вдруг увидел спокойно стоявшую на якоре «Богиню Морей». Он даже потряс головой, решив, что ему померещилось. Он ведь сам видел, как она ушла из гавани! Ладно! Сейчас он спустится вниз и все узнает. Он заспешил к форту, еще издали слыша доносившиеся оттуда взрывы неистового хохота. Кулл вошел в ворота и лишь слегка нахмурился при виде веселившихся на посту людей Баруса. Когда он проходил мимо открытого окна, изнутри донеслось:

— ...И если ты, смрадный отпрыск изнасилованной шакалом свиньи, не согласишься...

Все, кто находился в доме, снова засмеялись. Атлант хмыкнул и пошел дальше, словно чувствовал, что Барус отдыхает на солнышке, за углом здания. Он присел рядом:

— Чем там занимаются твои ребята?

— Не только мои,— ухмыльнулся тот.— Там почти вся команда «Богини Морей».

— И что же они там делают?

— Помнишь о голубиной почте? — спросил грондарец и, дождавшись кивка Кулла, объяснил: — Пишут письмо барону.— Барус протянул атланту наполовину пустую бутылку с вином.— Предлагают вернуть Лио, передать нам галеры и убираться восвояси. Тогда мы их не тронем.

Он зевнул, словно ему все это было неинтересно, хотя в глазах его играли озорные огоньки. Кулл оторвался от горлышка:

— А как «Богиня Морей» сюда попала?

— Ага! Уже заметил! — обрадовался грондарец.— Хорошая шутка, верно? — Кулл угрожающе рыкнул.— Хорошо, хорошо! — рассмеялся Барус. Он явно пребывал в прекрасном расположении духа.— Все дело в том, что здесь, оказывается, есть нечто вроде речушки, соединяющей бухту с океаном. Она пересекает лес на южной оконечности острова.

Атлант задумался. В сущности, он подозревал нечто подобное, иначе откуда бы взяться течению в протоке, через которую они прошли? Если бы не недостаток времени, наверняка он и сам бы отыскал ее. С другой стороны, получалась явная нелепица... Если барон знал о ее существовании, ему ничего не стоило...

— А барон знал о ней?

— Конечно! — Барус с готовностью кивнул и подарил другу ослепительную улыбку.

— Я, кажется, на глазах тупею.— Кулл очумело покачал головой и припал к спасительному горлышку.

— На самом деле все очень просто,— рассмеялся Барус,— если, конечно, знать, в чем дело!

— А ты знаешь? — с надеждой в голосе спросил атлант.

— Знаю.

— О боги! Так почему бы тебе не рассказать мне об этом?

— Я как раз и собирался! Так вот, история весьма поучительная. Лет двадцать назад, если не больше, барон тогда был еще молод, рабы подняли бунт и едва не бежали с острова.

— Это как же?

— Тогда здесь постоянно находился небольшой корабль, да и охрана была не чета нынешней. Однако и она не смогла ничего поделать, когда рабы, я имею в виду тех, кто работал на шахте, захватили судно и рванули вниз по речушке к морю. Их едва удалось остановить, спалив суденышко. Барон, говорят, пришел в бешенство, когда узнал об этом. Сперва хотел всех повесить, но пожалел денег, ведь тогда пришлось бы покупать новых рабов. В общем, бунтовщики легко отделались, получив по два десятка палок. Барон собиралсясыпать по сотне, но на этот раз уже Рудро отговорил его, сказав, что люди после такой порки долго не смогут работать, не говоря уж о том, что большая часть наверняка перемрет. Так что проще уж их повесить. Короче говоря, их спасла жадность Ридо. В итоге русло реки барон приказал завалить камнями, что вскоре добросовестно и сделали, а вместо кораблика появилась клетка с голубями. Вот так!

— Понятно. Что же было дальше?

— Дальше? — Барус ухмыльнулся. — Рабы начали вести себя примерно. Корабль сгорел, значит, побег стал невозможным, а зачем стеречь раба, который все равно не в силах сбежать от хозяина? Со временем надзиратели начали выполнять свои обязанности спустя рукава, а потом и вовсе плюнули на все. Рабам разрешили свободно перемещаться по острову, дозволив охотиться на дичь, правда, только с

помощью силков, и собирать плоды, из которых получалось неплохое вино. Сытые, пьяные будни — этим скотам ничего больше и не нужно было. Сопровождение рабов на шахту стало наказанием, а позже своего рода деньгами, на которые играли в кости. Поначалу Рудро пробовал с этим бороться, но быстро махнул на все рукой.

— А рабы?

— Они не оставляли мыслей о побеге, правда, теперь осуществить его стало значительно сложнее, но они готовились. Речушку расчистили. Не знаю, как это удалось скрыть от надзирателей, но только те до сих пор ничего не знают.

— На что же они надеялись?

— На галеры Ридо, на что же еще? Но за слитками приходили почти всегда по три судна. Однако они надеялись, и один раз им едва не повезло. Пришли всего два корабля: двухмачтовая галера и одномачтовая посудинка, почти такая же, как та, что они едва не захватили. Им чуть-чуть не повезло. За мысом встала галера, а не одномачтовик. Если бы случилось наоборот, они наверняка сумели бы покинуть остров, но галера не прошла бы по речушке.

— Короче, все осталось по-прежнему, — закончил за друга Кулл.

— Именно.

— Но «Богиня Морей» прошла.

— Проползла, — поправил его грондарец. — Без команды, налегке, но проползла.

— Это здорово, значит, в случае чего успеем смыться! Ведь шляпки еще там?

— Все так.

— Знаешь, чего мне не хватает для полного счастья? — Кулл посмотрел в лицо другу. Барус видел улыбку на его лице, но заметил и холод, исходивший из глубины синих глаз. — Барона! Ты, кажется, говорил о голубях? Пора послать ему весточку. На мой взгляд, он слишком задерживается!

— Что ж, запросто! — Барус рассмеялся. — Парни, наверное, уже закончили возиться с письмом.

— Нет! — Атлант тряхнул смоляной гривой.

— Почему? — удивился грондарец.

— Ты представляешь, что станет с бароном, когда он прочтет такое послание?

— Представляю! — Барус довольно хохотнул. — Для того и писано!

— Хорошо. А теперь представь, что будет, если он решит сперва отыгаться на Лио!

— А-а! Чтоб тебя! Ведь верно, — согласился грондарец. — Этот выродок вполне способен прибить девчонку.

— То-то и оно! Просто напомним, что несколько дней назад его рабы наткнулись на новую жилу, не слишком богатую, но дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Как потвоему?

— Жаль, конечно, письма, — вздохнул Барус, кивнул одному из своих людей, и тот отправился писать послание, — но ты прав. Известие

о том, что оскудевшая жила снова приносит доход, заставит его поторопиться.

Пока составляли весточку барону, друзья пили молча.

— Все правильно, — сказал наконец атлант, глядя, как взмыл в синее небо белокрылый посланец. — Он наверняка захочет вернуть потерянное. А если зуд, как обычно, сделает его еще чуточку глупее, то лучшего и желать нельзя!

— Мы не должны забывать о сыне.

— Не должны, — согласился Кулл, — просто я надеюсь, что наша весточка заставит Ридо все взять в свои руки.

— Хорошо, если так.

— В любом случае мы ничего не теряем. Кстати, что решили сделать с пленными?

— Да ничего. — Барус пожал плечами. — Просто поменяли их местами.

— Ловко! — Кулл одобительно кивнул. — А Рудро?

— Для него придется сделать исключение. Его продадут в Турию, на рудники.

Кулл ничего не ответил. Рабство было ему отвратительно. Еще мальчишкой он хлебнул этого счастья, но сейчас возражать не собирался. Барус правильно сказал: валузиец заслужил свою участь, и если те люди, которых он считал животными, решили так, значит, пусть так и будет.

— Ты уже видел самострел на берегу? — спросил Кулл, чтобы сменить тему.

— Знаешь,— пират оживился,— когда на Дуур-Жаде ты рассказывал о нем, я решил, что ты малость того...

— Приврал,— подсказал атлант.

— Угу,— согласился Барус.— Но теперь, когда я увидел его собственными глазами... — Он покачал головой.— А стрелы? Это же бревна, а не стрелы!

— Вот именно, бревна,— задумчиво повторил атлант.— А скажи-ка, ты смог бы управиться с этим самострелом?

— Почему нет? — Грондарец равнодушно пожал плечами.— А зачем тебе?

— Мне? Тебе! — Кулл усмехнулся.— Тебе же нужна галера! Загарпунишь ту, что приглянется. Остальные сожжем.

— Ну наконец-то,— обрадовался Барус,— я уж думал, ты никогда не заговоришь об этом. Но теперь-то, когда мы на острове, ты можешь сказать, что задумал? — Он вопросительно посмотрел на Кулла, но тот вдруг напрягся, глядя мимо друга, вдаль и вверх.— Ты чего?

— Кажется, началось.— Атлант указал на вершину скалы, слева от протоки, откуда сигналили люди Баруса.— Даже поговорить не успели! Ладно, слушай. Всех моих людей отправь на «Богиню Морей», пусть будут готовы. Теперь о тебе. Выбери себе судно, загарпунь, подтяни к берегу и посади на мель, но если придется туго, лучше сожги его. Главное для тебя — не пустить их на берег. Ни с загарпуненной галеры, ни тех, кто попытается выбраться вплавь. Справишься?

— А что мне остается?

Барус побледнел, но во взгляде его светилась решимость.

— Если придется совсем туго, мы еще можем улизнуть, чтобы вернуться с флотом, как предлагал Харм, но думаю, мы справимся!

— Подожди! — воскликнул грондарец.— Я ведь загарпуню только одну галеру, а остальные?!

— Я же сказал, что сожгу их! — отрезал атлант.— Это моя забота.

— Да ты умом тронулся! Ведь это еще четыре галеры, а человек-то всего полторы тысячи!

— Прах и пепел! Ты хочешь уйти? — Глаза Кулла яростно полыхнули.— Еще не поздно.

— Нет! — выкрикнул Барус и сжал побелевшие губы.— Я остаюсь!

— А раз остаешься, нечего терять понапрасну время! И не забудь, что ты должен сделать. «Богиня Морей» должна стоять наготове, ты загарпуняешь себе судно и не допустишь ближнего боя. Стрел у тебя в избытке! Впрочем,— Кулл ненадолго задумался,— с Шаргой я сам переговорю.

Сказав это, Кулл помчался по пройденной утром тропе. Некоторое время Барус смотрел ему в спину, потряхивая головой, словно отгоняя навязчивые мысли, потом, когда его друг остановился над «Богиней Морей» и обменялся парой слов со шкипером, словно очнулся и загорланил, рассыпая приказы направо и налево. Он бежал по берегу, по привычке

проверяя все лично, изредка бросая взгляды на Кулла, который пробирался по отвесной стене, и предстоящая битва не выходила у него из головы. На каждого из его людей придется пять наемников. Ридо!

А сам Кулл? У Ридо пять галер. Допустим, одну он загарпунит, останется четыре. Если атлант пойдет на таран, это будет просто общее самоубийство! Но с него станется! Он может запросто решиться и на этот отчаянный шаг: перегорудит своей галерой путь к берегу и высадит абордажные команды на двух валузийцев сразу. Рассказывают, он однажды уже проделал такое... А что остается? Бой на расстоянии, попытка сжечь врага, не подпуская его к себе? Да кто ж позволит ему? В этой-то луже, где о маневренном бое и говорить не приходится!

Он вновь посмотрел на скалы. Крохотная фигурка уже подобралась к цели. Что ему там понадобилось? Впрочем, это-то ясно. Нужно самому разведать силы противника. Тут Кулл, пожалуй, прав.

* * *

Атлант стоял на вершине скалы и смотрел вдаль. Рядом в напряженных позах застыли Пардо и десять парней Баруса.

— Пресветлые боги, — прошептал валузиец.

Он в ужасе закрыл глаза и тут же представил себя насаженным на кол справа от ворот форта, чтобы каждый входящий смог посмот-

реть, какая судьба ожидает того, кто идет против барона.

Кулл прикрыл ладонью глаза от солнца. В отличие от валузийца, он молчал, но то, что увидел, ему тоже совсем не нравилось. Он насчитал семь точек вместо пяти, и это ничего хорошего не предвещало. Где барон умудрился взять еще два судна? Впрочем, это был праздный вопрос. Раз галер семь, значит, придется топить на две больше.

Ветер по-прежнему дул с юга. Кулл посмотрел на солнце: похоже, времени впереди полно. Когда эскадра подойдет к острову, до вечера будет еще далеко. Кулл обернулся:

— Выпить чего осталось? В глотке пересохло.

* * *

Барус закончил последние приготовления. Его люди давно расставлены и ждут. Сотне человек он приказал подняться на стену, и теперь они распределились вокруг гавани и пока отдыхали. Что ж, им есть за что драться! Рядом с каждым стояло небольшое ведерко с маслом и лампа, которые пока не зажигали. Остальные да еще сотня человек с «Богини Морей» устроились на берегу. Грондарец подумал, что славная у него все-таки команда. Быть может, никто из них не доживет до ночи, но никто не унывает, а лица всех выражают решительность.

* * *

Суда приблизились настолько, что Куллу пришлось лечь, чтобы его не заметили. Седьмое

судно оказалось крохотной посудинкой и не могло представлять серьезной опасности. По правде говоря, атлант даже не понял, зачем барон потащил эту скорлупку в такую даль, и решил, что Ридо собирается, как когда-то, оставить одномачтовик на острове.

— Кулл! Гляди-ка, да ведь это галера одноглазого Карима! — изумленно воскликнул один из его спутников. — Задница ослиная! То-то он в последнее время словно с цепи сорвался! Оказывается, просто снюхался с бароном!

— Проклятье! А ведь и верно, — согласился Кулл. — Вот ведь дерьмо, верблюжье! Смотри, как тянутся друг к другу эти выродки. — Атлант вновь прикрыл газа ладонью, всматриваясь вдаль. — Но ничего, значит, рассчитаемся разом с обоими, — процедил он сквозь зубы.

Капитан прищурился, продолжая разглядывать эскадру, подошедшую уже так близко, что стали видны люди на палубах.

Он без труда узнал обе двухмачтовые галеры, «Лемурию» с «Миральдой», одномачтовую быструю «Силью», посудину, забравшую лазутчика Родого с Дуур-Жада, и стремительную галеру Карима. «Лемурия» сделала очередной разворот, вышла из-за закрывавшей ее «Миральды» и вдруг...

Пират побледнел, не в силах поверить собственным глазам...

— Что они сделали? — ошарашенно прошептал у него за спиной кто-то из парней Баруса. — Зачем?

* * *

— Господин барон! Господин барон! — донеслось одновременно с двух сторон.

Ридо остановился. С одной стороны к нему подбегал капитан Полко, тщетно стараясь при этом сохранить достоинство, а с другой — его слуга Сандо. Оба выглядели взволнованными, но у Сандо в руке барон увидел голубя с белоснежным оперением и жестом приказал капитану обождать. Полко безмолвно подчинился, по-прежнему стараясь сохранять напускное безразличие. С улыбкой, больше похожей на гримасу, он поклонился и отошел в сторону.

— Давай!

Барон протянул руку, и Сандо отдал ему небольшой клочок бумаги. Капитан старался не смотреть на них, но, когда услышал рядом с собой сопение, искоса бросил взгляд на барона. Видно, сообщение оказалось не из приятных. Он увидел красное от злости лицо Ридо и на миг простил ему все: и глупость, и надменность, и постоянные унижения.

— Что-то случилось? — спросил он.

Услышав голос капитана, барон вздрогнул, как от удара, и резко обернулся к нему, но на лице Полко не смог прочесть ничего, кроме доброжелательной учтивости, и только это заставило Ридо сдержаться.

— Этот ублюдок уже на острове! — прохрипел Ридо, протягивая записку капитану.

Тот читал написанные ровным, убористым почерком строки, и улыбка его становилась все

шире. Однако, когда он оторвался от письма, от улыбки не осталось и следа.

— А пират смел,— заметил он сдержанно,— этого у него не отнять.

— Ничего! — злобно прошипел барон.— Пусть потешится. Недолго осталось! К утру я всю их братию рассажу на колья вдоль западного берега! Будут остров защищать получше любой стены! — Он повернул голову к слуге: — Пошли ответ.

— Что написать?

— Я иду! — прохрипел барон так, что Сандо счел за лучшее поскорее убраться.— Ты что-то хотел мне сказать, капитан?

Тот кивнул:

— Вазия уже видна.

В глазах барона разгорался злой огонек.

— Сколько до нее? — спросил он.

— Если бы ветер был попутным... — начал было капитан, но Ридо не дал ему договорить.

— Я спрашиваю, как скоро мы войдем в гавань? — по слогам произнес он.

— Не раньше середины дня,— ответил Полко, взглянув на солнце.

— К вечеру я разделаюсь с выродками!

Барон отпустил капитана и направился к каюте, в которой уже месяц жила Лионтина. Он подошел к двери и неожиданно ощутил, как поднялось вдруг настроение. Правда, и ненависть еще не остыла. Скоро, теперь уже совсем скоро он расправится с ненавистным атлантом и обретет долгожданный покой в объятиях прекрасной грондарки! Теперь-то он

знает, как ее удержать! Сейчас, перед боем, он убедится в этом, и тогда ничто не устоит перед ним. Впрочем, перед ним и так ничто не устоит. Он вдруг ощутил себя могучим духом войны и демоном любви в одном лице, существом, которому все подвластно.

Ридо надменно кивнул одному из рослых охранников, тот отпер замок, барон толкнул дверь и вошел внутрь. Он не видел издали наблюдавшего за ним Кауса, его бледного, взволнованного лица, искривленных губ. Он не видел, каким горячным, жадным взглядом буравит сын его спину, а потому спокойно закрыл за собой дверь.

После яркого полдня мягкий полумрак каюты казался почти полной темнотой, но рассеянный свет позволял рассмотреть все, что находилось внутри. Лио сидела на огромном мягком диване, заваленном шелковыми подушками. Казалось, с их последней встречи она даже не поменяла позу. Ни дать ни взять восточная богиня с бокалом вина в правой руке. Увидев в дверях Ридо, она насмешливо улыбнулась.

— Я пришел закончить наш разговор,— надменно произнес барон.

Он глубоко вздохнул и прикрыл глаза, мысленно представив себе, как она встает, легкой походкой подбегает к нему, ее нежные ручки обвивают его шею, благоуханные уста дарят поцелуй...

— Так что же ты надумал мне предложить?

Ридо ожидал от нее совсем других слов и потому вздрогнул, как от удара. Он открыл глаза, с сожалением отгоняя наваждение, и посмотрел на прекрасную искусительницу. Все так же улыбаясь, она ждала ответа, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Да, я помню,— ответил он, сохраняя прежнее достоинство. Явь оказалась далеко не столь романтической, как грезы, но что поделаешь? В жизни так всегда бывает.— Я согласен. Будь моей женой!

Барон сделал решительный шаг и теперь необычайно гордился своей жертвой. Неважно, что ждет его в Валузии! Развод в высшем обществе — дело неслыханное, но он согласен и на него, хотя скандал предстоит огромный. Он даже готов бросить все, исчезнуть, раствориться, купить где-нибудь в Турии или Грондаре титул и начать жизнь сначала. В конце концов, какая разница? Везде одно и то же! Теперь все зависит от нее. Он смотрел на девушку и ждал, что она ответит.

Лио же улыбалась, не произнося ни слова. Проклятье! Как она прекрасна! Ридо почувствовал, как задрожали его руки, и, когда она, не выдержав, расхохоталась, даже не понял, что произошло. А она, пролив вино на цветастые шелка, заходила в смехе и не могла остановиться. Наверное, только то, что барон поначалу оцепенел от неожиданности, позволило ему не потерять лица. Возвышенные мечты развеялись, как дым, но до него все еще не доходило,

что изменилось. Он стиснул зубы и молчал, быть может, потому, что продолжал надеяться. Наверное, она просто не поняла, что он сказал. Он знал, что это не так, но не хотел себе в этом признаваться и лишь чувствовал, что прекрасное настроение исчезло без следа, уступив место бешеной злобе.

— Итак, я жду ответа,— произнес барон, еле сдерживаясь.

— Мой повелитель ждет ответа! — воскликнула девушка и на миг замерла, изумленно глядя на Ридо, словно перед ней стоял не валузийский барон, а некая безмозглая тварь, которая пыталась выдать себя за человека.

И тут ею овладела безудержная отвага. Ей стало все равно, что с ней сделают потом, но сейчас она хотела высказать все, что думала об этом жирном борове. Надоело притворяться! Надоело ждать, кто из двоих пожалует на этот раз, чтобы досаждать ей одним и тем же вопросом!

— Ты пришел за ответом? Так слушай! Я люблю Кулла! — выкрикнула она. — Всегда его любила и всегда буду любить, как бы сам он ни относился ко мне! Он для меня бог! Выше бога! Он умен! Он могуч! Он, наконец, прекрасен! И что ты предлагаешь мне взамен?! — едва сдерживая смех, спросила она, окинув барона насмешливым взглядом.

— А-а-а! Так я тебе не нравлюсь?! — злобно прошипел он.

— Нравишься?! — Она вновь расхохоталась. — Злобный, плешистый толстяк с обвислой шку-

рой! — Девушка брезгливо поморщилась. — Да посмотри на себя в зеркало! В гроб кладут краше!

— А ты сегодня весела! — Лицо барона налилось кровью, но он еще держал себя в руках и говорил спокойно. — Что ж, повеселюсь и я. — Он шагнул к пленнице. — Для начала сообщу тебе, что мы подошли к Вазии, а там Кулл — твой умный и могучий бандит, самый прекрасный из воров! Твой дружок решил умыкнуть у меня остров, но только зря он это задумал! У меня шесть галер, и против такой силы ему не выстоять! — злорадно сообщил он, с радостью наблюдая, как меняется в лице эта самоуверенная девка. — Уже вечером он будет горько сожалеть о своей наглости! А ты... — Лишь два шага отделяло теперь Лио от Ридо, и вытянутая рука барона едва не уперлась в грудь девушки. — Ты не пожелала стать моей женой, так станешь рабыней-наложницей!

Единственное, что она могла сделать, так это расхохотаться ему в лицо, но ее насмешка лишь сильнее распалила Ридо.

— Немедленно! — взвизгнул он.

Потная лапа барона грубо ухватила за полупрозрачную ткань ее наряда и рванула вниз, обнажая нежное тело. Ридо и сам не предполагал, что лишает себя остатков рассудка. Через мгновение он уже не видел ничего вокруг, и только одна похотливая мысль билась в мозгу, вытесняя все прочие: «Скорее! Скорее!»

Не соображая, что делает, он накинулся на девушку, срывая с нее остатки легких одежд. Его дряблые губы обслюнявили ее лицо, руки лихорадочно сжимали тело, дыхание вырывалось с бульканьем и хрипом. От омерзения у Лио комок подкатил к горлу, и ей стало не до смеха. Она царапалась, как дикая кошка, но не могла дотянуться до глаз, и только сильнее распалила насильника. Барон потащил ее к дивану, но в это мгновение она сумела изогнуться и схватить Ридо за отвороты роскошного бархатного камзола, сбросив с силами и отпихнула его, а потом схватила с пола шкуру леопарда и прикрылась ею. Не то чтобы она была излишне стеснительной девушкой, но взгляд барона казался ей липким и пачкающим настолько, что после его объятий Лионтина чувствовала себя так, словно ее только что испупали в помоях.

— Вон отсюда! — гневно выкрикнула она.

Ее маленькая ручка указала на дверь, взгляд пылал гневом, но на барона это не произвело ни малейшего впечатления.

— Ты еще смеешь противиться, шлюха?! — воскликнул он и вновь бросился на девушку.

Однако, если в первый раз он напал неожиданно и Лио не была готова дать отпор, то теперь все изменилось. Барон не сомневался, что легко сломит сопротивление пленницы, но его ждало жестокое разочарование. Маленький, но неожиданно крепкий кулачок вонзился в мясистый нос барона, едва не размазав его по пунцовым от возбуждения щекам. Ридо отлетел

на два шага, и алая кровь выплеснулась на белоснежное кружево рубахи. Барон схватился за лицо, его полубезумный взгляд скользнул по девушке, которая беззаботно хохотала, словно в жизни не видела ничего смешнее.

— Риндо! Крузо! — взвизгнул барон, не обратив внимания на то, что оба явились подозрительно быстро. — Девка слишком горяча! Схватить ее! Распять на форштевне! Пусть охладится! Глядишь, поумнеет!

Ее схватили за руки, но она не сопротивлялась, прекрасно понимая, что не справится с двумя здоровыми охранниками, и спокойно пошла к выходу, но, проходя мимо зажавшего нос барона, окинула его уничтожающим взглядом и снова расхохоталась.

* * *

Кулл смотрел на «Лемурию», не в силах оторвать от нее взгляда. Почти на каждом судне стояла статуя Секвены. Моряки верили, что она может даровать спокойные воды и счастливое плавание. Чаше ее ставили где-то на палубе, либо у стены капитанской каюты, как это было на «Богине Морей», либо у одной из мачт. Но случалось, что фигурой богини украшали форштевень, полагая, что чем ближе Владычица Вод находится к воде, тем больше ее сила.

На форштевне флагмана барона атлант увидел Лио, распятую между тараном и бушпритом. Встречные волны разбивались о ее нагое

тело, но девушка замерла, отрешенно глядя вдаль. Пират вдруг ощутил на себе ее взгляд, устремленный, казалось бы, в никуда и моливший о помощи.

О боги!

Атлант стиснул зубы, желваки заиграли на его скулах. Все последнее время, что они были заняты бегством и починкой «Богини Морей», он старался не думать о Лио. Не потому, что она была ему безразлична. Просто он знал по опыту, что желание ни в коем случае не должно идти впереди возможностей. Как правило, всякий, кто пренебрегал этим нехитрым правилом, терпел поражение, тем более сокрушительное, чем выше оказывались ставки.

Сейчас на кону стояла не только жизнь Лио, но и его собственная жизнь, не говоря уж о жизнях двух команд. Атлант прекрасно понимал, что, даже если его план сработает, положение их останется донельзя трудным: соотношение один к пяти с изменой Карима меняется на один к шести.

Кулл задумчиво поскреб подбородок. Как бы там ни было, а менять что-либо уже поздно.

— Пардо! — не оборачиваясь, крикнул атлант. — Просигналь нашим, чтобы готовились! Они идут!

— Ты еще надеешься вывернуться?! — изумленно воскликнул валузиец.

— Прах и пепел! Мы их потопим! У нас просто нет другого выхода!

Пардо недоверчиво покачал головой и отправился выполнять приказ. Атлант смотрел вниз. На галерах спешно убирали паруса. Время

словно остановилось, как в страшном сне. Суда ложились в дрейф, а затем выстроились полукругом вокруг входа в гавань, готовясь идти дальше на веслах.

— Сейчас полезут в гавань,— прошептал кто-то за спиной Кулла.

— Верно,— отозвался атлант.

— Полторы тысячи человек, а с галерой Карима — почти две,— продолжил тот же голос.— Ты правда думаешь, что у нас получится?

— Да.

— Но как?

— Смотри! — коротко бросил Кулл и припал к краю скалы.

На палубах валузийских галер сустились люди. Они действовали быстро и слаженно, но все-таки прошло немало времени, прежде чем на кораблях убрали паруса. До засевших на вершине скалы людей донесся унылый звук сигнального рожка, и на «Миральде» опустили весла в воду, но в тот же миг что-то изменилось, и галера так и не тронулась с места.

— «Богиня Морей»? — изумленно прошептал Пардо.— Но откуда она здесь?

— Ты же сам подал ей сигнал! — усмехнулся Кулл.

— Но что она одна сможет? — удивился один из моряков, в то время как остальные молчали.

— Тихо! — оборвал его Кулл, словно опасаясь, что внизу их могут услышать.

«Богиня Морей» вынырнула из узкой щели прохода, и на глазах у ошарашенных валузий-

цев гребцы начали изо всех сил табанить, стремясь избежать убийственного столкновения. Создавалось такое впечатление, словно пираты собирались покинуть остров, но вдруг обнаружили, что опоздали. Опять заблеял рожок, но уже иначе, и на валузийских кораблях вновь забегали, спешно опуская в воду весла, стремясь поскорее взять «Богиню Морей» на абордаж. Все, кто наблюдал за судами, понимали, что для пиратов это означает верную смерть.

Однако никто еще не успел сдвинуться с места, когда пиратская галера остановилась, и первая огненная стрела, как всегда метко выпущенная Гуго, вонзилась в мачту ближайшего судна, точнее, в ее перекрестие с реей, в собранный там огромный парус. Горящее пальмовое масло огненной струйкой потекло по мачте вниз. Несколько капель упало на собранный в бухту канат, в считанные мгновения превратив его в костер. Пламя с гудением поползло к краям реи и вверх по мачте. Огонь распространялся на удивление быстро, а огненные стрелы продолжали лететь одна за другой.

Матросы Ридо, как и сам барон, оторопели от неожиданности, завороченно глядя, как у них на глазах мощное судно становится гигантским факелом. Поначалу пираты Карима пытались потушить огонь, но вскоре махнули на все рукой и начали прыгать за борт, справедливо рассудив, что жизнь дороже.

На галерах Ридо вновь запел рожок, и два судна пошли вперед. На «Богине Морей» сдела-

ли то же самое, но немного раньше, ровно настолько, чтобы скрыться в скалах до того, как к ним стремительно приблизились две галеры: «Миральда» и одна из двухмачтовых. Обе намеревались протаранить «Богиню» и едва не заплатились за это. Пиратский корабль скрылся в скалах, и разбежавшимся для таранного удара судам пришлось резко сбрасывать скорость, чтобы не столкнуться. Двухмачтовая галера, более легкая, остановилась первой. «Миральда» медленно пошла вперед, скрываясь в проходе между скалами, а двухмачтовик остался, чтобы подобрать плескавшихся в море пиратов с сожженной галеры Карима, тех, кто не успел взобраться на опущенные в воду весла «Миральды».

Кулл повернулся и пошел назад по тропе, наблюдая сверху за движением судов по протоке. Последняя из двухмачтовых галер двигалась медленно, чтобы течение не прибило ее к другому двухмачтовику, но главным образом из-за того, что идущая впереди «Миральда» из-за своих размеров вынуждена была продвигаться крайне осторожно, чтобы не обломать весла о стены.

Кулл медленно шагал вдоль кромки скалы, пока не очутился между двумя валунами. Все! Больше медлить нельзя! Атлант уперся плечом в ближний к краю валун, но тот и не думал поддаваться. Он удвоил усилия, но опять ничего не получилось. Проклятье! Еще немного, и все замыслы — псу под хвост! Он навалился на валун спиной, уперся ногой в дальний, более тяжелый каменный шар, и ему показалось, что

камень едва заметно дрогнул. Тогда он уперся обеими ногами и повис между двумя опорами, чувствуя, что мышцы вот-вот лопнут, не выдержав напряжения. К нему подбежали парни Баруса, поняв наконец, что он хочет сделать, и с обеих сторон навалились на каменное яйцо.

— Прочь! — прохрипел атлант. — Лучше держите меня!

— Но ты один не справишься! — выкрикнул Пардо, хватая атланта за ноги.

Едва он это сделал, как перемычка в основании камня оглушительно треснула, и Кулл повалился в расселину. Если бы он был тут один, наверняка полетел бы вниз вслед за обломком скалы. Он и так чуть не сорвался, но двое пиратов упали ему на ноги, прижав их к скале.

— Ты как? — крикнул один из них, заглядывая в расселину.

— Нормально!

Атлант висел вниз головой, но друзья крепко держали его.

— Дай руку! Мы вытянем тебя!

Но пират не ответил. Изогнувшись всем телом, он смотрел, как огромная каменная глыба летела вниз, стремительно уменьшаясь в размерах. Вот она с треском проломилась палубу и исчезла из виду, а мгновение спустя столб воды взмыл в небо, поднявшись едва ли не выше мачт.

— О боги! — прошептал один из пиратов.

— О Кулл! — поправил его другой.

И все дружно расхохотались. Настроение резко поднялось. Драка еще не начиналась, а два суд-

на вышли из строя. Остов одного уже догорал, а второе стремительно погружалось в воду. Фонтан опал так же быстро, как и возник, но это уже не имело значения: вода хлынула в трюм и на палубу, через мгновение заплескалась на надстройках, и вскоре лишь торчавшие из воды верхушки мачт напоминали о том, что здесь только что качалась на волнах грозная боевая галера.

Но главным было даже не это. Кулл уже выбрался наверх, и теперь двенадцать человек распластались на вершине скалы, наблюдая за происходившим внизу. Те, кто шел перед затонувшим судном, ускорили ход, не желая разделить его участь, и Кулл пожалел, что эта мысль не пришла ему в голову раньше: десять человек вполне могли бы покончить со всей эскадрой. Однако он тут же забыл об этом: что толку сожалеть об упущенном! Он услышал истошный вопль Ридо далеко внизу, блеяние рожка и крики людей, но что они кричали, понять было сложно. Лишь истошный вопль: «Табань!» — наперебой повторяемый разными голосами, слышался совершенно отчетливо.

«Лемурия» двинулась кормой вперед и вскоре оказалась на свободе. Шла она настолько медленно и неуклюже, что атлант подумал о том, что даже сейчас они успели бы подкатить второй валун и потопить баронский флагман, но тогда Лио неизбежно погибла бы у него на глазах и от его руки. Мысль о Лио заставила его вскочить на ноги.

— Оставайтесь здесь и следите за ними!

Отдав приказ, он помчался по тропе, спеша как можно быстрее вернуться на «Богиню Морей», но у внутренней кромки скалы остановился.

* * *

Барус замер возле надежно укрытого самострела, как месяц назад Ридо, охотившийся тогда на «Богиню Морей». С утра он сам проверил решетку, вплел в нее свежие ветви, и теперь она выглядела как новая. Конечно, эта ловушка не станет неожиданностью для барона, который сам придумал ее, но деваться-то ему все равно некуда.

Поворотный стол, на котором был закреплен самострел, располагался очень удобно и позволял простреливать всю гавань. Недоступным оставался лишь небольшой участок у прилегающей к берегу стены между самострелом и выходом из протоки. Однако там было так тесно, что не могло укрыться даже маленькое судно. Несомненно, барон понимал, что ждет его в гавани Вазии, и сознательно пошел на жертву. Стоило Барусу подумать об этом, ему пришло в голову, что особой жертвы и нет: если загарпуненное судно подтянут к берегу, это только упростит задачу нападавших, ибо позволит беспрепятственно добраться до суши! Как они с Куллом не подумали об этом?!

Барус выругался. Поздно! Уже поздно! Он стиснул зубы и приготовился. Как по команде, именно в это мгновение из прохода в скалах появился бушприт первого из судов эскадры Ридо. Ах, не так ему все представлялось!

Неожиданно до него донесся оглушительный грохот, а следом за ним словно водопад низвергся с небес. Во всяком случае, звуки были именно такими. Раздались неразборчивые крики, среди которых выделялось: «Табань!» — и почти сразу все смолкло. Что там произошло? Что придумал Кулл, Барус не знал, но он видел: нос выползавшей из скал галеры начал увеличиваться быстрее.

— Целься! — крикнул он своему плотнику. — Целься так, чтобы киль не повредить!

— Не суйся не в свое дело, капитан! — огрызнулся тот.

Двое людей разворачивали поворотный стол, на котором был укреплен огромный самострел, пока направление движения судна полностью не совпало с осью гигантской стрелы. Как только это случилось, плотник дернул за рычаг, и тяжелое древко с зазубренным наконечником устремилось в полет. Бухта тонкого, но крепкого каната, намертво закрепленного у оперения стрелы, начала стремительно разматываться, когда стрела по пологой дуге понеслась вперед. Словно замороженный, Барус смотрел на нее, пока наконечник не пробил правый борт галеры. И только тогда извивавшийся, словно хвост чудовищного змея, канат с тихим плеском упал в воду.

— Тащи его, ребята! — заорал Барус, и два десятка его людей налегли на рычаги ворота.

Канат натянулся и мелко задрожал, страхилая брызги воды. «Как собака после купания,» — невольно подумал грондарец. Галера пошла еще

быстрее, и вскоре пираты узнали в ней «Миральду».

— А-а-а! — восторженно взвыл кто-то у Баруса за спиной. — Такая посудина нам стодится! Как, капитан?!

— Слишком много на ней народа! — не оборачиваясь, ответил тот. — Готовьтесь к драке, парни! И упаси вас боги спалить эту красавицу!

Грондарец уже считал галеру своей. Он видел себя на палубе в окружении матросов. Конечно, то была не «Богиня Морей». Она не несла на форштевне смертоносного жала — зловещего тарана, коварно скрывавшегося под водой, у нее был только окованный толстыми полосами бронзы форштевень. Но ей, пожалуй, этого и не нужно. Толковый капитан и сильная абордажная команда — вот все, что требуется для успеха!

«Миральда» тем временем приближалась. Она уже полностью вышла из протоки. Из-за кормы ее буквально вынырнула легкая одномачтовая «Силья» и сразу же рванулась к дальней от берега стене — подальше от чудовищного самострела. Впрочем, не она представляла собой главную опасность. Следом показалась двухмачтовая галера и, огибая загарпуненную «Миральду», двинулась к берегу. На нее тут же посыпались огненные стрелы со стен, окружавших бухту. В одно мгновение она вспыхнула, как свеча, и тут...

* * *

Ведущую вниз каменную полку занимали лучники Баруса. Их было не меньше сотни. Они

пускали в двухмачтовую галеру огненные стрелы, обмотанные промасленными тряпками, и ее такелаж быстро занимался огнем. Она еще огибала загарпуненного трехмачтового великана, но явно не успевала на помощь. Те, кто находился на палубе, уже поняли это и прыгали в воду, покидая обреченное судно в надежде спастись вплавь. Огромная «Миральда» ткнулась носом в песок, не слишком сильно, но освободиться она уже не могла. Впрочем, теперь это было не важно. Валузийцы, словно муравьи, полезли на берег. Лучники Баруса стреляли без передышки, но нападавших оказалось слишком много, и они вынуждены были шаг за шагом отступать к форту, чтобы не допустить рукопашной схватки. Лишь значительно позднее Кулл сообразил наконец, что на «Миральде» находилась, быть может, не одна сотня спасенных моряков. Видя, какой оборот принимают события, «Силья» устремилась к берегу. Видно, капитан ее понял, что иного выбора у него, кроме как выброситься на мель или дать себя сжечь, просто не осталось, и предпочел первое.

Атлант не стал любоваться этим зрелищем, а свернул влево и побегал по внутренней кромке скалы к месту, где на ее вершине был укреплен толстый канат. Добравшись до него, он скользнул вниз и через считанные мгновения уже стоял на палубе «Богини Морей», которая как раз поднимала якорь.

— Вперед! — зычно скомандовал он. Весла опустились в воду, и галера начала выворачивать из-за мыса. — Гуго, приготовься!

— Уже! — мгновенно отозвался валузиец.

«Богиня Морей» выходила из-за укрытия. Всего корпус отделял пиратское судно от оконечности мыса.

— Чем стрелять, Кулл? — выкрикнул Гуго, который понятия не имел о том, что ждет их за поворотом.

— Пока ничем, просто будь готов!

— Дерьмо верблюжье! — выругался Гуго, когда «Богиня» вышла из-за скалы.

Посреди бухты двухмачтовая галера пылала, как факел. Юркая «Силья», начавшая было двигаться к берегу, завидев «Богиню Морей», быстро развернулась и пошла в обход горящего корабля, стремясь укрыться за его корпусом.

— Мне ничего не стоит подпалить ему хвост!

Гуго обернулся к Куллу, но тот отрицательно покачал головой:

— Он никуда не денется, а вот Барусу помощь действительно нужна.

Шарга повернул к берегу, и вскоре град стрел с пиратской галеры обрушился на нападавших с тыла. Битва превратилась в бойню. Увидев галеру Кулла, отступавшие к форту люди Баруса воспряли духом и остановились. Приспешники барона навалились на них с отчаянием обреченных. Расстояние быстро сокращалось. Пираты выпустили последние стрелы и выхватили мечи, а на помощь им из форта уже мчалось полсотни стрелков, на бегу сражая самых яростных врагов. Сзади то же самое делали лучники с «Богини Морей», которая не могла подойти

слишком близко к берегу, чтобы не сесть на мель, как «Миральда». Прыгать же в воду и добираться до берега вплавь было бы слишком долго. Гуго крутился, точно ужаленный, выбирая подходящую цель для своего огромного арбалета, пока перед глазами у него не мелькнула до боли знакомая фигура огромного турийца, который размахивал секирой, прокладывая себе кровавую дорогу к форту. Справа и слева падали его бывшие товарищи, к которым он вдруг вспылал неистовой ненавистью. Гуго помрачнел. Не так он мечтал разрешить их давний спор! Но сейчас колебаться он не имел права. Стрелок сжал зубы и прицелился. Он видел, что его врагу никто не может противостоять, но все равно не торопился, понимая, что остановить Карима может только Кулл, а он слишком далеко от потерявшего рассудок турийца. Гуго видел, как падали под обоюдоострым лезвием его друзья, и знал, что не промахнется.

— Карим! — заорал он, подчиняясь внутреннему порыву.

Как ни странно, туриец услышал и обернулся, взглядом отыскивая кричавшего. Он держал секиру в руках, и ее огромное забрызганное кровью стальное лезвие закрыло широкую грудь. Наконечник стрелы ударился о сталь, но не смог пробить ее, а лишь опрокинул державшего секиру человека навзничь. Он поднялся, очумело тряс головой, и ринулся на пиратов Баруса, но те словно вспомнили о луках. Десятки стрел, будто рой разъяренных пчел, впились в него. Некоторое

время гигант-туриец еще стоял, пошатываясь, глядя на торчавшие из тела оперенные древки и словно раздумывая, умереть ему или выжить. Вдруг он взревел, не как человек, а скорее как смертельно раненный зверь, и рухнул на землю.

Все, кто был на берегу, остановились как вкопанные. Валузийцы словно по команде побросали оружие. Их оставалось слишком мало, и они вовремя вспомнили, что вовсе не жаждут умереть за барона.

* * *

«Лемурия» дрейфовала всего в двух корпусах от мрачной гранитной стены. Примерно на таком же расстоянии от нее, дальше к северу, покачивался на волнах маленький одномачтовик. Барон не находил себе места. Он мерил шагами палубу, начисто позабыв о пленнице. Он знал, что за серой гранитной стеной идет сражение, и совсем не был уверен в его исходе, а ведь еще совсем недавно не испытывал и тени сомнения! Не успел он и глазом моргнуть, как лишился двух судов, а два других искусно отсек атлант. И дернул же его демон отпустить на «Силье» сына! Если с ним что-нибудь случится, он этого себе никогда не простит! А уж Куллу и подавно!

Ни единого звука не прорывалось наружу: толща серого камня гасила все, а змеившийся в его недрах проход поглощал эхо на полпути к морю. Время стремительно летело вперед, и бешенство барона копилось, грозя прорваться наружу в любое мгновение.

Шлюпки, одна за другой, начали выскакивать из протоки. Барон замер, напряженно вглядываясь в сидевших в них людей, и в первой же увидел Кауса. Он почувствовал неслыханное облегчение и, когда сын уже стоял на палубе «Лемурии», воскликнул:

— Хвала богам, ты жив!

— Жив, отец,— ответил тот, высвобождаясь из отцовских объятий. — Но только там,— он махнул рукой в сторону острова,— понял, какого свалал дурака, напросившись участвовать в штурме.

— Что же произошло? — спросил Ридо, хотя по словам сына уже все понял.

— Этот Кулл — не человек! — изрек Каус вместо ответа и покачал головой, подумав, как погорячился, когда заявил, что собственноручно убьет пирата. — Он потопил всех,— мрачно продолжил Каус. — Пришлось бросить «Силью», иначе бы мне не жить.

— Не думай об этом! — воскликнул Ридо. — Главное, ты здесь! Хотя,— добавил он, подумав,— жаль, конечно, что все так кончилось.

— Не все так плохо,— возразил, улыбнувшись, Каус. — Выход-то теперь перекрыт! Дикарь сам себя запер! Нам остается лишь отправиться в Валузию за подмогой, и мы все вернем!

Улыбка озарила лицо Ридо. Он открыл было рот, чтобы отдать команду поднимать паруса, да так и замер с открытым ртом, а радостная улыбка превратилась в гримасу ужаса.

— Что с тобой, отец?!

Трясущейся рукой барон указал на север, где из-за стены скал выворачивала пиратская галера. Он шла по ветру, паруса цвета крови тянули ее вперед, а взбравшись на гребень волны, она показала сверкавший на солнце бронзовый клык — несущий гибель смертоносный таран.

Именно так и воспринял его барон, истошно завопив:

— К бою!

Матросы забежали по палубе, закричали блоки, заплескались спешно разворачиваемые паруса, но было уже поздно. Капитан Полко ясно видел, что столкновения не избежать, ибо они не успеют даже развернуться, и принялся строить бойцов, готовясь сбросить abordажную команду пиратской галеры в море, хотя и не надеялся на успех.

Ридо отрешенно взирал на эти приготовления. В который уже раз им овладевало странное оцепенение, безразличие ко всему, что станет с ним и с другими людьми. Одно он понимал ясно: он проиграл и спасения нет. У него не осталось сил даже на злость.

Зато так не думал Каус! Хотя он и не разговаривал ни разу с ненавистным атлантом, но твердо усвоил одну из проповедуемых им истин: живой трус лучше мертвого храбреца. Правда, понимал он ее на свой лад. Он схватил отца за рукав и бросился к корме «Лемурии», где хранились корабельные шлюпки. В создавшейся суматохе никто не обратил внимания ни на них, ни

на матросов, которые вместе с Каусом бежали с «Силби». Только когда закачавшаяся на волнах лодка, спущенная с флагмана, быстро пошла к ставившему паруса одномачтовику, кто-то окликнул Полко, указывая на барона и его сына, которые удирали, бросив своих людей.

Капитан остолбенел, но только на миг. Почти сразу ему припомнился случай с перевернувшимся «Борхеем», и он понял, что удивляться нечему. Полко обернулся к нападавшим: три корпуса отделяло его от таранного удара пиратской галеры.

— Что будем делать, капитан?

— Спустить вымпел, — мрачно, но решительно приказал он.

Матрос удивленно посмотрел на капитана, на стремительно приближавшуюся «Богиню Морей», на шлюпку, увозившую барона, и согласно кивнул.

* * *

— Капитан! На валузийце спустили вымпел!

— А-а, проклятье! — выругался атлант сквозь зубы.

В его планы это не входило. Вывернув из-за острова, он увидел «Лемурию», на бушприте которой висела привязанная за руки Лионтина. «Богиня Морей» стремительно сближалась с валузийским флагманом, и чем яснее Кулл видел Лио, тем больше ему хотелось крови, и в первую очередь крови барона. Но они сдаются!

— А барон-то, кажется, дал деру! — прокричал Шарга.

Кулл впился внимательным взглядом в причаливавшую к одномачтовику лодку.

— А ведь и верно, — озадаченно пробормотал он, — и людей своих бросил...

— Одно слово, хитрец! — хмыкнул Шарга и, видя, что капитан что-то прикидывает, положил ему руку на плечо: — Остынь, Кулл! Нам его не догнать.

С «Богини Морей» просигналили, чтобы «Лемурия» легла в дрейф, и Полко тотчас подчинился. Призовая команда перешла на борт флагмана. С галеры спустили шлюпки и, посадив в них валузийских моряков, отправили к форту.

Впрочем, все это происходило без участия Кулла. Он теперь видел только Лио. Одну ее. Измученную и замерзшую, потерявшую сознание от холода и боли. Когда он дрожащими от волнения руками перерезал веревки, ее лодыжки и запястья, превратившиеся в кровавые слякоти, распухли почти вдвое. Ругаясь на чем свет стоит, атлант положил возлюбленную на палубу «Лемурии». Пираты и валузийские моряки, еще не успевшие покинуть галеру, обступили их. Атлант укутал девушку в огромную медвежью шкуру и влил ей в рот несколько капель крепкого пальмового вина.

Лионтина закашлялась и открыла глаза, но, лишь когда увидела Кулла, взгляд ее прояснился.

— Я знала... Знала, что ты придешь за мной... — тихо прошептала она и потянулась к его губам.

* * *

В тот же день, ближе к вечеру, Кулл с Лио, Барус и Шарга сидели на свежем воздухе за столом, накрытым во внутреннем дворе форта.

— Жаль, что Ридо ушел, — повторил свою мысль Кулл. — Вот кого следовало бы вздернуть, а так за все заплатили своими жизнями: придурки, которые доверились этому мерзавцу.

— Кстати, а что будем делать с пленными?

Атлант отпил вина:

— С теми, кого ты взял на острове, поступай как знаешь. Можешь продать, — равнодушно добавил он.

Лио брезгливо поморщилась.

— А ты? — спросил Барус.

— Команду «Лемурии» я отпущу. Рабы мне не нужны.

— Правильно, милый. — Девушка теснее прижалась к нему.

— Все бы хорошо; если б барон не удрал, — недовольно проворчал атлант, обнимая ее. — Этот поганец ведь не успеет.

— Вот и пусть те, кого он бросил, возвращаются домой! — обрадовалась Лио. — Представляешь, что будет, когда они распространят в Пурпурном городе весть о том, как поступил барон со своими людьми!

— Хорошая мысль! — одобрительно кивнул Барус.

— А за барона ты не волнуйся, — хмыкнул Шарга. — Думаю, ему сейчас несладко!

— Проклятье! Только не пытайся меня разжалобить, — шутливо запротестовал Кулл. — Хотя... — На мгновение он задумался. — Быть может, ты прав, и нам стоит подбодрить его.

— Что это ты задумал? — Лио подозрительно покосилась на возлюбленного.

— Письмо, что так старательно писали твои ребята, ты еще не выбросил? — вместо ответа спросил он, с усмешкой глядя на Баруса.

— Что еще за письмо? — Девушка переводила непонимающий взгляд с Кулла на гондара.

— Нет, — усмехнулся тот, доставая из кармана сложенный вчетверо лист пергамента.

— А ну-ка? Что там?

Лионтина ловко выхватила его из руки Баруса и углубилась в чтение. Сперва ее очаровательное личико побледнело, глаза округлились, потом щеки заалели.

Она прикрыла рот рукой, хотя, быть может, просто попыталась скрыть невольную улыбку.

— Фу! — Сморщив хорошенький носик, она швырнула послание на стол. — Какая гадость!

— Сколько раз я тебе повторял, не смей читать чужие письма! — Атлант укоризненно покачал головой.

— Значит, я так понял, что для барона будет в самый раз? — спросил Барус, но Лио вместо ответа стыдливо спрятала лицо у Кулла на груди, и плечи ее затряслись от беззвучного смеха.

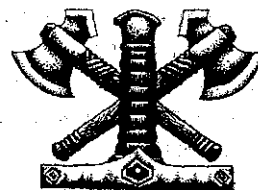
* * *

Вазия давно скрылась из виду, но барон стоял на корме убогой посуды, носившей гордое имя «Сердце Валузии», и смотрел на далекую линию горизонта. В груди его kloкотала неугасимая ярость, правая рука сжимала смятый листок, а лицо стало пунцовым, но не от смеха, а от стыда и жгучей ненависти; и лишь одна мысль билась в голове: «Кулл! Мы еще встретимся!»

ПАРУСА ЗАКАТА

Через залитый солнцем луг, высоко закидывая увенчанную рогами голову, мчался молодой олень. Его темные глаза были круглы от ужаса, на губах выступила кровавая пена. Тигриный рык гнал его сквозь чащу, олень летел над травой, торопясь пересечь открытое место. Он уже нырнул под спасительную сень огромных деревьев, как перед ним метнулась быстрая тень. Лезвие кремниевого ножа и бронзовые от загара пальцы, сжимавшие рукоять, — вот все, что успел увидеть олень перед смертью. Одновременно с ударом человека из зарослей вылетел огромный тигр. Его прыжок довершил охоту — олень, уже осевший на задние ноги, упал на траву со сломанной шеей. Юноша выпрямился во весь рост, откинул длинные черные волосы и рассмеялся. Тигр ответил недовольным ворчанием. Не дожидаясь своего товарища, он улегся возле добычи и принялся деловито рвать ее на куски. Юноша с бронзовой кожей пристроился рядом и, ловко орудуя

ножом, срезал большой кусок мяса с оленьей ноги. Оставив большую часть добычи старшему, он исчез среди деревьев. Крупные хищники предпочитают есть в одиночестве.

Миновав заросли невысоких густых деревьев, юноша легко взобрался по склону горы и только у самой ее вершины присел отдохнуть. Солнце уже садилось, и он мог смотреть на него не шурясь, блаженно растянувшись на плоском прохладном камне. Сейчас он немного отдохнет, а затем разведет костер и зажарит добытое сегодня мясо... Как прекрасна эта вольная жизнь среди дикой природы, среди грозных хищников, которые относятся к нему как к равному!

Но почему же солнце так неумолимо слепит глаза? Кулл зажмурился и, закрыв лицо рукой, повернулся на бок, с удивлением почувствовав, что камень под ним превратился во что-то мягкое. Он открыл глаза. И застонал, мгновенно поняв, что это был всего лишь сон. Как счастлив он был еще мгновение назад, свободным юношей бегая наперегонки с тиграми! И как несчастен теперь, проснувшись королем Валузии, связанным по рукам и ногам скучными государственными обязанностями и бременем неотложных государственных дел.

Вздыхнув, Кулл поднялся с кровати и подошел к окну. Он привык просыпаться с первыми лучами солнца, но сейчас его почему-то не радовало начало нового дня, как не радовало и само солнце, безжалостно прервавшее его удивительный, прекрасный сон...

В последнее время Валузия жила спокойно и уже начала забывать, что такое войны и междоусобные распри. Совершив несколько удачных военных походов, Кулл продемонстрировал боевую мощь Валузии и вселил в сердца ее извечных врагов такой страх, что вот уже много лун валузийские мечи мирно дремали в ножнах. Король же, воспринимавший это затишье как праздность, начал скучать и томиться размышлениями о прошлом и настоящем. Верный друг Брул не раз заставлял его сидящим в одиночестве в своих покоях или в дальнем уголке сада и погруженным в раздумья так глубоко, что это не на шутку тревожило пикта. Советник Ту тоже не раз с беспокойством поглядывал на короля, но, разумеется, ни о чем не спрашивал — он хорошо успел узнать характер Кулла, неизменно страдавшего от отсутствия настоящего дела. Светские приемы и дворцовая суета претили королю Валузии, а по-настоящему счастливым он бывал лишь верхом на горячем боевом скакуне, когда летел в гущу врагов, сжимая в руке огромный, сияющий на солнце меч.

Скользнув равнодушным взглядом по ярким цветникам, Кулл отошел от окна и, одевшись, вышел из покоев. Кивнув Алым Стражам, при виде его вытянувшимся у дверей, он неторопливо двинулся по коридору, рассеянно отвечая на поклоны встречающих. Король еще не знал, с чего начнет новый день, но это его совсем не волновало. Ему было решительно все равно — позавтракать ли в обществе Брула, перекинувшись с ним

несколькими фразами, или сначала прогуляться в одиночестве по саду. Он знал, что этот день будет таким же, как и предыдущий, — светские приемы, пустые разговоры, а за всем этим — тайная надежда наконец услышать что-то такое, от чего сладко заныло бы сердце, а в крови вспыхнул бы неукротимый огонь.

Погрузившись в размышления о только что увиденном сне, всколыхнувшем в душе воспоминания о далеких днях юности, Кулл не заметил, как вышел в сад и медленно побрел по дорожке меж ровных живых стен аккуратно подстриженных кустарников. Впечатление от сна было таким сильным, что он не видел перед собой ни дорожки, посыпанной золотистым песком, ни причудливой формы цветочных клумб, ни деревьев, под которыми так часто любил сидеть, — перед его мысленным взором стояли горы родной Атлантиды, ее непроходимые чащи, где юношей он жил среди диких зверей, ее зеленые равнины с бесчисленными стадами оленей, на которых он охотился вместе с братьями-тиграми.

— Кулл! — раздался вдруг знакомый голос. Кулл вздрогнул, с трудом вернувшись от своих томительных грез к унылой реальности. Обернувшись на голос, он увидел Брула. Советник, уже узнав от стражей, что король с утра пребывает в дурном расположении духа, поспешил в сад в надежде пресечь грозящую бурю в самом начале.

Кулл хмуро кивнул в ответ на широкую улыбку друга. Пикт хорошо знал своего короля и не стал допытывать его жалкими расспросами.

— Славный сегодня день, правда? — весело спросил он, взглянув на небо без единого облачка. — Знаешь что, давай-ка нынче позавтракаем только вдвоем, где-нибудь здесь, в саду! Зачем нам, в самом деле, сидеть под мрачными сводами дворца? Мы найдем здесь какой-нибудь тихий уголок, расстелем на траве старую скатерть и устроим ее теми нехитрыми кушаньями, что мы обычно берем с собой в походы. Посидим, потолкуем!

Кулл пожал плечами, рассеянно следя взглядом за маленькой птичкой с ярким опереньем, беззаботно порхавшей над цветущим кустарником. Очевидно, смысл слов Брула все еще не доходил до него, и мысли атланта продолжали витать где-то далеко отсюда.

— Хорошо, — сказал он наконец, поняв, что пикт ждет его ответа. — Это ты хорошо придумал, — добавил он только ради того, чтобы не огорчать друга. — В самом деле, дворец от нас никуда не денется.

Брул оживленно кивнул и, увидев неподалеку слугу, спешившего в сторону дворца, окликнул его, но не стал ждать, а в нетерпении двинулся ему навстречу. Отдав слуге необходимые распоряжения, пикт вернулся к королю, все еще задумчиво наблюдавшему за птичкой.

— Я знаю тут одно чудное местечко! — Пикт широко улыбнулся и подмигнул атланту, увлекая его в самый неухоженный уголок огромного сада. — Я велел передать, чтобы нас никто не тревожил, так что мы можем поесть спокойно, без всех этих надоедливых физиономий. Я дав-

но хотел с тобой поговорить просто так, без титулов, как встарь...

— Поговорить? — насторожился Кулл, впервые проявляя какой-то интерес к затее своего советника. — Ты хочешь мне что-то сообщить?

Улыбка пикта погасла.

— Нет, Кулл, — признался он. — У меня нет для тебя новостей. Во всех Семи Империях царит мир и спокойствие. Даже грондарцы притихли — по слухам, они собираются объединяться, с тем чтобы выбрать себе верховного правителя и начать жить на манер просвещенных государств. Что же до самой Валузии, то у нас тоже все тихо. Я только вчера разговаривал с Ка-Ну — он сам удивлен, но его шпионы в один голос твердят о всеобщем довольстве и умиротворении. Бывшие смутьяны тишком сидят по домам и занимаются насущными делами.

— Валка! — сквозь зубы пробормотал Кулл. — Все словно сговорились уморить меня скукой! Не могли одолеть мечом, кинжалом или ядом, так решили применить такое оружие, против которого я и в самом деле бессилён!

— По-моему, ты напрасно так злишься, — покачал головой пикт. — Воин должен уметь отдыхать, если выдался мирный год. Разве это не достойная награда победителю: вкушать покой, не опасаясь предательского удара в спину! Наберись пока сил, а уж неприятности, поверь мне, не заставят долго ждать.

Они прошли через густой кустарник и оказались в укромном уголке старого сада, скрытом

от посторонних глаз. На еще не просохшей от росы траве расторопные слуги расстелили скатерть, посреди которой красовалась большая корзина с едой и вином.

— Может, ты и прав, — задумчиво сказал Кулл, усаживаясь на траву и протягивая руку к корзине. — Действительно, не так уж часто выпадают правителю годы, когда он может отдохнуть от войн и в мире строить собственное царство камень за камнем. Не каждую ночь я сплю спокойно и не каждый кубок вина смело беру в руки, твердо зная, что в него не подбросили яду. Но вот в чем беда — я так привык к постоянным опасностям, что уже не могу без них обходиться. Я не строитель, я воин. Безмятежный покой и праздность угнетают меня, я в них — хуже рыбы, вытасненной на берег. Вынужденное безделье и скука страшнее самых злейших врагов.

— Я знаю, Кулл, — кивнул пикт, разламывая огромную горячую лепешку и протягивая половину атланту. — Думаешь, я сам создан для мирной жизни? Нет — я воин, и мое место на поле брани. Я понимаю тебя, как никто другой, но все же еще раз тебе скажу — наберись терпения. Кто знает, может быть, завтра же наш отдых закончится, а на смену ему придут испытания, которых не увидишь даже в страшном сне!

— Хорошо бы! — вырвалось у Кулла.

Пикт с усмешкой взглянул на него, но ничего не сказал. Некоторое время они молча жевали лепешки, запивая их вином, затем Кулл взял в руки спелый оранжевый плод хурмы и, над-

кусив его, растянулся на траве. В ослепительно синем небе одиноко плыло маленькое белое облачко — с юга на север. Кулл рассеянно проследил за ним взглядом и вдруг, рывком приподнявшись, пристально посмотрел на Брула.

— Смотри! Видишь это облако? — воскликнул он, указывая в небо. — Оно плывет на север, на мою родину! А ветра меж тем почти нет! Уж не знак ли это?

Брул задумчиво проводил взглядом это единственное, неизвестно откуда взявшееся облако, затем отвел глаза и, сорвав травинку, сунул ее в рот.

— Так я и знал, — глухо произнес он, не глядя на Кулла. — Я почему-то так и чувствовал, что сегодня ты заговоришь об Атлантиде. Уж не захотелось ли тебе отправиться туда?

Король молчал, глядя вслед облаку.

— Не знаю, — наконец неуверенно произнес он. — Конечно, время от времени я думал об Атлантиде. Для меня это старая незаживающая рана — ведь когда-то мне пришлось покинуть родину и отверженным изгнанником долго скитаться по чужим землям и морям. Атланты проклинали меня. Они — враги не только Валузии, но и всех Семи Империй, и я не вижу никаких путей примирения с ними. Как-то раз Ка-Ну сказал мне, что я должен попытаться завоевать Атлантиду и присоединить ее к Валузии, тогда наша империя станет самой могущественной в мире. Я много думал об этом, но... я — атлант. Я не могу прийти на свою родину с мечом. И хотя

мои родичи ненавидят меня и считают злейшим врагом, я не желаю им зла. Более того — если понадобится, я встану на их защиту.

Пикт облегченно вздохнул, убедившись, что Кулл не замышляет новой кровопролитной войны. Подвинув поближе корзинку с виноградом, он вновь наполнил кубки вином.

— Ты совершенно прав, Кулл, — улыбнулся он, поднося к губам кубок. — Атлантида — не такая уж могущественная держава, и победить ее не составило бы особого труда, но тогда Валузия неминуемо потеряла бы многих союзников. Вряд ли они одобрили бы поступок атланта, огнем и мечом завоевавшего родную землю. Да и сама Атлантида, присоединенная к Валузии, стала бы для нас только лишним очагом беспокойства, ведь тайный враг куда опаснее явного.

Некоторое время Кулл молчал, глядя на свой кубок, но не притрагиваясь к нему. Затем он вновь с тоской посмотрел на север.

— Знаешь, Брул, — тихо сказал он наконец. — Сегодня мне приснился удивительный сон — будто, вновь юный и гибкий, я в одной лишь набедренной повязке несусь босиком по равнине, преследуя с братом-тигром убегающего оленя. Мы догоняем его и рвем на куски нашу добычу. Я ощущал себя таким свободным и счастливым!

Кулл снова замолчал и, одним глотком осушив кубок, отшвырнул его в сторону. Пикт с интересом, но и с некоторой настороженностью смотрел на него. Король вдруг поднялся и начал нетерпеливо мерить шагами небольшую лужайку.

— Вот что я тебе скажу, Брул,— произнес он, резко остановившись перед пиктом.— Это был не простой сон. Это знамение: Я должен побывать в Атлантиде. Но я приду туда не как завоеватель, а как друг... Нет, скорее гость... В общем, не знаю как, но я должен, обязательно должен туда отправиться!

Брул нахмурился, с недоумением глядя на друга.

— Вот уж и впрямь не знаю как! — мрачно изрек он.— Приплывет, значит, целая армада валузийских кораблей, а твои сородичи выбегут на берег, чтобы радостными криками приветствовать заблудшего сына?

— Ты меня не понял,— с досадой поморщился Кулл.— При чем тут армада? Я поплыву туда один, на единственном корабле, всего лишь с небольшим отрядом воинов.

Пикт присвистнул от изумления, пристально глядя на Кулла и пытаясь понять, не шутит ли над ним король. Но лицо Кулла было совершенно серьезно, и тогда пикт тоже поднялся и положил атланту руку на плечо.

— Друг мой,— тихо сказал он.— Я знаю, что атланты — храбрый и воинственный народ. Они не испугаются, увидев у своих берегов весь валузийский флот, не разбегутся в панике. Они начнут обстреливать нас из луков и метать горящие факелы. А что будет, если они увидят только один корабль? Да они не дадут ему даже приблизиться к берегу — окружают со всех сторон галерами и безжалостно спалят, не пытаясь даже вник-

нуть в смысл твоих приветственных речей. Ты можешь до хрипоты кричать им, что ты их друг и будущий защитник, но они только посмеются над тобой и прикончат — к большому удовольствию столпившихся на берегу соплеменников.

Кулл покачал головой и отвернулся.

— Может быть, все будет именно так,— глухо произнес он.— Но я почему-то уверен, что этого не произойдет. Еще вчера я и не помышлял ни о чем подобном, но сегодня у меня появилось какое-то странное ощущение...

— Просто ты увидел сон, который напомнил тебе о вольной юности в Атлантиде,— бесцеремонно перебил его Брул.— Ну и что? Думаешь, мне не снятся такие сны? Ты ведешь себя, как ребенок, Кулл. Увидел сон и забыл обо всем на свете, готов бросить свое королевство и плыть на верную смерть! А ради чего? Чтобы увидеть места, где когда-то бегал голышом? Пусть даже ценой собственной головы, но обязательно увидеть! Проверить, узнают ли тебя тигры или сожрут при первой же встрече! Примут ли тебя сородичи или сожгут заживо вместе с кораблем! Вот уж не думал, Кулл, что ты стал таким легкомысленным и сентиментальным. Принять обычный сон за знамение свыше, преисполниться ласкающими душу воспоминаниями и радующими сердце надеждами на нежную встречу с соплеменниками — ну, не безумие ли это? Я не узнаю тебя, Кулл!

— Ну что ж,— сквозь зубы произнес атлант, стряхнув руку Брула со своего плеча.— Я рассказал тебе это в надежде, что ты меня поймешь.

Но ты не захотел. Неужели ты думаешь, что я всю жизнь, как трус, буду отсиживаться за крепкими стенами Валузии и ни разу не попытаюсь добраться до Атлантиды? Побояюсь, что меня плохо примут, и не рискну даже близко подойти к родным берегам? Вытравлю из сердца все воспоминания и забуду, что я атлант, чтобы не выглядеть в глазах своего друга сентиментальным дураком? Отрекусь от своих корней, чтобы воодушевить придворных льстецов и снискать одобрение тех, кто строит против меня заговоры? Плохо же ты меня, оказывается, знаешь, Брул!

Кулл резко повернулся и быстрыми шагами направился прочь, задыхаясь от клокотавшей в нем ярости. Пикт тяжело вздохнул, но не двинулся с места, зная, что бежать вдогонку не имеет смысла, — спор окончился, не начавшись. И он прав, и Кулл прав, но рассудит их только время.

«Весело же завершился наш дружеский завтрак, — с тоской подумал Брул, глядя вслед удалявшемуся атланту. — Король и впрямь нынче в самом дурном расположении духа! Но сделать я с этим сейчас ничего не могу».

Он опустил на землю и обхватил голову руками, словно таким образом мог защититься от нахлынувших на него самых дурных предчувствий.

* * *

Гордость королевского флота, красавец «Покоритель морей» готовился к отплытию в дальние края. Стоя на берегу, Кулл отдавал последние распоряжения Брулу и Ту. Оба сановника вни-

мали ему с одинаково кислыми лицами. Пикту так и не удалось уговорить короля остаться; даже после того, как к нему присоединился Ту, горячо убеждавший Кулла в том, что его затея безумна, атлант остался непреклонен. Брул и Ту тоже не сдавались, пытались любой ценой заставить короля отказаться от своих намерений, но тут вмешался шкипер «Покорителя морей» Бра-Нотра, который принял сторону Кулла, сведя на нет все доводы царедворцев.

— В море сейчас, как никогда, спокойно, — заявил капитан. — Честно говоря, давненько такого не бывало. Лемурийские пираты теперь надолго прижали хвост. Так что лучшего времени для такого путешествия и не сыщешь. А что до атлантов, то «Покоритель морей» вдесятеро лучше и сильнее любой их галеры. Уж поверьте, мы не раз выходили из самых невероятных переделок целыми и невредимыми, выйдем и на этот раз!

Выслушав эти слова и взглянув на победно улыбавшегося Кулла, Ту и Брул вынуждены были отступить.

— Хорошо, — кивнул пикт. — Мы не будем тебя больше удерживать. Но тогда позволь мне хотя бы плыть вместе с тобой.

— Брул, я ценю твою преданность, — тихо сказал атлант, глядя в глаза другу. — Но все же ты останешься в Валузии. Я уверен, что от атлантов мне не будет урона, но в море может случиться всякое. Если в мое отсутствие что-нибудь произойдет — вспыхнет мятеж, или нападут враги, —

ты должен быть здесь, на моем месте, чтобы сохранить все то, что мы завоевали такой кровью.

— Хорошо, я сохраню эту страну, но для кого? Кто будет править ею, если ты не вернешься,— подлый Каануб, владетель Блаала, или еще какой-нибудь самозванец? — Потеряв все свое хладнокровие, пикт разгорячился так, что лицо его покрылось красными пятнами. — Нет уж, я буду рядом с тобой и только тогда буду уверен, что ты вернешься живым и невредимым!

— Не слишком ли ты самонадеян? — нахмурился Кулл, и пикт тут же почувствовал, что перегнул палку. — Значит, ты считаешь меня сопливым, неопытным мальчишкой, который и шагу не может ступить без сопровождения храброго Брула? Не спорю, ты не раз выручал меня из беды, но не меньшее число раз я справлялся и без тебя. Не забывай к тому же, что пикты — злейшие враги атлантов, и если мне удастся поладить с моими соплеменниками, то у тебя вряд ли получится найти с ними общий язык. Вот уж тебя-то они точно не пощадят, и для меня ты будешь только лишней помехой. Уж прости, что я так говорю.

— Я понял,— сдержанно отозвался Брул. — Хорошо, поступай как знаешь. Но если ты не вернешься к началу новой луны, то я поплыву вслед за тобой, и тут уж никто не сможет меня остановить.

— Ладно, договорились. — Кулл миролюбиво улыбнулся, и друзья крепко обнялись. — Остав-

ляю на вас мою страну. Позаботьтесь о ней, а я позабочусь о себе сам.

Атлант кивнул на прощание Ту и, повернувшись, быстро взбежал по трапу. Взойдя на палубу, он поднялся на высокую корму и помаhal рукой собравшейся у причала толпе. В ответ он услышал вдохновенный рев нескольких сотен глоток — может, где-то в Валузии и плелись втайне заговоры низложенных царедворцев, но простой люд любил и почитал своего короля, принесшего мир всей империи.

«Покоритель морей» медленно выплыл из гавани и взял курс на север. Строения порта и город постепенно растаяли в прибрежной дымке, а Кулл все стоял на корме, задумчиво глядя на знакомые очертания земли, королем которой он стал по воле судеб. Солнце уже стояло в зените, и на горячей палубе было нестерпимо жарко. Кулл нашел уголок, где тени были погуще, и уселся на расстеленный плащ, прислонившись спиной к кнехту. Его мысли вновь вернулись к Атлантиде. Кулл закрыл глаза, погружившись в воспоминания о годах, прожитых на родине, и не заметил, как задремал.

* * *

Вернувшись во дворец, Брул принялся бесцельно бродить по залам, не находя себе места. В который раз он укорял себя, что все-таки позволил Куллу отправиться в путешествие одному.

«Какой же ты советник, если не можешь настоять на своем,— мысленно ругал он сам себя.—

А ведь добром это не кончится, чуе́т мое сердце! Но теперь уж ничего не поделаешь — придется ждать до начала новой луны, как уговорились».

С трудом заставив себя успокоиться, пикт решительно направился в Зал Совета, чтобы обсудить с советником Ту планы на ближайшие дни. Ту уже дожидался его, нетерпеливо постукивая пальцами по крышке заваленного свитками стола.

— С чего начнем, советник? — входя в Зал, спросил Брул. — Послы давно ожидают приема, им назначено на сегодняшний полдень. Да и обычных жалоб вон сколько накопилось. — Он указал на груду свитков.

— Я бы предпочел начать с докладов наших шпионов, — ответил Ту, даже не повернув головы в сторону пикта. Очевидно, на душе у него было так же тяжело, как и у Брула, и он тоже не находил себе места. — Меньше всего интересуют меня сейчас дурацкие жалобы, а уж послы со своей ерундой тем более.

Брул удивленно взглянул на старого советника — ему еще ни разу не приходилось слышать, чтобы Ту так пренебрежительно отзывался о тех, с кем он постоянно общался по долгу государственной службы. И тем не менее советник был прав — меньше всего сейчас хотелось вникать в чьи-то мелкие неурядицы или выслушивать витиеватые, но, как обычно, двусмысленные речи послов.

Первый шпион, явившийся по приказанию Ту, доложил о том, что в Валузии все спокойно. Будучи на государственной службе уже много

лет, он до сих пор вполне неплохо справлялся со своими обязанностями, и никаких оснований усомниться в его словах не было. Это был лучший шпион Ту, и советник, выслушав его краткий доклад, лишь устало махнул рукой, после чего шпион немедленно исчез.

Следующим за ним был пикт Сурн, один из лучших шпионов Ка-Ну. Его доклад был куда обстоятельнее и подробнее, но суть сводилась к тому же — в Валузии все спокойно. Брул взглянул на советника и увидел, что лицо Ту оставалось по-прежнему бесстрастным, словно его совсем и не радовали хорошие новости. Сам Брул все же находил для себя некоторое утешение в том, что в стране пока не зреет смута и заговорщики не точат кинжалы, воспользовавшись отсутствием короля. Еще несколько шпионов Ка-Ну, явившиеся вслед за Сурном, каждый по-своему подтвердили его слова. Оставалось еще выслушать пикта Тору, и можно было пойти отдохнуть — Брул почти не спал этой ночью, мысленно разговаривая с Куллом, — как известно, самые убедительные слова приходят в голову после спора, а не во время.

Но Тору почему-то не являлся, и, прождав его еще какое-то время, Ту и Брул решили, что самый неутомимый и пронырливый шпион, должно быть, слишком увлекся отслеживанием какого-нибудь показавшегося ему подозрительным типа, и теперь не явится, пока не добьется результата — того или иного. Советники кивнули друг другу и разошлись.

Отправившись бродить по саду, Брул вернулся в свою комнату, когда уже совсем стемнело. Он поставил светильник на стол и, не раздеваясь, прилег на кровать. Спать ему почему-то уже расхотелось, и пикт, глядя на едва видимый из-за туч тонкий серп луны, пытался представить себе одинокий корабль, плывущий посреди черного бескрайнего моря, держа курс на Атлантиду. Брул закрыл глаза, чтобы ничто не мешало ему любоваться на эту картину, как вдруг тихий, едва слышный стук в потайную, спрятанную за плотной занавесью дверь заставил его резко вскочить на ноги.

— Кто там? — негромко спросил он, в два прыжка оказавшись у двери и положив руку на засов.

— Это я, Тору, — прошелестел за дверью знакомый голос. Иного ответа ожидать и не приходилось: о потайном ходе, ведущем из города прямо в покои советника, знали лишь самые доверенные лица.

Брул немедленно открыл засов и впустил в комнату ночного гостя. Мягко ступая по полу, Тору подошел к окну и выглянул наружу. Убедившись, что под окном никто не висит, он подошел к Брулу, пристально глядя ему в глаза, но не произнося ни слова.

— Ну, говори же, в чем дело? — не выдержал Брул, всегда удивлявшийся манере Тору основательно извести собеседника, прежде чем сообщить свои новости. — Ты что-нибудь обнаружил?

— Несомненно, — с достоинством произнес лучший шпион Ка-Ну.

— И что же? — стараясь сохранять хладнокровие, насмешливо поинтересовался Брул. — Заговор?

— Хуже, — спокойно отозвался Тору и бесцеремонно плюхнулся в кресло, откинувшись на спинку и блаженно прикрыв глаза. — Ох и набегался же я! Ноги как будто уже и не мои.

Брул невольно посмотрел на его вытянутые вперед ноги в мягких кожаных сандалиях, затем нахмурился и подошел к шпиону поближе.

— Что значит — хуже? — спросил он, чувствуя, как в нем закипает ярость. — Немедленно говори, в чем дело!

— Заговор-то был давно, только вы его прозевали, — не открывая глаз, невозмутимо ответил Тору. — И я как на грех все то время провалялся с лихорадкой. Если ты помнишь, третьего дня я встал на ноги. Ну вот с тех пор и бегаю. Да только боюсь, что уже слишком поздно.

Брул метнулся к дверям с намерением вызвать отряд стражи и немедленно отправить туда, куда укажет Тору, но тот расслабленно и фамильярно произнес:

— Успокойся, Брул. Сейчас все равно ничего нельзя сделать. А вот утром, прямо на рассвете, бери несколько кораблей и отправляйся вслед за королем. Может, еще успеешь его спасти.

— Спасти? От чего? — Брул почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки, а сердце тревожно заныло.

— Пока не знаю,— вздохнул Торун и открыл глаза.— Но знаю, что ему угрожает опасность. Дело в том, что заговорщики все это время вели себя тихо, друг с другом не встречались и мирно сидели по домам, изображая притаившихся мышей. Но, как ты знаешь, кот за порог — мышки в пляс. Королю со всех сторон поступали донесения, что кругом тишина и порядок, и это была чистая правда — они об этом позаботились. Король успокоился и решил немного проветриться. Тут еще помог старый морской волк Бра-Нотра, убедив его, что и на море все удивительно спокойно, так что лучшего времени для путешествия и не найти...

— Бра-Нотра? — перебил его Брул, похолодев от ужаса.— Так он тоже заговорщик?

— Не знаю,— пожал плечами Торун.— Имена мне пока неизвестны. Но не исключено, что кто-то из членов команды только и ждет подходящего случая, чтобы пырнуть короля ножом в спину, а затем бросить за борт на съедение рыбам. В общем, выбрать подходящий момент и соответствующее объяснение совсем нетрудно. Не всегда же его отряд трезв и бдителен. Да и король наш не очень-то любит, чтобы за ним повсюду ходил телохранитель.

— Откуда ты об этом узнал? — тяжело дыша, спросил Брул.

— Долго рассказывать,— усмехнулся шпион.— Я все изложу советнику Ту, он займется заговорщиками здесь, в Валузии. А ты, Брул, собирайся в дорогу.

Торун поднялся с кресла и, не прощаясь, бесшумной походкой вышел так же, как вошел. Словно окаменев, Брул молча смотрел ему вслед, до боли в суставах сжимая рукоять кинжала.

* * *

Кулл проснулся, когда солнце уже село. Ветер усиливался, становилось холодно. Король поежился и, вскочив на ноги, тут же закутался в свой широкий плащ.

«Валка! Я проспал чуть ли не весь день! — удивленно подумал он. — И снова видел во сне Атлантиду... Конечно же, это судьба!»

Услышав позади себя шаги, Кулл обернулся и увидел приближавшегося к нему Бра-Нотру.

— Прохладно уже, государь,— озабоченно сказал шкипер, бросив хмурый взгляд на вздымавшиеся за бортом волны.— Да и ветер усиливается. Как бы шторм не разыгрался!

— Разве «Покорителю морей» страшен какой-то шторм? — весело спросил Кулл.— Пойдем-ка, капитан, в мою каюту да скоротаем время за хорошим ужином! А там и не заметим, был шторм или нет.

— Я польщен оказанной мне честью,— скупой улыбнулся старый морской волк.— Но сначала должен сделать кое-какие распоряжения. Я не замедлю.

И Бра-Нотра быстро зашагал по палубе, останавливаясь то у одного, то у другого своего помощника и отдавая приказы гребцам и матросам. Проводив его взглядом, Кулл неспешно

двинулся вдоль борта к своей каюте, с интересом глядя по сторонам. Его всегда восхищали ритм и слаженность работы корабельной команды, — в сухопутной армии такой дисциплины не увидишь. Вот и сейчас атлант с восторгом смотрел на сильные руки гребцов, дружно налегающих на весла, слушал ритмичные гулкие удары барабанов и вспоминал те годы, когда и он сам вспенивал веслами воды бескрайних морей...

Солнце садилось за левым бортом, галера неслась все дальше на север. Где-то там, впереди, ждала Кулла Атлантида, которую он не видел много лет. В последние дни, готовясь к путешествию, Кулл много раз пытался представить себе, какой она будет, эта встреча, — наверное, радостной и счастливой, — но внутренний голос почему-то убеждал его, что она будет совсем не такой.

Король вздохнул и, отойдя от борта, направился в свою каюту. Едва он вошел туда, как в дверь постучали, и на пороге возникла высокая худощавая фигура Бра-Нотры.

— Сейчас принесут ужин, мой король, — сказал он, входя в каюту. — А пока прошу отведать моего вина, которое я делаю сам и всегда беру с собой в плавание.

Бра-Нотра поставил на стол пузатую глиняную бутылку и уселся напротив Кулла на высокий колченогий стул с резной спинкой. Кулл, плохо переносивший внимание слуг и не взявший в плавание ни одного, сам достал из шкафа

чика два кубка и разлил по ним темно-красное вино. В нос ему ударил терпкий, густой запах пряностей.

— За успешное путешествие! — провозгласил король и отпил большой глоток. Вино оказалось неожиданно крепким, и Кулл с невольным удивлением взглянул на Бра-Нотру.

— Крепковато? — улыбнулся капитан, заметив взгляд Кулла. — Оно готовится особым образом, это секрет нашей семьи. Но результат просто великолепен, в чем ты, король, скоро сам сможешь убедиться.

Атлант сделал еще один глоток, почувствовав, как по всему телу разливается приятное тепло. Он и в самом деле основательно замерз, заснув на палубе, и теперь ощущал почти неземное блаженство. Залпом допив оставшееся в кубке вино, Кулл с наслаждением откинулся на спинку кресла.

Двое слуг внесли в каюту дымящиеся подносы с ужином, и трапеза началась. Некоторое время они ели молча, но Кулл, всецело поглощенный едой, все же время от времени бросал быстрые взгляды на Бра-Нотру. Он совсем мало знал этого человека; прежний шкипер «Покорителя», старый товарищ Кулла, с которым они избородили немало морей, давно ушел на покой и жил теперь в своем сельском поместье в окружении большой и дружной семьи. Бра-Нотра слыл отличным моряком, и Кулл недолго раздумывал, кому доверить командование «Покорителем морей». Теперь им предстояло узнать друг друга

ближе, и крепкое капитанское вино должно было немало тому поспособствовать.

— Давненько я не ходил в морские походы,— задумчиво произнес атлант, вновь наполняя кубки.— Расскажи-ка мне, капитан, что нынче творится в стране, именуемой морем. Может, ты видел каких-нибудь чудищ, всплывающих прямо из пучины перед носом твоей галеры? А может, бросал якорь у каких-нибудь островов, населенных людьми с двумя головами и длинными хвостами? Или, может быть, по ночам на твой корабль приходили души тех, чьи тела покоятся на дне морском?

Капитан усмехнулся и покачал головой.

— Слышал я и о чудищах, и о людях, непохожих на нас, и еще о многих диковинных вещах,— сказал он.— Но вот видеть ничего подобного не приходилось. В море, конечно, всякое может быть, но я не любитель рассказывать сказки. Пираты мне, не спорю, встречались. Но они оказались обычными людьми, как и все мы.

— Это лемурийцы-то такие же, как все? — насмешливо спросил Кулл, отрезая себе большой кусок пирога.— Да они скорее демоны, чем люди! Я бы сам рассказал про них не одну историю, но мне приходилось иметь с ними дело слишком давно, а я бы хотел услышать какие-нибудь байки посвежее.

— Боюсь, я плохой рассказчик,— покачал головой Бра-Нотра, снова наполняя кубки.— Наверное, для меня море — просто мой дом. А что удивительного можно рассказать про собственный дом?

Кулл взял в руки кубок и пристально посмотрел на капитана.

«Станный он какой-то, этот Бра-Нотра,— подумал он.— Бывалые моряки обычно такие истории рассказывают — дух захватывает! Что-то в них правда, а что-то сочиняют на ходу, но отличить одно от другого никто и не смог бы. А из Бра-Нотры лишнего слова клещами не вытянешь! Жаль — с интересным собеседником время пролетело бы быстрее».

Они в молчании доели ужин, затем капитан вновь разлил по кубкам вино. Куллу уже не хотелось больше пить — его голова и так изрядно отяжелела, но все же он решил сделать еще одну попытку разговорить молчаливого капитана.

— А что ты думаешь об атлантах, Бра-Нотра? — спросил он, подняв свой кубок и встретившись глазами с капитаном.

— Я несколько раз сталкивался с ними в море,— сделав большой глоток, ответил Бра-Нотра.— Тоже вполне обычные люди. Как правило, мы с ними просто обменивались взаимными приветствиями — парочка залпов из луков по всему борту, сотня-другая проклятий...

— Понятно,— пробормотал Кулл, поставив кубок с недопитым вином на стол.— И все?

— Ну, иногда еще швыряли горящие факелы,— пожал плечами Бра-Нотра.— Но до рукопашной как-то не доходило.

Кулл вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Разговор с капитаном явно не клеился, и

ему уже поскорее хотелось остаться одному, чтобы вновь предаться своим мыслям об Атлантиде.

— Прости, государь, но я должен тебя покинуть,— словно угадав его мысли, сказал Бра-Нотра.— Мне надо проверить, сменили ли гребцов на нижней палубе.

— Да, конечно, иди,— поспешно кивнул король.— У тебя великолепное вино, капитан.

Бра-Нотра встал из-за стола и, поклонившись, твердым шагом вышел из каюты. Задумчиво посмотрев ему вслед, Кулл вновь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Но настроение было почему-то испорчено, и через некоторое время он тоже решил выйти на палубу подышать свежим воздухом и заодно немного развеяться.

Резкий порыв ветра заставил его поплотнее закутаться в плащ, но едва он сделал несколько шагов, как поскользнулся и с трудом удержался на ногах. Палуба была залита водой, пенные гребни волн то и дело взлетали над бортами. Вцепившись руками в борт, Кулл посмотрел на черное, беспокойное море.

«Да, похоже, действительно будет шторм,— подумал король, вытирая с лица соленые брызги.— Ну что ж, в морских путешествиях это не редкость, как-нибудь переживем».

Очередная волна с силой разбилась о борт, окатив Кулла водой с ног до головы. Поняв, что спокойно подышать воздухом не удастся, атлант отошел от борта и двинулся обратно, но тут корабль качнуло особенно резко, и огром-

ная волна накрыла Кулла. Он рухнул на палубу, ударился обо что-то головой и погрузился в вязкую крошечную тьму.

* * *

Выйдя из оцепенения, Брул бросился из комнаты, сжимая в руке кинжал,— теперь заговорщики мерещились ему на каждом шагу. Найдя Ту и Келькора, командира Алых Стражей, он в двух словах пересказал им разговор с Тору и велел поднимать людей — немедленно готовиться к длительному морскому походу.

Сборы продолжались недолго, и отряд Брула, состоявший из трех сотен воинов, был готов к отплытию еще задолго до рассвета. Попрощавшись с Ту и Келькором и уговорившись с ними о дальнейших действиях, пикт вскочил на коня и двинулся по безмолвным ночным улицам Валузии во главе отряда за которыми тянулся следом обоз с провиантом и снаряжением. На душе у него скребли кошки, но он старался гнать прочь мрачные мысли. «Надо успеть вернуть короля, успеть во что бы то ни стало, — повторял про себя Брул, сжимая бока сонного и потому злого скакуна. — Ничего непоправимого еще не случилось, — убеждал он себя. — И не случится».

С рассветом отряд выехал на побережье. Решено было снарядить шесть кораблей и отправить их не из большого порта, а из меньшей, рыбацкой гавани. Подготовка к отплытию началась еще ночью. Нетерпеливо расхаживая по берегу, Брул с тревогой всматривался в темное море,

откуда со стороны города одна за другой в залив входили большие галеры. Погода для отплатия выдалась не самая лучшая, но выбора не было. Ждать штиля пришлось бы долго, а любое промедление грозило бедой.

Солнце еще не достигло зента, а Брулу показалось, что прошла целая вечность, когда наконец все приготовления закончились и подошедший к Брулу капитан Грито доложил, что можно отправляться.

Гребцов отобрали самых сильных и выносливых из всего королевского флота, но даже они справлялись с большим трудом. Чем дальше корабль уходил от берегов Валузии, тем труднее было им управлять: море бушевало все яростнее, а ветер дул все сильнее, так что парус пришлось срочно снять.

Крепко-держась руками за борт, Брул стоял на носу корабля и всматривался в даль, пытаясь различить на горизонте галеру Кулла, хотя и знал, что это бесполезно — король опередил его почти на сутки. Советник то и дело оборачивался, мысленно подгоняя гребцов, но надсмотрщики и так задали бешеный ритм, и большие барабаны гудели, как гигантские пчелиные ульи.

Ветер переменился — теперь он дул с востока, понемногу относя корабль к западу, несмотря на отчаянные усилия команды выровнять курс. К Брулу подошел капитан и мрачно взглянул на пикта.

— Мы отклоняемся от курса, — буркнул он. — Плохие дела.

— Надолго может быть такой шторм? — спросил Брул, не отрывая взгляда от горизонта.

— Это еще не шторм, — усмехнулся Грито. — Настоящий шторм ждет нас впереди. А надолго или нет — на то воля богов.

Брул молча повернулся и ушел к себе в каюту.

* * *

Кулл открыл глаза и не сразу понял, где находится. Скинув толстые шерстяные одеяла, которыми был плотно укутан, король приподнялся, но тут же ощутил резкую боль в затылке. Дотронувшись до головы, он наткнулся на тугую повязку и сразу же вспомнил, как минувшей ночью на палубе его накрыло волной, он упал и ударился обо что-то головой, а дальше были мрак и пустота.

Кулл осторожно встал с кровати и сделал несколько шагов, каждый из которых отдавался тупой болью в затылке. Дойдя до стола, он тяжело оперся на него и закрыл глаза — так было легче переносить боль. Сколько же времени он был без сознания?

Тихонько скрипнула дверь, и, неохотно открыв глаза, Кулл увидел капитана Бра-Нотру с подносом в руках.

— Приветствую тебя, государь, — церемонно поздоровался он. — Я рад, что ты уже на ногах, но боюсь, это еще рановато. Ложись-ка лучше в кровать да выпей вот этой укрепляющей настойки.

— Сколько времени я здесь пролежал? — спросил Кулл, садясь в кресло и беря в руки протянутую ему большую серебряную кружку. — Уже утро?

Я бы сказал, уже день, — ответил Бра-Нотра, ставя поднос на стол. — Вот здесь немного еды. Но лучше будет, мой король, если ты снова ляжешь.

Король поднес к губам кружку и сделал большой глоток, а затем, не отрываясь, выпил до дна все содержимое. Настойка ему понравилась — ее основой явно служило все то же чудесное вино капитана. Бросив равнодушный взгляд на еду, Кулл вздохнул и отвернулся — есть ему совершенно не хотелось.

— Может быть, приказать сготовить что-то особое? — спросил Бра-Нотра. — Я так и думал, что ты не особенно голоден, и принес только пирог с мясом и лепешки...

— Нет, ничего не надо, — устало махнул рукой Кулл. — Ты лучше присядь, капитан, да расскажи, как у нас дела.

— Море сейчас немного успокоилось, — сказал Бра-Нотра, усаживаясь на стул с резной спинкой. — А ночью я уже было подумал, что дело совсем плохо. Тебя накрыло волной и ударило головой о якорную цепь. Сам я этого не видел, мне доложил матрос, который кинулся к тебе на выручку. Хорошо, что он оказался поблизости, иначе все могло обернуться гораздо хуже.

— Понятно, — буркнул Кулл. — Я хочу подняться на палубу и посмотреть, что творится вокруг.

— Не советую, государь, — покачал головой капитан. — Тем более что ничего особенного там не творится. Ветер немного утих, и мы теперь идем гораздо быстрее.

— И все же я хочу посмотреть, — упрямо повторил атлант и поднялся с кресла. — Я прекрасно себя чувствую.

— Ну что ж, — вздохнул Бра-Нотра, поднимаясь со стула. — Разреши тогда хотя бы сопровождать тебя.

— Конечно, — кивнул Кулл, тотчас ощутив страшную боль в затылке и едва удержав невольный стон.

Они поднялись на палубу и прошли на высокую корму, откуда море просматривалось на многие лиги вокруг. Волны и в самом деле почти успокоились и продолжали еще время от времени заливать палубу, но уже не поднимались над бортами жадными пенными пастьями. Сквозь сплошную пелену туч не мог пробиться ни один солнечный лучик, к тому же понемногу начал накрапывать мерзкий дождь. Кулла почувствовал, что его знобит, и, перекинувшись несколькими словами с капитаном, он уже собирался вернуться в каюту, как вдруг заметил на горизонте крошечную белую точку. Атлант напряг зрение, пристально вглядываясь в даль.

— Смотри, капитан, там какой-то корабль. — Кулл указал в сторону точки. — Может, пираты?

— Вряд ли, — с сомнением произнес капитан. — Лемурийцы зализывают раны, получен-

ные в сражениях с нами и нашими союзниками, и еще не скоро решатся заняться привычным промыслом — слишком сильно мы их напугали. Скорее всего, это чей-то торговый корабль, и нам не стоит обращать на него внимания.

— Ладно, — пробормотал Кулл, которого знобило все сильнее. — Я пойду к себе в каюту. Вели лучникам на всякий случай быть наготове и сразу сообщи мне, если что-нибудь изменится.

С трудом добравшись до каюты, атлант тотчас рухнул на кровать, стараясь унять бивший его озноб.

«Ну вот, только лихорадки мне не хватало!» — с досадой подумал он.

Он натянул на себя одеяло, пытаясь согреться, но дрожь не проходила, и озноб бил его все сильнее.

* * *

«Морской лев» под командой капитана Грито двигался вперед с такой скоростью, что остальные пять кораблей, вышедшие в море вслед за ним, успели отстать на значительное расстояние. Вскоре они окончательно пропали из виду, но Брула это совсем не беспокоило — пусть даже он один успеет догнать Кулла, лишь бы не слишком поздно!

Брул простоял на палубе до самого вечера, спустившись в каюту только для того, чтобы наскоро перекусить. Небо темнело, ветер вновь усилился, но пикт по-прежнему не уходил с капитанского мостика, неотрывно глядя вперед. В какой-то миг

ему показалось, что он видит вдали корабль, и его сердце радостно забилося. Но крошечная точка на горизонте исчезла и, сколько бы Брул ни старался ее вновь отыскать, больше не появлялась.

«Нет, показаться мне не могло, — думал пикт. — Это точно был «Покоритель морей»! Просто наши гребцы уже выдохлись, и мы движемся вперед не быстрее черепахи».

Он решительно подошел к капитану и приказал ему заменить уставших людей.

— Но они не так давно сменились, — удивленно ответил Грито. — Не вижу никакой необходимости...

— Делай, что велю! — резко оборвал его Брул. Сейчас ему было не до вежливости: крошечная точка, вселявшая в него такую надежду, вновь пропала. — Я только что видел на горизонте корабль!

— Где? — недоверчиво спросил капитан. — Я ничего не видел.

— Впереди, прямо по курсу, — нетерпеливо ответил пикт. — Я не сомневаюсь, что это «Покоритель морей». Он сразу исчез из виду, и мы должны как можно быстрее нагнать его!

— Ясно, — кивнул капитан и, подойдя к своему помощнику, приказал ему сменить гребцов.

Брул вновь вернулся на свой пост. Через некоторое время белая точка появилась опять, но из-за надвигающейся тьмы разглядеть ее было очень трудно. Пикт все смотрел и смотрел в ту сторону, пока сгустившиеся сумерки не заставили его уйти к себе в каюту.

* * *

В столице Валузии между тем, казалось, все шло своим чередом, но это внешнее спокойствие было обманчивым. По городу рыскало множество шпионов, на улицах едва ли не на каждом углу стояли стражники и солдаты. Выслушав сообщение Тору о заговоре против короля, советник Ту еще ночью сумел связаться с Кану, который немедленно поднял на ноги всех своих шпионов и тайных осведомителей. Алые Стражи во главе с Келькором прочесали каждый уголок во дворце, дабы убедиться, что воспользовавшиеся отсутствием короля заговорщики не проделали тайный лаз где-нибудь поблизости от монаршего трона.

Тору в ту же ночь отправился продолжать расследование, даже не сообщив Ту, когда появится в следующий раз. Советник подозревал, что неутомимому шпиону все же известны кое-какие имена, но хитрый пикт потому и считался лучшим шпионом, что никогда не сообщал непроверенных сведений. А потому Ту с Келькором приходилось действовать вслепую.

Весь день у советника прошел в суете и хлопотах. Он вновь, как и накануне, отменил все приемы, но с несколькими сановниками переговорил лично, надеясь выведать у них последние слухи. Одним из таких сановников был пожилой аристократ Мар-о-Фен, вскользь брошенные слова которого заставили Ту внезапно насторожиться.

— Племянник у меня, конечно, редкостный оболтус,— с умилением в голосе говорил Мар-

о-Фен, вальяжно откинувшись в мягком кресле.— Я никак не мог заставить его взяться за ум. Шалопай, каких свет не видывал! С девушками сомнительными путался, вино пил до одури, в кости с матросами играл да денежки мои проматывал. А я все жалел его — ведь он сирота, я ему вместо отца, своих-то детей у меня нет. Но последнее время он стал вести себя совсем странно — частенько уходил куда-то по ночам, а возвращался лишь под утро, бледный, с горящими глазами. Но самое главное — не пьяный, а, наоборот, какой-то серьезный и задумчивый. На все мои вопросы он только отмахивался, и я...

— Как его имя? — нетерпеливо перебил его Ту.

— Тинмар,— ответил тот, с легким недоумением глядя на внезапно встрепенувшегося советника, который до того с трудом подавлял зевоту, рассеянно слушая Мар-о-Фена.— Но я...

— Где он сейчас? — не слушая аристократа, продолжал допытываться Ту.— Где его можно найти?

— Да нет его сейчас в Валузии,— с еще большим недоумением ответил Мар-о-Фен.— Я как раз собирался рассказать, почему я его отправил...

— Куда? — почему-то шепотом спросил советник.

— В море, вместе с королем Куллоу,— пожал плечами аристократ.— Я догадался, что мальчишка влюбился, и очень боялся, что он приведет в дом какую-нибудь гулящую девицу. А ведь я уже присмотрел для него весьма достой-

ную невесту из уважаемого и знатного рода. Но она еще слишком молода, да и мой оболтус тоже, вот я и решил, что лучше ему побыть какое-то время вдали от дома. Пусть поплавает по морям, повзрослеет и станет настоящим мужчиной. Я поговорил со своим дальним родственником, шкипером Бра-Нотрой, и он согласился взять Тинмара на свой корабль старшим помощником. А тут как раз такая удача — король Кулл решил отправиться в морское путешествие, и моему шалопаю представилась редкая возможность отличиться перед самым правителем Валузии. Вы знаете, советник, ведь наш род очень древний, и мы всегда верой и правдой служили нашим королям.

— «А сам ты, должно быть, верой и правдой служил тому тирану, которого сверг Кулл, — подумал Ту, пристально глядя на своего собеседника. — А твой племянник спутался совсем не с девицей, а с заговорщиками! И на корабль вместе с Куллом он попал совсем не случайно!»

Мар-о-Фен еще что-то бубнил о своей безграничной преданности королю, но Ту его уже не слушал.

— Прошу прощения у высокородного Мар-о-Фена, — торопливо произнес советник, поднявшись с кресла. — Но меня ждут иные дела. А родственников — и близких, и дальних — мы еще как-нибудь непременно обсудим. Но в другой раз.

Едва за Мар-о-Феном закрылась дверь, старый советник чуть ли не бегом вышел из Зала

Приемов и поспешно отправился искать командира Алых Стражей Келькора.

* * *

Под утро Куллу полегчало. Он почти не спал всю ночь, то дрожа от холода, то задыхаясь от липкой жары. Но к утру болезнь отступила, и атланта сморил тяжелый сон.

Проснувшись, он увидел сидевшего на стуле посреди каюты юношу, представленного ему как старший помощник капитана, хотя моряком этот безусый франт, конечно же, никогда не бывал. Кулл приподнялся, разглядывая посетителя.

— Меня прислал к тебе Бра-Нотра, — пояснил юноша, встав со стула и небрежно поклонившись. — Он велел подежурить здесь, если тебе вдруг станет плохо или что-нибудь понадобится. Если угодно, я принесу завтрак.

И помощник капитана тут же направился к двери, но Кулл окликнул его. Юноша явно не отличался ни хорошими манерами, ни утонченным воспитанием, и не только потому, что он ни разу не произнес: «Государь», — просто во всем его поведении сквозила какая-то небрежность и даже насмешка.

— Подожди, — вдогонку ему сказал Кулл. — Как тебя зовут?

— Тинмар, — на ходу бросил юноша, даже не обернувшись. — А что?

— Да нет, ничего, — рассеянно пробормотал король. — Ладно, иди.

Но Тинмару совсем не требовалось разрешения удалиться, он уже вышел из каюты.

Проводив его взглядом, Кулл недоуменно пожал плечами. За пока что еще недолгие годы своего царствования атлант успел отвыкнуть от столь непочтительного отношения к себе. Впрочем, молодой нахал мало занимал его. Сейчас Куллу больше всего хотелось знать, что за неизвестный корабль появился накануне в море и каковы его намерения. Сначала надо спросить у этого Тинмара, решил король, а потом все же попробовать подняться на палубу.

Но ждать «этого Тинмара» пришлось довольно долго, и Кулл, потеряв терпение, с трудом оделся и уже собрался выйти из каюты. Но тут на пороге наконец появился помощник, неся в одной руке бутылку с вином, а в другой — блюдо с мясом и лепешками. Юноша уверенно прошел на середину каюты и с громким стуком выставил на стол все принесенное.

— Кушать подано! — весело сказал он. — Чего-нибудь еще?

— А ну, выпрямись, когда говоришь со своим королем! — резко ответил Кулл, усаживаясь в свое кресло. — Расскажи-ка мне, что творится на корабле.

— Об этом лучше спросить у капитана, — пожал плечами Тинмар, улыбаясь уже не так нахально, как прежде. — Ему виднее.

Атлант нахмурился и забарабанил пальцами по столу. В другой раз он с удовольствием

проучил бы наглого мальчишку, заставив его относиться с должным уважением не только к королю, но и к старшим вообще, но сейчас тратить на это силы почему-то не хотелось. Есть, впрочем, тоже, хотя мясо пахло так аппетитно... Кулл отрезал небольшой кусок, сунул в рот, машинально разжевал. Нет, сегодня он явно чувствует себя получше, чем накануне.

Тинмар не сводил заинтересованного взгляда с бутылки, и, заметив это, Кулл кивнул в сторону шкафчика:

— Возьми там два кубка и налей вина.

Тут Тинмар проявил завидную расторопность и, налив вина себе и хозяину, с довольной улыбкой поднял свой кубок.

— Ну, здоровье короля! — весело произнес он и, отпив большой глоток, крикнул от удовольствия. — Эх, люблю дядино вино! Жаль только, прячет он свое вино от племянника!

— От племянника? — удивленно переспросил Кулл.

— Ну да! Старый шкипер приходится мне кем-то вроде двоюродного дяди, я так толком и не разобрал. В общем, дальний родственник, — пояснил юноша и залпом выпил остатки вина. — Он меня держит в строгости, хочет сделать из меня матерого морского волка.

— А ты сам-то этого хочешь? — не удержался от улыбки атлант.

— Не знаю, — беспечно отозвался Тинмар. — Но пока мне нравится.

Кулл усмехнулся. Чудесный напиток влил в него новые силы, разбудил дремавший голод, сделав изысканным лакомством и жаркое, и простые пшеничные лепешки. Король отрезал еще мяса, обернул его лепешкой — и не заметил, как проглотил это своеобразное кушанье.

— А тот корабль, что мелькнул вчера на горизонте, больше не появлялся? — спросил Кулл, беря вторую лепешку.

— Ну, почему же? — усмехнулся Тинмар, вновь наполняя вином кубок короля. Кулл оценил такой знак вежливости и кивнул на второй кубок: наливай и себе, не скупись. Юноша с готовностью повиновался, продолжая болтать: — Он все время торчит на горизонте, только теперь много ближе. Наверное, им что-то от нас понадобилось.

— Много ближе? — Кулл едва не поперхнулся лепешкой. — Что же ты сразу не сказал?

— А ты не спрашивал, — невозмутимо ответил юноша, поднося кубок к губам.

Атлант швырнул недоеденную лепешку и резко поднялся из-за стола. Голова сильно кружилась, и сохранять равновесие было нелегко, но все же он твердым шагом направился к двери. Тинмар, несколько не смутившись, допил вино и только после этого неторопливо последовал за королем.

Выйдя на палубу, Кулл поднялся на мостик, где Бра-Нотра, прикрыв ладонью глаза, рассматривал все еще далекий, но уже различимый корабль.

— Похож на валузийский, — пробормотал он, увидев рядом с собой короля. — Вряд ли это пираты, государь, — у лемурийцев совсем другие корабли.

«Откуда здесь может быть валузийский корабль? — с недоумением подумал Кулл. — Неужели все-таки Брул не выдержал и отправился вслед за мной? Но он же обещал!»

Атлант до рези в глазах всматривался в очертания корабля, действительно походившего на те, что сходили с королевской верфи Валузии, — задранный нос, высокая корма и низкие к центру борта. У тех же, кто промышлял разбоями на море, галеры были совсем другими — с высокими бортами, защищавшими лучников во время сражений. Значит, Брул все-таки послушался королевского приказа!

Чувствуя, как в нем закипает ярость, король еще пристальнее вглядывался в едва различимый корабль. Как пикт посмел нарушить договор? Ведь он же обещал отправиться за Куллом только к началу новой луны! Тут что-то не то, подумал Кулл, и его сердце сжалось от внезапной тревоги. Неужели неладно в Валузии?

Солнце зашло за тучи, и корабль сделался едва виден на фоне свинцово-серой воды. И все же Кулл мог побиться об заклад, что неизвестная галера держит курс прямо на «Покорителя морей». Сомнений не было — это Брул.

После недолгого размышления Кулл велел Бра-Нотре сбавить ход и ждать приближения неизвестного корабля.

— Даже если это пираты, нам нечего их бояться,— сказал он капитану.— У нас на борту сотня моих лучших воинов, они дадут отпор всякому, кто посмеет встать у нас на пути. Но я уверен, что это валузийский корабль, он спешит к нам с какими-то вестями. Может быть, в Валузии что-то случилось.

Бра-Нотра молчал, мрачно глядя на приближавшийся к ним корабль.

— Здесь сильное течение. Если мы сбавим ход, нас снесет в сторону,— наконец неохотно произнес он.— А это очень опасно — течение идет прямо к скалистым островам, и, если мы налетим на них, нам конец. Да к тому же близ скал множество рифов, и если...

— Я же не сказал, что гребцы должны бросить весла и пойти отдыхать! — нетерпливо перебил его Кулл.— Я сказал: «Сбавить ход». А уж не налететь при этом на рифы или скалы — это твое дело!

— Хорошо,— сдержанно ответил Бра-Нотра и, коротко кивнув королю, направился к гребцам.

Серое небо, казалось, совсем село на верхушку мачты «Покорителя», а беспокойное море сделалось маслянисто-черным. Первые капли дождя упали Кулле на руки, и он с досадой поморщился — не хватало еще, чтобы разразился ливень! Тогда оба корабля быстро потеряют друг друга из виду и не заметят, как окажутся на тех самых проклятых рифах, которых так боится шкипер!

И тут, словно в насмешку над ним, проливной дождь с грохотом обрушился на «Покорите-

ля морей», заслонив плывущего навстречу валузийца серой непроглядной стеной. Кулл оглянулся на гребцов: мокрые с головы до ног, они из последних сил пытались обуздать разбушевавшуюся стихию.

Вскоре совсем стемнело, и Кулле осталось только уйти в свою каюту. Переодевшись, он завернулся в толстое шерстяное одеяло и сел на кровать, погрузившись в невеселые мысли. Что заставило Брула так поспешно отправиться ему вдогонку? Кулл перебирал все возможные варианты — война, чума, восстание, прочие напасти, одна хуже другой. Неужели ему так и не суждено добраться до Атлантиды?

Из мрачной задумчивости его вывел громкий стук в дверь. В каюту вошел промокший до нитки Бра-Нотра, держа в руках большую бутылку с вином.

— Сейчас будет горячий ужин, государь,— сказал он.— А пока можете согреться этим вином.

— Благодарю, Бра-Нотра,— кивнул Кулл.— Погрейся и ты заодно. Сильно ли штормит?

— Боюсь, что хуже некуда,— хмуро отозвался капитан.— Ветер усиливается и мечется туда-сюда. Тучи закрыли и луну, и звезды, тьма кромешная. И куда мы сейчас идем, я не знаю.

— А тот корабль? — спросил атлант, хотя понимал всю бессмысленность вопроса. Но, к своему удивлению, услышал совсем не тот ответ, которого ждал.

— Он все так же уверенно приближается к нам, — с явной тревогой сказал Бра-Нотра. — Несколько раз, когда луна на мгновение выглядывала из-за туч, я видел его очертания. По виду это все-таки валузиец. Но пока, я считаю, мы должны быть готовы к любым неожиданностям. Поэтому вели, государь, своим лучникам выстроиться вдоль бортов.

— Я уверен, что это Брул, — решительно отрезал король. — А если это кто-то другой, то сначала я узнаю, что ему от меня понадобилось, а потом уж велю стрелять — и то если мне не понравится его ответ.

Бра-Нотра вздохнул и молча разлил по кубкам вино. Принесли ужин, но Кулл даже не посмотрел в сторону аппетитно пахнущей еды. Залпом осушив свой кубок, он решительно поднялся.

— Ты можешь пока отдохнуть и согреться, Бра-Нотра, — сказал атлант, направляясь к двери. — Я ненадолго поднимусь наверх и посмотрю, что там происходит.

Выйдя на палубу, Кулл сразу же ухватился руками за борт, чтобы не потерять равновесие: корабль сильно качало. Видимо, опять начнется шторм, подумал атлант. Но это его не слишком беспокоило. Ему не раз приходилось странствовать по морям, и к штормам он привык, как в походах привыкают к лишениям и постоянным опасностям. Гораздо больше его тревожил преследующий их корабль, очертания которого он пытался сейчас разглядеть в крошечной тьме. Что за известие так спешно хочет сообщить ему Брул?

Луна долго не показывалась из-за туч, и сколько Кулл ни напрягал зрение, он не мог заметить даже тени паруса. Но наконец в тучах появился просвет, и бледный серебряный луч луны упал прямо на загадочный корабль, оказавшийся уже совсем близко от «Покорителя морей».

Луна осветила его всего лишь на несколько мгновений, но атлант успел увидеть, что на палубе не было ни одного человека. Он нахмурился, теряясь в догадках, что бы это могло значить. Вряд ли волной смыло за борт всю команду разом — хоть кто-нибудь да остался бы! Неужели все попрятались в трюм в ожидании надвигающегося шторма? Но ведь тогда неуправляемый корабль неминуемо налетит на рифы!

— Брул! — что есть силы крикнул атлант. — Это ты? Отзовись! Подай мне какой-нибудь знак! Брул!

Но ответом ему было лишь зловещее молчание, и Кулл почувствовал, что сердце его готово выскочить из груди. Если это корабль Брула, то что произошло с командой? А если не Брула, то чей же? Чей это корабль — безмолвный и загадочный — неумолимо подходит все ближе и ближе к «Покорителю морей»? Что ему надо?

— Должно быть, это все-таки пираты, — раздался в темноте голос Бра-Нотры. — Надо все-таки поднимать лучников.

— Хорошо, — хрипло отозвался Кулл. — Давай, старина, командуй!

Атлант по-прежнему вглядывался в дождливую тьму и молил Валку вновь выпустить луну

из-за туч. Дождь почти прекратился, но небо оставалось таким же черным, а единственное, что мог разглядеть король, было желтое пятно света фонаря на носу галеры. Загадочный же корабль шел где-то рядом, бесшумный и невидимый, как призрак.

Он ждал, казалось, целую вечность, время от времени выкрикивая имя Брула, но не слыша никакого ответа. Рядом с королем стояли его воины, держа наготове луки. Все молчали, застыв в ожидании, вслушиваясь и вглядываясь. Внезапно, когда уже казалось, что луна так никогда и не появится, небо очистилось от туч, серебристый призрачный свет озарил стихающее море, и перед изумленными взорами стоявших на палубе возник огромный корабль, словно вынырнул из воды.

Он покачивался на волнах так близко, что переброшенный трап лег бы прямо на низкий, выгнутый борт. Командир лучников взглянул на короля, ожидая команды, но Кулл молчал, словно замороженный, глядя на таинственный корабль.

— Эй, есть там кто-нибудь?! — проревел Бра-Нотра, но ответом ему служило лишь таинственное молчание.

Его голос вывел Кулла из оцепенения.

— Похоже, там никого нет, — сказал он, не отрывая взгляда от корабля. — Видимо, по каким-то причинам команда покинула корабль.

— Ага, на веки вечные, — раздался позади него насмешливый голос. — Поела несвежей рыбки да и окочурилась.

Король обернулся и увидел Тинмара, который явно был слегка навеселе. Бра-Нотра бросил на родственника гневный взгляд, но тот не обратил на дядюшку никакого внимания.

— А что, если на этом корабле одни мертвецы? — произнес атлант неожиданно задумчиво.

— Ну и пусть себе плывут дальше, — хмуро ответил Бра-Нотра. — И так сколько хлопот нам доставили! Знать мы их не знаем — да и не хотим. Корабль этот, хоть и похож на валузийский, все же отличается от наших. Наверное, его занесло сюда из каких-то далеких морей, а команда могла погибнуть уж много лун назад.

— Нет, — решительно покачал головой Кулл. — Я должен все выяснить. Оставайся здесь, капитан, и будь наготове. Со мной пойдут...

— Я! — звонко выкрикнул Тинмар. — Страсть как люблю приключения! А то я тут скоро с ума сойду от скуки.

Бросив насмешливый взгляд на подвыпившего искателя приключений, король повернулся к командиру своих воинов и жестом подозвал его.

— Кармел, отбери два десятка воинов, мы пойдем на тот корабль, — приказал он. — Скажи остальным, что, как только мы подадим знак, пусть немедленно следуют за нами.

— Это безумие, государь! — вмешался Бра-Нотра. — Ведь может быть, вся команда жива и здорова, а эта таинственность — просто ловушка! Морские разбойники очень хитры, и я не верю, что там никого нет. Ведь как-то подплыл

же к нам этот корабль! И вы сами видели, он преследовал нас целый день, не сбившись с курса даже в бурю!

Возможно, капитан был прав, но в атланте уже заговорил первобытный инстинкт охотника, а в жилах вскипела горячая кровь варвара, не привыкшего отступать перед какой бы то ни было опасностью. Теперь его было уже не остановить.

— Давайте хотя бы подождем до утра, — безнадёжно убеждал его Бра-Нотра. — Море не очень спокойно, может начаться шторм. Может, утром они сами выйдут на палубу и объяснят, что с ними случилось.

— И предложат нам славный завтрак! — снова насмешливо вставил Тинмар. — Угостят нас своей несвежей рыбкой, чтобы и мы отправились вслед за ними, а то им одним скучно...

— Немедленно покинь палубу, Тинмар! — вне себя от гнева рявкнул капитан. — Или я прикажу на все время плавания запереть тебя в твоей каюте!

Бряцая оружием, к Кулле подошли двадцать воинов, готовых отправиться на чужой корабль, и молча встали рядом, ожидая приказа. Бра-Нотра махнул безнадежно рукой и велел перекинуть трап. Выждав несколько мгновений, но не почуяв ничего подозрительного, атлант решительно шагнул вперед, крепко сжимая в руке вынутый из ножен меч. Следом за ним, с копьями и мечами наготове, двинулись его воины во главе с Кармелом. Рывшийся на поиски заключений Тинмар мрачно смотрел им вслед, но

сделать ничего не мог — дорогу ему заступил воин с мечом.

И тут луна, все это время светившая так спокойно и ясно, что все решили, будто так будет всегда, внезапно вновь зашла за тучи, оставив оба корабля в непроглядной тьме. Кулл был уже на середине трапа, но в этот момент неведь откуда взявшаяся огромная волна качнула трап, и король, едва не потеряв равновесие, ухватился за темный борт. Позади раздались громкие вскрики и проклятия; трап под его ногами дернулся, поехал и в конце концов рухнул в воду вместе со всеми, кто на нем находился. Король оказался на корабле-призраке один.

На «Покорителе морей» поднялась суматоха. К счастью, все воины умели плавать, поэтому, хватаясь за спущенные им веревки и весла, один за другим благополучно забрались на борт, но подняли при этом такой шум, что никто не услышал голос Кулла, звавшего их с таинственного корабля.

— Где король? — крикнул Бра-Нотра, пытаясь в темноте разглядеть лица вытасненных из воды воинов. — Государь, отзовитесь!

Король не отзывался, и тогда несколько матросов прыгнули в воду, пытаясь его там найти. Тщетно Кулл кричал с палубы чужого корабля, что он не в воде, — как ни был громок его голос, он тонул в шуме ветра, грохоте волн и криках людей. Постепенно брань и выкрики начали стихать, удаляясь, и атлант внезапно понял, что

призрачный корабль, получив пассажира, начал отходить в сторону от «Покорителя морей». Море вновь разбушевалось, волны бились о борт так яростно, что любой корабль крутился и метался бы из стороны в сторону, как щепка в потрке. Но призрак спокойно и уверенно плыл в черную даль, чуть покачиваясь на воде.

Кулл повернулся и, выставив вперед меч, медленно двинулся вдоль борта. Никто не встретился ему на пути, и, дойдя до кормы, он повернул и пошел вдоль другого борта. Атлант еще не знал, что предпримет, но мысль прыгать в воду и пытаться в кромешной тьме добраться до «Покорителя морей» он отверг сразу как заведомо безнадежную. Оставалось только ждать рассвета и надеяться, что за это время блуждающий корабль-призрак не уйдет слишком далеко и Бра-Нотра сможет его найти.

Кулл взглянул на небо, такое же черное, как и прежде, выругался и сделал еще несколько шагов вперед. Внезапно перед ним мелькнула чья-то неясная тень, но, увидев чужака, бросилась в сторону и исчезла. И хотя вокруг было темно, как в погребе, атлант не сомневался: он только что видел живого человека.

Значит, на корабле все-таки кто-то есть. Но кто?

* * *

С самого рассвета и до позднего вечера Брул не оставлял свой пост на высокой корме «Морского льва», то теряя из виду далекий корабль,

то вновь находя его среди пляшущих волн. Гребцы старались как могли, но расстояние между двумя кораблями почти не сокращалось, и пикт мрачнел все больше.

«Ведь Кулл должен был нас заметить еще утром,— с недоумением думал он.— Но он не только не замедлил ход, а, наоборот, прибавил, словно пытается от нас уйти! Ну конечно, он же ничего не знает о заговоре и наверняка думает, что я просто нарушил уговор и поплыл вслед за ним, чтобы следить за каждым его шагом!»

Внезапно сердце его сжалось от страшной догадки. А если Кулл уже мертв и на «Покорителе морей» остались одни заговорщики? «Нет! — стучало у него в висках.— Нет! Никогда!»

— Капитан! — обернувшись, крикнул он.— Куда же все-таки могли подеваться наши корабли? Может быть, тот, за которым мы гонимся,— один из них?

— Нет, мы слишком от них оторвались,— отозвался Грито, подходя к Брулу.— Я думаю, им не повезло. Здесь недалеко тянется ряд мелких островов, некоторые из которых давно затонули. Наши корабли могло занести на рифы.

— И что теперь с ними будет? — растерялся пикт.— Ведь мы не сможем им помочь!

— Конечно,— усмехнулся капитан.— Им поможет только шторм. Если море разыграется, волны поднимут корабль и сдвинут его с суши — правда, с пробоиной в днище. Да еще после этого как следует швырнут о скалы. Впрочем, и нам самим угрожает такая же опасность.

— Пускай! Мы должны во что бы то ни стало догнать короля! — твердо сказал Брул, глядя капитану в глаза. — Если надо, я сам возьмусь за весла...

Грито с сомнением взглянул в сторону маячившего на горизонте «Покорителя», но ничего не сказал. Коротко кивнув Брулу, он неторопливо пошел по палубе, на ходу отдавая распоряжения суетившимся матросам.

Ближе к ночи стало ясно, что капитан не напрасно опасался шторма. С неба обрушился страшный ливень, и «Морской лев» плыл уже наугад, каждый миг рискуя налететь или на скалы, или на риф. Пикт так и не лег спать в эту ночь — оттолкнув уставшего гребца, он и в самом деле сел за весла, пытаясь изнурительной работой мышц заглушить подступавшее к горлу отчаяние.

Едва только начало светать, он вновь поднялся на корму, но, к своему ужасу, никакого корабля на горизонте не обнаружил. Увидев идущего по палубе Грито, Брул со всех ног бросился к нему.

— Где мы находимся, капитан? — задыхаясь, спросил он.

— Все в порядке, — улыбнулся Грито. — Мы, конечно, немного отстали от короля, но зато и на рифы не налетели. Всю ночь нам пришлось то кружить на месте, то двигаться назад...

— Как это назад?! — вне себя от ярости крикнул Брул. — Я же приказал идти только вперед, и как можно быстрее!

— Тише едешь — дальше будешь, — спокойно отозвался Грито. — Я ведь говорил, что здесь недалеко находятся острова, приближаться к которым крайне опасно. Я не могу рисковать жизнью стольких людей...

— А я не могу рисковать жизнью короля Кулла! — резко оборвал его пикт. — Как ты посмел нарушить мой приказ? Ведь «Покоритель морей» был уже совсем близко! Рифов испугался? Или, может, ты сделал это нарочно? Говори!

— Я уже все сказал, — пожал плечами Грито, спокойно выдержав взгляд Брула, буквально сверливший его насквозь. — И я знаю, что поступил правильно. По-твоему, было бы лучше, если бы мы не продолжили поиски короля, а сидели теперь на рифах?

— Ладно, я с тобой еще разберусь, — сквозь зубы произнес пикт. — Но сначала ты догонишь «Покорителя морей», иначе не сносить тебе головы! Это я тебе обещаю.

— Догоним, — коротко ответил капитан и, повернувшись, быстро зашагал по палубе.

Брул мрачно посмотрел ему вслед, и его рука вдруг невольно потянулась к рукояти меча. Кто-то из тех, кто сейчас в море, входит в число заговорщиков. А если это как раз Грито? Ведь он явно не торопится догнать корабль Кулла! Пикт скрипнул зубами и вновь окинул взглядом горизонт.

Внезапно сердце его радостно забилося. Первые лучи солнца осветили далекую крошечную точку, которая теперь стала для Брула дорожке

всего на свете. Неотрывно глядя на корабль, чьи очертания становились все более и более отчетливы, пикт не сразу заметил, что расстояние между ними довольно быстро сокращается. Он уже начал жалеть, что резко обошелся с Грито и едва не заподозрил его в измене. По видимому, капитан действительно знал, что делает, и, видя, как «Морской лев», рассекая волны, уверенно скользит вперед, пикт решил обязательно извиниться перед Грито.

Только бы Кулл был жив и невредим! Стараясь гнать дурные мысли, Брул вглядывался в приближающийся корабль. Теперь было ясно, что он плывет не на север, а навстречу «Альву». Весла дружно вспарывали воду — командой управляла уверенная рука. Разумеется, Кулл заметил «Морского льва» и решил несколько сбавить ход, но плыть навстречу? Вряд ли такая спешка могла объясняться лишь тем, что король соскучился по другу или, наоборот, хочет ему дать взбучку за нарушение уговора. На «Покорителя морей» что-то произошло. Брул вновь застыл в нетерпеливом ожидании.

Вскоре галера стала видна так отчетливо, что можно было разглядеть лица людей, столпившихся на палубе. Тревога Брула росла с каждым мгновением. Он не видел среди них Кулла. Правда, корабль был еще достаточно далеко, но короля пикт узнал бы и за милю. Борясь с охватившими его ужасными предчувствиями, Брул лихорадочно прикидывал, что же могло случиться. Может, король заболел и не может выйти

на палубу? Ранен? Зол на друга? Корабли сходились все ближе, а надежды увидеть короля живым у пикта оставалось все меньше.

Словно окаменев, он следил за тем, как оба корабля встают бортами почти вплотную, и только тогда решительным шагом направился к трапу, перекинутому матросами. Он шел молча, хранил молчание и те, кто столпился на палубе «Покорителя морей». Брул уже понял, что произошло нечто страшное, непоправимое, но лицо его оставалось замкнутым и холодным. Он медленно взошел на борт «Покорителя» и остановился перед Бра-Нотрой, молча глядя шкиперу в глаза. На душе его было невыносимо тяжело.

— Случилось несчастье, — тихо произнес Бра-Нотра, опустив голову. — Во всем виноват я один.

— Продолжай, — сдержанно отозвался пикт, положив руку на рукоять меча.

— На вторые сутки плавания мы увидели на горизонте корабль, неотступно следовавший за нами. Разглядев его, мы решили, что он отправился за нами из Валузии, — глухо говорил капитан, не решаясь смотреть Брулу в глаза. — Мы подумали, что в Валузии что-то случилось, и замедлили ход. Ночь выдалась очень темная, и странный корабль незаметно подошел к нам почти вплотную. На нем не было ни единого живого существа. Мы кричали, но никто не откликался, и тогда король решил проверить, что там произошло. Мы перекинули трап, и король вместе с двумя десятками воинов пошел по нему, но луна внезапно заш-

ла за тучи, оба корабля сильно качнуло, и все, кто был на трапе, свалились в воду. Мы думали, что спастись удалось всем, но...— Бра-Нотра замолчал, словно собираясь с силами, затем поднял голову и взглянул на пикта.— Это еще не все, Брул. В ту же ночь исчез мой старший помощник, Тинмар. Я выяснил потом, что, когда тучи закрыли луну, он оттолкнул солдата, охранявшего трап, выхватил у него меч и...— Капитан снова замолчал.

— И что же было дальше? — резко спросил Брул.

— Я до сих пор не могу в это поверить...— Бра-Нотра вновь опустил голову. Видно было, что каждое слово давалось ему с трудом.— Дело в том, что Тинмар — мой родственник, хотя и дальний.

— Плевал я, чей он родственник! — не выдержав, взорвался Брул.— Что он сделал?

— Он просунул меч под трап и пытался его опрокинуть. Мой младший помощник и два матроса клянутся, что видели это. Затем он исчез, и об остальном я могу только догадываться. Видимо, у него были какие-то дурные намерения, но я об этом ничего не знал и доверял ему. Я и сейчас еще ни в чем не уверен, может быть, он просто утонул. Но ведь король тоже не вернулся. Возможно, Тинмар нашел его в воде и попытался... причинить какое-то зло, они начали бороться и потеряли силы...— Капитан горько усмехнулся.— Но самое странное, что тот корабль тоже исчез, сгинул, как будто его никогда и не было. Мы начали искать его и, когда рассвело, увидели на

горизонте галеру. Мы что есть силы пошли ей навстречу, но оказалось, что это «Морской лев».

Услышав, что загадочный корабль тоже исчез, пикт внезапно испытал странное облегчение. Значит, есть еще надежда, что Кулл жив! Может быть, ему удалось подняться на тот корабль? Но тогда надо немедленно искать его!

— Брул, я готов принять любое наказание, чтобы искупить кровью вину своего родственника. И свою вину тоже, — твердо заключил Бра-Нотра, уже не отводя взгляда.

— Примешь, — пообещал Брул.— Но не сейчас. Сейчас необходимо разыскать тот корабль. До тех пор ты — по-прежнему предводитель этой галеры, а там разберемся. Вместе со мной вышли в море еще пять кораблей, но они отстали. Если встретишь, вели им искать тоже.

Пикт повернулся, чтобы идти обратно на свой корабль, но капитан остановил его:

— Да ты... ты доверяешь мне, Брул?

Пикт замедлил шаг, но не обернулся. Он не знал, что ответить Бра-Нотре. Возможно, вина шкипера гораздо больше той, о которой он рассказал. Возможно, он даже заговорщик. Но у Брула еще оставалась надежда, что Кулл жив, что его можно спасти. Если рассказ Бра-Нотры — правда — отлично, они вместе найдут Кулла. Если же нет... Что ж, тогда терять нечего.

— У меня нет выбора, — коротко ответил пикт. Он сделал шаг к трапу, но в этот момент кто-то тихонько коснулся его руки. Брул повернул

голову и увидел невысокого плотного человека с боцманским свистком на груди.

— Я Кинтоно, младший помощник капитана,— негромко сказал толстяк.— Клянусь, я сам прослежу, чтобы все было в порядке.

Пикт бросил на него пристальный взгляд, но задерживаться не стал и, коротко кивнув, быстро зашагал по трапу.

* * *

Затаив дыхание, Кулл прислушивался к малейшим звукам, которые могли бы выдать спрятавшегося от него человека. Окликать его атлант не стал: он уже убедился, что на этом проклятом корабле все равно никто не отзовется. Вскинув меч, он бесшумно двинулся вдоль борта, время от времени останавливаясь и резко оборачиваясь. Он старался ступать очень осторожно, словно слепой, лишившийся поводья, дабы не наткнуться на что-нибудь в темноте, а когда стало чуть светлее, пригнулся, чтобы его силуэт не был замечен на фоне сереющего неба. Он обошел почти всю палубу, но, не найдя никого, уже начал сомневаться — действительно ли кто-то промелькнул перед ним, или ему это только показалось.

Присев на дощатую палубу, Кулл прислонился спиной к борту и принялся ждать рассвета, чтобы продолжить поиски,— в темноте бродить по незнакомому кораблю было и опасно, и бессмысленно. Просидев так некоторое время, он вдруг почувствовал страшную уста-

лость и, не в силах справиться с ней, закрыл глаза и задремал. Сказалось напряжение последних дней — ушиб, плохое самочувствие, полубессонные ночи и, наконец, этот странный корабль, на котором он неожиданно оказался.

Кулл не слышал, как к нему бесшумно подкрался человек с острым кинжалом в руке. Не слышал, но почувствовал. Кожей, сердцем, каждой клеточкой своего тела. Резко выбросив руку вперед, атлант с размаху попал сжатым кулаком во что-то мягкое и только после этого открыл глаза.

Человек, склонившийся над ним, охнул от боли, перегнулся пополам и отлетел в сторону. Кулл резко вскочил на ноги и бросился на незнакомца, окончательно сбив его с ног. Навалившись на него всем телом, он крепко сжал железными пальцами горло злоумышленника и повернул его лицо к бледному свету луны, падавшему на палубу.

— Тинмар? — удивленно воскликнул король, от неожиданности ослабив хватку.— Не может быть...

* * *

Капитан Бра-Нотра, проводив взглядом удалявшегося «Морского льва», велел команде двигаться строго на север, к берегам Атлантиды. Он и так-то был неразговорчив от природы, а узнав горькую правду о том, что его родственник — предатель, замкнулся в себе и ни с кем не разговаривал. Бра-Нотра твердо решил смыть

этот позор кровью. Чутье старого воина подсказывало ему, что если Кулла похитили, то искать его следует именно в Атлантиде или, по крайней мере, в ее прибрежных водах.

Щкипер старался не думать о Тинмаре. Он еще не успел узнать своего молодого родственника, — откровенно говоря, он и не особенно старался. Обыкновенный шалопай, любитель выпить и развлечься — чем такой юнец может заинтересовать старого морского волка? Но изменник? С этим честный воин смириться не мог. Может быть, парень действительно просто утонул, ведь был навеселе? Но Кинтоно, помощник капитана, уверял его, что Тинмар хотел опрокинуть трап, а когда ему это не удалось, прыгнул в воду. И ни он, ни король не вернулись...

Бра-Нотра до боли сжал кулаки. И все-таки что же это за таинственный корабль! Больше суток он неотступно следовал за «Покорителем морей», и все принимали его за валузийский. В свою очередь, Брул тоже гнался за этим кораблем, считая, что догоняет Кулла. Затем корабль-призрак исчез, а оба валузийских корабля встретились, но только король при этом пропал.

Бра-Нотра знал, что с этого момента жизнь разделилась для него на две части. Первая — когда он был честным и храбрым моряком, не раз выходявшим с достоинством из любых переделок, — осталась где-то далеко позади. Теперь он знал только одно — он должен найти Кулла. Пусть даже ценой собственной жизни. Теперь уже все равно.

* * *

— Не может быть, — повторил Кулл, но в этот момент, воспользовавшись замешательством короля, Тинмар резко дернулся, пытаясь высвободиться, и атлант мгновенно сдавил его горло с такой силой, что тот захрипел и обмяк. Кулл оглянулся по сторонам и, не увидев ничего подозрительного, подхватил злодея под мышки и потащил по палубе. Прислонив его спиной к борту, он сел на корточки и приставил к горлу Тинмара его же кинжал.

— Ну вот, теперь поговорим, — угрожающим шепотом произнес атлант. — И, прежде чем твою душу унесут демоны, ты расскажешь мне все — и кто твои сообщники, и что это за корабль.

— Боюсь, мой рассказ тебя разочарует, — усмехнулся Тинмар, потирая горло и морщась от боли. — Скажу только, что рад видеть тебя живым и невредимым.

— Ты еще вздумал смеяться? — вне себя от ярости рявкнул Кулл, забыв о том, что его могут услышать. — Отвечай немедленно на мои вопросы, или я сейчас проткну тебе горло.

— Ой, не надо! — с притворным испугом воскликнул Тинмар, и в полумраке его хитрые глаза лукаво заблестели. — Мне же будет больно!

— Да ты, я вижу, совсем безмозглый болван, — с презрением произнес атлант, не замечая подвоха. — А еще туда же — вздумал стать заговорщиком! Или тебя просто использовали? Говори, почему ты хотел убить меня! Тебя заставили? Запугали?

— Еще как запугали! — живо отозвался Тинмар, едва сдерживая смех. — Представляете, я в полной темноте иду по незнакомому кораблю, и вдруг прямо на меня надвигается кто-то огромный и рогатый. Ну, ты бы, конечно, не испугался, а вот я, признаться, изрядно струхнул. Но, к счастью, я оказался достаточно ловок, и мне удалось отскочить в сторону и спрятаться. Затем мне надоело скрючившись сидеть за бухтами каната, да и любопытство взяло верх, и я потихоньку вылез из укрытия, на всякий случай держа кинжал наготове. Но не успел я сделать нескольких шагов, как снова чуть не наткнулся на рогатого. На этот раз он тихо сидел у борта — видно, подкарауливал меня. Я наклонился, чтобы получше рассмотреть его, но тут он, как кошмарный демон, навалился на меня и чуть не задушил.

Кровь бросилась Куллу в лицо. Мальчишка просто смеется над ним!

— Что ты плетешь? — вне себя от ярости зашипел он. — Какой еще рогатый? Ты хотел убить меня! Я видел, как ты замахнулся на меня кинжалом!

— Но я же не знал, что это ты, государь, — давясь от смеха, с трудом выговорил Тинмар. — Я-то думал: какая-то рогатая образина хочет убить меня! Я совсем забыл, что ты носишь шлем, увенчанный рогами. К тому же когда он блесит на солнце, то производит одно впечатление, а в темноте — совсем другое. И потом мне даже в голову не пришло, что на этом корабле, куда я попал совершенно случайно, может в

одиночестве бродить король Валузии, который, как я думал, еще барахтается в воде вместе со своими солдатами!

И мальчишка засмеялся так заразительно, что Кулл не выдержал и улыбнулся.

— Но ты-то как сюда попал? — все еще недоверчиво спросил он. — Ведь ты не шел с нами по трапу.

— Ну да, я просто свалился в воду с борта «Покорителя морей», — весело пояснил Тинмар. — Вернее, меня кто-то толкнул — не нарочно, конечно. Просто началась страшная суматоха, когда корабль сильно качнуло, и все, кто шел по трапу, посыпались в воду. Сначала я хотел, как все, вернуться на «Покорителя», но потом, природное любопытство и жажда приключений взяли верх, и я поплыл к этому кораблю. Мне было страшно интересно, что же это за таинственная галера, и я тихонько взобрался на борт. А потом...

— Понятно, — прервал его Кулл. — Про рогатую образину я уже слышал. Ну что ж, видно, придется тебе поверить. Задумай ты действительно убить меня, то давно бы сделал это, ведь, пока я болел, ты просидел надо мною полночи, верно? Ладно, вставай. Уже светает, надо хорошенько осмотреть корабль.

— Похоже, мы найдем здесь одних мертвецов, — усмехнулся Тинмар. — Лично меня бы гораздо больше устроили бочки с солониной и вином. Ведь неизвестно, сколько нам придется плыть на этом неуправляемом корабле. «Покорителя морей»-то уже давно не видно на горизонте.

Кулл встал и, взглянув на море, сделался мрачнее тучи.

— Да, его нигде не видно,— подтвердил он, вновь садясь на палубу.— Впрочем, еще темно. Когда взойдет солнце, нас наверняка начнут искать.

Некоторое время они сидели молча, терпеливо ожидая рассвета. Море успокоилось, но резкие порывы ветра заставляли ежиться от холода.

— Эх, сейчас бы бутылку дядиного вина! — мечтательно произнес Тинмар.— Сразу бы согрелись! Может, попробовать пошарить в трюмах? Вдруг да найдем что-нибудь?

Первые лучи солнца озарили деревянные постройки палубы, заплескали на синей поверхности воды. Кулл потянулся.

— Идем,— коротко сказал он, решительно поднимаясь на ноги.

Они осторожно обошли всю палубу, заглядывая во все проемы наружных строений, а затем поднялись на капитанский мостик.

— Я влезу на мачту и посмотрю, не видно ли наш корабль,— предложил Тинмар.— Правда, я боюсь высоты.

— Тогда уж лучше не лазай,— усмехнулся Кулл.— Еще свалишься и свернешь себе шею! Сначала убедимся, что на этом корабле нам ничто не угрожает. Пойдем-ка вниз.

Они медленно спустились на нижнюю палубу и вновь погрузились в темноту — теперь им предстояло двигаться на ощупь, выставив перед собой оружие. Кулл шел впереди, ощущая затылком дыха-

ние Тинмара, но удара в спину уже не опасался,— он почему-то сразу стал доверять этому немного нахальному, но отчаянно храброму мальчишке.

Они осторожно повернули за угол и вдруг отчетливо увидели полоску света, пробивающуюся из-под находившейся в конце коридора двери. Затаив дыхание, они замерли и прислушались.

— Значит, все-таки кто-то здесь есть,— еле слышно прошептал Кулл.— Ну что ж, отступать все равно некуда. Пойдем!

Он бесшумно подошел к двери и рывком распахнул ее. В глаза обоим мужчинам ударил свет, настолько яркий, что Кулл на мгновение невольно зажмурился. Когда же он открыл глаза, то был настолько ошеломлен увиденным, что даже помотал головой, считая, что все это — лишь странный сон.

Его взору открылась большая круглая комната с куполообразным потолком, стены которой были выложены золотыми пластинами с причудливо переливающимися драгоценными камнями. В центре комнаты возвышался золотой трон, на нем восседала необыкновенной красоты девушка в одеянии белее снега. На голове у нее сверкал обруч то ли из обсидиана, то ли из другого полупрозрачного камня.

— Приветствую тебя, король Кулл,— мелодичным голосом произнесла она.— Я ждала тебя.

* * *

— Я ничего не скажу! — гордо вскинув голову, заявил высокий, смуглолицый человек,

стоявший перед Келькором со связанными сзади руками.

— Зато я готов сказать все! — злорадно улыбаясь, сказал его товарищ, румяный, жизнерадостный толстяк. Даже в веревках и под стражей он выглядел весьма довольным жизнью. — Все равно теперь ничего не изменить. Король Кулл мертв!

Советник Ту молчал, мрачно уставясь на пленных. Шпион Тору поработал на славу, и теперь те, кто мечтал свергнуть короля, стояли посреди мрачной комнаты без окон, где обычно велись допросы изменников. Но если бы этим можно было вернуть Кулла!

— Король Кулл мертв! — с явным удовольствием повторил толстяк. — Раз уж за дело взялся Кинтоно, можно не сомневаться! Так что теперь ваш варвар кормит рыб.

— Кто такой Кинтоно? — глухо спросил Ту.

— Помощник шкипера Бра-Нотры, — с готовностью ответил толстяк. — Он пользовался особой милостью у прежнего короля, Борна. При нем он командовал всем флотом, а теперь стал всего лишь боцманом. Из-за какой-то ничтожной провинности!

— Зачем ему убивать Кулла? — спросил Келькор, подойдя вплотную к заговорщикам.

— Потому что Кинтоно — потомок древнего валузийского рода, — сквозь зубы произнес доселе молчавший смуглолицый. — А ваш варвар, место которому в конюшне, его унизил из-за пустяка.

— Увести, — коротко приказал Келькор Алым Стражам. Дождавшись, пока за отрядом и пленными не закроется дверь, он повернулся к Ту: — Я думаю, советник, надо организовать встречу короля в тавани.

— Конечно, — кивнул мгновенно все понявший Ту. — Никто ничего не должен знать. Пусть все идет своим чередом.

* * *

— Но... кто ты? — все еще не веря в реальность происходящего, с трудом выговорил Кулл.

— Я королева атлантов Сафра, — улыбнувшись, ответила девушка в белоснежном одеянии. Я знаю — ты удивлен, но скоро все поймешь. У атлантов — тех, что живут на материке, — до сих пор нет королевской власти, они по-прежнему разобщены, во главе племен стоят их вожди. Они пребывают в первобытной дикости и не знают, что Атлантиду ждет великое будущее. А мы уже знаем.

— Кто — мы? — понемногу начиная приходить в себя, спросил Кулл.

— Мы — новое поколение атлантов, — величественно произнесла Сафра. — Пока нас мало, но постепенно к нам присоединится все большее число людей. Это неизбежно.

— А мне можно? — весело спросил Тинмар. — С удовольствием присоединюсь к такой красивой девушке!

— Ты не атлант, — снисходительно улыбнувшись, ответила Сафра. — Но если проявишь над-

лежащие способности, то, может быть, и попадешь в число наших адептов.

— И когда можно начать проявлять? — деловито осведомился молодой нахал, еще ближе подходя к королеве атлантов. — Я могу прямо сейчас!

— Чуть позже, — терпеливо сказала Сафра. — Сначала мне надо поговорить с королем Куллом.

Она поднялась с трона и плавной походкой подошла к Куллу, который по-прежнему растерянно смотрел на нее, не зная, что сказать. Он ожидал встретить на корабле кого угодно — пиратов, мертвецов, чудовищ и даже призраков, но только не божественно красивую девушку — неважно, кем там она себя величает.

Сафра остановилась напротив Кулла, глядя на него большими лучистыми глазами, сияющими нездешним, удивительным светом, и положила ему на плечо тонкую руку.

— Ты будешь нашим королем, Кулл, — мягко сказала она. — Мы давно ждали тебя. Мы вернемся в Атлантиду, и ты будешь править нашим народом. С таким королем Атлантида быстро достигнет процветания и могущества.

— Но я король Валузии, — возразил Кулл.

— Ты прежде всего атлант, не забывай об этом. — Сафра говорила необычайно мягко, но ее голос словно пронзал Кулла насквозь. — Валузия для тебя — чужая страна, и ты для нее чужой.

— Я не был в Атлантиде много лет. Моя родина считает меня злейшим врагом, — с горечью произнес Кулл. — Мое имя проклинали мои

же соплеменники. А за те годы, что я правлю Валузией, я привык к ней, к ее народу. За годы моего правления укрепился мир, разрослась торговля. Верно, раньше вокруг меня плелось много козней, потому что я был для них действительно чужаком. Но не для всех. Теперь у меня много друзей и верных людей, которые не задумываясь пожертвуют своей жизнью ради меня. Я не могу бросить то, чему отдал годы сражений, и начать все сначала здесь.

— Но ведь ты отправился в Атлантиду, — возразила Сафра, не сводя с Кулла своих лучистых глаз. — Что же тебя туда влекло?

Король снова растерялся. Как объяснить ей, что он просто стремился повидать родину, что не мог больше мириться с мыслью, что где-то за морями лежит страна, отвергшая и проклявшая своего сына и которой он оставался верен все эти годы. Он и не хотел никому ничего объяснять...

— Меня влекла туда любовь, и больше ничего, — сдержанно ответил атлант. — Я не хотел ни власти, ни войны. Я хотел мира со своим народом.

— И ты думал, что тебя отпустят живым? — покачала головой Сафра. — Я же говорила, что атланты в большинстве своем — дикий и необузданный народ, единственный и жестокий.

— Мне все равно суждено погибнуть от меча или стрелы, — твердо сказал Кулл. — Так, может, и к лучшему было бы умереть на родине и именно там обрести вечное успокоение.

— Ты и умрешь на родине,— улыбнулась королева атлантов.— Но не сейчас. Ты еще долго будешь править великой и могущественной Атлантидой, слава которой пребудет в веках.

— Но почему именно я? — недоуменно спросил Кулл.— Те, кто помнит меня, проклинает мое имя. Почему бы вам не выбрать любого другого короля?

— Достаточно того, что тебя иначе помним мы,— мы, новые атланты, которые до поры до времени пребывают в этом странствующем по морям доме. Нас так же, как и тебя, проклинали те дикари, чей разум еще затуманен звериными мыслями. Мы не пойдем на них с оружием, и ничья кровь пролита не будет. Мы принесем им учение, которое нам дал Эанн, и они смягчат свой дикий нрав. Мы обучим их наукам и искусствам, научим пользоваться энергией солнца и собственными внутренними силами. Они будут понимать все языки мира и без слов общаться на расстоянии. Мир будет помнить об удивительной Атлантиде, пока его вновь не поглотит вселенский хаос.

— И все же, почему именно меня вы хотите сделать вашим королем? — упрямо повторил Кулл, недоверчиво выслушав слова Сафры.

— Ты — король милостью богов, и нет среди земных королей никого равного тебе. Только ты сможешь достойно править великой Атлантидой. Когда ты поймешь это, твоя Валузия покажется тебе жалкой и убогой страной, населенной примитивными и алчными существами, лишь отда-

ленно напоминающими людей. Ты будешь править людьми, в которых пробудились высшие силы. Ты постигнешь учение Эанна, и тебе будут подчиняться звери и птицы. Ты постигнешь силы природы, и она будет служить тебе...

— А кто такой Эанн? — вмешался любопытный Тинмар.— Бродячий проповедник? Так у нас самих таких полно! Послушать их — так и свихнуться можно!

Продолжая улыбаться, Сафра перевела взгляд на спутника Кулла, и Тинмар вдруг побледнел и попятился, а затем замер, словно окаменел.

— Что это? — прошептал он бескровными губами.— Я не могу шевельнуть даже пальцем.

— Ничего страшного,— мягко сказала Сафра.— Зато теперь ты не будешь отвлекаться и внимательно выслушаешь все, что я говорю.

— Так кто же такой Эанн? — нахмурившись, спросил Кулл, терзаемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, все происходящее уже начинало ему не нравиться, а с другой... Все то, о чем говорила Сафра, было так неожиданно для него. И так заманчиво...

* * *

Пять кораблей, вышедших в море вместе с «Морским львом», сначала отстали, а затем, потеряв ориентир, уходили в сторону все дальше, пока окончательно не сбились с курса. Оказавшись в опасной близости от архипелага скалистых островов, они пытались благополучно миновать их, но это им не удалось,— один

корабль налетел на рифы, а другой неподалеку от него сел на мель. Команда разбившегося корабля почти в полном составе перебралась на севшую на мель «Быструю стрелу», а три других корабля сгинули в круговерти шторма.

Капитан разбившегося корабля, словно в насмешку названного «Непотопляемым», пребывал в таком мрачном расположении духа, что к нему не смел подойти даже боцман. Он сделал все возможное, чтобы спасти людей, — не досчитались только двух матросов, — но теперь клял себя как мог. Еще молодой и достаточно честолюбивый, он надеялся, что этот неожиданный поход поможет ему возвыситься в глазах Брула — а то и короля. Капитан мечтал, как он, доселе никому не известный молодой человек из низов, своим усердием и мужеством пробивший путь наверх, сможет спасти короля Валузии. Но увы, его «Непотопляемый» превратился теперь в жалкие обломки, а он сам, закутавшись в одеяла, сидит в каюте капитана «Быстрой стрелы», прочно застрявшей на песчаной банке скрывшегося под водой острова.

Оба капитана, мрачно поглядывая друг на друга, молча потягивали из кубков вино. Каждый был погружен в свои невеселые мысли, но внезапный топот ног по лестнице заставил обоих вздрогнуть и обернуться на дверь.

— Там... там что-то странное! — задыхаясь, выпалил матрос, вбежавший в каюту. — Мы ничего не можем понять.

Витар, капитан «Непотопляемого», в мгновение ока сбросил с себя одеяла и, вскочив на ноги, бросился к двери. За ним поспешил Филуто, капитан «Быстрой стрелы». Оказавшись на палубе, они подбежали к борту и замерли, не веря своим глазам.

Прямо перед ними из морской пучины высунулась рыба голова, но таких невероятных размеров, что шкиперы почуяли, как у них встают дыбом волосы. Чудище спокойно и даже как будто чуть насмешливо посмотрело на изумленных людей, а затем открыло свою огромную, с рядами мелких, но острых зубов, пасть.

— Вам придется еще немного побыть здесь, — раздался глубокий, но ясный и мелодичный голос. — Но не падайте духом — вам будет чем заняться.

Рыбья голова вновь скрылась под водой, даже не оставив ряби на ровной поверхности моря. Витар и Филуто молча воззрились друг на друга, каждый в глубине души считая, что сошел с ума.

* * *

— Однажды из моря, там, где оно граничит с Атлантидой, явился зверь по имени Занн, наделенный разумом. Все тело у него было рыбье, но под рыбьей головой скрывалась еще одна — человеческая. Рыбаки и жители побережья сначала в страхе разбежались, но, услышав обращенную к ним человеческую речь, вернулись на берег. Забыв обо всем, они внимали словам странного морского су-

щества, и разум их очистился, нрав смягчился, и постигли они великую сущность бытия...

Человек в белом одеянии, произнесший эти слова, замолчал. Лицо его выражало благость и отрешенность от мирской суеты.

Кулл и Тинмар, сидя в мягких, как будто воздушных креслах, не сводили с него глаз. Словно замороженные, смотрели они, как Диар — человек в белых одеждах, назвавшийся верховным жрецом Атлантиды, — вышел на середину комнаты и, сложив ладони вместе, закрыл глаза. Над его головой возникло какое-то сияние, он поднял лицо кверху и вдруг начал медленно подниматься в воздух. Повисев там некоторое время, Диар вновь опустился на устланный мягкими коврами пол и продолжил свой рассказ.

— Эанн научил людей грамоте, наукам и искусствам. Он пробудил в них скрытые силы, дремавшие под оболочкой варварства. Люди научились создавать удивительные вещи и преодолевать любые препятствия. Они слились с природой, но в то же время возвысились над ней. Эанн каждый день приходил к ним из моря, и каждый день все больше и больше людей приобщалось к его учению. С заходом солнца Эанн опять погружался в пучину, ибо это был его дом. И люди поняли, что океан — дом всего человечества, и те, кто постиг учение Эанна, ушли за ним в море. Теперь нам предстоит научить остальных атлантов всему, чему научил нас Эанн, ибо он избрал именно Атлантиду истоком новой жизни на Земле. Здесь, в этом морском доме, мы изуча-

ем книгу, которую он написал, — книгу о том, как был сотворен мир, и о том, что ждет нас в будущем. Когда мы изучим эту книгу, нам откроется вся сущность мира, все его причинно-следственные связи, и тогда мы принесем это учение в Атлантиду, ибо именно ей суждено стать землей обетованной.

Диар поклонился Кулле и отступил в сторону, а на середину большого овального зала вновь вышла Сафра.

— А теперь мы покажем вам кое-что из того, чему научились. Это лучше всяких слов объяснит предназначение атлантов. Прошу вас следовать за мной.

Она повернулась и своей неизменной воздушной походкой направилась к массивным, переливающимся драгоценными камнями дверям зала. Поднявшись с кресел, Кулл и Тинмар молча последовали за ней. Двери распахнулись, и они оказались в просторном помещении, стены которого были сделаны из какого-то прозрачного материала, так что за ними отчетливо было видно море, но не его поверхность, а удивительный и загадочный подводный мир. Причудливо извивались водоросли, неторопливо проплывали рыбы; большой красивый дельфин с умными глазами подплыл совсем близко и, внимательно посмотрев на гостей, вновь стремительно умчался в глубину.

Тинмар, не выдержав, подошел к стене и потрогал ее рукой — ему казалось невероятным, что этот странный невидимый материал совершенно не пропускает воду. На всякий случай постучав

по стене и убедившись, что она достаточно прочная, он недоуменно пожал плечами. Кулл не двигался с места — его уже ничто не удивляло, он сразу поверил в реальность происходящего и в то, что теперь для него самое главное — определить свое место в этом новом мире. Он внимательно слушал Сафру, рассказывавшую об удивительных, невероятных чудесах, доступных теперь любому, но лицо его оставалось замкнутым и бесстрастным. Он знал, что ему предстоит нелегкий выбор.

Следуя за королевой атлантов, они подошли к высокому человеку с длинными волосами, перехваченными серебристой лентой. Скрестив руки на груди, он неподвижно стоял у стены и созерцал горсть зерен, рассыпанных перед ним на столе.

— Вот это да! — изумленно прошептал Тинмар, увидев, как из нескольких зерен вдруг пробились и потянулись вверх крошечные зеленые росточки. — А как он это делает? Волшебство?

— Никакого волшебства, — с улыбкой пояснила Сафра. — Зерно прорастает под воздействием мысленной энергии человека, надо только уметь ее направлять и концентрировать.

— А мне попробовать можно? — с надеждой спросил Тинмар. — Вдруг получится?

— Вдруг никогда ничего не получается, — мягко сказала Сафра. — Этому надо долго учиться.

— Я способный ученик, — заверил ее Тинмар. — А можно вот так же превратить воду в вино?

— Если ты будешь знать законы природы и управлять своей внутренней энергией, то ты сможешь все. Друнад! — Сафра повернулась к

невысокому худощавому человеку, сосредоточенно перебиравшему морские ракушки, разложенные на подвесной полке. — Наши гости хотят отведать твоего вина.

Друнад кивнул и молча протянул Тинмару руку ладонью вверх. С недоумением уставившись на нее, юноша перевел взгляд на Сафру.

— Ты хотел вина — так возьми его, — подсказала она.

Тинмар осторожно протянул руку, и варуг на раскрытой ладони Друнада начали постепенно проявляться сначала неясные, но затем все более отчетливые очертания высокого серебряного кубка. Взяв его обеими руками, Тинмар медленно поднес кубок к губам.

— А... его пить-то можно? — вдруг спросил он, испуганно взглянув на Сафру.

Вместо ответа она с улыбкой подняла вверх точно такой же, неизвестно как оказавшийся в ее руке кубок и медленно отпила из него глоток. Тинмар посмотрел на Кулла и увидел, что король тоже держит в руке кубок.

— Ну, раз так, — пробормотал вконец сбитый с толку юный искатель приключений, — тогда, как обычно, здоровье короля!

И, зажмурив глаза, словно собирался прыгнуть в пропасть, он залпом выпил вино, оказавшееся на удивление нежным и ароматным. Через несколько мгновений щеки Тинмара покраснели, и он весело взглянул на Сафру.

— Вот это да! — восхищенно протянул он. — Вот это я понимаю!

Кулл молча выпил свое вино и с интересом принялся рассматривать кубок. Но тот внезапно сделался прозрачным, а через мгновение и вовсе исчез.

— Он дематериализовался,— пояснила Сафра, встретив удивленный взгляд короля.— Могу заверить, что и здесь нет никакого волшебства — всего лишь знание законов природы.

— А ну-ка я попробую! — воскликнул Тинмар и сосредоточенно уставился на свою ладонь, вытаращив глаза и шумно дыша.

Но ладонь как была, так и оставалась пустой, и, потеряв терпение, юноша разочарованно вздохнул.

— Этому придется долго учиться,— улыбнулся Друнад.— Но мы тебе поможем. Сначала ты научишься каким-то простым вещам — чтению мыслей на расстоянии, магнетизму, сможешь двигать предметы взглядом...

— Нет, это мне не надо,— нетерпеливо перебил его Тинмар.— Зачем мне мысли каких-то дураков? И тем болеедвигающиеся предметы! Мне надо сразу, чтобы у меня в руке появлялось все, что я захочу. Сколько этому надо учиться? День? Два?

— Нет, гораздо больше,— ответил Друнад.— Так что придется тебе набраться терпения.

— Но для начала вам надо будет пройти обряд посвящения,— сказала Сафра.— Несколько дней вы будете к нему готовиться, а потом...

— Нет, подождите! — решительно прервал ее молчавший до этого времени Кулл.— Мы ведь,

кажется, еще не согласились остаться с вами! Я — король Валузии и буду им, я не могу обмануть мой народ. Все, что я здесь видел, конечно, удивительно, но что с того? Я не могу остаться с вами, не могу жить в этом... склепе, постигая учение неведомого мне Эанна.

— Когда ты познакомишься с этим учением, то поймешь, что до сих пор жил вслепую, как будто во тьме. Через несколько дней ты уже станешь совершенно другим, Кулл, а когда пройдешь обряд посвящения, то встретишься с самим Эанном. Он придет к тебе.

— Значит, до сих пор моя жизнь ничего не стоила? — мрачно спросил Кулл.— Значит, я напрасно страдал и боролся, напрасно проливал свою и чужую кровь. Значит, я был всего лишь слепым котенком, безмозглым и бесчувственным болваном? И только благодаря вам я стану наконец человеком, да еще и получу королевство в придачу! Но я не привык к таким подаркам. Я прежде всего воин, я всего добиваюсь сам. Вот этим мечом.— Он положил свою сильную ладонь на тяжелую рукоять меча.— Я завоевал Валузию. Если понадобится, я смогу завоевать и любую другую страну, но пока не вижу в этом нужды. Я ценю не только сражения, но и мир, ради которого и беру в руки оружие.

— У тебя нет выбора, Кулл,— покачала головой Сафра.— Тебе суждено стать королем Атлантиды, и ты станешь им. Но я тебя не тороплю. Ты можешь подумать, хотя я не сомневаюсь, что ты выберешь правильное решение.

— У меня нет на это времени,— упрямо возразил Кулл.— Я направлялся в Атлантиду, а вы нарушили мои планы. Теперь меня ищут и, может быть, рискуют жизнью мои друзья. Я не имею права подвергать их опасности. Вы должны немедленно отпустить нас.

— Это невозможно, Кулл,— улыбнулась Сафра.— Я же сказала, ты нам нужен. Только с тобой мы сможем вернуться в Атлантиду. Только ты можешь стать нашим королем.

— А если я не хочу быть королем людей, которые читают мои мысли? Если я не хочу постоянно быть под присмотром чьего-то всевидящего ока? Если я не хочу восседать на троне в белых одеждах и двигать предметы взглядом? Да я просто умру от тоски и скуки!

— Ты слишком все упрощаешь, Кулл,— мягко сказала королева атлантов.— Уверяю, скучать тебе не придется. Каждый день ты будешь открывать для себя все новые и новые истины, каждый день ты будешь подниматься на новую ступень своего развития.

— Для вас, может, все это звучит заманчиво,— пожал плечами Кулл.— Но мой корабль сейчас скитается где-то по бескрайнему морю и потому заботит меня гораздо больше. Когда у них кончатся запасы пресной воды и пищи, они вынуждены будут вернуться в Валузию и рассказать, что король Кулл пропал. В моей стране начнутся смуты и беспорядки, и все, что я завоевал такой кровью, может рухнуть.

— Ну вот видишь, как непрочно все, что завоевано оружием! — Глаза Сафры потемнели, а в голосе появились какие-то новые нотки.— Так стоит ли этим так дорожить?

— Стоит! — твердо сказал Кулл.— Слишком много людей отдали за это жизни, я не могу предать их память. Наш спор бесполезен, Сафра. У нас разные цели и разные пути.

— Хорошо,— вздохнула королева атлантов.— Я вижу, ты устал, Кулл, поэтому предлагаю вам сейчас отдохнуть, а потом мы вернемся к нашему разговору.

Она повернулась, и тотчас в боковой стене распахнулись серебристые двери. Кулл и Тинмар увидели небольшую овальную комнату с мягкими креслами и круглым столом посередине. Сафра жестом предложила им войти, и они молча подчинились.

Через некоторое время в комнату вошла высокая стройная девушка, неся в руках небольшой поднос с какой-то едой.

— Добрый день, меня зовут Рамина,— приветливо улыбнулась она, ставя поднос на стол.— Прошу вас отведать нашего угощения.

— А оно... тоже из воздуха? — с опаской спросил Тинмар, недоверчиво глядя на расставленные блюда.— Вот так протянешь руку, а оно исчезнет!

— Не исчезнет,— звонко рассмеялась Рамина.— Это самая обычная еда. Простая, но очень полезная.

Девушка повернулась и ушла, а Кулл и Тинмар подозрительно уставились на круглые

серебрянные мисочки с какой-то незнакомой едой.

— Есть, конечно, охота, — вздохнул Тинмар. — Придется попробовать. Начну вот с этого. — Он пододвинул к себе одну из мисочек. — С виду похоже на кашу.

Поискав глазами ложку и не найдя ее, он зачерпнул рукой горсть разбухших зерен и сунул в рот. Через несколько мгновений на его лице появилась гримаса отвращения.

— Да это просто сырые зерна, пресные и противные, — разочарованно пробормотал он и взял в руки другую мисочку. — Фу, а тут вообще какая-то гадость! Ну уж нет, я этого есть не буду. Я мяса хочу!

— Наверное, они не едят мяса, — вздохнул Кулл, вертя в руках мисочку с какими-то жуткими темно-зелеными водорослями. — Я слышал о таких: не убей живого, будь выше этого... и тому подобное.

— Ну а мы-то тут при чем? — возмутился Тинмар. — Ну ладно, пусть не мясо, так дали хотя бы рыбы — ведь ее-то в море полно! Да мы тут с голоду помрем, государи! Надо бы отсюда как-то сбежать!

Кулл молчал. Он понимал, что сбежать откуда невозможно.

* * *

«Морской лев», оставив долгие и безуспешные поиски Кулла в безбрежном море, приближался к берегам Атлантиды. У Брула уже не оставалось

выбора — не найдя нигде загадочного корабля, увезшего короля Валузии, пикт решил, что искать его теперь можно только в Атлантиде. Остальные корабли отстали, и «Морской лев» шел к чужим берегам в одиночку, но Брул не испытывал ни страха, ни сомнений. Он был готов к любой схватке, к любым испытаниям и даже к смерти.

Его лицо словно окаменело. Сурово всматривался он в приближающийся берег. Среди кораблей, стоявших в гавани, Брул не увидел ни одного похожего на тот корабль-призрак, о котором говорил шкипер «Покорителя», но пикт не терял надежды. Скорее всего, тем кораблем управляли атланты, они похитили Кулла и увезли его в Атлантиду, а сам корабль вновь отправился на промысел в далекие моря, думал Брул, едва веря собственным предположениям. Но ничего другого ему все равно не оставалось.

Несколько кораблей, подняв паруса, двинулись навстречу «Морскому льву». Брул уже мог разглядеть суровые лица воинов-атлантов и луки у них в руках, но по-прежнему сохранял спокойствие. Они подошли совсем близко, первые стрелы с шипением впились в борта валузийского корабля, но тут Брул поднял вверх руку.

— Атланты! — прокричал он. — Я — посланник короля Валузии Кулла, вашего соотечественника! Он шел к вам с миром, желая положить конец старой вражде. Но в море с ним что-то случилось, и он исчез. Если он у вас, прошу, не причиняйте ему вреда. Кулл всегда гордился, что он атлант, и своим мужеством и справедли-

востью прославил вашу родину далеко за ее пределами. Позвольте мне увидеть его, а если вы так жаждете крови, то лучше убейте меня!

Некоторое время атланты молчали, недоуменно переглядываясь.

— Тебе и так не уйти от смерти, пикт! — крикнул наконец кто-то с ближайшего ко «Льву» корабля. — А если к нам в руки попадется еще и этот предатель, смеющий называть себя атлантом, мы с радостью зажарим заживо вас обоих!

Сердце Брула тоскливо сжалось. Значит, он ошибся, и Кулла в Атлантиде нет. «Ну что ж, отступать уже поздно, — подумал он. — Будем сражаться до последнего.»

Пикт крепко сжал рукоять меча, но в этот момент море внезапно всколыхнулось, словно закипело, а из пучины вод высунулась огромная рыба голова.

* * *

— Ну вот, теперь я вижу, что вы вполне готовы пройти обряд посвящения. — Ясный чистый голос Сафры переливался нежными мелодичными нотами. — Но сначала с вами будет говорить Занн.

Приложив руку к груди, Кулл медленно кивнул. Тинмар повторил то же движение, но с явной неохотой. Прощаю уже несколько дней их пребывания на странном корабле, но юношу не оставляла мысль о побеге. Тинмар уже привык к пище атлантов и ел ее если не с аппетитом, то, по крайней мере, без прежнего отвращения. Рас-

сеянно слушая речи Сафры и других высокопоставленных атлантов, он непрерывно обдумывал различные способы бегства, но не мог придумать ни одного, который бы показался ему удачным.

А вот Кулл с каждым днем менялся на глазах. Все с большим интересом слушая речи учителей-атлантов, он стал все чаще задавать вопросы и подолгу задумываться над услышанным. Он с удовольствием ел водоросли и зерна, походка его сделалась столь же плавной, что и у остальных. Казалось, он совсем забыл, что когда-то был охотником и воином, а тем более — королем Валузии.

Тинмар пытался воспрепятствовать этому, но безрезультатно. Кулл не произносил ни слова в ответ, и лишь в глазах его загорался какой-то странный огонь, не на шутку тревоживший юного спутника. А этим утром произошло событие, повергшее Тинмара в крайнее изумление.

Встретившись за завтраком, который в этот день состоял всего лишь из нескольких веточек причудливого морского растения и прозрачного золотистого напитка, они молча сели к столу и посмотрели друг на друга. Тинмар внезапно понял, что с королем произошла какая-то ужасная, роковая перемена. Так бледно было его лицо и таким странным блеском горели его глаза, что юноша замер, в страхе уставившись на Кулла.

— Государь! — вдруг крикнул он. — Не может быть! Нет!

Кулл не ответил, лишь молча кивнул, и лицо его озарилось какой-то отрешенной, неземной улыбкой.

— Нет! Ты не сделаешь этого! — снова в ужасе крикнул Тинмар. — Но что произошло? Почему я читаю твои мысли? Неужели и я стал таким же, как они? Нет, я не хочу! Но ведь я отчетливо вижу, о чем ты думаешь, — о том, что станешь их королем! Ты уже хочешь этого!

Кулл вновь кивнул и закрыл глаза, опять погрузившись в свои грезы. Тинмар вскочил и начал трясти его за плечи.

— Этого не будет! — в ярости зашептал он, опасаясь, как бы его не услышали люди в белых одеждах. — Я этого не допущу! Кулл останется воином и королем Валузии! Он не будет есть мерзкие водоросли и взглядом усыплять людей! Он будет скакать на горячем коне в гуще врагов! Он будет страдать, бороться и любить, а не ходить по земле бледной тенью и бессмысленно улыбаться!

В этот момент распахнулась дверь, и на пороге появилась Сафра. словно не замечая происходящего, она приветливо улыбнулась и объявила, что к обряду посвящения все готово.

Тяжело дыша, Тинмар двинулся на нее, но внезапно, словно наткнулся на невидимую стену. Не сводя с королевы атлантов горящих яростью глаз, он силился сказать хоть слово, но не мог выдать ни звука.

— Следуйте за мной, — мягко произнесла Сафра. — Эанн ждет вас.

Они поднялись на палубу: Кулл — с высоко поднятой головой и застывшей на лице улыбкой, Тинмар — уныло потупившись и нахмурясь.

Поверхность моря вспенилась, и прямо перед ними из воды возникла огромная рыба голова. Выпученными глазами уставясь на Кулла и Тинмара, она проговорила:

— Приветствую вас, избранные представители человеческой расы! Я рад, что именно вам суждено принять сейчас мое учение и понести его дальше. Перед вами откроется целый мир, доселе неведомый, но удивительный и прекрасный. Желаю вам быть достойными своей судьбы!

Произнеся все это, морской зверь замолчал, плавно покачиваясь на волнах.

— Нет! — вдруг звонко крикнул Тинмар. — Король Кулл и так достоин своей судьбы! Он воин и победитель, а не игрушка в чьих-то руках! Он должен все решать сам!

Морской зверь внимательно посмотрел на юношу, а затем с улыбкой кивнул.

— Мы никого не заставляем силой идти за нами, — вновь зазвучал над поверхностью воды мелодичный голос. — Атланты — раса свободных и сильных людей, и рабов среди них быть не может. Делайте свой выбор сами.

— Я не атлант, так что мне и выбирать нечего! — упрямо замотал головой Тинмар. — А Кулл — мой король, которым я горжусь. Я не допущу...

— Я сделал свой выбор, — спокойно произнес Кулл и, взглянув на Сафру, кивнул ей: — Я хочу быть королем атлантов.

Тинмар скрипнул зубами, почувствовав, что его язык словно онемел и он не в силах произнести ни слова. Сафра подошла к Кул-

лу, держа в руках сверкающий полупрозрачный обруч.

— Преклони одно колено, король Кулл,— сказала она.

Все произошло так стремительно, что никто не успел двинуться с места. Подобно дикой кошке, Тинмар вдруг бросился на Кулла и с силой толкнул его через невысокий борт в воду, тотчас же прыгнув вслед за ним.

Под водой Тинмар крепко схватил Кулла за одежду. Они вместе вынырнули на поверхность, и только тут Кулл наконец понял, что произошло. С силой ударив Тинмара по руке, он попытался оттолкнуть упрямого мальчишку, но тот не сдавался. Они отчаянно боролись, несколько раз с головой погружаясь в воду, и уже начали задыхаться и терять силы, как вдруг ощутили под ногами твердую почву.

— А у твоего юного друга есть характер, король Кулл,— глубоким, сильным голосом произнес морской зверь Эанн, на широкой спине которого они оказались.— Знайте же, что это было испытание. Ты прошел его, король Кулл,— если не своим сердцем, то сердцем своего друга. Ну что ж, наверное, он прав. Оставайся королем Валузии, раз тебя так любят и уважают твои подданные. Это надо ценить.

— Эанн! — изумленно воскликнула Сафра.— Но как же...

— Нет, я не останусь королем Валузии,— твердо сказал Кулл.— Я решил пойти с вами и стать королем Атлантиды.

— Не торопись,— улыбнулся Эанн.— Сначала исполни свой долг перед народом, который доверил тебе управлять Валузией. И перед своими друзьями, которые сейчас подвергаются опасности. Ты успеешь еще вернуться к нам и занять подобающее тебе место, если на то будет воля богов.

Король вскинул голову, словно что-то припоминая.

— Брул? — наконец неуверенно произнес он.

— Да, твой друг Брул сейчас в Атлантиде, и лучше будет, если ты поспешишь к нему. Ты должен быть с ним. Но всегда помни о том, что ты здесь услышал и узнал. Когда-нибудь сердце позовет тебя, и ты вернешься к нам, на родину. Запомни — когда тебя позовет сердце...

Эанн замолчал и повернул в сторону Атлантиды.

Кулл взглянул на корабль и, встретившись глазами с Сафрой, увидел, что она улыбается ему. Улыбнувшись в ответ, он вскинул руку в прощальном приветствии.

«Мы будем ждать тебя, король Кулл,— услышал он ее невысказанные слова,— мы всегда будем ждать тебя».

* * *

Сидя на берегу в окружении атлантов, Брул рассказывал им о подвигах короля Кулла, время от времени бросая тревожные взгляды в сторону моря. Молчаливые, угрюмого вида войны слушали его рассказы то с восхищением, то с недоверием, изредка переглядываясь между со-

бой. Они еще не совсем пришли в себя, пережитого потрясения: вчера, в самый разгар битвы, из моря вдруг появилась огромная рыба голова и заговорила с ними человеческим голосом. В суеверном страхе атланты побросали свои луки и, молясь в душе всем своим богам, сделали все в точности так, как велел им морской зверь, — отпустили валузийский корабль, а пикта оставили на берегу дожидаться короля Кулла. «Завтра вы увидите своего будущего короля», — сказал им морской зверь. И они остались ждать на берегу, не расходясь по домам.

Внезапно Брул вскочил и с бешено бьющимся сердцем побежал к морю — к берегу приближался вчерашний зверь, а на широкой спине у него в полный рост стояли Кулл и Тинмар. Морской зверь остановился, и оба его пассажира бросились в воду, стремительно поплыв к берегу. Брул, не в силах больше ждать, кинулся им навстречу. Смеясь от счастья, они обнялись с Куллом еще в воде, а затем, шатаясь словно пьяные, побрели по песку к столпившимся на берегу атлантам.

Кулл остановился, вдыхая полной грудью воздух родной страны, и обвел взглядом зеленые холмы и неприступные скалы.

«Ну, вот и все, — подумал он. — Свершилось!»

* * *

Ту и Келькор, стоя на берегу, уже который день подряд встречали корабли, один за другим возвращавшиеся в валузийскую гавань.

Первой домой вернулась изрядно перегруженная «Быстрая стрела» — с командой разбившегося «Непотопляемого» в качестве груза. Оба капитана, Витар и Филуто, наперебой рассказывали о каком-то странном морском звере Эанне, говорившем человеческим голосом, который поведал им, что король Кулл жив и здоров. Этот Эанн помог им сойти с мели, после чего «Стрела» благополучно добралась до самого залива. Вслед за ней пришли еще три корабля, а еще через несколько дней — «Морской лев», капитан которого Грито рассказал, как их сначала чуть не убили атланты, но вдруг из моря появилась рыба голова и...

И вот, наконец, на горизонте показался «Покоритель морей». Гордо расправив парус, он стремительно скользил по ровной глади моря к радостно галдящим валузийцам. Увидев своего короля, приветственно махавшего рукой, толпа оживленно зашумела, а в воздух полетели шапки и разноцветные праздничные ленты.

Стоя на палубе рядом с Брулом, Тинмаром и Бра-Нотрой, Кулл задумчиво вглядывался в близкий валузийский берег. Он вспоминал те три дня, что провел на родине, пока к ее берегам не подошел «Покоритель морей». Он вспоминал загадочный корабль, называвшийся морским домом, вспоминал королеву атлантов Сафру...

— И все же, — раздался рядом с ним негромкий голос Брула, — ты сам веришь, что вернешься когда-нибудь в Атлантиду?

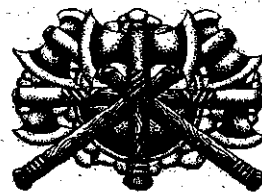
— Не знаю,— после долгого молчания ответил Кулл.— Может быть, когда-нибудь... Если меня позовет сердце.

— Только обязательно возьми меня с собой, государь! — хитровато улыбаясь, воскликнул Тинмар.— Я там тебе ох как пригожусь! Не забудешь?

Они посмотрели друг на друга и весело расхохотались.

ПУТЬ В НЕВЕДОМОЕ

В столице Валузии третий день шли грандиозные празднества. Вообще-то их размах не соответствовал поводу — легкой победе над племенами воинственных дикарей, вторгшихся в отдаленные горные районы королевства. Внезапно вспыхнувшая война окончилась столь же стремительно, сколь и началась. Захватив в Пасиене и Туне богатую добычу, плохо организованная орда разбойников замешкалась, переправляя обоз через собственную речушку Хинта. Здесь и настигли их основные силы валузийцев, которые уничтожили врага в мгновение ока. Но, учитывая, что в сражении королевство не потеряло ни одного воина, да и раненых оказалось совсем немного, государственный Совет постановил достойно отметить окончание войны, чтобы такая яркая победа навсегда осталась в памяти как самих валузийцев, так и всех их возможных врагов.

Денег на торжества решено было не жалеть. Помимо казны свою лепту внесли многие представители знати и купцы, устроив во дворах

обильные застолья или просто выкатив на улицы бочки с вином. Не осталось в Валузии женщины, которая бы не извлекла из заветного сундучка самые богатые украшения и не надела бы лучшие наряды. Не было в эти дни мужчины, который бы не постарался показать, что он воин и герой.

На главной городской площади с утра до вечера развлекали зрителей искусство съехавшиеся отовсюду музыканты, лицедеи и фокусники, заставляя их одобрительно гудеть и ухать от восторга. Ближе к полуночи, когда вместо пестрых воздушных змеев в небе появлялись холодные бесстрастные звезды, на внешней крепостной стене зажигали несметное количество факелов. Багровый отсвет ложился на древние выщербленные мостовые, помогая припозднившимся горожанам поскорее вернуться к родному очагу. Валузийцы крепко засыпали в объятиях любимых жен и верных подруг, восстанавливая силы, чтобы наутро продолжить веселье.

Король Кулл, с утра в задумчивости восседавший на троне, лениво зевнул. Празднества утомляли, а не радовали его. Чересчур легкая победа разочаровала короля, который надеялся потешить себя хорошей схваткой с серьезным противником. Правая рука атланта то и дело сжимала кубок, словно то была рукоять меча, а вместо того чтобы провозгласить тост, ему хотелось издать неистовый боевой клич. Однако сейчас вокруг короля находились не истошно вопившие о пощаде дикари, а санов-

ники и иностранные послы. Они чинно сидели за приставленными друг к другу широкими столами, накрытыми белоснежной скатертью с ниспадающей до пола бахромой. На столах теснились чаши, кубки и кувшины, а полуобнаженные молодые рабыни внимательно следили за тем, чтобы тут же заменить любой из опустевших подносов на новое изысканное блюдо. Гости, соблюдая приличия, ели и пили мало, и каждый неотступно следил за взглядом Кулла и, поймав его на себе, почтительно склонял голову.

— Новая победа Валузии!.. Великий король Кулл!.. Его доблестные воины!.. Мы не сомневались в несокрушимости... — монотонно бубнил очередной, на сей раз талунинский, посланник.

Грузный и широкоплечий, он скорее походил на мясника или капитана гребной галеры, чем на дипломата. Куллу всегда было трудно вникнуть в суть его речей, произносимых вперемишку со свистом и шипением. Дело, впрочем, свое он знал отменно, вел интриги только через подставных лиц и не скупился на мзду королевским чиновникам.

Соблюдение этикета стоило талунинцу гораздо больших усилий. С трудом закончив речь, посол облегченно вздохнул, откланялся и взмахом руки подозвал слуг. Те подтащили поближе к Куллу огромный отделанный драгоценными камнями сундук и торопливо открыли его. Ослепительно заблестела золотая и серебряная посуда, а диковинные хрустальные вазы и канде-

лябры из нефрита сразу выставили для всеобщего обозрения.

Восторженный гул пронесся по залу. Королю пришлось изобразить на лице довольную улыбку и даже приподнять кубок, глядя в сторону талунинца. Но желания выступить с ответной речью у него не возникало. Предоставив эту честь главному советнику Ту, Кулл наконец-то встал с трона и прошел на смотровой балкон.

Внизу, под полуденным солнцем, шумела и переливалась яркими красками городская площадь. Сверху даже трудно было себе представить, сможет ли втиснуться в человеческий водоворот еще один желающий развлечься. Толпы заполняли и другие видимые из дворца площади и улицы. Почти из всех печных труб поднимались узкие струйки дыма: хозяйки не знали отдыха, готовя снесь, которую по случаю праздника раздавали бесплатно. С балкона столица казалась гигантским муравейником.

«Вот ведь старая лиса! — подумал вдруг Кулл, вспомнив перекошенное от напряжения лицо талунинца. — Не очень-то умеет врать, но делает это каждый день. Конечно, ложь — это его оружие. Но зачем ему сейчас так рассыпаться передо мной в похвалах? Талунин поначалу немного впал в панику, когда до него докатились явно преувеличенные слухи о нашествии какой-то необузданной орды дикарей, но ведь потом все быстро разъяснилось. Жалкая кучка головорезов, нагруженная награбленным добром, даже не смогла оказать настоящего сопротивле-

ния. Талунинскому послу хорошо известно, что сражение с разбойниками больше походило на учебную разминку, но он упорно превозносит мои воинские заслуги в этой схватке как особо выдающиеся и доселе невиданные. Интересно, он с детства любил привирать или стал обманывать только тогда, когда поступил на государственную службу? Надо будет спросить у Ту, обучаем ли мы вранью своих послов.»

Как всегда, бесшумно подошел Брул и поставил на широкие перила два кубка с вином.

— Не нравятся дары Талунина? — с улыбкой спросил он. — Напрасно. Еще пара таких шкатулок — и мы окупим расходы на праздник. Старый скряга Ту умрет от счастья.

— Казна — его забота, — мрачно отозвался Кулл. — Видите ли, «пусть армия отдохнет, а народ повеселится». Клянусь Валкой, я не понимаю этого. Разве испытывает счастье крестьянин, зарезав к зиме барана? Мы как дети, ликующие оттого, что попали камнем в крысу или бродячую кошку. С каким наслаждением я выпил бы вино, одобренное кровью поверженного врага, и закусил бы его еще бьющимся сердцем!

Брул пристально взглянул на него. Лицо короля побагровело, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Перед Копьебоем стоял уже не утомленный долгим пиршеством властитель, а великий и безрассудный воин, неустрашимый полководец, взирающий на вражеские колонны. Пурпурный плащ не мог скрыть могучую мус-

кулатуру и широкую грудь атланта, стальные браслеты на руках, казалось, вот-вот разорвутся под напором вздувшихся сухожилий. Золотая диадема на голове сияла в лучах солнца, придавая королю сходство с богом войны.

Сделав маленький глоток вина, Брул постарался успокоить друга:

— Ты велик и могуч, Кулл. Ты негодуешь, как тигр, охотившийся на марала, а поймавший зайца. Но там, внизу, простые люди. Мальчишками они мечтают отличиться на войне, и многие позднее добиваются этого. Но все-таки главное для них — вернуться домой живыми. Это их забота и счастье. Ты великий, а они простые. Оттого сейчас и веселятся. Каждому свое.

Вспышка ярости у Кулла прошла. С досадой махнув рукой, он лишь спросил:

— А что дано королю Валузии?

— Королю Валузии дана почетная обязанность присутствовать на правительственных приемах, — рассмеялся в ответ пикт. — Скучно выслушивать лживых льстецов, но надо, король. Сейчас тебя будут приветствовать купцы, торгующие медью, затем толкнет речь придворный звездочет, который покажет расположение планет, после звездочета выступят лемурийские танцовщицы. Дальше не помню. Надо идти, король. Еще пара сундуков...

— ...И я разгоню всю эту братию! — скрипнул зубами атлант. — Надоело! Спрячь меня где-нибудь, Брул.

Копьебой и сам порядком устал, сучая за столом. Хотелось просто размять ноги.

— Договорились, — задумчиво произнес он. — Я тебя спрячу.

Несколько мгновений они молчали, погруженные каждый в свои мысли, затем пикт с лукавой усмешкой искося взглянул на короля:

— Иди в свои покои и переоденься попроще, Кулл. Я скоро приду за тобой.

* * *

Дзин, дзин, дзин, дза-а... Юный музыкант старательно перибирал струны инструмента, немного напоминавшего кифару. Вряд ли кто в шумной толпе мог услышать эту музыку, но Кулл, к удивлению Брула, остановился возле юноши и бросил к его ногам медную монетку.

«Опять Кулл чудит, — недовольно подумал пикт. — Во дворце скучал, когда его слух ласкали искуснейшие мастера лютни, морщился при пении сладкоголосого Рокана из Талуни-на, а тут засмотрелся на бродягу. Что он в нем нашел?»

Словно прочитав его мысли, Кулл, не сводя глаз с юноши, сказал вполголоса:

— Я поражаюсь тому, как самозабвенно играет этот неопытный музыкант. Вряд ли он знает какой-нибудь другой мотив. Но посмотри: глаза его закрыты, губы что-то шепчут, он дрожит, словно сам обратился в струну. Он сейчас не здесь, он блаженствует в сказочной стране, которую сам придумал. Нас для него нет. Другие

музыканты сочиняют мелодии для всех, а этот только для себя. Но разве он менее талантлив?

Бруду слова короля показались странными, и он обрадовался, когда Кулл двинулся дальше. Уже довольно долго бродили они по площади и близлежащим улицам, одетые в длинные рубахи простолюдинов. Намотанные на головы повязки спасали от зноя и при необходимости позволяли укрыться от излишне любопытных взглядов. Затея Брула — потолкаться в людской гуще — явно пошла на пользу Куллу. Отрешившись от дворцовой суеты, король успокоился. Воспоминания о недавней войне больше не омрачали его душу. Атлант даже с нескрываемым удовольствием съел горячую лепешку в одной из харчевен, куда они заглянули, чтобы немного посидеть в тени.

Там же, в харчевне, король впервые за несколько дней от всей души повеселился. За соседним столиком сидела подвыпившая компания, с восторгом слушая сбивчивый рассказ сотрапезника. Посмотрев в их сторону, Кулл узнал в говорившем одного из своих лучников, который отличился в битве на Хинте. Но подробности, старательно живописуемые рассказчиком, разительно отличались от того, что случилось на самом деле. Кулл никак не мог припомнить ни отчаянного сопротивления врагов, ни явившегося им на помощь трехглавого огнедышащего дракона. Когда же он услышал, что от его, Кулла, первого же удара замертво пала сразу сотня дикарей, то не смог удержаться от хохота.

— Ты прав, Брул, — повернувшись к пикту, сказал он. — Каждому свое. Дипломаты лгут, чтобы скрыть истинные намерения. Этот болтун искренне верит в то, что говорит. Наверное, он впервые очутился на поле брани. А там для каждого мужчины кончаются сказки, рассказанные матерью, и начинается взрослая жизнь. Но детство еще навеивает ему прежние видения, и в перерывах между походами он невольно сочиняет байки для непосвященных.

Тогда, в харчевне, пикт не придавал особого значения туманным словам Кулла. Теперь, после встречи с бродячим музыкантом, у него возникло легкое чувство досады. «Покажи ему обычный камень, — проворчал про себя Брул, — и он пустится в рассуждения о красоте горных утесов.» Однако, ничем не выдавая своего настроения, пикт молча следовал за королем.

А тот уже присоединился к толпе, которая глазела на представление уличных комедиантов. Посередине дощатого помоста лежали две девушки, накрытые синей тканью. Плавными движениями рук они шевелили ее, изображая речные волны. Очевидно, подразумевалась речка Хинта. На правом берегу стояло королевское войско — несколько дюжих молодцов, одетых в красные плащи и вооруженных деревянными мечами и дротиками. Лицедеи, изображавшие дикарей, беспорядочно ползая на коленях, жалко и непрерывно блеяли: «Ой, боюсь!», «Я наложил в штаны», перемежая эти стоны похабными словечками.

Зрители от души смеялись и хлопали в ладоши, но когда двое дикарей выволокли на сцену корыто, в котором сидел напыжившийся толстячок с двумя прикрепленными к плечам головами, публика приутихла. Несколько женщин испуганно ойкнули, а инвалид, стоявший рядом с Брулом, пробормотал проклятия.

— Интересно, — весело хмыкнул Кулл. — Неужели дракон действительно был? Пойдем-ка расспросим других участников сражения!

Пикт хотел было поддержать шутку короля, но не успел. В полусотне шагов от помоста, возле зеленого шатра, кто-то громко и возмущенно закричал:

— Там нет никаких чудовищ! Ты обманул меня! Там ничего нет! А ну отдавай мои деньги обратно!

Крикуна поддержали другие сердитые голоса. Стало ясно, что назревает если не драка, то крупная ссора. Некоторые из зевак, забыв про лицедеев, потянулись туда. Желая узнать причину раздора, вслед за ними отправился и Кулл.

* * *

У шатра ожесточенно спорили две группы людей. Одни утверждали, что владелец балагана «Обиталище чудовищ» чародей Сиар-Та — бесовестный шарлатан. Побывав в шатре, никто из них не испытал обещанных приключений, и теперь обманутые требовали вернуть уплаченные за вход деньги. Другие же, напротив, столь же настойчиво доказывали, что прогулка по

шатру превратилась для них в настоящее испытание и доставила множество необычных переживаний. Спорщики отчаянно жестикулировали, били себя в грудь и хватались за волосы.

Сам виновник переполоха сидел скрестив ноги на маленьком коврике рядом с шатром. Это был седовласый старичок с жиденькой козлиной бородкой. Шутовской островерхий колпак на его голове совсем не вязался с его пронизательным взглядом и хладнокровием. Сиар-Та теревил края выцветшего халата и совершенно не обращал ни на кого внимания. Лишь когда появился прибежавший на шум стражник, маг встал и с достоинством поклонился.

Выслушав разъяснения обеих сторон и желая погасить ссору, стражник решительно потребовал соблюдать спокойствие, особо вспыльчивым пригрозил тюрьмой и напомнил, что все прибывшие на праздник комедианты, трубадуры и фокусники считаются гостями Валузии и имеют полное право показывать свое искусство. Для пущей убедительности он положил ладонь на рукоять меча и свирепо сверкнул глазами:

— А всякий, кто думает по-другому, будет иметь дело со мной!

Почти все тут же послушно разбрелись по площади, продолжая разве что ворчать под нос. Желая попасть внутрь шатра больше не было. Сиар-Та с невозмутимым видом вновь уселся на коврик и принялся беззвучно шевелить губами.

Кулл тем временем подошел поближе, с интересом разглядывая шатер, скроенный из ста-

ринных, порядком истрепанных ковров. Кое-где виднелись остатки былых узоров или просматривались загадочные письмена. Заметив интерес к своему творению, Сиар-Та почтительно наклонил голову, да так, что едва не обронил колпак, и с важным видом произнес:

— Справедливо твое любопытство, благочестивый горожанин. Шатер сей создан мною в точном соответствии с Надсущным Учением Земрука, основоположника Линии Чародейства. Давным-давно, когда люди подобно диким зверям добывали себе пищу не трудом, а охотой, утвердили свою власть над ними грозные и коварные Призраки Ночи. Послушен и труслив был человек, ибо Призраки управляли через ниспосланных ими на землю чудовищ. Только величайший из магов, Земрук, бросил им вызов. Яростной и разрушительной была их смертельная битва. Содрогнулись и рассыпались в песок самые высокие горы, и был поглощен этот песок выплеснувшимся на сушу океаном. Но в Тайных Хранилищах Мудрости озарился Земрук великим Надсущным Учением и...

— Старик! Я сегодня наслушался сказок, — нетерпеливо перебил завывания чародея Кулл. — Лучше просто скажи, что там, внутри.

Сиар-Та обиженно поджал губы и закрыл глаза. Он продолжал что-то бормотать, совершая лишь одному ему понятный ритуал. Кулл пожал плечами, собираясь уже повернуться и пойти прочь, как маг снова поднял веки и спокойно сказал:

— Войдя в шатер, ты прикоснешься к чарам Призраков Ночи и ощутишь дыхание ниспосланных ими чудовищ. Отправляйся же в неизведанное, благочестивый горожанин, и знай: мудрый маг Сиар-Та откроет для тебя выход...

Устав слушать старика, атлант повернулся к Брулу и еле слышно прошептал:

— Похоже, чародей выжил из ума. Внутри наверняка находится какое-нибудь корыто из тех, что мы сегодня уже видели. Ну да ладно, раз не умеет ничем другим зарабатывать себе на хлеб, пусть сидит здесь, пока его не побьют очередные зеваки, попавшиеся на эту удочку.

Вздохнув, пикт с невыразимой тоской на лице швырнул на коврик монету и так же тихо ответил Куллу:

— Подожди меня здесь. Я недолго.

Он отогнул край тяжелой портьеры, закрывавшей вход, и скрылся в шатре. Чародей тут же закрыл глаза и снова забормотал. Кулл отошел от сумасшедшего старика, разговаривать с которым ему не хотелось, и принялся лениво бродить неподалеку.

Брул вернулся довольно скоро. Кинув презрительный взгляд на Сиар-Та, он усмехнулся:

— Там размалеванные мешки, набитые перьями и сеном. Висят, качаются. Страшно до жути! Отличный способ опустошать карманы глупцов.

— Ты имеешь в виду меня?

— Себя, король.

Друзья рассмеялись. Сиар-Та даже не взглянул в их сторону. Монетку, брошенную Брулом, он успел куда-то спрятать.

— Пройдоха,— покачал головой Кулл.— Наверное, он зарабатывает себе на похороны. Ну что ж, надо ему помочь.

— Не трать время впустую, Кулл. Там ничего интересного нет.

Но король уже бросил монетку к ногам чародея.

* * *

За пологом Кулла встретила тьма, настолько густая, что он решил приоткрыть край портьеры, чтобы лучше осмотреться. Но руки короля напрасно шарили в пустоте: стены шатра исчезли.

«Это не колдовство,— подумал Кулл.— Просто снаружи все залито солнцем, а здесь наглухо занавешено коврами. Сейчас глаза привыкнут к темноте.»

Вскоре мрак стал рассеиваться. Выдумщик Сиар-Та, наверное, подвесил в нескольких местах потайные лампы, тусклое мерцание которых напоминало светлячков. Правда, понять, где выход, или определить, куда идти, все еще было невозможно. Вдобавок стояла такая мертвая тишина, что Кулл слышал стук собственного сердца.

— Делать нечего,— громко сказал король, чтобы нарушить зловещее безмолвие.— Зря я не послушался Брула. Пойду-ка вперед.

Атлант успел пройти пару шагов, когда внезапное оцепенение сковало его по рукам и ногам. Он вдруг понял, что слова, которые он только что выкрикнул, будто зависли над его головой. Он оказался замурованным в непроницаемой обволакивающей тьме, мог слышать и видеть только на расстоянии вытянутой руки. Вокруг, как сказал Брул, действительно ничего не было. Сколько ни вглядывался король в темноту, заметить что-нибудь, кроме загадочных неясных бликов, ему так и не удалось.

С трудом сбросив оцепенение, Кулл постарался крикнуть еще громче:

— Валка! Мне это уже не нравится! Я разорву этот проклятый шатер на куски и заставлю старика сожрать их все до одного! Пусть лопнет его тощий живот! Берет плату со взрослых, а развлекает, как сопливых детей! Где эти висячие мешки с сеном?

Выговорившись, король сообразил, что Брул, как и многие другие, проходил шатер быстро и без затруднений. «Надо просто идти вперед,— вновь решил он,— и я обязательно упрусь в одну из стен.» Однако приступ непонятного страха вновь охватил Кулла. Ноги внезапно отяжелели, а по спине забегали мурашки. Чутьем охотника он ощутил, что тьма пробудилась от его речей и пришла в движение. Призраки Ночи неторопливо выползали из нор, беззвучно погоняя своих чудовищ.

Надо было бороться.

— Эй, твари ползучие! Клянусь всеми богами, что я мечтаю с вами познакомиться! Выходите все вместе или по одному — это не важно! Я король Кулл, и я не люблю непрошенных гостей. Присылайте ваших чудовищ! Ничего, я и не таких тварей видел. Я делаю из них чучела и по праздникам показываю народу. Величайший из магов Земрук позавидовал бы моей коллекции: Смелее, ничтожества! Идите ко мне!

Испытанный метод подействовал: он успокоился. Неприятная дрожь в руках исчезла, кровь, пульсировавшая у висков, побежала по венам. Самообладание и ясный ум вернулись к королю.

«Я веду себя как сумасшедший, — убеждал себя Кулл. — Это просто балаган уличного фокусника. Вокруг пусто. Если тут и есть чудовища, то всего одно, и это я. Надо просто добраться до какой-нибудь стены.»

Король двинулся в темноту, выставив подобно слепому руки перед собой и пытаясь нащупать препятствие. Теперь он прошел гораздо больше, чем в первый раз, но ничего не изменилось. Кулл был предоставлен самому себе, а из окружающей тьмы на него напозлали жуткие твари. Он чувствовал их холодное дыхание, брезгливо морщился, представляя, как к его коже вот-вот прикоснется неизвестная скользкая мразь. Однако теперь Призраки Ночи не проникали внутрь Кулла: он научился держать их на расстоянии. Для пущей верности король выкрикивал проклятия в адрес Сиар-Та, понося его на все лады и стараясь не повторяться.

Идти дальше было бессмысленно, и он остановился. Несомненно, что-то должно было произойти. Кулл осознавал, что находится внутри шатра, который стоит на городской площади неподалеку от дворца, а рядом с шатром сейчас ждет его Брул. Все, что он здесь видит, — плод его, Кулла, воображения. Он просто слегка растерялся, случайно став участником давно забытой детской игры. Ярость, закипавшую в нем, давно следовало остудить. До короля дошло, что чем спокойнее он ведет себя, тем быстрее разворачивается магическое действие. Он даже присвистнул от радости, и на этот раз откуда-то издали донесся слабый отзвук. От неожиданности Кулл вздрогнул, но, внимательно прислушавшись, понял, что не ошибся. В тишине вдруг зазвучала недавно слышанная мелодия: «Дзин, дзин, дзин, дза-а».

— Этого еще не хватало! — прорычал король. — О, Валка! Я молил тебя ниспослать смерть на поле битвы, а ты смеешься надо мной. Почему я не умер, пронзенный копьем самого тщедушного дикаря? Я не хочу сойти с ума! Король Кулл никогда не будет посмешищем!

Он захохотал, но то был смех не безумца, а воина. Ярость клокотала в нем, но больше не была неуправляемой. Распрямилась спина, расправились плечи, мускулы налились прежней силой. Король больше не шурялся, а широко раскрыв глаза, бесстрашно смотрел во тьму — и видел.

Перед ним ползали, прыгали и летали бестелесные гады и твари. Громко шипя, готовилась

к броску огромная ядовитая змея. Медведь-единорог, встав на задние лапы, водил носом, предвкушая добычу. Сбоку подползало омерзительное чудовище, напоминавшее осьминога, который научился ходить по суше. Стаи клыкастых гиен, перебегая с места на место, нетерпеливо сновали вокруг короля. За уродливой нечистью, словно горы, возвышались Призраки Ночи. Они были чернее мрака, лишь глаза горели столь жгучей ненавистью, что от нестерпимой жары Кулла прошиб пот. Страхи пытались пригнуть его к земле, но атлант лишь поводил плечами, сбрасывая их с себя. Он стоял твердо и величаво. Так стоит неприступный утес, и всякий, кто столкнется с ним лицом к лицу, — путник ли, ветер ли — вынужден уступать дорогу.

— Что сказал Сиар-Та о вашем царствовании? — смеясь, обратился Кулл к Призракам. — «Человек был труслив и послушен». Я не такой. Я король Кулл. Я не боюсь и не слушаюсь вас, чудовища. Я разрываю тьму!

Вцепившись могучими руками в темноту, он раздвинул ее.

* * *

Сто громов загревели в ушах, и сто молний зажглись в глазах Кулла. Земля затряслась под ногами, мощный ветер с бешеной силой ударил в грудь, но он даже не вздрогнул. И тогда силы зла обрушились на природу. Все вокруг трещало и раскалывалось. Рассвирепевший ураган вырывал с корнем вековые деревья, испо-

линские скалы дыбились и крошились на мириады осколков, вода озер и рек фонтанами взвилась вверх. Воздух наполнился месивом из щепок, камней и пыли. Из-под разверзшейся земли поднялись в небо огненные столбы, щедро разбрызгивая пламя. Ослепительные разрывы молний то и дело освещали кошмарную картину картину.

Посреди гибнущего мира стоял Кулл и терпеливо ждал. С каждым мгновением чары Призраков Ночи ослабевали. Мрак сменился белесым туманом, сквозь дымку уже проглядывал окружающий ландшафт. Никакого шатра и в помине не было. Король находился в бескрайней пустыне, на ровной поверхности которой валялись лишь груды падавших с неба камней, да местами тлели остатки сторевших деревьев и клубился черный дым. Успокоившаяся земля быстро остывала, Ветер подбрасывал к ногам правителя сухие комья и пучки трав, но ураган иссяк и больше не возвращался.

Туман окончательно рассеялся. Глаза Кулла быстро привыкали к дневному свету. Он понимал, что испытания, уготованные ему Призраками, на этом не кончились, и поэтому настороженно оглядывался по сторонам. Королю не пришлось долго ждать — его внезапно накрыла черная тень. В сером небе парила странная птица, небывалые размеры которой внушали ужас. Приглядевшись, Кулл молниеносно выхватил из-под рубахи короткий меч — единственное оружие, с которым он никогда не расставался.

У «птицы» было три головы! Дракон — не выдуманный болтуном из харчевни и не изображенный уличным комедиантом, а самый настоящий, из плоти и крови!

Посланец сил зла, несомненно, был опытным бойцом. Дракон не растопыривал в полете лапы и не изрыгал смертоносный огонь, надеясь сломить волю противника еще до схватки. Он спокойно и плавно кружил над Куллом, понимая, что не умеющий летать и вооруженный одним клинком человек никуда от него не денется. Король, вынужденный постоянно крутить головой, тем временем сбросил сковывающую движения рубашу. Он тоже был спокоен и даже с улыбкой напевал: «Дзин, дзин, дзин, дзаа.» Сердце его радостно колотилось в предчувствии битвы, а разум оставался холодным и подвластным воле.

Дракон опустился на землю в двадцати шагах от Кулла и неторопливо сложил крылья — теперь костяной панцирь надежно прикрывал туловище. Размерами хищник походил на здорового быка, только вместо одной у него торчали три головы, а шесть коротких лап были гораздо толще бычьих ног. Три пары выпученных глаз чудовище, не мигая, наблюдало за человеком. Король тоже решил не торопиться, а подождать, когда необычный противник кинется на него.

Дракон сердито потряс всеми головами и привстал на задние лапы, выпустив кривые когти на передних и средних. Внутри него что-то зак-

локотало, из ноздрей повалил густой раскаленный дым. Огнедышащий соперник Кулла не умел хитрить и предпочитал действовать прямо.

Мощная струя огня обрушилась на то место, где еще мгновение назад король. Зашипел обугленный песок. Кулл ловко увернулся и от второго залпа, пламя которого сожгло скинутую им рубашу. В третий раз атланта все же задело, но, увлеченный сражением, он тут же забыл об этом. Раздосадованный промахами, дракон стал тщательнее прицеливаться, но его медлительность позволяла Куллу предугадывать намерения чудовища и успешно уклоняться от ударов. Постепенно запал дракона стал иссякать, пламя становилось все более вялым, и в конце концов из пасти трехглавой твари повалил лишь едкий густой дым.

Наступило короткое затишье. Дракон недовольно мотал головами и угрожающе махал лапами, злобно поглядывая на Кулла. Со свистом выпустив последнее облачко дыма, чудовище дико зарычало и медленно двинулось вперед. Король облегченно вздохнул: он боялся, что дракон способен совершать стремительные и длинные прыжки, а крылатая корова умела только ползать. «И поворачиваться она не любит, значит, нападать должен я», — подумал Кулл.

Сжав обеими ладонями рукоять меча, атлант приготовился к броску. Дракон подходил все ближе и ближе, и скоро воздух раскалился так, что стало невозможно дышать. Король втянул голову в плечи и нырнул под распростертые

правые лапы врага. Удар не получился: меч лег плашмя на один из хрящей крыла, но, почувствовав боль, хищник прекратил рычать, медленно раскрыл крылья и, убедившись, что они целы, опять прикрыл ими бока.

Тем временем Кулл начал бегать то в одну, то в другую сторону, вынуждая противника неуключе переваливаться с лапы на лапу. Будь дракон сообразительнее, он приподнялся бы в воздух, и тогда уловки атланта лишились бы смысла. Но запыхавшемуся чудовищу было не до раздумий: Кулл постоянно убыстрял шаги. Вот он стремительным рывком проскочил под боком крылатой твари и успел нанести два могучих удара по хребту. Дракон задергал хвостом так судорожно и неистово, что атлант вынужден был невольно отступить.

Но бой продолжался. Кулл вновь и вновь наносил удары, не причинявшие дракону видимого вреда. Правда, раны чудовища все-таки начали кровоточить, но для окончательной победы этого явно было мало. Досталось и королю: чудовище сильно потрепало его левое бедро, не защищенное кольчугой. Густая черная кровь дракона и алая кровь человека смешались на раскаленном песке.

Надо было спешить: дыхание исполинской твари становилось горячее. Однако дракон сумел разгадать очередной замысел Кулла и, неожиданно расправив крыло, перегородил ему путь. Не ожидавший от противника такой прыти, король кубарем покатился по земле. Чудовище, взревев,

попыталось раздавить его, но атлант, извиваясь, как змея, чудом ускользнул из-под страшных лап.

Дракон-тугодум не заметил этого и продолжал яростно топтаться на месте. Тогда Кулл, оказавшийся за спиной противника, быстро вскочил на ноги и нанес разящий удар — обрубком задней лапы упал на землю, и от рева покаленной твари в ушах короля едва не лопнули перепонки.

Ход битвы изменился. Дракон, казалось, забыл, что умеет летать. Он хотел немедленно разорвать на куски того, кто причинил ему боль. А его враг, истекая кровью, из последних сил кружил вокруг чудовища. Окажись в руках Кулла боевой топор или меч подлиннее, он давно победил бы, но с коротким клинком надо было действовать наверняка.

И вот долгожданный миг настал. Когда дракон снова потерял человека из виду, Кулл одним прыжком забрался ему на спину и резким движением снес среднюю голову. Отмахнувшись, зверь глубоко рассек ему шею, но Кулл не почувствовал этого: его переполняла радость. Исход поединка был предрешен. Силы дракона таяли на глазах, и вскоре вторая голова покатилась по горячему песку.

И тогда произошло невероятное — чудовище заплакало! Потрясенный король даже пожалел своего врага, но дракон, словно опомнившись, вновь пошел на него. Каждый шаг давался бедняге с трудом, но звериный инстинкт гнал хищника вперед.

Кулл подхватил с земли крупный обломок скалы и бросил его в дракона. Раненый монстр взвыл от боли и, отшвырнув камень, завертелся на месте. Не давая ему прийти в себя, атлант обрушил меч на последнюю голову, и она раскололась надвое.

Дракон и Кулл одновременно упали на землю: один — замертво, другой — совершенно обесилев. С каким-то странным равнодушием король смотрел, как кровь поверженного противника капает прямо на него, но когда из обрубленной шеи потекла противная студенистая жидкость, Куллу стало не по себе, и он, с трудом поднявшись, нетвердой походкой побрел вперед...

* * *

Король вышел из шатра и в изумлении остановился. Перед ним лежала знакомая площадь, беззаботно бродили гуляки, отовсюду слышались возбужденные голоса и хохот. Все так же ярко светило солнце, а невозмутимый Сиар-Та сидел на своем коврикe и едва заметно шевелил губами. Пустыня, груды камней, обугленные стволы поваленных деревьев и, наконец, дракона — все это в одно мгновение куда-то исчезло. Король не верил своим глазам и, зажмурившись, тряхнул головой.

— Насмотрелся страшилищ? — услышал он голос Брула и открыл глаза. — Если бы мне было годика два, ну, три, то я, наверное, стал бы заикой. Старичку надо посоветовать, чтобы чучела хоть немного двигались. Куда пойдем?

Король молчал. Он стоял как вкопанный и странно озирался по сторонам. Безумное выражение глаз и чрезмерная бледность друга испугали пикта. Он подозрительно посмотрел на чародея, но Сиар-Та даже не заметил этого. Однако состояние Кулла вызывало серьезную тревогу.

— Что случилось? — Брул положил руку на плечо короля. — Тебе плохо? Это, видимо, от духоты. Надо посидеть в тени. Зайдем-ка снова в харчевню.

— Брул... — растерянно пробормотал атлант. — Ты... Видел его?

— Кого?

— Дракона.

— Какого? Их там несколько штук.

Король, часто моргая, уставился на пикта:

— Несколько штук? Валка! Я говорю о живом драконе с тремя головами... Он напал на меня...

Брула прошиб холодный пот. «Кулла явно хватил солнечный удар», — подумал он. Тщательно подбирая слова, пикт попытался разубедить короля:

— Кулл, ты переутомился. Сегодня жарко, а ты слишком долго пробыл на солнце. Сейчас мы посидим в харчевне и выпьем вина. Надо отдохнуть. Слишком много впечатлений.

— Брул, я не сошел с ума, — досадливо поморщился король. — Но дракон был. Живой! Я бился с ним один на один и победил. Он нанес мне множество ран и сжег мою рубаху. Неужели ты не видишь?

Кулл внезапно замолк и схватился за шею, затем судорожно ощупал левое бедро. Ни ран, ни царапин, ни запекшейся крови — ничего не было. Не меньшее изумление король испытал, когда обнаружил, что одет в ту самую длинную рубаху, которая сгорела на его глазах. Лицо короля в это мгновение стало настолько глупым, что Брул из вежливости отвернулся. Атлант долго молчал, потом растерянно усмехнулся:

— Значит, это был просто сон. Я почти не спал сегодня ночью, утомился и, когда вошел в шатер, на ходу задремал. Да, все верно, ведь мне снилось только то, что я видел накануне: Призраки, о которых говорил старик, чудовища, дракон в корыте... Я слышал мелодию того самого юнца: «Дзин, дзин, дзин, дза-а».

— Наверное, — согласно кивнул пикт. — А может, этот шарлатан подпускает в шатер какого-нибудь дурмана? Кто его знает!

Король потихоньку приходил в себя. Он с осторожным любопытством снова осмотрел шатер, стараясь вспомнить, не встречались ли ему раньше узоры, видневшиеся на стенах. Затем, не спрашивая разрешения чародея, приоткрыл полог. Внутри горели несколько чадивших факелов, по стенам и в середине помещения висели размалеванные чучела хищных зверей и сказочных чудовищ. Пахло мышами.

— Я едва не сошел с ума, — задумчиво произнес Кулл, обращаясь к самому себе. — Я могу победить дракона, но бессилён против колдуна.

Он говорил совсем тихо, но Брул тем не менее услышал его и облегченно вздохнул: раз к Куллу вернулась привычка рассуждать, значит, с ним все в порядке.

Задвинув полог, атлант повернулся к Копьебою:

— Но ведь до нас тут были другие. Их впечатления настолько различались, что многие готовы были подраться, лишь бы доказать свою правоту.

— Третий день идет праздник, — пожал плечами пикт. — Вино льется рекой. Так что немудрено, что кто-то, увидев пугало, да еще качающееся в темноте...

Атлант кивнул. Досада от того, что пережитое им, всего лишь сон или бред перегретьего и утомленного человека, прошла. Он посмотрел на Сиар-Та. Хотя магу не понравилась бесцеремонность, с которой Кулл разглядывал его балаган, он продолжал сидеть на коврике, не сменив позу, даже когда услышал:

— Ты великий волшебник, Сиар-Та. Я ошибался, поначалу не поверив тебе. Ты на самом деле творишь чудеса. — Кулл старался говорить как можно спокойнее, но голос выдавал его растерянность. Он все еще не знал, как себя вести: то ли с обиды отвесить старику хорошую оплеуху, то ли... Что-то мешало ему определиться. Немного помолчав, он добавил: — Вечером тебя пригласят ко мне в гости. Я хочу поговорить с тобой. Ты расскажешь мне про Надсущное Учение, а я угощу тебя вкусным ужином. Согласен?

Старик, перестав шевелить губами, окинул короля оценивающим взглядом и, видимо, остался доволен тем, что увидел.

— Согласен,— кивнул он.— В мои годы редко приходится сытно есть. Я приду, но ты, благочестивый горожанин, не обмани моих ожиданий.

— Разве кто-то может обмануть столь искусного чародея? Ты не пожалеешь о сегодняшнем вечере.

* * *

Чинное пиршество во дворце продолжалось, хотя, за время отсутствия короля гостей стало заметно меньше. Раздосадованный Ту попытался заманить повелителя за стол, но, наткнувшись на сумрачный взгляд, обиженно поджал губы и удалился. Кулл отправился в свои покои и, даже не сбросив злополучную рубаху, растянулся на кровати. Страх, что во сне кошмары повторятся, оказался напрасным: едва король сомкнул веки, как провалился в сладкое тягучее небытие.

Ближе к полуночи по его приказанию привели Сиар-Та. Старик по такому поводу надел новую белую накидку и подпоясал ее черным кожаным ремешком. В этом одеянии и без шутовского колпака он выглядел вполне благообразно, вел себя уверенно и степенно, будто привык к роскошной обстановке и к общению со знатными персонами. Теперь Сиар-Та больше походил на мудреца, чем на уличного фокусника.

Кулл уединился с ним в тихой угловой комнате, широко распахнутые окна которой выходили в сад. Еле уловимый шелест деревьев и лившаяся с улицы ночная прохлада действовали на отдохнувшего короля умиротворяюще. Он не проронил ни слова, дав возможность чародею насладиться превосходной трапезой. Гость, с аппетитом уминая всевозможную снедь, тоже молчал. Жаркое из мяса молодого оленя, тушеный кабаньей филей, подсоленная спинка кальмара с оливками и тмином, обжаренные в соевом соусе и патоке креветки, студень из акулий плавников — он все попробовал, одобрительно кивая и причмокивая.

Кулл, наблюдая за Сиар-Та, невольно сравнивал его манеры с чопорным поведением знати, которая постоянно грызлась между собой за право отобедать в компании короля. Они приходили во дворец сытыми, так как их целью было не есть и даже не на короля посмотреть, а прежде всего себя показать. А вот чародей, вечно голодный бедный старичок, вел себя естественно, ел и пил с огромным удовольствием, как всякий нормальный человек, попавший за столь обильный и изысканный стол. «Он счастлив от нежнейшего вкуса куриной грудки, фаршированной мякотью ананаса,— думал Кулл.— Для него это чудо. Но завтра он с таким же восторгом съест черствую хлебную корку и так же, как сегодня, поблагодарит небеса за щедрость.»

Насытившись, старик сполоснул руки в тазике с водой и, блаженно улыбнувшись, беззвуч-

но зашевелил губами. Тогда король решил нарушить молчание:

— Ты удивился, узнав, кто я?

— Нет,— спокойно отозвался Сиар-Та.— С самого начала я знал, что вижу перед собой правителя Валузии. Но раз ты пришел переодетым, значит, я не должен был узнать тебя.

— Вот как? — недоверчиво усмехнулся Кулл.— Я вижу, для тебя не существует тайн. Ты распознаешь людей, какие бы обличья они ни принимали. Ты угадываешь их мысли, предвосхищаешь желания, знаешь прошлое и будущее каждого. Ты в совершенстве овладел Надсущным Учением и стал мудрее мудрых. Но тогда скажи, почему знание магии не обогатило тебя? Ты мог бы поступить на службу или устроиться советником к какому-нибудь вельможе, получить приличное вознаграждение. С твоим даром проникать по ту сторону разума ты купался бы в роскоши, не зная ни горя, ни нужды! А ты вместо этого...

Король остановился на полуслове и, жестом показав собеседнику на стол, глотнул из кубка. Старик пододвинул поближе серебряный поднос с кистями отборного темно-синего винограда, но прикасаться к ягодам не спешил. Хитровато взглянув на Кулла, он невозмутимо ответил:

— А разве я сейчас не нахожусь в самом богатом дворце Валузии? Разве я сейчас не веду доверительную беседу с самым могущественным из правителей Семи Империй? Разве не для меня приготовили этот восхитительный ужин?

— По гостю и честь,— улыбнулся король.— Ты удивительный человек, Сиар-Та. О чем тебя ни спроси, все равно окажешься в дураках. Постарайся все-таки не прогневать меня. Скажи откровенно, что случилось со мной в шатре? Ты усыпил меня колдовскими заклинаниями или использовал какие-то благоволия? Клянусь Валькой, я не отрублю тебе голову, не брошу в темницу, никому не выдам твоих секретов. Только скажи правду.

— Все короли одинаковы,— огорченно вздохнул чародей.— Хотят знать правду, а тем, кто ее говорит, угрожают. Мало того, еще и не верят той самой правде. Мы думаем, что короли — избранные, а они обыкновенные люди... Ты хочешь знать, что случилось с тобой в шатре? Отвечаю: ничего там с тобой не случилось. Тебя в шатре не было. Зайдя в него, ты перенесся на границу света и тьмы, где победил дракона. «Обиталище чудовищ» — это вход в Неизвестное. А я привратник. Каждый раз я не знаю, что будет с тем, кто войдет в шатер, куда направят его и что покажут ему высшие силы. Мне дано только право впускать и выпускать обратно.

Атлант был ошеломлен. С одной стороны, слова старика смахивали на откровенное шарлатанство, рассчитанное на дураков. С другой — откуда Сиар-Та знал об его приключениях? Ведь он не мог подслушать на улице несколько невнятных фраз, тихо сказанных Брулу. Или кое-что уловил, а остальное домыслил и теперь на-

бывает себе цену? «Надо держать с ним ухо востро,— решил король.— Впрочем, это бесполезно: он читает чужие мысли... Неужели я боюсь этого старика? Нет. Но мне очень хочется ему верить.» Справившись с волнением, он продолжил разговор:

— Врата в Неизвестное? Ты хочешь убедить меня, что тайны высших сил стали ремеслом уличных фокусников, что любой желающий за одну монетку может прикоснуться к ним. Но тогда рухнет мир, непосвященные станут посвященными, высшие силы потеряют власть над людьми... До сих пор я верил тебе, но в это поверить никак не могу.

Положив в рот несколько виноградин, Сиар-Та прикрыл глаза, скрестил руки на груди и углубился в размышления. Кулл испугался, что старик, чего доброго, заснет прямо за столом. Но чародей быстро вышел из забытья и заговорил, зная, что его не будут перебивать:

— Люди рождаются голыми, а живут в одежде. Точно так же Надсущное Учение, будучи абсолютной истиной, бродит по миру в виде грубого балагана. У любого содержания обязательно есть форма, порой поразительно не подходящая для него. Нет ничего удивительного в том, что некоторые люди видят в шатре только детскую забаву. Входя туда, они желают известного и получают его...

Очутившись в своей стихии, чародей говорил и говорил, искусно подогревая интерес Кулла загадками и притчами, но при этом ни

разу не повысил голос. Он приглашал собеседника вместе с ним путешествовать по лабиринтам своих рассуждений, заботливо предупреждая о возникающих препятствиях и расставленных сознанием довушках. Зачарованный открывающимися ему истинами, король полностью доверился Сиар-Та и напряженно ловил каждое слово старика.

Людей окружают известные им с детства или открываемые заново предметы и явления, толковал тот. Мы знаем сущность большинства из них и когда-нибудь разберемся с остальными. Но люди не могут понять, отчего камень превращается в песок, а не в воду, почему звезды молчат, а звуки не светятся. Закономерность последовательно сменяющих друг друга событий, составляющих судьбу человека, подвластна только высшим силам и ограниченному числу людей, владеющих Надсущным Учением. Слуги Неизвестного (так они называют себя) то тут, то там открывают свои знания, нередко возбуждая в окружающих презрение и ненависть к себе. Их возможности ограничены: вероятно, они сами всего лишь слепые игрушки в руках высших сил. Но они продолжают нелегкий путь, ибо если люди забудут о Неизвестном, то уподобятся диким животным, которыми движут лишь поиски пропитания. Их жизнь теряет смысл, а предметы — сущность.

— И неважно, что подавляющее большинство принимает наши откровения за бред бе-

зумцев,— пристально взглянул в глаза королю Сиар-Та.— Каждому свое.

При этих словах атлант вздрогнул. Еще днем он слышал их от Брула, но не обратил особого внимания. И вот теперь, посреди ночи, они прозвучали из уст чародея. Прежние подозрения шевельнулись в глубинах души, но Кулл сразу же убедил себя в правоте гостя и был искренне огорчен, когда тот, сославшись на усталость, попросил разрешения удалиться. Приказав слугам отвести его в одну из эпочивален, король простился со стариком и, оставшись один, подошел к распахнутому окну.

— Каждому свое,— задумчиво пробормотал он.— Брул хотел убедиться, безопасно ли в шатре, и потому увидел только мешки с сеном. Меня мучила жажда битвы, и я утолил ее.

Сияние звезд уже начало слабеть, на траве и деревьях заблестели первые росинки, небосвод постепенно алел. Издалека доносилось мерное доканье копыт: ночная стража объезжала посты.

— А что, если войти в шатер, желая познать свое Неизвестное? — громко, словно приказывая себе, произнес король, и от этой дерзкой мысли у него захватило дух.

Долго пребывать в смятении он не мог. Облачившись в коблчугу, накинув плащ и прихватив меч со щитом, Кулл удостоверился, что чародей безмятежно спит в отведенной ему комнате, вышел из дворца и решительно направился к площади.

* * *

Этой же ночью на другом конце столицы, в приземистом особняке, так основательно укрепленном каменными стенами и железными решетками, что здание походило на неприступный замок, также не спали. Собеседники расположились возле камина, за круглым столиком из красного дерева. Один из них, тучный и седобородый, был гораздо старше другого, коренастого смуглого воина, который выглядел встревоженным. Пожилой хозяин особняка, Ка-Ну, глава посольства пиктов, полулежал на удобной мягкой кушетке и с удовольствием потягивал крепкую алычовую настойку. Сделав несколько затяжных глотков, он всякий раз закатывал глаза и с интересом взирал на лепнину сводчатого потолка. Воину, старавшемуся не пропустить ни единого слова посла, приходилось терпеливо ждать.

— Так ты утверждаешь, что Кулл едва не потерял рассудок? — недовольно проворчал Ка-Ну.— И думаешь, это от усталости... Валузийцы мнят себя цивилизованным народом, мы для них — стая дикарей, этакие двуногие волки, которые научились говорить. А сами ведут себя как малые дети. Закатили праздник ни с того ни с сего... Повод-то какой — разгромили шайку разбойников. Очень важное событие! Наприглашали в город разную шваль, заговорщиков из тюрем выпускали. Дови их после этого...

Брул ожидал, что старик опять сделает длинную паузу, но Ка-Ну не потянулся за завет-

ной кружкой, а внимательно посмотрел на собеседника:

— Нет, король не таков. Ни усталость, ни духота его не допекут. Тут другое. С ним что-то случилось внутри шатра. И это что-то могло погубить его.

— Но там ничего не было,— запротестовал Брул.— Я вошел туда первым и убедился сам. Кулл твердил о драконе, а там даже собаку не спрячешь. Голые стены и несколько чучел.

Копьебой попытался доказать свою правоту, но не сумел подобрать нужных слов и замолк. Тем временем посол снова углубился в созерцание. Пламя камина бросало красноватые отсветы, тени пробегали по стенам и потолку, делая комнату похожей на колыхавшийся под ветром шатер. Тяжко вздохнув, Ка-Ну с громким кряхтением встал с кушетки и прошел к встроенным в глубокую нишу полкам. Наскоро перебрав содержимое нескольких шкапулок, он вернулся и с удовольствием улегся. В руках Ка-Ну держал пожелтевший от времени свиток.

— У меня есть старая сказка,— медленно проговорил он, с изумлением прикидывая, какой длинный путь ему пришлось преодолеть ради ничемной бумажки.— Ее передал Парафт, тот самый смысленный малый, который выкрал у туранийцев секреты их новых баллист... Тьфу, это не для твоих ушей. Что-то я стал слишком болтлив! Так вот, в сказке говорится о том, что когда-то миром правили Призраки Ночи. Чуть

полная! Но там упоминается одно знакомое тебе имя — Земрук.

— Колдун, с которого все началось?

— Колдун, которым все закончилось. Я так понимаю, что Земрук, если, конечно, верить сказке, каким-то образом втерся в доверие к Призракам и втайне от них овладел их колдовством. Научился летать по воздуху, проходить сквозь стены, одновременно быть в разных местах, перемещать предметы, напускать порчу — одним словом, всему, чем они, чародеи, занимаются. И при первом удобном случае сбежал от хозяев. Достоверных данных о его дальнейших похождениях нет, сказка кончается его уходом от Призраков. Но время от времени в разных странах стали происходить необъяснимые события. То крепость вдруг как сквозь землю провалится, то король куда-то сгинет бесследно, то хорошо вооруженное войско побросает мечи и сдастся в плен одному человеку. Я не говорю сейчас о более мелких, но не менее любопытных происшествиях. Два года назад мои шпионы своими глазами видели проплывавший по небу морской корабль.

— Ка-Ну, я не выдержу этого,— взмолился Брул.— Сначала Кулл, теперь твои странные речи. Дракон с тремя головами, парусник, перепутавший море с небом... Это заговор?

Ответа не последовало. Посол, дотянувшись до кувшина, налил настойку в опустевшую кружку и заговорил только после пары хороших глотков:

— Он ни с кем не связан, не участвует в заговорах, не захватывает чужих земель и не похи-

щает сокровищ. Он играет. Появляется под разными именами, притворяется жрецом или торговцем, нищим или воином. Никто не способен проникнуть в его замыслы, но добра они людям не приносили. Известно одно: он не подсыпает яду, не опаивает зельем, не орудует кинжалом. Земрук доводит жертву до безумия и расправляется с ней ее же собственными руками.

В голосе Ка-Ну слышались завистливые нотки. Брулу вдруг показалось, что посол постепенно теряет нить разговора и потихоньку засыпает. Но Ка-Ну продолжал негромко бубнить:

— Никаких следов, никакого вмешательства в большую политику — и такие превосходные результаты! Идеальный шпион. Я своих учу-учу, а толку мало... Интересную сказку я тебе рассказал?

Последняя фраза прозвучала громко и четко. Брулу, пытавшийся в это время разглядеть, что интересовало старика на потолке, вздрогнул и поспешно посмотрел на посла. Ка-Ну сидел уже прямо, бойко постукивая пальцами по столу и сверля воина насмешливым взглядом.

— Я ничего не понимаю, — признался Брулу. — Скажи мне, что делать, и я сделаю. Скажи, кто враг, и я уничтожу его. Но читать сказки? Это не по мне.

— Тогда слушай, — жестко сказал посол. — Я тоже не знаю, кто враг. Но я не забываю и о том, что опыта борьбы со злыми чарами нам не занимать. Королю угрожает опасность. Никакого Земрука, конечно, в помине нет. Но легенду

о нем могут использовать другие. Возможно, я ошибаюсь. Отдохнув, Кулла посмеется над своими видениями. И над нами тоже. Тогда мы просто выставим шарлатана из столицы... Но сердце подсказывает мне: тут что-то не так.

Я прекрасно изучил Кулла и не сомневаюсь: ему кто-то угрожает. Ты должен выяснить, кто именно. Сказку я прочитал, чтобы ты понял, с каким могуществом и коварством можешь столкнуться. Так сказать, на всякий случай. Тем более владелец шатра сам назвал имя колдуна-проходимца. Случайное это совпадение или нет, разберись сам.

Высказавшись, Ка-Ну опять развалился на кушетке. Прикрыв глаза и неопределенно махнув рукой, он напоследок тихо произнес:

— А спать тебе не придется. Спеси во дворец.

Брулу пошел к выходу, не зная, что уже опоздал.

* * *

На этот раз никакой тьмы не было. Напротив, в глаза Кулла ударил такой яркий свет, что он прикрыл их рукой. Издалека доносились глухие раскаты грома, земля содрогалась, но толчки постепенно ослабевали, пока не прекратились вовсе. Тогда король убрал руку и огляделся.

Он стоял посреди знакомой пустыни, спекшийся песок которой закаменел под лучами нещадно палившего солнца и покрылся трещинами. Перед ним, на вершине небольшого холма,

на непомерно широком троне сидел Сиар-Та. На нем была все та же белая накидка, подпоясанная ремешком, но теперь грудь чародея украшали несколько филигранных золотых безделушек, а голову венчала усыпанная изумрудами трехглавая корона. Несколько слуг заботливо обмахивали волшебника опахалами из розовых перьев, а еще двое держали над троном навес из непроницаемой для солнечных лучей плотной ткани.

Ближе к Куллу, на склоне холма, расположилось молчаливое войско. В грозных шеренгах король видел воинов, чьи соплеменники храбро и честно воевали в составе валузийской армии. Плечом к плечу стояли крепкие горцы, всегда отличавшиеся в битвах нестигаемым упорством, лучники-лемурийцы, о непревзойденной меткости которых слагали легенды, наемники с диких островов Запада, прославившиеся врожденной ловкостью и хитроумными приемами рукопашного боя. Рядом с ними были и другие: светловолосые воины с высокими, почти в человеческий рост, щитами; круглолицые бородачи в коротких пестрых рубашках и широких белых шароварах, державшие наготове кривые мечи; чернокожие борцы, облаченные лишь в набедренные повязки, — с ними ранее атланту воевать не доводилось. Таким же разным, как само войско, было его вооружение. Объединяло воинов одно: все они свирепо смотрели на короля.

В напряженной тишине громко прозвучал насмешливый голос Сиар-Та:

— Ты пришел познать свое Неизвестное, глупый король? Ха, как легко заманить человека в ловушку! Люди — жалкие существа, они все отдадут, только открой им будущее. А хватит ли силенок? Твое Неизвестное перед тобой. Кто-то из этих воинов сегодня обязательно убьет великого Кулла, или как там тебя величают подхалимы? Слепцы! Они не знают, что такое подлинное величие. Конечно, ты могуч, как лев, и тверд, как скала. В битве многие падут от твоей руки. Но им на смену придут другие. Моих воинов нельзя сосчитать. Их бесконечно много. Ты будешь драться с утра до вечера, но рано или поздно пропустишь смертельный удар. Или, обессилев, просто упадешь, и сердце твое разорвется.

Сиар-Та довольно рассмеялся. Сбросив маску старика, он предстал перед королем в облике молодого негодяя. Жизненная сила колдуна хлестала через край, он чувствовал себя кошкой, которая играет с пойманной мышью, и беспрерывно хохотал. Рассчитывать на снисхождение не приходилось, да Кулл и не привык к этому. Он лишь плюнул в сторону холма и крикнул:

— Так-то ты ценишь гостеприимство? Я еще доберусь до тебя, поганец, и ты заплатишь за обман своей головой. Даже если их три, тебе не сдобровать. Клянусь всеми богами, я не жалею, что попал сюда. Я знал, что погибну с мечом в руках, и я не ошибался. Блажен познавший свое Неизвестное!

Сиар-Та продолжал смеяться. Происходящее забавляло его, он хотел растянуть удовольствие и старался довести короля до бешенства:

— Твои угрозы смешны. Не трать понапрасну силы на ругань: они тебе еще пригодятся. Помнишь, добренький старичок обещал всегда открывать выход из шатра? Никогда никому не верь. Отсюда нет выхода!

Усилия Сиар-Та оказались напрасными. Конечно, в груди Кулла kloкотал гнев, но лицо его оставалось бесстрастным. Король смотрел на своих врагов. То были закаленные в битвах воины, внушившие бы ужас и отчаяние любому, но только не Куллу. Грозен был их вид и могуча стать, холодная ненависть сверкала в глазах. Атлант понимал, что, возможно, это вообще не люди, а химеры, но как опытный полководец в глубине души восхищался ими. Он всегда мечтал о такой армии.

Тем временем Сиар-Та, изрыгая проклятия, сорвался на визг и в конце концов громко хлопнул в ладоши.

Кулл понял, что пробил его смертный час.

* * *

Из шеренги навстречу королю вышел крепко сложенный грондарец, выглядевший гораздо моложе Кулла. Он был вооружен длинным мечом и широким обоюдоострым тесаком, висевшим на поясе. На квадратном щите противника атлант разглядел полустертое изображение убитого им дракона. Остановившись шагах в десяти, воин

выставил вперед щит и дотронулся до него правой рукой с мечом, а затем приложил ее к груди: грондарец собирался отомстить атланту за смерть трехглавого чудовища. Однако юноша вел себя хладнокровно, ненависть не затуманила ему голову, а только удесятирила силы.

Первым ринулся вперед грондарец, обрушив на Кулла серию частых ударов. Не рассчитывая на быстрый успех, враг хотел просто отвести душу и парализовать волю короля неистовым натиском. Отражать бесхитростные удары было нетрудно. Тем не менее атланту пришлось отступить, столь яростным оказался напор противника. От соприкосновений смертоносной стали посыпались искры.

Поначалу королю показалось, что манера ведения боя противника однообразна, но он вскоре понял, что ошибается. С одинаковым мастерством грондарец наносил и прямые удары сверху, и боковые рассекающие, и позаимствованные у пиктов тычки снизу вверх. Пожалуй, единственным недостатком юноши была излишняя скованность при действиях щитом: молодой боец явно предпочитал для верности держать его поближе к телу.

Теперь Кулл перешел в наступление, вынудив врага защищаться. Бой разгорелся с новой силой, противники неистово рубили и кололи друг друга, но ни один не мог склонить чашу весов в свою сторону. Оба уже изрядно устали и даже получили раны, кровь на искаженных злобой лицах смешивалась с потом и

пылью, но из уст бойцов не вырвалось ни единого стога.

Улучив момент, Кулл внезапно прыгнул вперед и размашистым боковым ударом хотел пропороть левый бок противника. Тот успел подставить щит, но удар вышел настолько сильным, что рука юноши судорожно дернулась. Атлант мгновенно этим воспользовался: он угрожающе занес меч, но затем неожиданно толкнул противника щитом. Юноша свалился на землю, и ему пришлось лихорадочно отбиваться и уворачиваться от ударов нависшего над ним гиганта. Щит с силуэтом дракона вскоре разлетелся вдребезги, кольчуга разорвалась, из глубокой раны в боку уже не капала, а текла ручьем алая кровь.

Впервые за весь поединок издав дикий вопль, обезумевший от боли грондарец изловчился и тоже сбил атланта с ног. Отбросив мечи, бойцы железной хваткой вцепились друг в друга, стараясь подмять врага под себя, и юноше это удалось. Ослепленный ненавистью, он тяжелыми кулаками бил Кулла по лицу до тех пор, пока тот не выхватил висевший на поясе у грондарца тесак и не всадил его в грудь противника. Столкнув с себя бездыханное тело, король подобрал меч и встал на ноги.

* * *

Сиар-Та тут же напомнил о себе. Потешаясь, он долго аплодировал победе короля, а потом злобно изрек:

— Это было великолепно, Кулл. Жаль, что я не интересовался боями в пору, когда правитель Валузии был простым гладиатором. Наверное, женщины падали в обморок, а мужчины кусали губы от зависти, когда ты выходил на арену. Эх, почему ты не хочешь умереть в своей постели? Ты мне нравишься, и я бы тебе с удовольствием помог.

Шутка показалась колдуну настолько удачной, что он подпрыгнул на троне и надолго залился безудержным смехом.

— Ты сегодня какой-то смешливый, — прорычал Кулл. — Прямо как дитя малое. А теперь заткнись.

Король прицелился и что было силы метнул тесак грондарца в Сиар-Та. Зловеще сверкнув на солнце, клинок описал большую дугу и вонзился бы в чародея, не закрой хозяина грудью один из рабов. Верный слуга, не проронив ни звука, замертво рухнул к ногам повелителя.

Сиар-Та, даже не взглянув на труп своего спасителя, снова расхохотался:

— Упрямец! Я же говорил, береги силы, они у тебя кончаются...

В раскаленном воздухе вновь прозвучал громкий хлопок.

Теперь на бой с Куллом вышли сразу двое. Наибольшие опасения у короля вызвал светловолосый исполин, который нес перед собой, как пушинку, высокий узкий щит с прорезями в верхней части. Голову гиганта защищал шлем необычной формы: опущенная передняя часть

его наглухо закрывала лицо. К поясу помимо меча был прилажен боевой топор, а в правой руке могучий воин держал копье с удлиненным наконечником. Снаряжение второго противника удивило атланта. Рыжий бородач, ростом едва доходивший до плеча Кулла, крепко сжимал цепь из стальных колец, к концам которой были прикреплены утолщенные слитки железа. Правда, у этого коротышки за поясом также висел кинжал, зато не было ни щита, ни меча, ни шлема.

Подойдя поближе, воины разошлись и встали по разные стороны от короля. Кулл решил не церемониться и стянул с убитого им гронарца шлем, чтобы хоть как-то прикрыть голову. Меч своей жертвы он воткнул в землю. «Рыжий без щита не рискнет приближаться, — попробовал предугадать ход сражения атлант. — Он будет ждать, когда белообрый отвлечет меня, и набросится сзади».

Но, к изумлению Кулла, первым бросился на него именно невысокий воин. Крича что-то на незнакомом королю языке и вращая цепь над головой, он подбежал совсем близко к атланту. Только теперь Кулл сообразил, каким грозным оружием может стать в опытных руках обычная металлическая цепь. Мельком взглянув на светловолосого, который замер, прикрывшись щитом, и лишь направил копье в его сторону, король одним прыжком оказался рядом с коротышкой и обрушил меч на его голову. Однако бородач принял удар на растянутую цепь, а в

следующее мгновение свел руки и ловко выдернул меч из рук Кулла. В этот же миг король, нутром почувствовав опасность сзади, оглянулся. Прямо в него летело пущенное со страшной силой копье. Атлант успел прикрыться щитом, но он, хоть и заметно смягчил удар, все же раскололся на куски. Острый наконечник, проткнув кольчугу, соскользнул вниз и впился в тело между ребрами.

Взревев от ярости и нестерпимой боли, Кулл всем телом навалился на рыжеволосого и вмял его в песок. Кости врага захрустели, и это придало атланту новые силы. Отныне действия короля диктовались не логикой человека, а инстинктом загнанного в западню зверя. Высоко подняв над собой бесформенное тело поверженного противника, Кулл с восторженным воплем швырнул его под ноги светловолосому воину. Тот едва не споткнулся о труп и замешкался, что позволило атланту схватить лежавшие на песке меч и цепь. Вновь издав воинственный клич, король раскрутил цепь подобно праще и метнул ее во врага, а сам бросился вслед за ней. Однако светловолосый, умело прикрываясь щитом, успешно отразил все мощные удары Кулла.

Краем глаза король увидел, что с разных сторон к нему подкрадываются еще несколько воинов. Честный поединок превратился в неравный бой, но Кулла это только раззадорило. Первый из подкрадывавшихся совсем не ожидал, что атлант заметит его, и не успел даже опомниться, как тот, бросив светловолосого, нежиз-

данно оказался перед ним. Пару ударов бедолага кое-как отразил, но третий отсек ему руку мечом. Густым потоком хлынула кровь, и несчастный так и не понял, что случилось, когда король разможил ему голову. Затем Кулл вновь набросился на светловолосого, но не смог нанести ему ни одной серьезной раны.

Вскоре на песке появились еще два трупа: король беспощадно расправлялся с теми, кто не оставлял попыток заставить его врасплох. Однако и светловолосый воин, видя, как погибают его товарищи, начал наступать, по-прежнему упорно прикрываясь щитом. В бешенстве атлант схватил торчавший из песка меч грондарца и обеими руками принялся наносить беспорядочные, но мощные удары. Неприятель отчаянно сопротивлялся, однако на его щите появились первые трещины. Победа была близка.

Но в пылу борьбы Кулл не заметил, как за его спиной возник еще один, также вооруженный двумя кривыми мечами, воин, и тот успел дважды рубануть короля по голове. Первый удар разбил и сбросил наземь шлем, второй расколол череп. Сталь вошла в мозг, сознание рассыпалось на мириады частичек, каждая из которых была картинкой из далекого прошлого...

Над ним летали, тревожно перекликаясь, чайки. Еще выше сердитый ветер гнал по небу серые облака. На глаза падала черная тень от гигантской поросшей мхом скалы. Морские волны яростно набрасывались на каменистый берег и, шипя и оставляя пену, уползали обратно.

Мальчику было холодно и страшно. Он не помнил, как оказался здесь и почему лежит сейчас в прибрежном лесу, где вечно кишат хищные звери и враги его племени, не понимал, отчего у него жутко раскалывается голова, а каждое движение отдается резкой болью во всем теле. Ему хотелось плакать, но суровая жизнь давно отучила его от этой слабости.

Превозмогая боль, мальчик приподнял голову и прислушался к окружающим его шорохам. Он умел ориентироваться в многообразии лесных звуков, по хрустнувшей вдалеке ветке или по приглушенному топтанию легко определял, зверь или человек прячется в чаще. Сейчас как будто никакая опасность не подстерегала его, но мальчик все равно боялся. Его пугала неизвестность, и спрятаться от этого страха он мог только дома, в селении его племени, где всегда горел большой костер, где взрослые учили его ставить силки и метать дротики, вечером обязательно давали чашку с похлебкой, а в праздники пели с ним и радостно подкидывали малыша вверх, называя его при этом сыном Атлантиды.

Да! Теперь мальчик вспомнил, что он сын Атлантиды. Так называется земля, на которой он живет. И еще он вспомнил, как попал сюда и отчего так болит все тело: он сорвался со скалы. Мальчик часто забирался на самый ее верх, поджав ноги, садился под кустом орешника и долго-долго смотрел на море. Оно всегда было разным: то нежно и игриво ворковало под солнечными лучами, то сердито ревело и

пенилось, воюя с ветрами. Море тоже внушало страх. Всякий раз мальчик боялся, что на горизонте опять появятся корабли пиратов с черными парусами и начнется кровавая война. Еще он боялся, что однажды из морской пучины выплывет ужасное чудовище. А еще... Но это уже была другая опасность. Неведомая. Она не только страшила мальчика, она манила его к себе, звала куда-то вдаль, обещая чудо.

Сегодня он снова полез на скалу, оступился и упал на колючую траву. Надо было возвращаться домой, где все хорошо знакомо, где нет никаких опасностей. Стиснув зубы, чтобы не закричать от боли, мальчик пополз, цепляясь за каждую травинку, под удалявшийся шум набегавших на берег морских волн...

* * *

Атлант пришел в себя только после того, как на него вылили третий кувшин воды. Открыв глаза, он увидел над собой встревоженное лицо Брула. Рядом во главе с Ту стоял отряд Алых Стражей, а среди них — невозмутимый Сиар-Та.

Король обнаружил, что находится на городской площади, возле зеленого шатра, его плащ и кольчуга целы, а на теле нет ни единой царапины. Но все, что произошло с ним, он отчетливо помнил и воспринимал как реальность, а не как сон. Кулаки его все еще были сжаты, словно держали рукояти мечей, а пятки, до сих пор горели от долгой ходьбы по раскаленному песку.

— Брул, — простонал он, — что случилось? Я снова спал?

— И да, и нет, — покачал головой пикт, с тревогой глядя на повелителя. — Я нашел тебя внутри шатра. Ты кричал и дергался во сне, если, конечно, твою болезнь можно назвать сном.

— Болезнь? — поразился Кулл. — Я болен? Чем?

— Сумасшествием, — тихо, чтобы не услышали остальные, печально произнес Брул. — Мошенник вознамерился довести тебя до безумия. Я схватил его, и теперь мы узнаем, что он задумал. Пока же давай доберемся до дворца, и там ты отдохнешь под присмотром врачей.

— Я не сумасшедший, — замотал головой атлант. — Расскажи мне, что произошло, но только безо всяких домыслов и бредней.

Пикта обидели слова Кулла, но он решил, что правитель Валузии еще не вполне владеет собой. Вернувшись от Ка-Ну, Брул первым делом поинтересовался у стражи, спит ли король, и к своему ужасу узнал, что незадолго до его прихода тот в одиночку покинул дворец, не сказав никому ни слова. На всякий случай старший офицер Алых Стражей, превысив полномочия, отправил вдогонку двух солдат. Один вскоре вернулся и сообщил, что Кулл вошел в зеленый шатер, хозяин которого сейчас отдыхает во дворце. Приказав немедленно арестовать Сиар-Та и привести его к шатру, пикт стремглав помчался на площадь. В шатре он нашел лежавшего в забытии, но живого и невредимого короля и вынес его на свежий воздух. Тут по-

явились стражники, доставившие чародея, вскоре подошел разбуженный переполохом Ту.

— Что за глупость? — пробурчал Кулл, с помощью друга поднимаясь с земли. — С какой стати ты считаешь меня безумцем?

— Ты мог бы им стать по прихоти этого колдуна-проходимца, — сказал Брул, бросив взгляд на старика. — Напрасно ты зовешь его Сиар-Та. Он меняет имена так же легко, как обличья и одежду. Но нас с Ка-Ну не проведешь: на самом деле это Земрук, воспитанник черных магов, прохвост и плут, злодей, каких не видел еще белый свет.

И пикт подробно пересказал Куллу все, что накануне услышал от посла. На короля рассказ не произвел никакого впечатления, он лишь недоверчиво нахмурился:

— Откуда такие сведения?

— Ка-Ну почерпнул их из сказки, которую добыли его шпионы.

Кулл рассмеялся и спросил старшего из Алых Стражей:

— Старик сопротивлялся при аресте?

— Нет, не убегал и не сопротивлялся. Только недоумевал, зачем мы вытащили его из теплой постели.

Король повернулся к пикту:

— Ты уверяешь, что он умеет летать, проходить сквозь стены и растворяться в воздухе. Почему же он не использовал свои способности?

— Не знаю, — растерянно пожал плечами Брул. — Наверное, плетет какую-то сеть. Все-таки колдун...

Кулл подошел к Сиар-Та. Чародей, как всегда, был спокоен.

— Это серьезные обвинения. Что скажешь?

Их взгляды встретились. Необъяснимое волнение охватило атланта, и оба, не стовариваясь, одновременно произнесли:

— Каждому свое.

Король чувствовал, что стоявший перед ним человек может стать его большим другом и помощником: у мага было чему поучиться. Вспомнив негодяя из пустыни, он огорченно вздохнул:

— Там ты был совсем другим — ужасным злодеем.

— Твоя вина, — невозмутимо ответил Сиар-Та. — Нельзя входить в шатер без моего ведома. Это очень опасно. Ты мог погибнуть, я ведь не молился за тебя. Ты чересчур горяч и настойчив. Тебе не терпится узнать неизвестное, и ты хочешь опередить всех. Так можно голову потерять, поверь старику.

— Верю, — кивнул король. — Возвращайся во дворец. Тебя ждет роскошный завтрак.

Сбитый с толку Брул с подозрением прислушивался к разговору. Когда чародей удалился, он с негодованием воскликнул:

— Ты слепец, Кулл! Нельзя верить этому человеку. Он хочет получить власть над тобой и скоро добьется этого. Клянусь, я не спущу с него глаз, пока не выведу на чистую воду!

Король нахмурился и мрачно взглянул на пикта, но внезапно его настроение переменилось. На востоке, над багряной чертой горизонта появля-

лось солнце. Его лучи стремительно окрашивали небосвод в чарующие золотистые цвета. «Вот как,— подумлось Куллу,— я уже и забыл, что бывают рассветы. А ведь в самом начале жизни, совсем-совсем маленьким, любил вскарабкиваться на высоченную, до облаков, скалу и с трепещущим сердцем наблюдать, как поднимается вверх ослепительный желтый диск, обещая что-то неизвестное, но хорошее. А внизу тихо плескалось море, со всех сторон омывавшее Атлантиду...»

— Ту! — Король подозвал поближе главного советника.— наших послов обучают вранью?

И так не понимавший, что происходит, Ту вконец был озадачен неожиданным вопросом. Он замаялся и ответил почему-то шепотом:

— Нет. Послы Валузии всегда говорят правду.

— Вы что, с ума тут все посходили? — возмутился король.— Считаете меня безумцем, а сами... Одни читают сказки, другие рассказывают! Как же они тогда служат королевству, если врать не умеют?

— Это важный государственный секрет,— оглянувшись по сторонам, еле слышно произнес Ту.— Несколько поколений наших послов руководствуются мудрым указанием одного из своих предшественников: всегда говори правду, и тебе никто не поверит. А почему ты спрашиваешь об этом?

Кулл, улыбнувшись, обнял друзей за плечи:

— Скоро мне понадобятся хорошие послы.

СОДЕРЖАНИЕ

Морис Делез

КЛИНКИ ЛЕМУРИИ

Часть первая. Кровавый Дуур-Жад	7
Часть вторая. Охота за тенью	89
Часть третья. Возмездие	219

Джек Коннел

ПАРУСА ЗАКАТА

Паруса заката	323
Путь в неведомое	417

Литературно-художественное издание

КУЛЛ И КЛИНКИ ЛЕМУРИИ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художник *Владислав Асадуллин*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Верстка *Корнея Дамаскинского*
Корректор *Алла Борисенкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.05.98.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 7000 экз. Заказ 619.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •

**ЧИТАЙТЕ
дилогию
«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»**

том 49
«Конан и подземный огонь»
том 50
«Конан и мятеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборнию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

Северо-Запад®

fantasy

**Издательство «Северо-Запад»
представляет серию
«fantasy»**

Каждая новая книга этой серии —
волшебное полотно, на котором
чудесными нитями мифов выткано
повествование о борьбе с силами
Хаоса и Тьмы.

В серии «fantasy» вышли книги:

С. Ланье «Иеро не забыт»
Т. Сванн «День Минотавра»
М. Муркок «Город в осенних звездах»
Б. Ламли «Воин древнего мира»
М. Лэки «Герольды Валдемара»

Впервые в России!
Трилогия популярной
американской писательницы
МЕРСЕДЕС ЛЭКИ

**• ГЕРОЛЬДЫ •
ВАЛДЕМАРА**

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ
МАЙКЛА МУРКОКА
**"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"**
в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

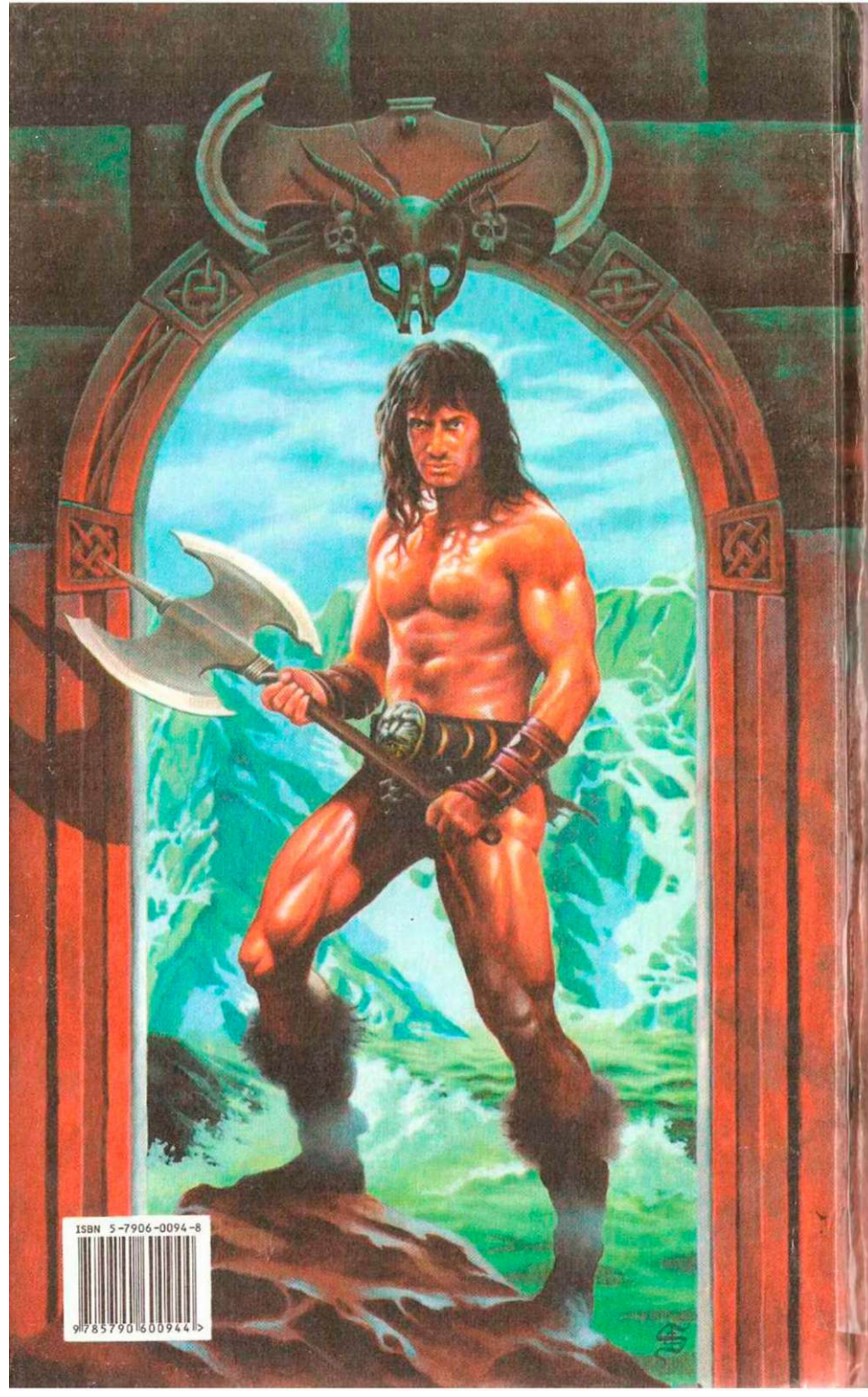
г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:

107140, г. Москва, а/я 140

ISBN 5-7906-0094-8

9 785790 600944 >